

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

СЪВЕРНЫЙ
ВѢСТНИКЪ

1898.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

Августъ—Сентябрь №. 8—9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Сжоропечатня А. Н. Цѣпова, Елминскій просп., д. № 21.

1898.

СОДЕРЖАНИЕ

№№ 8 и 9 „Сѣвернаго Вѣстника“ 1898 г.

СТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЫ . . . . . Стр. 1

Отдѣль I.

I. НОЧИ БЕЗУМНЫЯ. Разсказъ Н. Салова.	1
II. О ПРОЕКТАХЪ ВѣЧНАГО МИРА. Присл. Пов. Л. К.	21
III. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ. М. Лохвицкой.	40
IV. ИЗЪ ЖИЗНИ ГРАФА Л. ТОЛСТОГО. П. Сергѣенко	42
V. МОЛЧАНІЕ. Мориса Метерлинка. (Изъ книги «Le trésor des humbles»).	
Переводъ съ франц. Л. Юревой.	74
VI. ГРАНИЦЫ И ОБЛАСТЬ БІОЛОГІИ. В. Вагнера	80
VII. СТИХОТВОРЕНІЕ. Вершины бѣлыхъ горъ. К. Бальмонта.	90
VIII. ВЪ ОТСТАВКУ (Окончаніе). Разсказъ Евгенія Чирикова.	91
XI. ДАМА ВЪ БѢЛОМЪ. Разсказъ Анатолія Франса. Перев. съ франц.	
С. Мочанъ.	109
X. ЗАДАЧИ СЦЕНИЧЕСКАГО ИСКУССТВА. Очерки изъ исторіи русской сцены. В. Шенрока.	115
XI. КРЕСТОНОСЦЫ (Продолженіе). Историч. романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго Нат. Арабажиной.	140
XII. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.—Петербургскіе театры. А. Волинскаго.	156
XIII. ПРИЛОЖЕНІЕ. Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи. Соціально-философское изслѣдованіе проф. Рудольфа Штаммлера. Переводъ съ нѣмецкаго.	257

Отдѣль II.

XIV. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЬ:	
I.—Тайны Польска. Васъ-Бруса	182
II.—Кіевскіе переселенцы и переселенческое дѣло въ Ферганской области. Пт—на	188
III.—Вольные хлѣбопашцы. Д. Федорова.	198
IV.—Съ береговъ Енисея. Ф. Филимонова.	204
XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Недородъ.—Постановка продовольственнаго дѣла.—Мнѣніе г. Антоновича и его проектъ.—Проектъ священника Блинова.—Г. Медвѣдскій о «Моск. Вѣд.».—Приходъ, какъ мелкая земская единица.—Народное образованіе по даннымъ министерства народнаго просвѣщенія.—Отвѣтъ лифляндскаго суперъ-интендента на отчетъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода.	212
XVI. ПИСЬМО ИЗЪ ВѢНЫ. З—да.	226
XVII. КРИТИКА И БІОБІОГРАФІЯ: I. К. Бальмонтъ. Тишина. Лирическія поэмь.—II. М. А. Лохвицкая (Жиберъ). Стихотворенія 1894—98 г.—III. З. Н. Гиппіусъ (Мережковская). Зеркала.—IV. Миръ искусства.—V. Независимый. Этика обыденной жизни. А. Волинскаго.	235
XIII. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Разговоръ г. Суворина съ «знатыми» иностранцами о дѣлѣ Дрейфуса.—Жалобы г. Медвѣдскаго на г. Грингмута.	251
XIX. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ. Забытый поэтъ В. Бѣлевича	260
XX. Объявленія.	

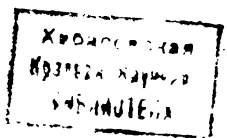
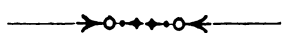
55
С. 28.

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

АВГУСТЪ—СЕНТЯБРЬ, №№ 8—9.

С.-Петербургъ.
Скоропечатня А. Н. Цѣпова. Клинскій просп., № 21.
1898.

563667.

СОДЕРЖАНІЕ

№№ 8 и 9 „Сѣвернаго Вѣстника“ 1898 г.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЫ I

Отдѣлъ I.

I. НОЧИ БЕЗУМНЫЯ. Разсказъ Н. Салова.	1
II. О ПРОЕКТАХЪ ВѢЧНАГО МИРА. Прис. Пов. Л. К.	21
III. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ. М. Лохвицкой.	40
IV. ИЗЪ ЖИЗНИ ГРАФА Л. ТОЛСТОГО. П. Сергѣенко	42
V. МОЛЧАНІЕ. Мориса Метерлинка. (Изъ книги «Le trésor des humbles»).	
Переводъ съ франц. Л. Юрьевой.	74
VI. ГРАНИЦЫ И ОБЛАСТЬ БІОЛОГІИ. В. Вагнера	80
VII. СТИХОТВОРЕНІЕ. Вершины бѣлыхъ горъ. К. Бальмонта.	90
VIII. ВЪ ОТСТАВКУ (Окончаніе). Разсказъ Евгенія Чирикова.	91
XI. ДАМА ВЪ БѢЛОМЪ. Разсказъ Анатоля Франса. Перев. съ франц. С. Мочанъ.	109
X. ЗАДАЧИ СЦЕНИЧЕСКАГО ИСКУССТВА. Очерки изъ исторіи русской сцены. В. Шенрока.	115
XI. КРЕСТОНОСЦЫ (Продолженіе). Историч. романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго Нат. Арабажиной.	140
XII. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.—Петербургскіе театры. А. Волинскаго.	156
XIII. ПРИЛОЖЕНІЕ. Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи. Соціально-философское изслѣдованіе проф. Рудольфа Штаммлера. Переводъ съ нѣмецкаго.	257

Отдѣлъ II.

XIV. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ:

I.—Тайны Полѣся. Васъ-Бруса	182
II.—Кіевскіе переселенцы и переселенческое дѣло въ Ферганской области. Пт—на	188
III.—Вольные хлѣбопашцы. Д. Федорова.	198
IV.—Съ береговъ Енисея. Ф. Филимонова.	204
XV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Недородъ.—Постановка продовольственнаго дѣла.—Мнѣніе г. Антоновича и его проектъ.—Проектъ священника Блинова. — Г. Медвѣдскій о «Моск. Вѣд.».—Приходъ, какъ мелкая земская единица.—Народное образованіе по даннымъ министерства народнаго просвѣщенія. — Отвѣтъ лифляндскаго суперъ-интендента на отчетъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода.	212
XVI. ПИСЬМО ИЗЪ ВѢНЫ. 3—да.	226
XVII. КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ: I. К. Бальмонтъ. Тишина. Лирическія поэмы.—II. М. А. Лохвицкая (Жиберъ). Стихотворенія 1896—98 г.—III. З. Н. Гиппиусъ (Мережковская). Зеркала. — IV. Миръ Искусства.—V. Независимый. Этика обыденной жизни. А. Волинскаго.	235
XVIII. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Разговоръ г. Суворина съ «знатными» иностранцами о дѣлѣ Дрейфуса.—Жалобы г. Медвѣдскаго на г. Грингмута.	251
XIX. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ. Забытый поэтъ В. Бѣлевича	260
XX. Объявленія.	

Открыта подписка на 1899 годъ (10-й годъ изданія)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“

Въ теченіе 1898 года въ „Русской Школѣ“ напечатаны были, между прочимъ слѣд. статьи: 1) Ч. А. Вышнеградскій въ женскихъ гимназіяхъ. Е. О. Лихачевой; 2) Правоучительная и педагогическая литература въ Россіи XVIII в. М. И. Демкова; 3) Воспоминанія о третьей Спб. гимназій. К. К. Сентъ-Илера; 4) Бѣлинскій, какъ педагогъ. С. Ашевскаго; 5) Бѣлинскій о дѣтскихъ книгахъ. А. П. Налимова; 6) А. Н. Майковъ и педагогическое значеніе его поэзіи. И. Э. Анненскаго; 7) Къ вопросу о переутомленіи учащихся въ среднее учебныя заведенія. А. С. Виреніуса; 8) Гигіена, какъ общеобразовательный предметъ преподаванія М. С. Уварова; 9) О природѣ дѣтей. П. Э. Калтерева; 10) Два враждебныхъ взгляда въ области нравственнаго воспитанія. Л. Е. Оболенскаго; 11) Мысли о воспитаніи и обученіи. К. П. Яновскаго; 12) Индивидуализація, какъ основа образованія Э. С. Матвѣева; 13) Забытый вопросъ. В. П. Вахтерова; 14) Психологія перваго дѣтства. Проф. Трэси. Перев. съ англ. П. Г. Мижужева; 15) Значеніе физическаго образованія въ семьѣ и школѣ. Проф. П. С. Лесафта; 16) О значеніи реальнаго образованія. Н. А. Кричагина; 17) Къ вопросу о высшемъ техническомъ образованіи. Проф. Д. С. Зернова; 18) Къ вопросу о реформѣ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Л. Загорскаго; 19) Къ вопросу о новыхъ программахъ курса городскихъ училищъ. А. Козьменкова; 20) Еще къ вопросу о предполагаемыхъ измѣненіяхъ въ программахъ городскихъ училищъ. М. Васильева; 21) Организация городскихъ по Положенію 1872 года училищъ. С. Дмитріева; 22) О всеобщемъ обученіи. И. П. Вѣлоконскаго; 23) Къ вопросу о надзорѣ за начальными народными образованіемъ. А. М. Тютрюмова; 24) Письма о народной школѣ. М. Н. Ларионова; 25) Первые воскресныя школы въ Россіи. Я. В. Абрамова; 26) В. Я. Стоюнинъ и воскресныя школы. Н. Э. Арешева; 27) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній за 1897 годъ. И. П. Вѣлоконскаго; 28) Противники и защитники древнихъ языковъ и желательная постановка ихъ въ нашихъ гимназіяхъ. К. Житомирскаго; 29) О постановкѣ преподаванія русскаго языка и словесности въ женскихъ гимназіяхъ. П. Селиванова; 30) Къ вопросу о преподаваніи русскаго языка въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. С. А. Вобровскаго; 31) Нѣсколько словъ о преподаваніи отечественной географіи въ средней школѣ. А. Э. Соколова; 32) Возвращенія Проф. Габера на преподаваніе зоологіи въ средней школѣ. П. Фрейберга; 33) Критика и библіографія (болѣе ста рецензій); 34) Педагогическая хроника: а) Изъ хроники народнаго образованія въ Зап. Европѣ. Е. Р. б) Хроника народнаго образованія. Я. В. Абрамова; в) Хроника народныхъ библіотекъ. Его-же; г) Хроника воскресныхъ школъ. Подъ редакціей Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой; д) Санитарная хроника народныхъ школъ. Д-ра Г. М. Герценштейна; е) Хроника профессиональнаго образованія В. В. Бирюковича; и другія статьи и замѣтки по различнымъ педагогическимъ вопросамъ.

Журналъ „Русская Школа“ въ 1899 году будетъ выходить ежемѣсячно книжками не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Вслѣдствіе увеличенія объема книжекъ подписная цѣна увеличена на одинъ рубль. Подписная цѣна въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб.; съ доставкою 7 руб. 50 к.; для иногороднихъ съ пересылкою—восемь руб.; за границу—девять руб. въ годъ. Но сельскіе учителя, высылающие журналъ за свой счетъ, могутъ по прежнему получать журналъ за шесть руб. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, высылающие не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул. 1. гимназія Гуревича) и въ кн. магаз. „Новаго Времени“ и Карбасникова. Журналъ „Русская школа“ за 1896 и 1897 годы одобренъ Учебнымъ Комитетомъ Министерства Народ. Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ средне-учебныхъ заведеній, а также для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1) Правит. распоряженія; 2) Статьи по всеобщей исторіи педагогикѣ; 3) Статьи по исторіи русской школы; 4) Статьи о состояніи народнаго образованія въ Зап. Европѣ; 5) Школьныя воспоминанія; 6) Школьная гигиена; 7) Педагогическая психологія; 8) Наблюденія надъ жизнью дѣтей въ ихъ раннемъ и отроческомъ возрастѣ; 9) Дидактика и методика элементарнаго и систематическаго преподаванія; 10) Училищесвѣдѣніе; 11) Постановка учебнаго дѣла въ элементарной и средней школѣ; 12) Педагогическія письма; 13) Статьи по вопросамъ профессиональнаго образованія; 14) Статьи по вопросамъ женскаго образованія; 15) Статьи по вопросамъ народнаго образованія; 16) Обзоръ дѣятельности земства по народному образованію; 17) Критика и бібліографія: а) Руководства по педагогикѣ и методикѣ; б) Руководства и пособия для элементарной народной школы; в) Книги для дѣтскаго и народнаго чтенія; 18) Педагогическая хроника: а) Изъ хроники нар. образованія въ Зап. Европѣ; б) Хроника народнаго образованія и народныхъ бібліотекъ; в) Хроника воскресныхъ школъ; д) Санитарная хроника народныхъ школъ; е) Хроника профес. образованія; ф) Отчеты о засѣданіяхъ педагогическихъ собраній; г) Свѣдѣнія изъ школьной статистики и т. д.; 19) Разныя извѣстія и сообщенія; 20) Объявленія.

Въ „Русской Школѣ“ принимаютъ участіе слѣд. лица: Я. В. Абрамовъ, Х. Д. Алчевская, А. И. Анастасіевъ, М. А. Андреяновъ, И. О. Анненскій, М. А. Антоновичъ, Н. О. Арепьевъ, Ц. Б. Балталонъ, В. Л. Бернштаммъ, В. В. Бирюковичъ, С. А. Бобровскій, А. В. Бѣлецкій, И. П. Бѣлоконскій, проф. Д. О. Бѣляевъ, проф. Н. И. Быстровъ, проф. Н. П. Вагнеръ, В. П. Вахтеревъ, П. И. Вейнбергъ, проф. А. Д. Вейсманъ, Н. Х. Вессель, А. С. Виреніусъ, Е. М. Гаршинъ, В. П. Геннингъ, М. Ю. Гольштейнъ, В. В. Гориневскій, Я. Г. Гуревичъ, Н. Г. Дебольскій, В. В. Левель, М. И. Демковъ, А. А. Дмитревскій, И. И. Евсѣевъ, К. В. Ельницкій, П. В. Засодимскій, К. А. Ивановъ, проф. Д. Н. Кайгородовъ, А. М. Калмыкова, П. О. Кантеревъ, проф. Н. И. Карѣевъ, В. А. Келтуяла, проф. А. И. Кирпичниковъ, Е. П. Ковалевскій, Д. А. Коробчевскій, А. А. Красевъ, проф. Ю. А. Кулаковскій, проф. Н. Н. Ланге, В. А. Латышевъ, проф. П. ф. Лесгафтъ, І. Э. Мендельштаммъ, О. С. Матвѣевъ, И. И. Мещерскій, П. Г. Мижуевъ, К. Н. Модзалевскій, проф. В. И. Модестовъ, Я. Г. Моръ, Л. Е. Оболенскій, Н. О. Оденцовъ, С. А. Острогорскій, А. Я. Рогова, В. Л. Розенбергъ, Н. А. Рубакинъ, Я. И. Рудневъ, М. Н. Салтыкова, Д. Д. Семеновъ, А. С. Симоновичъ, К. К. Сентъ-Илеръ, А. О. Соколовъ, Е. А. Соловьевъ, К. М. Станюковичъ, А. Н. Страннолюбскій, П. Б. Струве, проф. А. С. Травчевскій, Н. В. Тулузовъ, А. М. Тютрюмовъ, В. И. Фармаковский, К. Ю. Цируль, В. В. Часовниковъ, Д-ръ В. Ф. Якубовичъ, С. И. Шохоръ-Троцкій, А. Н. Шукаревъ, К. П. Яновскій, и нѣкоторые другіе.

Редакторъ-Издатель **Я. Г. ГУРЕВИЧЪ.**

Продаются во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ

слѣдующія изданія ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

1) Мысли о воспитаніи. *Джона Локка.* Переводъ съ англійскаго Петра Вейнберга. 1891 г. Цѣна 1 руб. 2) Душа ребенка въ первые годы жизни. Двѣ публичныхъ лекціи приватъ-доцента *И. И. Ланге.* 1892 г. Цѣна 40 коп. 3) Цѣль и средства преподаванія низшей математики съ точки зрѣнія общаго образованія. *С. И. Шохоръ-Троцкаго.* 1892 г. Цѣна 60 коп. 4) Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. *И. Г. Мижуева.* Цѣна 50 коп. 5) Вопросъ объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіе императора Николая I-го. *А. В. Бѣлецкаго.* Цѣна 1 руб. 6) Обязательный минимумъ образованія. *М. Л. Песковскаго.* Спб. 1865 г. Цѣна 80 коп. 7) Очеркъ развитія и современнаго состоянія народнаго образованія въ Англии. *И. Г. Мижуева.* 1896 г. Цѣна 30 коп. 8) Народныя чтенія. (Руководство къ устройствѣ народныхъ чтеній) *В. П. Вахтерева.* 1897 г. Цѣна 1 руб. 9) Способъ обученія сліянію звуковъ при обученіи грамотѣ. *В. Флерова.* 1867 г. Цѣна 25 коп. 10) Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣтели. *И. О. Кантерева.* 1898 г. Цѣна 80 коп. 11) Очерки развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи. *И. Г. Мижуева.* 1898 г. Цѣна 80 коп.

AP 50
S 57
1898:8-9

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЫ.

Выпуская въ свѣтъ эту небольшую книгу „Сѣвернаго Вѣстника“, на которой только ради удобства библіотекъ значится двойной номеръ, я должна объясниться съ гг. подписчиками журнала. Съ іюльскаго номера выпускъ книжекъ журнала былъ пріостановленъ. Въ контору редакціи поступило за это время много запросовъ по этому поводу, но только теперь, послѣ окончательнаго выясненія моихъ дѣлъ и положенія журнала, я имѣю возможность представить въ отвѣтъ на нихъ это полное и совершенно искреннее заявленіе.

Семь лѣтъ тому назадъ, въ 1891 г., я взяла на себя изданіе „Сѣвернаго Вѣстника“ при весьма неблагоприятныхъ условіяхъ: журналъ перешелъ ко мнѣ съ долгомъ, значительно превышавшимъ мои наличныя средства, и при подпискѣ, которая покрывала лишь немногимъ болѣе, чѣмъ половину годовой расходной смѣты. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ вслѣдъ за тѣмъ подписка возрастала. Хотя въ два первые года приростъ ея былъ незначителенъ, такъ что за это время лежавшій на мнѣ долгъ сильно увеличился, все-же, при болѣе экономной смѣтѣ, которая облегчалась безкорыстнымъ отношеніемъ къ дѣлу ближайшихъ участниковъ редакціи, я не теряла надежды упрочить положеніе журнала. Эта надежда, укрѣпившаяся въ послѣдующіе годы, когда приростъ подписки сталъ значительнымъ, давала мнѣ смѣлость и силу въ борьбѣ съ постоянными денежными затрудненіями, которыя неизбежны при веденіи большаго дѣла въ долгъ, при многочисленныхъ вексельныхъ обязательствахъ, подъ угрозой, что первая невольная просрочка въ платежѣ разстроитъ всѣ кредиты. Максимальная высота подписки, которой достигалъ „Сѣверный Вѣстникъ“, равнялась 4254 платнымъ экземплярамъ, что составляетъ приходъ, покрывающій скромную смѣту журнала, но что однако не давало мнѣ возможности уменьшить долги, съ нарастающими на нихъ процентами.

Въ 1896 году, со второй его половины, журналъ по обстоя-

тельствамъ, независящимъ отъ издателя и редакціи, былъ поставленъ въ исключительно тяжелыя условія. При этихъ обстоятельствахъ не было возможности не только улучшать дѣло, но и вести его по прежнему. Первые книжки 1897 г. были даже задержаны въ своевременномъ выпускѣ. Эти обстоятельства замѣтно отразились на подпискѣ, которая сразу понизилась болѣе чѣмъ на 25%, и хотя въ маѣ того же 1897 г. журналъ былъ освобожденъ, съ разрѣшенія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ предварительной цензуры, что облегчило веденіе дѣла въ редакціонномъ отношеніи, но паденіе подписки, заканчивающейся всегда въ зимнемъ сезонѣ, совершенно запутало мои издательскія дѣла. Пришлось еще болѣе сократить смѣту, что не могло, конечно, выгодно отразиться на составѣ книжекъ и дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Къ началу истекающаго 1898 г. долги мои, за семь лѣтъ изданія, возросли до ста сорока трехъ тысячъ, оплата гонораровъ производилась неаккуратно, платежи по вексельнымъ обязательствамъ стали болѣе чѣмъ затруднительными. Эти вексельныя обязательства поглотили къ марту настоящаго года всю сумму, полученную отъ подписки 1898 года. И дальнѣйшая борьба стала невозможною. Я вынуждена была прекратить платежи и направить всѣ усилія къ тому, чтобы не остаться въ долгу, по крайней мѣрѣ, передъ подписчиками. Приходъ, полученный отъ 2273 платныхъ подписчиковъ настоящаго года, окупилъ бы не болѣе семи книжекъ журнала, но и его, какъ уже сказано, не было въ моемъ распоряженіи. Книжки, изданныя мною съ марта мѣсяца, потребовали изысканія новыхъ постороннихъ средствъ, возмѣщающихъ подписныя деньги. Теперь я имѣю возможность, для заключенія подписнаго года, издать только настоящую небольшую книжку и еще одну, которая выйдетъ, съ обозначеніемъ №№ 10—12, приблизительно черезъ мѣсяцъ. Это дастъ мнѣ нѣкоторое нравственное утѣшеніе при мысли о невыполненныхъ обязательствахъ по отношенію къ подписчикамъ: затрата, сдѣланная на изданіе книжекъ этого года, во всякомъ случаѣ не менѣе суммы, полученной мною отъ подписки. Что касается дальнѣйшаго веденія дѣла, то при всѣхъ изложенныхъ данныхъ, съ ихъ безчисленными, крайне тяжелыми жизненными осложненіями, я не имѣла возможности обновить дѣло привлеченіемъ къ нему новыхъ денежныхъ средствъ,—какъ я надѣялась и пыталась сдѣлать до самаго послѣдняго времени, и, потому я должна прекратить изданіе „Сѣвернаго Вѣстника“. Подписка на 1899 г., въ виду этого, *не принимается*, и денежные пакеты съ подпискою на но-

III.

вый годъ, не берутся конторою съ почты, которая и возвратитъ ихъ отправителямъ.

Печатаая это сообщеніе, которое является въ то же время и отвѣтомъ на поступающіе ко мнѣ съ разныхъ сторонъ запросы и требованія, я хотѣла бы надѣяться, что нѣкоторыя изъ изложенныхъ здѣсь обстоятельствъ хоть въ какой-нибудь степени извинятъ меня въ глазахъ многихъ лицъ, интересы которыхъ пострадали въ этомъ дѣлѣ. Журналъ представлялъ для меня чисто литературный, идейный интересъ, что не всегда бываетъ совмѣстимо съ популярностью изданія,—тѣмъ больше прекратить его, сознавая себя неоплатнымъ должникомъ лицъ, оказавшихъ ему въ той или другой формѣ сочувствіе и поддержку.

17 декабря 1898 года.

Л. Гуревичъ.

въ церковной оградѣ подъ тѣнью развѣсистыхъ березъ и липъ. Тяжелыя мраморныя плиты извѣщали о чинахъ и заслугахъ почившихъ, но все-таки, въ концѣ концовъ, всѣми забытыхъ.

Въ числѣ купившихъ княжескія земли былъ и надворный совѣтникъ Александръ Степановичъ Иншаковъ. Откуда явился этотъ Иншаковъ, какимъ путемъ дослужился до надворныхъ совѣтниковъ, никто не вѣдалъ и вѣдать не желалъ. Было извѣстно только, что купилъ онъ съ чѣмъ то двѣ тысячи десятинъ, что онъ былъ холостъ, бездѣтенъ—и только. Господинъ Иншаковъ безвыѣздно жилъ въ своемъ имѣніи въ небольшомъ деревянномъ пятиконномъ домикѣ, имъ самимъ построенномъ верстахъ въ двухъ-трехъ отъ села Свиридова, и усердно занимался хозяйствомъ.

Это былъ старикъ лѣтъ пятидесяти съ хвостикомъ, но продолжавшій еще пошаливать и поигрывать съ сельскими красавицами. Однако это несколько не мѣшало ему быть примѣрнымъ хозяиномъ и вести самый скромный и уединенный образъ жизни. Онъ посѣщалъ сосѣдей только въ экстренныхъ случаяхъ, какъ то: въ храмовые праздники, въ именины, крестины и т. п., остальное же время онъ сидѣлъ въ своемъ пятиконномъ домикѣ и занимался хизяйствомъ. Онъ развелъ у себя превосходный фруктовый садъ передъ самымъ домомъ, построилъ водяную мельницу съ сукновальней, развелъ коровъ, овецъ и ежегодно часть своихъ доходовъ вкладывалъ въ мѣстный городской банкъ; словомъ—Иншаковъ жилъ себѣ тихохонько, смирнехонько, не фантазировалъ, не либеральничалъ, любилъ покушать, поспать, а вечернею зарею поудить рыбку и пострѣлять бекашиковъ.

Такому человѣку, кажись, и умирать бы не слѣдовало: никого онъ не обижалъ и не беспокоилъ, всѣмъ былъ доволенъ, а все-таки, въ концѣ концовъ, обкушавшись поросенка съ кашей, взялъ да и умеръ, завѣщавъ все свое благопріобрѣтенное имѣніе одному изъ своихъ племянниковъ, Ардальону Васильевичу Карабанову, котораго никогда не видалъ въ глаза, а зналъ только по портрету, присланному ему сестрой въ день ангела. При портретѣ этомъ было письмо, начинавшееся слѣдующими словами: «Милый и дорогой братецъ Александръ Степановичъ, хотя мы съ Вами, по волѣ неумолимаго рока, заброшенные въ отдаленные одинъ отъ другого концы свѣта, давно не видались и не переписывались, но я все-таки сохранила въ глубинѣ своего сердца тѣ теплыя чувства, которыя называются узами братской любви». Вслѣдствіе этихъ то узъ она и презентовала брату раскрашенный фотографическій портретъ сына въ гусарскомъ мундартѣ. Необходимо замѣтить, что «неумолимый рокъ», о которомъ упоминалось въ письмѣ, заключался въ томъ, что сестра Иншакова, будучи шестнадцати-семнадцати лѣтъ, тайно бѣжала изъ отчужаго дома съ какимъ то трагикомъ, которымъ плѣнилась въ роли Гамлета.

Гамлетъ этотъ, развѣзжавшій по Россіи въ качествѣ гастролера, про-

жилъ съ молоденькой дѣвушкой года два-три, подарилъ ей ребенка—теперешняго гусара—и затѣмъ, не долго думая, бросилъ и ее и ребенка безъ куска хлѣба.

Трудно сказать, что ожидало бы эту злосчастную жертву «неумолимаго рока», если бы на ея счастье не подвернулся отставной генераль-маіоръ Карабановъ, по уши въ нее влюбившійся, женившійся на ней и немедленно усыновившій «плодъ любви несчастной».

Наслѣдникъ Иншакова въ доставшемся ему имѣніи не только не жилъ, но даже и былъ то въ немъ всего одинъ разъ, а именно тогда, когда пріѣзжалъ вводиться во владѣніе. Пріѣхалъ онъ неожиданно-негаданно на почтовой тройкѣ въ сопровожденіи породистаго понтера Оскара, приказалъ отпереть домъ, не отпиравшійся со дня похоронъ Александра Степановича и, поселившись въ немъ, торопливо принялся за дѣло. Отслуживъ на скоро панихиду на могилѣ дяди и сдѣлавъ выговоръ садовнику, что могила эта до сихъ поръ не засажена цвѣтами, онъ съ тѣмъ же понтеромъ поскакалъ въ городъ хлопотать о вводѣ, а когда вводъ былъ совершенъ, началъ распродавать весь инвентарь—всѣхъ овецъ, коровъ, лошадей, а распродавъ все это, уволилъ всѣхъ служащихъ, оставивъ только стараго камердинера дяди, Филиппа Агафоныча, да столь же стараго садовника, Федора Иваныча; затѣмъ, сдавъ за довольно приличную цѣну свиридовскимъ крестьянамъ землю въ аренду, поручилъ получать эту аренду Филиппу Агафонычу, ему же поручилъ смотрѣть за усадьбой, содержать домъ въ чистотѣ и опрятности и помнить, что онъ, Ардальонъ Васильевичъ, можетъ пріѣхать неожиданно-негаданно и что въ случаѣ, ежели домъ окажется въ безпорядкѣ, онъ строго взыщетъ. Точно такое же внушеніе онъ сдѣлалъ садовнику, поручивъ послѣднему беречь и ухаживать за садомъ; сбѣгалъ съ своимъ понтеромъ раза два на охоту, а затѣмъ сѣлъ въ тарантасъ, распростился съ провожавшими его Филиппомъ Агафонычемъ и Федоромъ Иванычемъ, свиснулъ понтеру, который тотчасъ же прыгнулъ въ тарантасъ и усѣлся рядомъ съ барининомъ, крикнулъ ямщику «пошелъ!»—и былъ таковъ.

Съ той поры Ардальонъ Васильевичъ въ село Свиридово не заглядывалъ. Да и зачѣмъ ему было заглядывать туда, коль скоро аренду получалъ онъ исправно и своевременно, а деревенская жизнь была не по душѣ.

II.

Такъ прошло года два-три. Филиппъ Агафонычъ усердно протиралъ въ домѣ оконныя стекла, мелъ полы, обметалъ со стѣнъ паутину и каждую субботу выбивалъ мебель, а садовникъ Федоръ Иванычъ столь же усердно мотыжилъ яблони, обиралъ съ нихъ червей и подпушивалъ малину и смо-

родину... Однако день проходилъ за днемъ, а Ардальонъ Васильевичъ и глазъ не показывалъ.

— Что за чортъ!—ворчали старики:—когда же это онъ заявится!

Въ усадьбѣ Ардальона Васильевича я бывалъ очень часто: мнѣ очень нравился этотъ пятиконный домикъ, отъ времени потемнѣвшій, крытый черепицей, съ балкончикомъ, выходившимъ въ садъ, нравились уютныя маленькія комнаты домика, смотрѣвшія какъ то особенно весело и привѣтливо, а также и вся усадьба, состоявшая изъ двухъ флигелей и нѣсколькихъ необходимыхъ службъ. Посреди обширнаго двора, поросшаго муравой, возвышался колодезь съ колесомъ и мотавшейся на немъ бадьей, возлѣ амбара метался громадный цѣпной песъ, а кругомъ носились стаи голубой и воробьевъ.

Усадьба эта была отъ меня верстахъ въ двухъ и на той же самой рѣкѣ Свиридѣ, на берегу которой жилъ и я. Рѣка эта, причудливыми изгибами извинаясь по лугамъ, покрытымъ словно бархатнымъ ковромъ, зеленой травой и пестрыми полевыми цвѣтами, невольно бросалась въ глаза своей изящной простотой. Лицомъ усадьба была обращена къ рѣкѣ такъ, что съ балкончика можно было видѣть и луга, и извивы рѣки, а тыломъ прислонялась къ березовому лѣсу, изобиловавшему всевозможными пернатыми птицами,—словомъ, усадьба эта смотрѣла такъ привѣтливо и уютно, что невольно манила къ себѣ.

Съ Филиппомъ Агафоновичемъ я былъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Я часто заходилъ къ нему, а онъ ко мнѣ. Мы вмѣстѣ удили рыбу, вмѣстѣ варили уху на берегу рѣки, а затѣмъ распивали чай. Это былъ старикъ лѣтъ семидесяти, средняго роста, худенькій, но до крайности живой и энергичный. Онъ всегда былъ тщательно выбритъ, умытъ, причесанъ, прилично одѣтъ и отличался щепетильной вѣжливостью, словомъ, это былъ типъ стараго барскаго слуги, споконъ вѣка пребывавшаго въ барскомъ домѣ. Когда то онъ былъ музыкантомъ, когда то игралъ на скрипкѣ, когда то участвовалъ на домашнихъ господскихъ спектакляхъ и, по его словамъ, не безъ успѣха изображалъ роли пети-метровъ.

— Да,—говаривалъ онъ, вздыхая,—въ старину не такъ жилось, какъ теперь... Да и люди то, сударь, совсѣмъ были иные, не такіе, какъ нынѣшніе... Нынче вѣдь нахалы пошли!

Скрипку онъ не покидалъ и до сихъ поръ, иногда любилъ поиграть на ней по вечерамъ. Это была та самая скрипка, на которой игралъ онъ, будучи еще въ оркестрѣ стараго князя и которую берегъ пуще глаза.

Чуть, бывало, взгруснется ему, онъ тотчасъ же уходилъ съ ней куда нибудь далеко-далеко и принимался играть. Музыку онъ любилъ больше всего заунывную и меланхолическую и терпѣть не могъ ничего веселаго, а тѣмъ болѣе разухабистаго.

Филиппъ Агафоновъ былъ очень польщенъ, когда Ардальонъ Ва-

Васильевичъ, покидая свое имѣніе, поручилъ ему собирать съ крестьянъ аренду, каковую и препровождать къ нему въ полкъ.

— Я на тебя полагаюсь,—говорилъ Ардальонъ Васильевичъ, похлопывая старика по плечу.—Ты, я вижу, честный и старинный слуга... Какъ только получишь аренду, такъ сейчасъ ко мнѣ въ полкъ ее, присылай.

И вотъ Филиппъ Агафонычъ, считая себя чѣмъ то вродѣ управляющаго, то и дѣло напоминалъ мужикамъ о своевременномъ взносъ аренды. Онъ даже сталъ держать себя какъ то по-другому, а придя въ церковь, не становился уже вмѣстѣ съ другими молящимися, а непременно заѣзжалъ на лѣвый клиросъ и непременно старался первымъ приложиться къ кресту; да и всѣ свиридовскіе крестьяне считали его управляющимъ, почему при встрѣчѣ съ нимъ снимали шапки.

Аренда выплачивалась исправно и своевременно, а Филиппъ Агафонычъ немедленно отправлялся съ нею въ городъ и самолично пересылалъ ее по почтѣ къ барину, за что и получалъ всегда письменную благодарность. Филиппъ Агафонычъ завелъ даже конторскую книгу, въ которую аккуратно записывалъ всѣ приходы и расходы.

— Э, да вы человѣкъ грамотный!—замѣтилъ я, заглянувъ однажды въ эту книгу

— А вы какъ бы думали, сударь!

— Кто же васъ училъ?

— Дворецкій у насъ при князѣ былъ, Кузьма Васильевичъ звали его...—заговорилъ Филиппъ Агафонычъ, видимо оживившійся, при воспоминаніи давно минувшаго.— Я въ то время еще при князѣ казачкомъ состоялъ... Ну вотъ Кузьма Васильевичъ меня и училъ на досугъ... Охъ, ужъ я былъ же только, царство ему небесное!..

— Больно?

— И-и!.. чѣмъ попало... Отъ этихъ самыхъ побоевъ я и на ухо то туговать сталъ... За то выучилъ—спасибо ему. Нечего сказать! учитель былъ настоящій—потачки не давалъ... Сколько народу переучилъ!

— Вотъ почему у васъ и глухихъ то много,—замѣтилъ я.

— За то не мало и грамотныхъ.

Ардальонъ Васильевичъ былъ очень красивой и симпатичной наружности. Это былъ мужчина лѣтъ тридцати, средняго роста, хорошо сложенный и стройный. Образование онъ получилъ въ какомъ то привилегированномъ военномъ заведеніи, кончилъ курсъ чуть ли не первымъ ученикомъ и, по желанію усыновившаго его генераль-маіора Карабанова, поступилъ на службу въ какой то гусарскій полкъ, расположенный въ провинціи. Военная служба пришлась ему по душѣ. Онъ былъ отличнымъ офицеромъ и въ то же время задушевнымъ товарищемъ. Въ полку его всѣ любили, начиная съ командира и кончая послѣднимъ солдатикомъ. Его

полюбили и всѣ помѣщики, проживавшіе въ той мѣстности, гдѣ былъ расположенъ полкъ, а особливо тѣ изъ нихъ, у которыхъ были на шеѣ дочери невѣсты. Онъ былъ вездѣ желаннымъ гостемъ и всюду его ожидали съ нетерпѣніемъ. Онъ недурно игралъ на фортепьяно, обладалъ пріятнымъ голосомъ, очень недурно пѣлъ и отлично танцевалъ. Онъ былъ даже недурнымъ актеромъ, почему постоянно и участвовалъ на всѣхъ любительскихъ спектакляхъ. При такомъ образѣ жизни, казалось, какъ бы не попасться въ ловушку и не сдѣлаться семьяниномъ; но Ардальонъ Васильевичъ, ухаживавшій и увлекавшійся всѣми хорошенькими барышнями и барынями, былъ настолько остороженъ, что такъ и оставался до сихъ поръ холостымъ.

III.

Такъ шло время... Какъ вдругъ однажды поздно ночью, возвращаясь съ охоты и проходя мимо усадьбы Ардальона Васильевича, я увидалъ въ домикѣ огонь. Я завернулъ къ Филиппу Агафону, чтобы узнать отъ него, не пріѣхалъ ли баринъ, но ни Филиппа Агафону, ни садовника дома не засталъ. Усадьба была совершенно пуста и только одинъ цѣпной песъ, громко побрякивая цѣпью, неистово метался, завидѣвъ меня, а вѣроятнѣй всего, моего сеттера. Я хотѣлъ было заглянуть въ окно, растворенное настежъ, какъ вдругъ изъ-за угла плетня, которымъ былъ обнесенъ садъ, показался Филиппъ Агафоновичъ, неся въ рукахъ два ведра, наполненныхъ водою. Онъ быстро подбѣжалъ ко мнѣ и какимъ то торопливымъ, задыхавшимся отъ волненія, голосомъ проговорилъ:

— Насилу-то пріѣхали-съ.

— Баринъ?—спросилъ я.

— И съ барыней-съ.

— Съ какой-же?—Вѣдь онъ холостой.

— Говорятъ, барыня... Вотъ красавица-то...—прибавилъ онъ восторженно.—Сроду не видывалъ такихъ красавицъ, а, кажись, сколько ужъ пересмотрѣлъ ихъ на своемъ вѣку... А ужъ какая обходительная, добрая, ласковая!

— Какъ-же это,—перебилъ я,—онъ ничего не писалъ о своей женитьбѣ?

— Хоть-бы слово, сударь... Даже въ послѣднемъ письмѣ, которое я отъ нихъ получилъ съ недѣлю тому назадъ, ничего не упоминали о женитьбѣ,—добавилъ онъ, поставивъ ведра на землю.

— Странно.

— И о пріѣздѣ своемъ ничего не упомянули...—И вдругъ, суетливо заматавшись, добавилъ:—однако извините, сударь—недосугъ... Самоваръ приказали приготовить...

— А гдѣ-же они сами-то?

— Куда-то гулять уѣхали.—И, проговоривъ это, онъ схватился за ведро и побѣжалъ ставить самоваръ.

Столь неожиданный пріѣздъ Ардальона Васильевича въ имѣніе показался мнѣ крайне страннымъ, а его женитьба даже невѣроятной. При-знаюсь: мнѣ казалось, что во всемъ этомъ есть что-то загадочное, таин-ственное. Я разговаривалъ было съ садовникомъ Федоромъ Ивановичемъ, встрѣтившимся мнѣ въ концѣ усадьбы, думая хоть отъ него узнать что-либо объ Ардальонѣ Васильевичѣ, но садовникъ принялся жаловаться сперва на неимѣніе водовозки, околѣвшей недѣли двѣ тому назадъ, за отсутствіемъ каковой приходится на себѣ таскать воду, а затѣмъ подробно рассказывать о безобразіяхъ, чинимыхъ крестьянами.

— Помилуйте!—горячился онъ:—нешто это возможно—кажинную ночь въ садъ лошадей запускаютъ!.. Даже плетень разломали... Не угодно-ли посмотреть? Вамъ все равно мимо идти.

И онъ пошелъ со мной.

— Вотъ полюбуйтесь,—заговорилъ онъ, когда мы подошли къ тому мѣсту, гдѣ плетень былъ разломанъ.—Вотъ вѣдь озорники какіе; даже канаву засыпали, чтобы лошадямъ свободнѣй переходить было... Не знаю, что и дѣлать... Хошь говори, хошь нѣтъ!.. Намедни,—продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе разгораясь,—одну лошадь загналъ и заперъ въ конюшнѣ на замокъ... Думалъ, придетъ хозяинъ за лошадыю,—такъ попрошу управляющаго оштрафовать его... Прихожу утромъ въ конюшню—глядь: замокъ сломанъ, а лошади и слѣдъ простыль!.. Что-же это за порядки такіе!.. А вѣдь съ меня требуютъ, чтобы садъ былъ въ цѣлости и въ исправности... Какая-же тутъ можетъ быть исправность, коли лошади чуть не цѣлыми табунами по саду гуляютъ... То же самое и насчетъ водовозки... Ну, какъ не купить водовозку?

— Ты бы барину пожаловался.

Но садовникъ только рукой махнулъ:—говорилъ ужъ!

— Что-же?

— Погоди, говорить, купимъ... А небось себѣ живой рукой двухъ верховыхъ лошадей нашелъ.

Немного погода, я шелъ уже по лѣсной дорожкѣ, ведущей на мой хуторъ. Ночь была лунная, свѣтлая, небо совершенно чистое... Свѣтлая и теплая ночь эта, пресыщенная ароматомъ ландышей и фіялокъ и огла-щаемая опьяняющими трелями соловья, превращала этотъ березовый лѣсъ въ какой-то фантастическій и сказочный уголокъ. Такъ и казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ изъ-за бѣлыхъ, словно фарфоровыхъ стволовъ березъ покажется добрая фея съ сладкою улыбкой и привѣтливымъ взглядомъ... Вдругъ гдѣ-то далеко-далеко раздался чей-то мелодичный женскій го-лосъ... Я остановился, не вѣря ушамъ своимъ, а голосъ продолжалъ раз-даваться и какъ будто приближался ко мнѣ. Я началъ различать даже

мотивъ, показавшійся мнѣ знакомымъ... Я весь насторожился, весь превратился въ слухъ. Ну да, да, это пѣлъ кто-то: „Ночи безумныя, ночи бессонныя“... Ну да, конечно... Я не разбиралъ только словъ, а мотивъ долеталъ до меня вполне ясно и отчетливо. Романсъ былъ пропѣтъ до конца и тихо-тихо замеръ, словно пѣвшій его поднялся на воздухъ и куда-то улѣтѣлъ, и взамѣнъ его послышался мѣрный конскій топотъ... Мотивъ все еще продолжалъ раздаваться въ моей памяти, а вмѣстѣ съ тѣмъ та же память возстановляла и ворчанье садовника, такъ недавно слышанное мною: „Небось, себѣ сейчасъ-же двухъ верховыхъ лошадей справилъ, а водовозку купить—погоди говорить!...—„Ужъ не они-ли то—мелькнуло у меня въ головѣ:—не Ардальонъ-ли Васильевичъ со своею красавицей женою?“—Я сошелъ съ дороги, придерживая собаку за ошейникъ и прислонясь къ стволу березы, полный какого-то непонятнаго трепета, какого-то страстнаго нетерпѣнія поскорѣе увидеть ту, голосъ которой только что замеръ въ концѣ этой волшебной березовой рощи, и принялся ждать ихъ.

Дѣйствительно, это были они, ѣхали они рядомъ, сдержаннымъ шагомъ. Онъ держалъ ее за руку, а она глядѣла ему въ глаза, полная какого-то восторженнаго экстаза... Она что-то говорила ему, — что именно, я разобрать не могъ, но надо думать, что то были дѣйствительно „рѣчи безумныя, рѣчи несвязныя“, потому-что такъ не говорятся связныя рѣчи. За то я успѣлъ отлично рассмотреть ее... Это была, дѣйствительно, въ полномъ смыслѣ красавица... Красавица, для которой невольно польются „рѣчи безумныя, рѣчи несвязныя“.

Прошло съ недѣлю. Почти каждый день ходилъ я на охоту, почти каждый день заходилъ на усадьбу, подстрекаемый любопытствомъ разузнать хоть что-нибудь о таинственной амазонкѣ и почему-то съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждался, что во всемъ этомъ скрывается что-то необычное, или, правильнѣе сказать, романическое; но, къ прискорбію, ничего новаго разузнать не могъ. Филиппъ Агафонычъ продолжалъ по прежнему то ставить самовары, то бѣгать за водой, а садовникъ—жаловаться на мужиковъ, продолжавшихъ безобразничать даже при баринѣ и загонять по ночамъ лошадей въ садъ.

— Помилуйте, опять плетень изуродовали! — ворчалъ онъ. — Я было загородилъ, канаву поправилъ — не тутъ то было!.. Не достаетъ только, чтобы мнѣ самому бока намяли...

— А барину говорилъ?

— Сколько разъ жаловался!—вскрикнулъ онъ, разводя руками.

— Что же?

— Нешто это хозяйнѣ: днемъ не видать ихъ, а по ночамъ шатаются гдѣ то? То верхомъ заляются, то пѣшкомъ. Ихъ днемъ то путемъ и не видаль никто... Только и дѣловъ у нихъ, что получать, да разсылать телеграммы...

— Часто получаютъ?

— Кажинный день... Двухъ конныхъ почтарей наняли... А водовозки до сихъ поръ нѣтъ!..

Водовозка эта надѣла мнѣ и я поспѣшилъ оставить садовника въ покоѣ.

Ежедневно получаемыя и отправляемыя телеграммы еще болѣе подстрекнули мое любопытство. Воображеніе рисовало уже какую то кровавую драму, долженствовавшую всенепремѣнно разыгратъ въ этомъ мирномъ уголкѣ, дотолѣ кромѣ ружейныхъ выстрѣловъ ничѣмъ другимъ не потрясаемомъ. Богъ знаетъ что лѣзло мнѣ въ голову: то представлялось, что прелестная незнакомка—дѣвушка, похищенная Ардальономъ Васильевичемъ изъ родительскаго дома, то—чужой женой, тайно бѣжавшей отъ мужа, то—просто-напросто экзальтированной женщиной.

IV.

Разъ какъ то мнѣ не спалось, вѣроятно, потому, что подъ самымъ окномъ моей спальни раскричались въ саду совы. Отвратительный скрипучій крикъ ихъ, похожій на скрипъ ржавыхъ желѣзныхъ петель, до того взбудоражилъ мои и безъ того распатанные нервы, что я никакъ не могъ заснуть. Напрасно метался я на постели, тщетно укрывался съ головой въ одѣяло—наконецъ, я не выдержалъ: вскочилъ съ постели, наскоро и кое-какъ одѣлся и вышелъ въ садъ, чтобы какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь распугать этихъ непрошенныхъ ночныхъ пѣвцовъ. Я принялся кричать, шумѣть, бросать по направленію крика все, что только попадало мнѣ подъ руки и, наконецъ, добился желаемого: совы скрылись и все затихло. Я собрался идти домой, чтобы снова улесть въ постель, какъ вдругъ гдѣ то далеко-далеко послышалась какая то музыка, словно кто то игралъ на какомъ-то пѣвучемъ инструментѣ. Я сталъ прислушиваться и скорѣй убѣдился, что то была скрипка.

— Ну, Филиппъ Агафонычъ расхандрился!—подумалъ я и направился было домой, какъ вдругъ съ рѣки раздалось что-то похожее на плескъ воды... Разъ плеснуло, другой, третій... Я опять остановился, опять началъ прислушиваться и мнѣ показалось, что кто-то плыветъ на лодкѣ... Послышался даже глухой стукъ весла... Я замеръ... Ну да, конечно, это стукнуло весло, а всѣмъ за этимъ стукомъ раскатился по рѣкѣ чей то веселый женскій смѣхъ и чей то столь же веселый говоръ. Вдругъ выстрѣлъ!.. Брызнулъ вдали огонекъ, что то плепнуло на воду—и опять тотъ же веселый женскій смѣхъ, сопровождавшійся на этотъ разъ шумными ашодисментами.

— Bravo, bravo!..—долеталъ до меня чей то мужской голосъ.

И опять мелодичное и грустное пѣніе скрипки.

Я подбѣжалъ къ рѣкѣ, но когда достигъ берега—все опять смолкло и замерло, какъ будто и не было ничего.

— Что же это такое? Хотя бы разъ, еще разъ стукнуло весло...— мечталъ я, продолжая смотрѣть въ ту сторону, гдѣ брызнулъ огонекъ.— Хотя бы разъ еще прозвучалъ ея мелодичный, хватающій за сердце голосокъ.

И вдругъ, какъ бы въ отвѣтъ на мои тайныя моленія, раздался шумъ весель, а вслѣдъ за тѣмъ опять зазвенѣли «ночи безумныя, ночи бессонныя...» Я стоялъ весь трепещущій, весь объятый какимъ то восторженнымъ экстазомъ и только слушалъ, и слушалъ...

Мнѣ было почему то и невыразимо тяжело и невыразимо сладко и что то, похожее на зависть и ревность, зашевелилось въ моемъ сердцѣ.

Какъ только рассвѣло, я тотчасъ же взялъ ружье, позвалъ сеттера и пошелъ на хуторъ Ардальона Васильевича.

Филиппъ Агафонычъ встрѣтилъ меня на крыльцѣ дома. Онъ былъ въ полнѣйшемъ дезабилье, со включенными волосами, неумытый, небритый и съ заспаннымъ лицомъ.

— Поздравьте!—воскликнулъ онъ.

— Съ чѣмъ.

— Имѣніе продали.

— Какъ?... кому?... когда?...—удивился я.

— Извѣстно кому—Андрею Карловичу.

— Давно ли?

— Купчую совершать поѣхали,—бормоталъ Филиппъ Агафонычъ, не слушая меня.—По шестидесяти пяти рублей за десятину съ лѣсомъ и съ усадьбой, а Андрей-атъ Карлычъ на другой же день Свиридовскимъ мужикамъ перепродалъ по семидесяти пяти.

— И тоже съ лѣсомъ и съ усадьбой?

— Ну нѣтъ, сударь, Андрей Карлычъ себя на умѣ; лѣсъ и усадьбу себя оставилъ... Вотъ вы теперь и извольте посчитать... Двѣ тысячи триста десятинъ... Значить, Андрей Карлычъ отдастъ барину сто сорокъ девять тысячъ пятьсотъ рублей, а съ крестьянъ получить за двѣ тысячи десятинъ сто пятьдесятъ тысячъ... Значить барыша тысяча рублей, а лѣсъ и усадьба ему достаются даромъ... Вотъ они какіе господа то наши: сами не знаютъ, что у нихъ есть!.. Да откуда имъ и узнать то, по правдѣ сказать—добавилъ онъ, покачавъ головой.—Чуть усь пробьется—на службу на военную!.. А военная то служба извѣстно какая: карты, кутежи, жалованья то на обмундировку не хватаетъ... А тутъ еще молодая кровь кипитъ, мамзельки разныя и все такое... Ну и шабашъ значить!.. Въ городъ уѣхали,—прибавилъ онъ, подмигнувъ.

— Кто?

— Господа то мои: купчую совершать... А ужъ сколько радости то было!..

— По какому случаю?

— Что много денегъ получать.

И онъ опять покачалъ головой.

— И барыня радовалась?

— А ужъ про нее и говорить нечего!.. Повисла ему на шею и давай цѣловать его... Ужъ она цѣловала, цѣловала, а слезы то ручьями, ручьями...

Услыхавъ все это, я словно прозрѣлъ—и въ мигъ исчезло очарованіе. «Такъ вотъ она кто эта волшебная фея, эта прелестная амазонка, такъ страстно нашептывавшая Ардальону Васильевичу «рѣчи безумныя, рѣчи несвязныя...» Просто напросто мамзелька, пріѣхавшая обождать до послѣдней нитки злосчастнаго гусарика».

Филиппъ Агафонычъ побѣждалъ убирать домъ, который по словамъ его оставался неубраннымъ, а я послѣдовалъ за нимъ. Домикъ какъ будто тоже торжествовалъ свой переходъ въ другія руки. Солнечный вешній день такъ и наполнялъ его ароматнымъ тепломъ и яркими лучами. Такъ было все тамъ свѣтло и весело. Въ небольшой залъ стояло старенькое фортепьяно. Оно было раскрыто, а на крышкѣ валялись въ беспорядкѣ ноты. Я началъ перебирать ихъ и, первое, что попалось мнѣ, былъ романсъ: „Ночи безумныя“. Тутъ же лежалъ и забытый батистовый платочекъ съ кружевами, пропитанный Corilopsis'омъ. Я заглянулъ въ гостинную. Она была вся заставлена старинной мебелью изъ краснаго дерева съ традиціоннымъ диваномъ, стоявшимъ посреди задней стѣны и какъ разъ противъ растворенной балконной двери. Передъ диваномъ—овальный столъ изъ краснаго же дерева, а на столѣ акварельный портретъ въ роскошной бархатной рамѣ. Я посмотрѣлъ на портретъ и тотчасъ же узналъ прелестную амазонку... Она, дѣйствительно, была прелестна... Тонкія черты лица, большіе глаза, полные поэзіи и кротости, вьющіеся слегка волосы и выраженіе лица, полное благородства и самоотверженія.— „Нѣтъ“, подумалъ я, „такіе глаза, такой взоръ и такое выраженіе лица не могутъ принадлежать мамзелькѣ, единственнымъ стремленіемъ которой было обождать до нитки молодого вертопраха... Нѣтъ, такія не затѣмъ пріѣзжаютъ къ нимъ, такихъ гложетъ не корысть, а именно „ночи безумныя и рѣчи несвязныя“, да любовь, тоже, можетъ быть, безумная, но за то такая которая, не знаетъ ни границъ, ни предѣла, полная самоотверженія и не останавливающаяся ни предъ какими препятствіями... Для такой любви не деньги требуются, а такая же любовь,—любовь безумная и безпредѣльная... И мнѣ даже совѣстно стало, что я, не зная ея, подумалъ осквернить, бытъ можетъ, чистѣйшее чувство въ мірѣ.

— Ну что, какова?—проговорилъ Филиппъ Агафонычъ, замѣтивъ, что я восхищаюсь портретомъ.

— Прелестна.

— А ужъ какъ любить то его!—добавилъ онъ, и вдругъ, понизивъ голосъ и робко поглядывая на портретъ генераль-майора Карабаева, какъ бы опасаясь, чтобы тотъ не подслушалъ его, прошепталъ мнѣ на ухо:—А все таки она ему не жена...

Я даже вздрогнулъ.

— Должно въ Америку бѣжать хотять.

— Вы почему знаете?

— Нонѣ ночью на лодкѣ катались... Приказали мнѣ скрипку взять съ собою. Я, значитъ, на скрипкѣ игралъ, а они промежь себя разговаривали... Правда,—продолжалъ Филиппъ Агафонычъ тѣмъ же таинственнымъ шопотомъ:—говорили они по французски, но я все-таки кое-какія слова запомнилъ и кое-что разобралъ... Вотъ помяните мои слова, сударь, что не сегодня, такъ завтра, а убѣгутъ они въ Америку.

Въ это самое время на балконѣ слышались чьи то торопливые шаги и въ гостинную чуть не вбѣжалъ садовникъ. Рубашка на немъ была разорвана, волосы всклокочены, а изо рта сочилась кровь.

— Ну вотъ—любуйтесь!—кричалъ онъ прерывающимся отъ волненія голосомъ и обращаясь къ Филиппу Агафонычу.—Любуйтесь, господинъ управляющій: рубашку въ клочки, губы разбѣкли, да вдобавокъ еще за волосы оттрепали!

— Кто?—спросилъ я, видя, что Филиппъ Агафонычъ стоитъ растерянный и только изумленными глазами смотреть на избитаго садовника.

— Извѣстно кто!—кричалъ тотъ:—мужички добрые!.. Зачалъ было лошадей изъ сада выгонять, а они на меня съ кольями, да съ дубинами... Вы посмотрите-ка, полюбуйтесь-ка!—продолжалъ онъ, схвативъ меня за руку и выводя на балконъ.—Полюбуйтесь, полюбуйтесь: полонъ садъ!.. Прежде бывало хоть по ночамъ, а теперь средь бѣла дня начали.

Садъ, дѣйствительно, былъ переполненъ лошадьми, а въ сторонѣ стояла цѣлая толпа крестьянъ съ дубинами и кольями и оглашала воздухъ громкимъ хохотомъ.

V.

Купчая была совершена. Андрей Карловичъ честь-честью расплатился съ Ардальономъ Васильевичемъ, а молодые влюбленные, довольные и счастливые, принялись собираться въ путь-дорогу. Какъ-то, проходя мимо усадьбы, я увидалъ возлѣ каретнаго сарая выдвинутый тарантасъ и суетившагося вокругъ него свиридовскаго кузнеца.

— Что это ты дѣлаешь?—спросилъ я его.

— Да вотъ кое-что починить требуется: гайки подвернуть, колеса перетянуть.

— Развѣ ѣдутъ куда?

— А ужъ этого не могу доложить-сь. За мной прислали... Приказали осмотрѣть экипажъ, а ужъ ѣдутъ-ли, нѣтъ-ли—не слыхалъ...

— Ёдутъ, ёдутъ,—отвѣтилъ Филиппъ Агафонычъ, подбѣгая къ каретнику.—Не правду я вамъ докладывалъ намереніи, что уѣзжать собираются?..

— А! здравствуйте, Филиппъ Агафонычъ... Какъ живете-можете?

— Понемножку, сударь.

— Ну, куда же уѣзжаютъ ваши господа?

— Доподлинно доложить не могу-сь, но думаю, что далеко куда-то.

— Ужъ не въ Америку-ли?—подшутилъ я, вспомнивъ недавно высказанное мнѣ соображеніе Филиппа Агафоныча.

— Вамъ смѣшно, сударь, а по моему именно туда.

— И скоро?

— Думаю, что очень скоро-сь

— Кажется, что только за пачпортами дѣло стало,—прибавилъ онъ, поглядывая на кузнеца и понизивъ голосъ.

На слѣдующій день я, возвращаясь съ охоты, проходилъ той самой лѣсной дорожкой, на которой такъ недавно еще встрѣтилъ влюбленную парочку. Ночь, какъ нарочно, опять была лунная, серебрянная. Едва углубился я въ рошу, благоухавшую всевозможными лѣсными цвѣтами, какъ въ ту же минуту въ моей памяти воскресла та романическая встрѣча, о которой я уже говорилъ. Мнѣ даже чудилось, что я опять слышу конскій топотъ и нѣжный голосъ, напѣвавшій „Ночи безумныя“. Я даже невольно остановился, началъ прислушиваться, но все было тихо, все молчало и только чуть слышный шелестъ листьевъ нарушалъ ночную тишину... Я пошелъ дальше, но тотчасъ же опять остановился. Что это?.. Неужели опять она?.. Опять конскій топотъ, опять „ночи безумныя“ и опять ея голосъ нѣжный, мелодичный, глубоко-глубоко западающій въ душу и невольно приводящій въ неизъяснимо-сладостный трепетъ. Ужъ не галлюцинація-ли все это? не бредъ-ли разстроеннаго воображенія?.. А топотъ все ближе и ближе, медленный, сдержанный... Слышалось даже хлопанье одной ослабѣвшей подковы... А пѣніе постепенно смолкало и смолкало... Грѣшный человѣкъ, я опять скрылся въ чащѣ лѣса, придерживая собаку за ошейникъ и опять увидалъ ихъ.

На этотъ разъ они шли пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводьяхъ. На ней была подстегнутая амазонка, позволявшая видѣть ея щегольски обутую, изящную ножку, а на немъ китель... Я притаилъ дыханіе и на этотъ разъ до меня долетали уже не „безумныя рѣчи“, а вполне связныя и обдуманныя.

— Да, милая, дорогая моя,—говорилъ онъ, осыпая ея руку страстными поцѣлуями:—завтра мы получимъ паспорта и будемъ свободны!.. Ничто не будетъ насъ ни тревожить, ни беспокоить... Довольно!.. довольно съ

насъ этой вѣчной тревоги, этихъ постоянныхъ опасеній... Довольно!.. О, какъ буду я счастливъ, — продолжалъ онъ, — когда мы перенесемся въ свободную страну и проживемъ въ средѣ свободныхъ людей!.. Тогда ты будешь навѣки моя! Не правда-ли?

— Да развѣ теперь я не твоя?—удивилась она.—Развѣ я не отдала тебѣ все, что только было у меня святого и дорогого? даже доброе имя?.. Развѣ я не бросила, ради тебя, почти умирающаго отца, больную мать, мужа, наконецъ, котораго я не любила, положимъ, но котораго уважала, какъ человѣка безусловно честнаго и великодушнаго и для котораго была единственною радостью и единственнымъ счастьемъ?

И какъ будто что-то вспомнивъ, она прибавила:

— Воображаю, что будетъ съ нимъ, когда онъ вернется изъ своего путешествія и не найдетъ меня въ своемъ домѣ? Онъ не перенесетъ этого горя, этого оскорбленія... Да, дорогой мой, я давно твоя, давно: съ той самой минуты, когда впервые увидала тебя!

Она говорила все это страстно, нервно, торопливо, собиралась сказать еще что-то, но конскій топотъ заглушилъ ея слова... Я видѣлъ только, какъ они продолжали идти пѣшкомъ, какъ онъ страстно осыпалъ поцѣлуями ея руку, и какъ она, перегнувшись къ нему стройнымъ станомъ, обвила одной рукой его шею... Дорожка повернула въ сторону и они скрылись изъ вида; только слышался топотъ копытъ, да бряканье ослабѣвшей подковы, но и этотъ шумъ постепенно стихалъ, замиралъ и наконецъ замеръ совсѣмъ, какъ-бы слившись съ тихимъ шелестомъ листьевъ и таинственнымъ шепотомъ этой сказочной ночи.

Когда я миновалъ рошу, начинало свѣтать. Луна, склонившаяся къ западу, видимо тускнѣла, блѣднѣла, а изъ-за горы медленно разливалось зарево утренней зари... Зазвенѣли въ воздухѣ жаворонки, зарѣяли ястреба—и все видимо просыпалось, встрепенулось... Дорога пролагала полемъ, засѣяннымъ рожью. Озими успѣли значительно подняться и покрывали землю зеленымъ, мягкимъ ковромъ. Впереди бѣжалъ сеттеръ и, поминутно причуывая коростелей, бросался то въ одну сторону, то въ другую... У меня изъ головы не выходилъ Ардальонъ Васильевичъ и его прелестная спутница. Какъ ни былъ кратокъ ихъ разговоръ, случайно подслушанный мною, но я все-таки успѣлъ узнать, что она жена другого, гдѣ-то путешествующаго, котораго, хотя и не любила, но уважала, какъ человѣка безусловно честнаго и великодушнаго. Но я никакъ не могъ сообразить, что же именно ждетъ ихъ дальше и чѣмъ это все кончится: гдѣ та свобода, о которой мечтаютъ молодые люди и будутъ-ли они когда-либо свободными, ежели мужъ не пожелаетъ этого. Нельзя же вѣчно скрываться и вѣчно прятаться... Ну, а если онъ, — для котораго она была единственною радостью, единственнымъ счастьемъ,—не пожелаетъ разстаться съ тѣмъ, что для него дороже всего?

Вдругъ сеттеръ остановился, замеръ какъ-то, приподнял морду, повелъ чутьемъ и вопросительно посмотрѣлъ на меня своими умными глазами; но не получивъ никакого отвѣта, снова повернулъ голову, продолжая къ чему-то прислушиваться; глядя на него, и я невольно остановился, то же. сталъ прислушиваться и вскорѣ услышалъ не то гулъ какой-то, не то стукъ, сопровождавшійся торопливымъ топотомъ нѣсколькихъ лошадей.

— Табунъ вѣроятно,—подумалъ я.

И дѣйствительно можно было подумать, что то былъ табунъ. Но откуда же этотъ гулъ? Гулъ этотъ не походилъ ни на стукъ телѣги, ни на грохотъ тарантаса... Показалась пыль... Сеттеръ, увидавъ эту пыль, метнулся назадъ, поджалъ хвостъ и прижался ко мнѣ... Подулъ вѣтерокъ, а когда пыль потянуло въ сторону, я увидалъ мчащуюся мнѣ навстрѣчу карету, запряженную четверкою почтовыхъ лошадей. Экипажъ буквально мчался, а сидѣвшій на козлахъ ямщикъ, перегибаясь съ одной стороны на другую, поминутно махалъ кнутомъ, погоняя лошадей... Карета быстро подвигалась и ямщикъ, завидѣвъ меня, принялся сдерживать лошадей.

— Господинъ!—крикнулъ онъ, поровнявшись со мною:—дорога въ село Свиридово—эта, что-ли, будетъ?

— Эта самая.

— А господина Карабанова знаете?

— Знаю.

— Проѣдемъ мы здѣсь къ нему на хуторъ?

— Проѣдете.

— А далече до хутора?

— Версты двѣ-три.

Въ это самое время стекло кареты опустилось, какой-то мужчина съ просьбю высунулся изъ окна кареты, приказалъ ямщику остановиться и, приподнявъ шляпу, спросилъ меня:

— А не знаете-ли вы: дома господинъ Карабановъ?

— Дома!

— Благодарю васъ.

И снова приподнявъ шляпу, крикнулъ ямщику: „пошелъ!“—и снова опустилъ стекло.

— Ужъ не мужъ-ли?—мелькнуло у меня въ головѣ.

И сердце замерло при одной этой мысли.

VI.

Какъ ни старался я отдѣлаться отъ этой мысли, какъ ни развлекать себя—все напрасно. Я перечиталъ цѣлую кипу газетъ, накопившихся за это время, пробѣжалъ какой то присланный мнѣ съ наложеннымъ плате-

жемъ иллюстрированный прейсъ-курантъ, совершенно мнѣ ненужный, но за который все-таки пришлось заплатить рубль; ходилъ было удить рыбу, но, расположившись на берегу, невольно вспомнилъ недавнюю прогулку въ лодкѣ молодыхъ людей, ихъ пѣніе, звуки скрипки, раздавшійся выстрѣлъ, веселый смѣхъ и апплодисменты—и только еще хуже расхандрилъ... Я принялся припоминать выраженіе лица пріѣхавшаго въ каретѣ, стараясь по его выраженію прочесть что-либо успокоительное; но лицо пріѣхавшаго ничего особеннаго не представляло и не выражало. Это былъ просто мужчина среднихъ лѣтъ, не особенно толстый, не особенно худой, благообразный, интеллигентный на видъ, съ большими черными глазами, небольшой бородкой, тщательно расчесанной на обѣ стороны, изящно одѣтый—и только. Видно было по всему, что это былъ баринъ, а что было на умѣ у этого барина—Господь вѣдаетъ!.. А нетерпѣнію узнать, кто именно былъ этотъ баринъ, зачѣмъ потребовался ему Ардальонъ Васильевичъ и что именно происходитъ теперь на хуторѣ—все увеличивалось и увеличивалось, а одновременно съ тѣмъ усугублялось и мое беспокойство.

Наконецъ, я не выдержалъ и отправился на хуторъ.

Я даже не замѣтилъ, какъ прошелъ полемъ, волновавшимся сочною зеленью озимей, и какъ очутился въ березовой рощѣ... Ахъ, какъ было хорошо въ этой рощѣ!... Влажный утренній вѣтерокъ набѣгалъ изрѣдка на ея вершины и тихо колыхалъ вѣтвями. По дорогѣ пестрѣла пятнами падавшая тѣнь отъ листьевъ... Въ воздухѣ носились какія то зеленныя мухи, садились на пушистые папоротники и словно грѣлись на солнышкѣ, яркимъ лучемъ пробивавшемся мѣстами сквозь листву стройныхъ березъ... Ландыши и фіалки успѣли отцвѣсти, за то зацвѣтала липа и тонкій аромат ея разливался повсюду... Въ деревьяхъ щебетали птички, въ травѣ трещали кузнечики, а гдѣ то далеко долбилъ гнилое дерево дятель и стукъ его гулко разносился по лѣсу... Я шелъ по той самой дорожкѣ, на которой встрѣтился вчера съ молодыми людьми... Мѣстами сохранился еще ихъ слѣдъ: отпечатки щегольской обуви амазонки и сапогъ со шпорами, мѣстами же отпечатки эти пропадали, замѣтые колесами кареты и широкими копытами пеподкованныхъ ямскихъ лошадей. По слѣдамъ этимъ можно было замѣтить, что карета даже и по узкой лѣсной дорожкѣ мчалась такъ же быстро, какъ и по широкой торной полевой дорогѣ.

Вдругъ послышался въ лѣсу торопливый конскій топотъ. Я вздрогнулъ, остановился, началъ прислушиваться, а топотъ приближался и становился все слышнѣе и слышнѣе; до меня долетали даже удары кнута, безжалостно шлепавшіе по ребрамъ лошади. Я прибавилъ шагу и вскорѣ увидалъ въ концѣ дорожки Филиппа Агафонъича, скакавшаго на какой то поминутно спотыкавшейся, пѣгой лошаденкѣ. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, растрепанъ, растерзанъ, безъ картуза и ускоренно махая руками и ногами, продолжалъ нахлестывать лошадь.

— Филиппъ Агафонычъ!—крикнулъ я,—куда это вы летите?

Филиппъ Агафонычъ остановилъ лошадей, началъ кругомъ озираться и, наконецъ—увидавъ меня, соскочилъ на землю.

— Бѣда!—кричалъ онъ, бросивъ лошадей и подбѣгая ко мнѣ мелкими старческими шажками,—бѣда!

— Что такое? крикнулъ я, предчувствуя что-то недоброе.

— Вѣдь у насъ въ домѣ убійство произошло!

— Какъ?.. когда?.. кого?

— Барина съ барыней убили.

— Быть не можетъ...

— Убійство!.. убійство...—бормоталъ Филиппъ Агафонычъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Кто же убійца-то?

— Мужъ—вотъ кто!

— Ужъ не тотъ-ли, что сегодня въ каретѣ пріѣхалъ?

— Онъ самый.

И проговоривъ это, онъ немощно опустился на землю, закрывъ лицо исхудавшими старческими руками.

Стоялъ и я передъ нимъ, не зная, что сказать, что дѣлать и куда идти... Стоялъ я, какъ пораженный громомъ, уронивъ руки, опустивъ голову, и весь дрожалъ отъ охватившаго меня ужаса, а на пыльной дорогѣ, какъ разъ у ногъ моихъ, снова видѣлись слѣды ея маленькой ножки въ щегольской обуви и шпory Ардальона Васильевича.

— Нѣтъ, быть этого не можетъ!—пробормоталъ я.—Можетъ быть ранены только.

— Чего!—раздался голосъ Филиппа Агафоныча, приподнявшаго голову и глядѣвшаго мнѣ въ лицо потухшими старческими глазами.

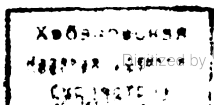
— Не вѣрится какъ-то.

— Убиты, убиты!—снова заговорилъ онъ.

— Какъ это случилось?.. Какъ могло случиться?

Но старикъ вскочилъ съ мѣста и, замахавъ руками, заговорилъ торопливо и поминутно задыхаясь:

— Не знаю я... ничего не знаю... Въ передней я былъ, а они всѣ въ гостиной... Я и не подозрѣвалъ, что это мужъ ея... Думалъ—просто гость какой пріѣхалъ... Сперва они все по французски говорили и какъ будто ничего, честь-честью... Баринъ поговорилъ съ нимъ и куда то вышелъ... Вдругъ слышу мужъ то по русски заговорилъ, да такъ то громко, что даже въ передней слышно было... Я пріотворилъ дверь въ залу, слышу: онъ уговаривать жену зачалъ, чтобы съ нимъ домой ѣхала.— „Поѣдемъ, — говоритъ: — я все прощу тебѣ, все... ни слова упрека отъ меня не услышишь, ни единаго слова!.. Я буду любить тебя такъ же

горячо и нѣжно, какъ любилъ до этого... Ты знаешь,—говорить:—я богатъ... Мы поѣдемъ съ тобой за границу, проживемъ тамъ годъ, два, три—сколько тебѣ угодно, а тѣмъ временемъ весь этотъ скандалъ затихнетъ, забудется и мы опять заживемъ съ тобой по прежнему въ своемъ родномъ имѣніи, которое тебѣ всегда такъ правилось... Опять будутъ жить съ нами твой папа, твоя мама!..“ А потомъ опять что то по французски заговорилъ... Я вышелъ въ залу... Смотрю: дверь въ гостинную затворена... Я заглянулъ въ замочную щелочку и вижу: онъ передъ ней на колѣнахъ стоитъ и рыдаетъ, какъ ребенокъ малый... Мнѣ индо жаль его стало.—„Поѣдемъ“—говорить:—„жить я не могу безъ тебя, моя дорогая... Ужъ ежели ты меня не жалѣешь,—пожалѣй хоть отца, мать свою... Вѣдь ты уморишь ихъ... Отецъ и безъ того чуть живъ, а мать съ горя и отчаянія въ постель слегла“... А самъ такъ-то рыдаетъ, такъ-то рыдаетъ... Смотрю—руки ея поймалъ, цѣловать ихъ зачалъ, въ ноги ей повалился, а она передъ нимъ словно мертвая стоитъ.—«Не могу»,—говорить:—„что хочешь дѣлай со мной—рѣжь меня, жги меня, а бросить его и уѣхать съ тобой не могу... Понимаешь-ли, что я люблю его, люблю больше всего на свѣтѣ...“ А въ это самое время на грѣхъ-ать Ардальонъ Васильевичъ пришелъ. Увидала она его, да прямо на шею къ нему и повисла, цѣлуетъ, обнимаетъ его, плачетъ и смѣется... Вдругъ бац! бац!.. Я бросился въ гостинную, да такъ и замеръ отъ испуга... Ардальонъ Васильевичъ лежитъ на полу неподалеку отъ дивана, а она возлѣ балконной двери, а кровь то, кровь то изъ нихъ такъ ручьсмъ и хлещетъ!.. Ардальона Васильевича, должно, на повалъ ухлопалъ, а она, бѣдненькая еще жива была... доползла до него, сердешная, окровавленными руками обняла его, положила ему головку на грудь и захрипѣла...

— А мужъ?

— А онъ хоть бы слово!... посмотрѣлъ на дымившійся револьверъ, швырнулъ его на полъ, сѣлъ на диванъ, взялъ въ руки портретъ жены, который, можетъ, помните, на столѣ то стоялъ, вытаращилъ на него глаза, да такъ, глядя на него, и замеръ... „Батюшка, баринъ“,—говорю ему:—„что вы надѣлали“—а онъ хоть бы слово, уперся глазами въ портретъ, блѣдный сдѣлался и даже бровью не повелъ...

— Филиппъ Агафонычъ! Филиппъ Агафонычъ!—раздался вдругъ голосъ садовника, бѣжавшаго по дорогѣ.

Филиппъ Агафонычъ вздрогнулъ и, обратясь къ садовнику, спросилъ:

— Что ты?

— Становой пріѣхалъ... Васъ требуетъ...

Мы всѣ пошли по направлению къ усадьбѣ.

VIII.

Дворъ усадьбы былъ переполненъ народомъ, прибѣжавшимъ поглазѣть на совершившееся въ господскомъ домѣ. Народъ этотъ хлынулъ бы, конечно, въ домъ, ежели бы на крыльцѣ не торчало двое сотниковъ, представленныхъ становымъ въ качествѣ отгоняльщиковъ. Господинъ урядникъ важно расхаживалъ по двору и тоже водворялъ спокойствіе. Несмотря однако на это, болѣе чистая публика, какъ то—разные писаря, лавочники, кабатчики и ихъ жены, расфранченныя въ пухъ и прахъ, успѣли таки залѣзть на кирпичный фундаментъ домика, крытаго черепицей, и безремонтно облѣпили собою все его растворенныя настежь окна. Самъ господинъ становой находился въ знакомой намъ залѣ, и пристроившись къ старенькому фортепьяно, на которомъ продолжали еще лежать въ безпорядкѣ ноты, а въ томъ числѣ и романсъ «Ночи безумныя», что то такое писалъ. Я осторожно вошелъ въ гостинную. Оба трупа въ ожиданіи уѣзднаго врача, долженствовавшего констатировать смерть, лежали еще на полу необранными въ лужѣ запекшейся крови, а на диванѣ все еще сидѣлъ онъ, тотъ самый господинъ, интеллигентной и симпатичной наружности, котораго я встрѣтилъ ѣхавшимъ въ каретѣ и съ которымъ нѣсколько часовъ тому назадъ обмѣнялся краткимъ разговоромъ. Но, Боже мой, какъ онъ измѣнился! Лицо его почернѣло, глаза какъ то ввалились и отолбенѣли, а волосы на головѣ и бородѣ покрылись сплошной сѣдиною. Онъ даже и вниманія не обратилъ на меня, какъ бы вовсе не замѣтивъ, и продолжалъ смотрѣть на портретъ, судорожно сжатый въ его рукахъ. Пробовалъ я заговорить съ нимъ, но по всему было замѣтно, что онъ даже не слыхалъ меня, и по прежнему продолжалъ молча смотрѣть на портретъ.

Ардальонъ Васильевичъ лежалъ на спинѣ съ распростертыми руками, а рядомъ, положивъ ему на грудь голову, лежала она въ той же самой подобранной амазонкѣ, въ которой я видѣлъ ее такъ недавно... Глаза обоихъ были закрыты. Могильная блѣдность покрывала ихъ лица, а посинѣвшія губы успѣли уже судорожно сомкнуться тою страшною складкой, которая никогда болѣе не разомкнется.

Долетѣлъ со двора громъ какого то экипажа, громыханіе бубенчиковъ и колокольчиковъ. Послышалась какая то бѣготня, суетня; въ залѣ раздались чьи-то шаги и голосъ урядника, доложившаго становому о прибытіи врача.

А онъ, этотъ посѣдѣвшій и почернѣвшій „убійца“, все сидѣлъ да сидѣлъ на диванѣ, ни на что не обращая вниманія и продолжая тупо и безсознательно смотрѣть на акварельный жизнепраздничный портретъ убитой.

Я вышелъ на балконъ, спустился въ садъ и посѣвшилъ домой... Немного погода, я проходилъ знакомою намъ лѣсною дорожкой. Кругомъ ве-

село щебетали птички... гдѣ-то сиротливо куковала кукушка... А я шелъ и, невольно вспомнивъ стихи Никитина, шепталъ:

Тише!.. о жизни поконченъ вопросъ:—

Больше не надо ни пѣсенъ, ни слезъ!...

Н. Саловъ.

О проектахъ вѣчнаго мира.

I.

Августовскія торжества въ Москвѣ, посвященныя памяти Императора Александра II, ознаменовались обнародованіемъ акта чрезвычайной важности, о которомъ до сихъ поръ не перестаетъ толковать весь міръ. Мы говоримъ о сообщеніи, врученномъ 12-го Августа Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ всѣмъ пребывающимъ въ С.-Петербургѣ иностраннымъ представителямъ, и содержащемъ въ себѣ предложеніе о созваніи конференціи въ видахъ обсужденія вопроса о томъ, какъ «положить предѣлъ непрерывнымъ вооруженіямъ и изыскать средства предупредить угрожающее всему міру несчастье», т. е. войну, «передъ ужасами которой заранѣе содрогается мысль человѣка».

Это сообщеніе, какъ по содержанію, такъ и по тону и стилю, настолько отличается отъ всего, что появлялось и появляется въ сферѣ дипломатической, что необходимо привести цѣликомъ текстъ его. Вотъ что гласитъ оно:

«Охраненіе всеобщаго мира и возможное сокращеніе тяготѣющихъ надъ всѣми народами чрезмѣрныхъ вооруженій являются, при настоящемъ положеніи вещей, цѣлью, къ которой должны бы стремиться усилія всѣхъ правительствъ.

«Взглядъ этотъ вполне отвѣчаетъ челоуколюбивымъ и великодушнымъ намѣреніямъ Его Императорскаго Величества, Августѣйшаго моего Государя.

«Въ убѣжденіи, что столь возвышенная цѣль соотвѣтствуетъ существеннѣйшимъ потребностямъ и законнымъ вожделѣніямъ всѣхъ державъ, Императорское правительство полагаетъ, что настоящее время весьма благоприятно для изысканія, путемъ международнаго обсужденія, наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ обезпечить всѣмъ народамъ истинный и прочный миръ и, прежде всего, положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій.

«Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ миролюбивыя стремленія особенно твердо укрѣпились въ сознаніи просвѣщенныхъ народовъ. Сохраніе мира поставлено было цѣлью международной политики. Во имя мира, великія дер-

жавы сплотились въ могучіе союзы. Для лучшаго огражденія мира увеличили онѣ въ небывалыхъ доселѣ размѣрахъ свои военныя силы и продолжаютъ ихъ развивать, не останавливаясь ни предъ какими жертвами.

«Однако, усилія эти не могли пока привести къ благотѣльнымъ послѣдствіямъ желаемаго умиротворенія.

«Все возростающее бремя финансовыхъ тягостей въ корнѣ расшатываетъ общественное благосостояніе. Духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ, отвлечены, въ большей своей части, отъ естественнаго назначенія и расточаются непроизводительно. Сотни миллионовъ расходуются на пріобрѣтеніе страшныхъ средствъ истребленія, которыя, сегодня представляясь послѣднимъ словомъ науки, завтра должны потерять всякую цѣну въ виду новыхъ изобрѣтеній. Просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пресѣкаются или направляются на ложные пути.

«Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ растутъ вооруженія каждаго государства, они менѣе и менѣе отвѣчаютъ предпоставленной правительствами цѣли. Нарушенія экономическаго строя, вызываемыя въ значительной степени чрезмѣрностью вооруженій, и постоянная опасность, которая заключается въ огромномъ накопленіи боевыхъ средствъ, обращаютъ вооруженный миръ нашихъ дней въ подавляющее бремя, которое народы выносятъ все съ большимъ трудомъ.

«Очевиднымъ поэтому представляется, что, если бы такое положеніе продолжилось, оно роковымъ образомъ привело бы къ тому именно бѣдствію, котораго стремятся избѣгнуть и предъ ужасами котораго заранѣе содрогается мысль человѣка...

«Положить предѣлъ непрерывнымъ вооруженіямъ и изыскать средства предупредить угрожающія всему міру несчастія—таковъ нынѣ высшій долгъ для всѣхъ государствъ.

«Преисполненный этимъ чувствомъ, Государь Императоръ повелѣлъ мнѣ соизволилъ обратиться къ правительствамъ государствъ, представители коихъ аккредитованы при Высочайшемъ Дворѣ, съ предложеніемъ о созваніи конференціи въ видахъ обсужденія этой важной задачи.

«Съ Божьею помощію, конференція эта могла бы стать добрымъ предзнаменованіемъ для грядущаго вѣка. Она слотила бы въ одно могучее цѣлое усилія всѣхъ государствъ, искренно стремящихся къ тому, чтобы великая идея всеобщаго мира восторжествовала надъ областью смуты и раздора. Въ то же время она скрѣпила бы ихъ согласіе совмѣстнымъ признаніемъ началъ права и справедливости, на которыхъ зиждется безопасность государствъ и преуспѣяніе народовъ».

Самый бѣглый анализъ этого документа убѣждаетъ насъ въ томъ, что наше правительство ставить поднятый имъ вопросъ на надлежащую высоту и понимаетъ его въ самомъ широкомъ, принципіальномъ смыслѣ. Оно безъ всякихъ оговорокъ и колебаній приглашаетъ къ «изысканію наиболѣе

дѣйствительныхъ средствъ обезпечить всѣмъ народамъ истинный и прочный миръ», оно, не колеблясь, говоритъ объ искреннемъ стремленіи къ тому, чтобъ «великая идея всеобщаго мира восторжествовала надъ областью смуты и раздора», оно намѣчаетъ идеаломъ признаніе началъ права и справедливости, конечно, въ противоположность господствующему нынѣ началу силы. О томъ, чтобы «положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій», русское правительство говоритъ лишь какъ объ одномъ изъ средствъ, къ которымъ надо прибѣгнуть «прежде всего». Цѣль и задача лежатъ не въ этомъ, а во всеобщемъ мирѣ, который сдѣлалъ бы ненужными не только развитіе вооруженій, но вооруженіе вообще. Дальнѣйшее увеличеніе вооруженій представляется почти невозможнымъ и крайне опаснымъ, но и существующій размѣръ ихъ «въ корнѣ расшатываетъ общественное благосостояніе; духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ отвлечены, въ большей своей части, отъ естественнаго назначенія и расточаются непроизводительно; просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пресѣкаются или направляются на ложные пути».

Трудно указать во всей дипломатической литературѣ не только послѣдняго, но, пожалуй, и всѣхъ временъ болѣе рѣзкое и безповоротное осужденіе милитаризма. И это осужденіе важно не только по своей силѣ и притомъ, но и авторитетности правительства, отъ котораго оно исходитъ. Изъ всѣхъ великихъ державъ только Россія могла выступить съ подобнымъ заявленіемъ, и только къ ея заявленію миръ можетъ отнестись съ довѣріемъ. Въ самомъ дѣлѣ: Австрія и Италія слишкомъ слабы для такого сильнаго слова, Франція думаетъ о реваншѣ, Англія пользуется репутаціей коварной страны и притомъ, по своему географическому положенію, находится въ особыхъ условіяхъ, а еслибъ такое предложеніе исходило отъ Германіи, то его бы отчасти поставили на счетъ личныхъ свойствъ Вильгельма II, его любви къ оригинальничанію и популярности, а отчасти отнесли бы къ нему съ недовѣріемъ. Только при нашемъ положеніи среди такихъ державъ, только при доказанной искренности и миролюбіи Россіи такое заявленіе правительства можетъ имѣть вѣсъ.

Отмѣтимъ еще одну особенность, указанную еще въ 1880-мъ году Достоевскимъ въ его рѣчи на Пушкинскомъ праздникѣ. «Что такое, спрашивалъ великій страдалецъ, сила духа русской народности, какъ не стремленіе ея въ конечныхъ цѣляхъ ко всемирности и ко всечеловѣчности?» Далѣе онъ говорилъ: «да, назначеніе русскаго челоуѣка есть безспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящимъ русскимъ, стать вполне русскимъ, можетъ быть, и значить только (въ концѣ концовъ, подчеркните это) стать братомъ всѣхъ людей, всечеловѣкомъ». «И въ послѣдствіи, я вѣрю въ это, мы, т. е. конечно не мы, а будущіе русскіе люди поймутъ уже всѣ до одинаго, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить:

стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и всеобъединяющей, вмѣстѣ въ нее съ братскою любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ, можетъ быть, изрѣчь окончательное слово великой, общей гармоніи братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону!» «Все это покажется самонадѣяннымъ: «это намъ-то, дескать, нашей-то нищей-то грубой землѣ такой удѣлъ? Это намъ-то предназначено въ челоуѣчествѣ высказать новое слово? Что же, развѣ я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братствѣ людей и о томъ, что ко всемірному, ко всечеловѣчно-братскому единенію сердце русское, можетъ быть, изъ всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено, вижу слѣды его въ нашей исторіи, въ нашихъ даровитыхъ людяхъ, въ художественномъ гениі Пушкіна»... «Если наша мысль есть фантазія, то съ Пушкинымъ есть, по крайней мѣрѣ, на чемъ этой фантазіи основаться».

Если Достоевскій въ Пушкинѣ видѣлъ основаніе для мысли о призваніи Россіи—произнести слово братства и мира, то онъ увидѣлъ-бы и въ нынѣшнемъ предложеніи нашего правительства это-же. Не мудрено было, еслибъ такой горячій провозвѣстникъ, какъ Достоевскій, увидѣлъ въ немъ осуществленіе своего идеала. Мы видимъ въ нотѣ нашего правительства послѣднюю по времени и первую по силѣ и назначенію попытку къ достиженію всеобщаго мира и постараемся представить читателямъ краткій очеркъ предшествующихъ опытовъ и ученій, направленныхъ къ той же цѣли.

II.

Когда мы пробѣгаемъ лѣтопись челоуѣчества, такъ называемую исторію, рассказывающую намъ жизнь историческихъ народовъ, то передъ нами развертывается такой безконечный рядъ кровавыхъ войнъ, что мы невольно останавливаемся на вопросѣ: да полно, не есть-ли война нормальное состояніе челоуѣчества, а миръ — лишь исключительное? Война съ ея свирѣпостью, безпощадностью, разрушительностью, кровопролитіемъ, убійствами, грабежами, насиліями и т. д. не болѣе-ли сродна челоуѣку, чѣмъ благодатный миръ, съ его спокойствіемъ, мягкостью, сознательностью, уваженіемъ къ челоуѣческой личности, ея вещественнымъ и духовнымъ благамъ? Съ тѣхъ поръ, какъ люди помнятъ себя, они воюютъ между собой, и если это еще понятно въ періоды варварства, то оно весьма изумительно въ періоды цивилизациі, когда убійство челоуѣка считается тяжчайшимъ изъ преступленій, когда существуетъ юстиція, проповѣдуется челоуѣчность и, главное, когда народы страстно жаждутъ мира. Католикъ де-Мастръ, пораженный этимъ зрѣлищемъ, пришелъ къ заключенію, что кровь челоуѣческая должна литься непрерывно, во искупленіе грѣховъ и очищеніе отъ нихъ, а что миръ есть только отдыхъ, антрактъ.

Едва-ли стоитъ останавливаться на этой дикой мысли набожнаго богослова. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что среди цивилизованныхъ націй идеи мира являются уже и теперь преобладающими, что по мѣрѣ развитія истинной цивилизаціи, основанной на любви и справедливости, война должна мало по малу исчезнуть изъ человѣческаго обихода. Это что касается идей. Что-же касается дѣйствительности, то одинъ европейскія великія державы:—Австрія, Англія, Германія, Италія, Россія и Франція—содержать постоянныя арміи и флоты въ составѣ болѣе 3-хъ милліоновъ человѣкъ, расходуя на это ежегодно около 1.500.000,000 руб. Эти 3 милліона людей, составляющіе цвѣтъ націй по возрасту и силѣ, исключительно заняты изученіемъ военнаго дѣла, т. е. изученіемъ способовъ и пріемовъ наипушпѣйшаго истребленія наибольшаго числа враговъ, т. е. своихъ братьевъ не только въ человѣчествѣ, но и во Христѣ, всѣхъ одинаково учившаго любить другъ друга. Къ этой-же цѣли, т. е. максимальному убіенію и искалченію враговъ устремлены труды и занятія цѣлыхъ учреждений, цѣлыхъ сонмовъ умныхъ, образованныхъ ученыхъ и нерѣдко весьма даровитыхъ людей. Всѣ средства науки и искусства, вплоть до послѣднихъ словъ ихъ, эксплуатируются въ тѣхъ-же видахъ. На случай войны число воиновъ европейцевъ, которые набросятся другъ на друга съ самыми враждебными убійственными намѣреніями, можетъ дойти до 15 милл. человѣкъ! И это изъ общаго населенія въ 375 милл.

Эта дѣйствительность, имѣющая за собой такую заслуженную давность, будучи діаметрально противоположна всѣмъ общимъ понятіямъ цивилизованнаго человѣчества, находитъ однако не только практическихъ, но и теоретическихъ защитниковъ. Одни, практики, стоятъ за военное дѣло, какъ за дѣло, профессію, дающую средство къ жизни, чины, награды, отличія, «ленты, позументы, монументы»; другіе, теоретики, какъ мы видѣли, исходятъ изъ идей теологическихъ, третьи держатся началъ философскихъ. Всѣ они твердятъ, что война неизбежна, необходима, а иные доходятъ до проповѣди полезности войны. Противники ихъ, исходя изъ тѣхъ-же основаній и держась одни началъ практическихъ, другіе—теоретическихъ, а третьи—философскихъ, утверждаютъ, что войны можно избѣжать, что она не только не необходима, но абсолютно вредна. Вотъ краткое изложеніе этихъ про и contra, принадлежащее перу извѣстнаго проф. Даневскаго.

Говорятъ, что всемірная исторія, столь знакомая съ войнами, есть высшій судъ надъ народами, часто низвергающій во имя высшихъ интересовъ и благъ малыя или дурныя творенія рукъ человѣческихъ. Можно замѣтить, что такъ было въ тѣ времена, когда война даже сближала народы, знакомила низшія культуры съ высшими, ассимилировала народы и культуры. Теперь-же нѣтъ и не можетъ быть ничего подобнаго: цивилизованные народы твердо осѣлись, образовали политическій и соціальны

строй, сближаются между собою науками и искусствами и состоятъ другъ съ другомъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. Сближеніе продолжаетъ идти впередъ быстрыми шагами, для чего нужны миръ и дружба, а не вражда, раздражающая и взаимно отталкивающая народы. Если говорить о карѣ Божіей и предопредѣленіи Божества, рѣшающемъ о войнѣ и побѣдѣ, то такія мысли—просто кощунство, такъ какъ религія мира, любви и братства, чистота и безконечное величіе ученія Христа, заповѣдавшего «любить враговъ», не даютъ ни основанія, ни управомочія для убійствъ, ссоръ, злобы и всяческаго взаимостребленія. Когда церковь сдѣлалась воинствующею (на Западѣ), она уже удалилась отъ чистоты евангельскаго ученія, принизилась до земного, или извиняла лишь и оправдывала войну, какъ неизбѣжное зло. Для государствъ, ведущихъ войну, она неисчислимо зло, грозящее уничтоженіемъ; и побѣдитель и побѣжденный страдаютъ экономически. Содержаніе арміи и флота въ мирное время обходится очень дорого, поглощая $1\frac{1}{2}$ всѣхъ государственнымъ доходовъ. Эти расходы государствъ Европы и долги ихъ, большая часть которыхъ, по свидѣтельству Леруа-Болье, сдѣлана на войны, возрастаютъ въ геометрической пропорціи: Италія, благодаря воинственной «лигѣ мира», близка къ банкротству; въ Германіи—все рошчетъ отъ налоговъ, страна обнищала, эмиграція увеличивается. А въ тоже время Соединенные Штаты, не ведущіе войнъ и не имѣющіе постоянной арміи, не знали—куда дѣвать золото и систематически уменьшаютъ налоги! Исчислить-же дальнѣйшіе (косвенные) убытки отъ войны—совершенно невозможно! Милліардами должны быть исчислены потери рабочихъ рукъ, отъ уменьшенія и сокращенія производства на фабрикахъ и заводахъ, сокращенія вывоза и привоза, потери и стоимости рабочей силы, изъятой отъ труда въ видѣ убитыхъ и раненыхъ, отъ ослабленія кредита, паденія курса и т. д. Во время самой войны множество денегъ поглощается контрибуціями и реквизиціями. Одинъ писатель приводитъ таблицу, изъ которой видно, что съ 1795 г. по 1871 г. забрано воюющими однихъ контрибуцій болѣе чѣмъ на 7 милліардовъ франковъ (не считая реквизицій). Одни Пруссакі въ 1870—1871 набрали контрибуціями—39 милліоновъ франковъ, налогами—49 мил. и реквизиціями 327 мил., да по заключеніи мира взяли съ французовъ 5 милліардовъ франковъ золотомъ. Не очевидно-ли, что даже очень серьезныя нарушенія права не стоятъ этихъ страшныхъ жертвъ, которыя не поддаются уже никакому, даже приблизительному исчисленію, если взять во вниманіе потери нейтральныхъ на торговлѣ, а иногда и прямые убытки ихъ отъ необходимости увеличить армію, привести часть ея на военное положеніе для охраны нейтралитета. Нужно-ли говорить, что и побѣда — понятіе относительное, непрочное! Сильное пораженіе для могучаго народа, униженіе его, разореніе контрибуціями—питаютъ месть, жажду мщенія (напр. современная Франція относительно Германіи); миръ — не проченъ и является скорѣе

вооруженнымъ перемиріемъ. Въ общемъ и цѣломъ нельзя допустить никакого «возрожденія народовъ» и нравственнаго усовершенствованія ихъ послѣ войны. Подъемъ духа, конечно, бываетъ, но только въ немногихъ, дѣйствительно популярныхъ (освободительныхъ) войнахъ, напр. Испанцевъ и Русскихъ въ 1811—1812 годахъ, войнахъ 1876 и 1877—1878. Большія и продолжительныя войны ведутъ часто къ отчаянію, угнетенію духа, къ огрубѣнію нравовъ, къ очерствѣлости сердца и самодовольству ума (напр. у нѣмцевъ долго послѣ 1870—71 г.), къ самоувѣренности побѣдителя (Франція—Наполеона I; Германія—Бисмарка), къ непримиримой ненависти среди побѣжденныхъ. Всегда водворяется авторитетъ и господство военного сословія (современная Германія), которые, если бывають продолжительны и распространены, дѣлаются тягостными для населенія, придаютъ государству милитарный характеръ, отнюдь не содѣйствуя поднятію умственнаго и нравственнаго уровня населенія, а всегда понижая его. Такое состояніе совѣтъ неблагоприятно ни наукѣ и литературѣ, ни законодательствамъ и социальнымъ реформамъ. Для побѣжденныхъ (Россія послѣ 1856 г.) нерѣдко такіе удары—толчекъ къ реформамъ. Но самые удары—слишкомъ сильны, расшатываютъ организмъ, и миръ, конечно, во сто кратъ благоприятнѣе для разумной и постепенной работы на пользу общества и государства. Замѣчено также, что самые «идеалы» послѣ войны всегда понижаются, особенно у побѣдителей.

Не вдаваясь въ болѣе подробное изложеніе этого извѣстнаго спора, мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что твердо уповаемъ на то, что этотъ споръ можетъ и долженъ быть разрѣшенъ въ смыслѣ уничтоженія войнъ и установленія вѣчнаго мира, когда какъ, сказано, мечи будутъ перекованы въ плуги и будетъ едино стадо и единъ пастырь!

Къ этому завѣтному идеалу издавна стремится человѣчество, въ лицѣ лучшихъ его представителей. Герои мысли и слова, основатели религій, мыслители и философы, ученые и художники, наконецъ, общественные дѣятели и государственные люди проповѣдуютъ на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе. Герои битвъ и парадовъ съ худо-скрываемымъ, а иногда и вовсе нескрываемымъ пренебреженіемъ и даже презрѣніемъ относятся къ этимъ, по выраженію Наполеона 1-го, «идеологамъ», но это ничего не значитъ и, по счастью, ни къ чему не обязываетъ, особенно насъ, мирныхъ юристовъ. Наши величайшіе учителя, римляне, которые были въ тоже время и большими воителями, выработали однако формулу: *sedant agra togae*. Вся юриспруденція, все существо ея, такъ сказать, ядро ея, есть прямой безусловный протестъ противъ войны; понятіе о правѣ и законѣ исключаетъ понятіе о силѣ и войнѣ. Подобно тому, какъ общество состоитъ изъ индивидуумовъ и союзовъ ихъ, такъ и человѣчество состоитъ изъ государствъ и союзовъ ихъ. И если въ обществѣ или государствѣ наступленіе эры права и закона знаменуетъ прекращеніе мести, насилія

и самоуправства, то нѣтъ никакого основанія думать, что такая же метаморфоза не должна наступить въ человѣчествѣ, въ отношеніяхъ между государствами и народами. Вотъ почему въ нашей мирной юридической наукѣ существуетъ особая отрасль, международное право, конечное стремленіе котораго есть водвореніе принципа права въ отношеніяхъ между народами, т. е. уничтоженіе войны и войскъ. Говоря послѣднія слова, мы думаемъ не о томъ взаимномъ уничтоженіи враждебныхъ войскъ, о которомъ долженъ мечтать всякій солдатъ, надѣющийся быть генераломъ, а о болѣе мирномъ способѣ, объ обращеніи всѣхъ этихъ бравыхъ и сильныхъ молодыхъ людей къ другимъ менѣе кровавымъ и болѣе производительнымъ занятіямъ.

Обозрѣніе доктринъ международного права доказываетъ, что вся задача и смыслъ этой науки заключается въ отмѣнѣ войны. Въ самомъ дѣлѣ: субъекты международного права—самостоятельныя государства; отношеніе и столкновеніе между ними совершенно таковы, какими предполагаются отношенія между людьми, еще не организованными въ общества и государства; надъ ними нѣтъ власти, нѣтъ закона, произволъ и сила являются здѣсь принципами. Но сила вещей, сила логики, сила религіи и нравственныхъ началъ, понятіе о пользѣ и благосостояніи людей, наконецъ, идея солидарности всего человѣчества дѣлаютъ то, что произволъ и сила все болѣе и болѣе ограничиваются; возникаетъ общеніе и органы этого общенія между государствами, возникаютъ договоры, болѣе или менѣе обширные, охватывающіе все большія и большія сферы какъ количественно, такъ и качественно, устанавливаются обычные правила предупрежденія столкновений между государствами—дипломатическія сношенія, переговоры, посредничества, кое-когда учреждаются третейскіе суды; международное право забирается въ самый львиный ровъ; оно бросается съ своею оливковою вѣтвью въ разгаръ битвъ, создаетъ правила войны, правила, стремящіяся къ смягченію ужасовъ войны уменьшеніемъ зла, причиняемаго ею. И хотя еще до сихъ поръ *ultima ratio* въ международныхъ отношеніяхъ есть война, международное право стремится къ тому, чтобъ этою *ultima ratio* стало право. И въ этомъ направленіи работали не только теоретики международного права, но и практики—государственные люди. Въ этомъ направленіи работаютъ многоразличныя учрежденія, какъ официальные, такъ и неофициальные. Къ этимъ работамъ, къ этимъ усиліямъ мы и обратимся теперь.

III.

Есть два направленія, по которымъ идетъ человѣческая мысль въ этомъ отношеніи. Одно изъ нихъ можно назвать монархическимъ, другое республиканскимъ. Мы беремъ эти названія не въ буквальномъ ихъ смыслѣ, а въ фигуральномъ. Именно: одни думали избѣгнуть войны созданіемъ

всемирнаго или, по крайней мѣрѣ, всеевропейскаго государства, къ которому отдѣльные государства стояли бы въ отношеніи подданныхъ. Еслибъ это осуществилось, то, конечно, не было бы войнъ; отдѣльные государства не стали бы воевать другъ съ другомъ, какъ въ государствахъ не смѣютъ воевать отдѣльныя губерніи. Этотъ планъ еще никогда неосуществлялся, и попытки къ его осуществленію всегда вызывали самыя продолжительныя, самыя кровопролитныя войны, войны Римской Имперіи (древней), Священной Римской Имперіи, наконецъ Наполеоновскія. Такое разрѣшеніе вопроса едва ли и возможно. Хотя многіе говорятъ о соединенныхъ штатахъ Европы, но примѣръ 60-хъ годовъ показываетъ, что даже такая организація, какова организація сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ—организація, до которой европейскимъ государствамъ, какъ до звѣзды небесной,—далеко не гарантируетъ отъ войны. Конечно, одинъ штатъ противъ 35 не начнетъ никогда воевать, но 18 противъ 18 можетъ и даже весьма успѣшно.

Другое направленіе, республиканское, сохраняетъ независимость, самостоятельность и равноправность отдѣльныхъ государствъ, но создаетъ цѣлый рядъ органовъ и учреждений, предупреждающихъ и упраздняющихъ войны. Таковы, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, были амфиктіоніи древней Греціи, таковы третейскіе суды, союзы государствъ и т. д.

Ученія о вѣчномъ мирѣ очень древни. Всѣ социалистическія системы построены на нихъ и проекты къ достиженію его возникли въ Европѣ въ половинѣ XV столѣтія, когда Венгерскій король Георгій Подіебрадъ (что-то славянское слышится въ этомъ имени) снарядилъ посольство къ французскому королю Людовику XI, предлагая ему созвать собраніе королей и князей съ цѣлью освободить королей и народы отъ давленій папства и Священной Римской Имперіи посредствомъ организаціи Новой-Европы; онъ предлагалъ коалицію всѣхъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ противъ папства и Имперіи. Этотъ планъ не имѣлъ никакого успѣха. Спустя полтора столѣтія на этой же мысли остановился французскій король Генрихъ IV ѣ, или, вѣрнѣе, знаменитый министръ, Сюлли. Онъ предполагалъ образовать христіанскую Европу изъ 15 государствъ такъ пригнанныхъ, чтобъ изъ нихъ составила христіаннѣйшая республика, которая сама пребывала бы въ вѣчномъ мирѣ и держала бы въ этомъ состояніи каждое отдѣльное, входящее въ нее, государство. Все это достигалось бы такими мѣрами и средствами, которыя были бы пріятны каждому государю. Международными дѣлами долженъ былъ завѣдывать европейскій Сенатъ. Генрихъ IV хотѣлъ, чтобъ начато было съ такой передѣлки Европы, при которой былъ бы приниженъ австрійскій домъ. Эта реорганизація Европы, будучи достигнута послѣдней войной, дала бы возможность водворить право на мѣсто силы и основать равновѣсіе христіанскихъ государствъ на свободѣ совѣсти и уваженіи къ національностямъ.

Этотъ проектъ былъ предложенъ Елизаветѣ Англіійской, а за ней Іакову I, но тоже не имѣлъ результатовъ, кромѣ того, что съ тѣхъ поръ ученые стали заниматься этимъ вопросомъ. Лакроза въ своемъ сочиненіи *Nouveau Cynée* (1623-го г.) предлагалъ организовать постоянный международный сеймъ, члены котораго, избранные народомъ, имѣли бы задачей изслѣдовать причины столкновеній между народами и устранять ихъ. Два года спустя, Гуго Гроцій, въ своемъ трактатѣ *De jure belli ac pacis*, приглашаетъ христіанскія государства, въ случаѣ международныхъ столкновеній, собираться или соединяться и тѣмъ вызвать внимательство государствъ незаинтересованныхъ, которыя принудили бы спорящихъ заключать миръ на началахъ справедливости. Гуго Гроцій считалъ всякую войну явленіемъ антиюридическимъ и анти-соціальнымъ, почему вся задача, при ея возникновеніи, состоитъ въ томъ, чтобы заставить настолько возможно уважать во время войны обязанности челоуѣколюбія.

Въ 1647-мъ году возникла секта квакеровъ или общество друзей, основною идеей которыхъ была идея о мирѣ и которые, для того, чтобы сдѣлать войну невозможною, объявили, что въ случаяхъ нападенія они отказываются защищаться. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ членовъ этой секты, Уильямъ Пенъ издалъ, въ 1693 году, въ Лондонѣ «опытъ о настоящемъ и будущемъ мирѣ Европы», въ которомъ онъ возвращается къ проекту Генриха IV, считая его полезнымъ, необходимымъ и осуществимымъ.

Спустя около 20 лѣтъ появился знаменитый аббатъ Сентъ-Пьеръ съ своими проектами, которые онъ развилъ въ трехъ сочиненіяхъ: «*Memoires pour rendre la paix perpetuelle*» (Кельнъ 1712 г.); «*Projet pour perpetuer la paix et le commerce en Europe*» (Утрехтъ 1713 г.) и «*Projet de traité pour la paix perpetuelle entre les souverains chrétiens etc, proposé autrefois par Henri le Grand*» (Утрехтъ 1717 г.). Въ этихъ проектахъ, очень фантастическихъ, аббатъ полагаетъ всю силу въ томъ, чтобы государства подписали 5 статей, въ которыхъ обязались бы 1) отказаться отъ разрѣшенія споровъ войною, 2) принимать посредничество союзниковъ, 3) вносить извѣстныя суммы и 4) предоставлять извѣстныя силы на поддержаніе союза, задачу котораго аббатъ излагаетъ довольно подробно и, наконецъ 5) подавлять публичною силою всякое предпріятіе кого либо изъ союзниковъ противъ союза. Самый союзъ долженъ былъ быть заключенъ между государями съ цѣлью обезпечить себя и своихъ наслѣдниковъ на вѣчныя времена отъ несчастій войны; взаимно гарантировать цѣлость ихъ владѣній и неприкосновенность ихъ особъ; обезпечить за ихъ династіями наслѣдственность власти; достигнуть уменьшеній расходовъ и увеличенія доходовъ и усовершенствованій законовъ; кончать всѣ споры миромъ и обезпечить другъ другу быстрое и точное исполненіе своихъ договоровъ и обѣщаній.

Около этого же времени Лейбницъ обнародовалъ аналогичный проектъ

Ландграфа Эрнеста Гессенъ Ринфельдскаго, заявляя, что онъ считаетъ этотъ проектъ осуществимымъ и что исполненіе его было бы одною изъ лучшихъ вещей въ мірѣ. Вольтеръ называетъ проекты аббата Сентъ-Пьера превосходными, но мало выполнимыми и замѣчаетъ, что единственно-возможнымъ вѣчнымъ миромъ должно считать вѣротерпимость.

Идеи аббата Сентъ-Пьера не остались чужды тогдашнимъ мыслителямъ. Нѣкій Майеръ, въ сочиненіи, изданномъ въ 1777-мъ году, предлагалъ планъ европейскаго конгресса для установленія вѣчнаго мира, а нѣсколько лѣтъ спустя съ этой же мыслью выступилъ и Кантъ, обнародовавшій въ 1795 году свой «философскій проектъ вѣчнаго мира». Это сочиненіе написано подъ вліяніемъ чувствъ, вызванныхъ въ Кантѣ французскою революціею. Онъ находилъ, что она открываетъ человѣчеству новыя неожиданныя перспективы. И хотя революція была очень воинственною, но ея апостолы—Мирабо, Лафайетъ, даже Робеспьеръ—вычеркивали войну изъ своего символа вѣры.

Кантъ говоритъ: разумъ безусловно осуждаетъ войну, въ смыслѣ правового способа. Онъ признаетъ миръ абсолютной обязанностью. Можно доказать, что союзъ, который бы нечувствительно распространился на всѣ государства и привелъ бы ихъ къ вѣчному миру, вещь осуществимая. Для этого нужно предварительно признать нѣкоторые принципы.

1) Не надо считать дѣйствительными тѣ мирные договоры, въ которыхъ молчаливо сохранены поводы къ новой войнѣ.

2) Никакое государство (малое или большое, это совершенно безразлично), не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ приобрѣтено другимъ государствомъ. Государство не есть вотчина, какъ земля, на которой оно находится. Оно есть общество людей, которое одно можетъ повелѣвать себѣ и располагать собою. Присоединить его къ другому государству значить низвести его изъ состоянія нравственной личности, какимъ оно есть, къ состоянію вещи.

3) Правильныя арміи должны быть со временемъ уничтожены, ибо, всегда готовые къ дѣйствію, онѣ безпрестанно угрожаютъ другимъ государствамъ и вынуждаютъ ихъ увеличивать до безконечности число вооруженныхъ людей. Это соперничество, будучи неизсякаемымъ источникомъ расходовъ, дѣлающихъ самый миръ болѣе тягостнымъ, чѣмъ короткая война, заставляетъ даже иногда нарочно открывать враждебныя дѣйствія, чтобы избавиться отъ такой тяжелой обузы. Кромѣ того, быть нанятымъ для того, чтобы убивать или быть убитымъ значить служить инструментомъ въ рукахъ другихъ, и невозможно понять, какимъ образомъ такое употребленіе, дѣлаемое государствомъ изъ человѣка, совмѣстимо съ правами, которыя природа дала человѣку надъ самимъ собою.

4) Не должно заключать національныхъ долговъ для поддержанія внѣшнихъ интересовъ государства.

5) Никакое государство не должно насильно вмѣшиваться въ конституцію и управление другого.

Разъ эти принципы будутъ признаны и переведены въ жизнь, вѣчный миръ возможенъ при двухъ главныхъ условіяхъ: во 1-хъ, чтобъ власть исполнительная была отдѣлена отъ власти законодательной и, во 2-хъ, чтобъ преобладаніе было дано духу торговли и промышленности. Для достиженія этихъ результатовъ необходима конституція, въ силу которой въ государствахъ были бы не подданные, а полноправные граждане. Иначе объявленіе войны будетъ самою легкою вещью, ибо она не стоитъ главамъ, (собственникамъ, а не членамъ государствъ) ни малѣйшихъ пожертвованій ихъ удовольствіями: столомъ, охотой, деревней, дворомъ. Они могутъ объявлять войны по самымъ произвольнымъ основаніямъ, предоставляя оправданіе ихъ, требуемое приличіями, дипломатическому корпусу, который всегда готовъ подобрать такія оправданія.

Эти замѣчательныя мысли великаго философа, въ которыхъ мы встрѣчаемъ столько пророческаго, послужили точкой отправленія для цѣлой массы позднѣйшихъ писателей. Фихте предлагаетъ федерацію между народами, Шеллингъ прибавляетъ къ этому ареопагъ для разрѣшенія споровъ, Фаллоті (тегеліанецъ) предлагаетъ народамъ организацію въ формѣ конституціонной монархіи, другіе въ формахъ федеративной республики, Фурье и Сень-Симонъ одинаково говорятъ объ организаціи, исключющей войну, Гондонъ, въ 1808 году, тоже составляетъ проектъ вѣчнаго мира. Бентамъ, практичный англичанинъ, предлагаетъ, для рѣшенія споровъ и устраненія войны, учрежденіе постоянного конгресса изъ депутатовъ отъ державъ, обладающихъ, для приведенія въ исполненіе своихъ постановленій, международнымъ войскомъ, а также правомъ исключенія неповинующихся государствъ изъ союза.

Изъ новѣйшихъ проектовъ наиболѣе извѣстны проекты Блунчли и Лоримера.

1. Блунчли исходитъ изъ признанія самостоятельности и свободы государствъ, дѣйствующихъ сообща для нѣкоторыхъ общихъ цѣлей; поэтому союзъ государствъ (Staatenbund)—наилучшая форма для международнаго союза, основаннаго на юридическомъ равенствѣ членовъ и на различной ихъ дѣеспособности, почему болѣе дѣеспособнымъ (великимъ державамъ) дается и большее число голосовъ въ общемъ представительствѣ. Последнее выражается въ международномъ законодательствѣ, въ международной охранѣ мира и достиженія цѣлей высшей политики, въ международномъ управленіи и юстиціи. Первое принадлежитъ союзному совѣту и сенату; изъ нихъ союзный совѣтъ, (члены его—по назначенію правительствъ; великія державы имѣютъ по 2 представителя; члены Сената—по назначенію или по выборамъ, если въ государствахъ имѣются представительныя учрежденія) руководить вопросами высшей общеевропейской политики.

Международное управленіе и юстиція имѣютъ общіе органы въ видѣ третейскихъ судовъ, а для нѣкоторыхъ дѣлъ и въ видѣ постоянныхъ международныхъ судовъ. Исполненіе рѣшеній союзныхъ органовъ возлагается на государства, въ исключительныхъ случаяхъ допускается и принужденіе подъ строгимъ контролемъ сената и съ его согласія. Возможность войны абсолютно не устраняется.

2. Проектъ Лоримера. Авторъ приписываетъ проектамъ предшественниковъ тотъ недостатокъ, что они построены на неизмѣняемости фактическихъ отношеній между народами въ извѣстную эпоху, а также, — что въ нихъ не установлено достаточной связи между законодательствомъ международнымъ и національнымъ. Лоримеръ рекомендуетъ организацію въ видѣ органовъ властей законодательной, судебной, исполнительной и финансовой. Органы первой — сенатъ (изъ пожизненныхъ членовъ, назначаемыхъ высшею властью въ отдѣльныхъ государствахъ) и палата представителей (избираются на срокъ нижними палатами или единою палатою представителей въ отдѣльныхъ государствахъ; число сенаторовъ и представителей пропорціонально могуществу государствъ). Органъ второй — международный судъ (двѣ палаты — гражданская и уголовная) изъ 15 членовъ (6 отъ великихъ державъ), назначаемыхъ изъ членовъ высшихъ судовъ отдѣльныхъ государствъ, а со временемъ изъ членовъ «международной адвокатуры» (назначаются пожизненно). Органъ третьей — бюро или министерство (оно избираетъ и судей), состоящее изъ 15 членовъ (5 сенаторовъ и 10 — изъ депутатовъ, по выбору сената и палаты депутатовъ), избираемыхъ на 1 годъ (каждая великая держава не менѣе 1 члена). Изъ состава бюро (по выбору) — президентъ международного правительства (онъ-же предсѣдатель сената). Мѣсто международного правительства — Женева; издержки его покрываются особымъ налогомъ. Для исполненія рѣшеній законодательной власти и суда — особая сила изъ контингентовъ отдѣльныхъ государствъ или собираемая на ихъ средства. Эта сложная организація можетъ воспитать массы «въ идеяхъ международной справедливости и солидарности».

Какъ извѣстно, движеніе, вызванное нѣмецкою философіею со временъ Канта и достигшее своего апогея при Гегелѣ, имѣло очень обширное влияніе на все мыслящее челоѣчество. Вотъ почему мы видимъ, что еще въ самомъ началѣ заканчивающагося нынѣ вѣка возникаютъ сначала въ Америкѣ, а затѣмъ и въ Европѣ, такъ называемыя общества мира. Первое возникло въ Нью-Йоркѣ въ 1815 году, вслѣдъ затѣмъ въ Лондонѣ въ 1816 было основано общество, имѣвшее задачей сдѣлать миръ вѣчнымъ и повсемѣстнымъ. Организованное въ 1821 году въ Парижѣ общество христіанской морали внесло въ свою программу вѣчный миръ.

Съ тѣхъ поръ въ Европѣ появилось много такихъ обществъ, которыя въ 1843 году прислали своихъ делегатовъ въ Лондонъ, чтобъ образовать

тамъ родъ конгресса. Затѣмъ слѣдовали такіе же конгрессы въ Брюсселѣ (48-го г.), въ Парижѣ (49), въ Франкфуртѣ (50), Лондонѣ (51), и т. д. Раздались голоса такихъ людей, какъ Кобленъ, который еще въ 48 году внесъ въ парламентъ предложеніе, чтобъ во всѣхъ договорахъ, заключенныхъ между Англіею и другими странами, былъ введенъ принципъ посредничества.

Это великое движеніе въ пользу мира было сильно задержано воцареніемъ во Франціи Наполеона III, Napoleon le petit, какъ называлъ его Гюго. Начавъ съ заявленія, что Имперіи—это миръ, онъ поднялъ цѣлый рядъ войнъ (русская 1854—56, итальянская 59—60, мексиканская, китайская) закончившихся колоссальною франко-прусскою войною 1870 г., гдѣ этотъ воитель погубилъ себя и свою власть и чуть не погубилъ Францію. Тѣмъ не менѣе и онъ въ 1863 году адресовался къ европейскимъ государямъ, приглашая ихъ собраться на конгрессъ, цѣлью котораго было бы разрѣшить всѣ текущіе вопросы и установить европейскій порядокъ на прочныхъ основаніяхъ: новой политической системѣ и взаимномъ довѣріи, но уже тогда ему никто не вѣрилъ и планъ его былъ отвергнутъ.

Это гнусное и вредное для мира вліяніе императора французовъ, смѣнившееся не менѣе гнуснымъ и вреднымъ вліяніемъ его побѣдителя, желѣзнаго канцлера новой германской Имперіи—Бисмарка, на долго изымало дѣло мира изъ рукъ правительствъ. Въ устахъ правительствъ это слово—миръ—приобрѣло характеръ какой-то дьявольской насмѣшки. На всѣ лады переворачивая слово миръ и прикрываясь имъ, правительства Европы въ лицѣ Каприви, Таафе, Криспи, Фрейсине и др. только и дѣлаютъ что строятъ крѣпости, лютъ пушки, мѣняють ружья, изобрѣтають порохъ, стремятся обратить въ солдатъ всѣхъ гражданъ и приучають къ военнымъ эволюціямъ чуть не грудныхъ младенцевъ. Солдатчина и милитаризмъ сдѣлались догматами fin du siècle, налоги, долги и бюджеты растутъ,—и не видать конца бѣдствіямъ и «нѣсть конца мученіямъ».

Тѣмъ съ большею отрадою останавливается мысль на тѣхъ благородныхъ усиліяхъ, которыя люди мысли и науки прилагають къ тому, чтобъ проповѣдывать и вводить въ сознаніе народовъ идею вѣчнаго мира.

Главная работа по этому вопросу сосредоточена нынѣ въ такъ называемыхъ конгрессахъ и лигахъ мира, и въ литературѣ. Какъ мы уже видѣли, конгрессы мира начались съ 1847 г. Они продолжаются и понынѣ. Самымъ интереснымъ изъ нихъ былъ конгрессъ 1849 г. въ Парижѣ, на который съѣхались делегаты со всѣхъ концовъ міра. Предсѣдательствовалъ Викторъ Гюго, произнесшій при этомъ случаѣ очень восторженную и красивую рѣчь, къ сожалѣнію, не оправдавшуюся еще и понынѣ.

«Будетъ нѣкогда день, говорилъ знаменитый поэтъ, когда вы, Французы, Русскіе, Итальянцы, Англичане, Нѣмцы, вы всѣ народы континента, не теряя своихъ различій и своихъ славныхъ индивидуальностей, уже

сольетесь въ высшемъ единствѣ и составите европейское братство, какъ отдѣльныя провинціи составляютъ теперь Францію».

«Будетъ нѣкогда день, и не будетъ существовать другихъ полей сраженій, кромѣ рынковъ, открытыхъ для торговли, и умовъ, открытыхъ для идей».

«Будетъ нѣкогда день, когда пули и ядра будутъ замѣнены шарами всеобщаго голосованія народовъ и уважаемымъ посредничествомъ великаго Верховнаго Сената, который будетъ для государствъ Европы тоже, что парламентъ для общинъ Англіи».

«Будетъ нѣкогда день, когда пушки будутъ показывать только въ музеяхъ, какъ рѣдкость, какъ показываютъ теперь орудія пытки, вызывая удивленіе, что это могло быть».

«И для наступленія этого дня не нужно 400 лѣтъ, ибо мы живемъ въ вихрѣ событий и идей, въ эпоху, когда одинъ годъ дѣлаетъ работу столѣтій».

Международныя лиги мира были основаны въ 1867 году—одна Фредерикомъ Пасси, другая Манженомъ. Первая имѣетъ болѣе мѣстный, французскій характеръ и издаетъ въ неопредѣленные сроки свои бюллетени. Основная мысль ея—посредничество въ международныхъ дѣлахъ. Вторая лига гораздо обширнѣе и вліятельнѣе. Она имѣетъ членовъ во всѣхъ странахъ и отличается строго опредѣленною политическою программой, состоящею въ установленіи правильнаго взгляда на природу правительства, какъ исполнителя народной воли, и на средства къ уничтоженію невѣжества и предразсудковъ, питающихъ шансы войны. Лига должна стремиться къ замѣнѣ постоянныхъ армій народною милиціею и поставить во всѣхъ государствахъ на очередь вопросъ о положеніи рабочихъ и обездоленныхъ классовъ, дабы на благосостояніи и частномъ и общемъ можно было основать политическую свободу гражданъ. Первый конгрессъ этой лиги собрался въ Женевѣ въ сентябрѣ 1868 года подъ предсѣдательствомъ Гарибальди. Этотъ конгрессъ надѣлалъ много шума и былъ прозванъ конгрессомъ революціи, потому что на немъ были поставлены вышеуказанные вопросы, и притомъ въ формѣ довольно страстной и оскорбительной для многихъ тогдашнихъ правительствъ, которыя вслѣдствіи этого сдѣлались врагами если не мира, то конгресса мира. Эта лига въ теченіи болѣе года издавала журналъ (на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ) „Les etats unis de l' Europe“, замѣненный съ 1869 года ежемѣсячнымъ бюллетенемъ, издаваемымъ въ Женевѣ.

Извѣстная писательница, австрійская баронесса Берта фонъ-Суттнеръ, сразу прославившаяся своимъ романомъ «Долой оружіе», издаетъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ журналъ подъ заглавіемъ: „Die Waffen nieder!“ Въ романѣ, который, вѣроятно, всѣ читали, Суттнеръ очень краснорѣчиво и картинно изображаетъ съ точки зрѣній жены и матери всѣ ужасы войны и горячо

проповѣдуетъ ея уничтоженіе. Тоже самое проводитъ она въ журналѣ, и интересующіеся вопросомъ могутъ въ этомъ журналѣ найти не только массу статей въ прозѣ и стихахъ, но и всѣ свѣдѣнія о литературѣ вопроса о мирѣ, всякаго рода собраніяхъ, конференціяхъ, митингахъ и т. д.

IV.

Рядомъ съ этими теоретическими построеніями и стремленіями, практика вопроса о вѣчномъ мирѣ, объ уничтоженіи, предупрежденіи, сокращеніи и смягченіи войнъ представляетъ рядъ явленій, которыя, если и не привели почти ни къ какимъ результатамъ, то, по крайней мѣрѣ, доказываютъ, что и практика не чужда этихъ вопросовъ.

Въ этомъ отношеніи нужно указать на слѣдующее:

Одной изъ самыхъ частыхъ причинъ войны служило вмѣшательство одного государства не только во вѣшнія, но и внутреннія дѣла другого. Во избѣжаніе этого пытались и въ наукѣ и въ жизни установить принципъ невмѣшательства, по крайней мѣрѣ, во внутреннія дѣла государствъ, но когда увидѣли, что къ внутреннимъ дѣламъ относятся напр. турецкія звѣрства надъ болгарами, то опять призадумались, что лучше: вмѣшательство или невмѣшательство (*intervention* и *non-intervention*). Покаместъ этотъ вопросъ остается открытымъ и сохраняетъ тоже самое положеніе, о которомъ сказалъ острое слово Талейранъ. Онъ былъ посланникомъ въ Лондонѣ. На какомъ то балу одна леди спросила его, что такое невмѣшательство; «*non-intervention Madame*, отвѣтилъ ей остроумный французъ, *non-intervention est un mot diplomatique et énigmatique, qui signifie à peu près la même chose qu' intervention*».

Затѣмъ думали обезпечить миръ принятіемъ той или иной системы, которая бы соотвѣтствовала высшимъ принципамъ, якобы лежащимъ въ природѣ вещей. Таковы были: система политическаго равновѣсія, принципъ легитимизма и начало національности. Но каждая изъ этихъ системъ, при ея практическомъ осуществленіи, вызывала постоянныя и нескончаемыя войны.

Далѣе слѣдуютъ международные договоры, при помощи которыхъ обыкновенно, послѣ войнъ, старались установить на будущія времена миръ. Первоначально въ эти договоры вводились довольно наивныя формы: клятвы, цѣлованіе креста, торжественныя обѣщанія «на вѣчныя времена». Но съ этими договорами всегда случалось то, что случается со всѣми договорами: они существовали тогда, когда были не нужны, а когда въ нихъ оказывалась надобность, то ихъ какъ бы не существовало. Пока дѣла шли мирно, все было хорошо, а когда возникали разногласія, то договоры пускались по боку, а въ ходъ пускались пушки и штыки.

Къ этой же категоріи явленій относятся: дипломатическія сношенія, добрыя услуги и посредничества, третейскіе суды, постоянныя междуна-

родные суды, конгрессы и конференціи. Дипломатія, которая должна бы улаживать споры и предупреждать ихъ, обыкновенно занималась тѣмъ, что сѣяла раздоры и интриги. Слово это сдѣлалось синонимомъ лжи и обмана и пользы дѣлу мира дипломатія принесла немного, хотя обходится она, сама по себѣ, весьма не дешево.

Добрыя услуги—форма нравственного вмѣшательства третьихъ державъ въ споръ, по собственной инициативѣ, по приглашенію одной или обѣихъ сторонъ. Эти добрыя услуги весьма рѣдко приводили къ добру. Тѣмъ не менѣе желаніе, выраженное въ парижскомъ протоколѣ 1856, чтобы спорящіе обращались къ добрымъ услугамъ, признается такими людьми, какъ Гладстонъ и Лавелъ, безсмертною заслугою его авторовъ.

Посредничество отличается отъ добрыхъ услугъ тѣмъ, что оно возникаетъ либо по приглашенію обѣихъ сторонъ, либо съ ихъ согласія. Этотъ способъ разрѣшенія споровъ признанъ обязательнымъ по Парижскому договору 1856 и встрѣчается довольно часто. Мало по малу этотъ институтъ переходитъ въ третейскій судъ, имѣющій тенденціи перейти въ постоянный международный судъ. Какъ по существу и смыслу, такъ и по практическимъ результатамъ, эта идея является наиболѣе цѣлесообразною и плодотворною изъ всѣхъ, стремящихся къ водворенію мира. Достаточно сказать, что случаевъ третейскаго разбирательства международныхъ споровъ въ нашемъ столѣтіи насчитывается болѣе 50. Изъ нихъ самый знаменитый—третейскій судъ по «Алабамскому спору»,—несомнѣнно устранившій страшную войну между Англіей и Сѣв. Амер. штатами. Во всѣхъ парламентахъ Европы существуютъ значительныя группы, программа которыхъ—заставить правительство принять эту форму разрѣшенія международныхъ споровъ. Въ Америкѣ эта идея очень распространена. При Вашингтонскомъ конгрессѣ образована «Коммиссія мира и общаго благосостоянія», составленная изъ делегатовъ всѣхъ 15 республикъ Америки.

Если третейскіе и постоянные международные суды должны играть въ отношеніяхъ между народами ту же роль, какую обыкновенные суды играютъ въ отношеніяхъ между людьми и учрежденіями, то для такого суда нужны законы, а для сего необходима и законодательная власть. Такую власть хотятъ видѣть въ конгрессахъ и конференціяхъ. Установить разницу между этими терминами очень трудно. Всѣхъ конгрессовъ, начиная съ Вестфальскаго—продолжавшагося съ 1641 до 1648 гг.—и кончая Берлинскимъ 1878 г., насчитывается 25, изъ которыхъ на 6-ти присутствовали и государи. Конференцій было очень много. Тѣмъ не менѣе дѣйствительная роль этихъ собраній была совсѣмъ не такова, какъ полагается въ теоріи. Они были случайными, всегда временными собраніями представителей государствъ для рѣшенія международныхъ и народныхъ вопросовъ. Они собирались по усмотрѣнію заинтересованныхъ державъ, когда это представлялось для нихъ выгоднымъ, желательнымъ или необходимымъ.

Конгрессы и конференціи обыкновенно кончаются договорами, а иногда и войнами. Въслѣдствіе этого одни писатели, обращая вниманіе на ихъ идею, т. е. на свои идеи о нихъ, сочувствуютъ имъ и видятъ въ нихъ органы общихъ интересовъ и юридическаго сознанія культурныхъ народовъ, а другіе считаютъ ихъ безполезными, скорѣе вредными. Вашингтонъ называетъ ихъ «позорными комедіями, исполненными на политическомъ театрѣ»; Филлиморъ—«судилищами пристрастными и не компетентными въ разрѣшеніи вопросовъ международнаго права». Что касается, наконецъ, смягченія ужасовъ войны, то въ этомъ отношеніи очень много сдѣлано, еще болѣе сказано, но результатъ всего этого весьма неваженъ. Дѣятельность обществъ краснаго креста, врачей и филантроповъ развивается параллельно съ усовершенствованіемъ орудій разрушенія, истребленія, изувѣченія и калѣченія людей, при чемъ преимущество на сторонѣ послѣднихъ. Всякія правила и конвенціи были безсильны противъ осады Парижа, который подвергается всѣмъ ужасамъ голодной смерти; голосъ цивилизаціи и общности ея интересовъ умолкаетъ тамъ, гдѣ нѣмецкія бомбы разрушаютъ страсбургскую колокольню и каждую секунду могутъ истребить парижскую бібліотеку и Луврскую галерею; человѣколюбіе и пощада мирнымъ гражданамъ исчезаютъ тамъ, гдѣ лопающіяся въ воздухѣ гранаты убиваютъ младенцевъ. Затѣмъ поэты воспѣваютъ, а историки покрываютъ лакомъ безсмертія доблести павшихъ героевъ. И дѣти учатся этому, и ихъ воображеніе распаляется кровавыми подвигами, кровожадные инстинкты разгораются, развиваются, входятъ въ плоть и кровь и взрослые люди отлично усваиваютъ себѣ систему легальнаго доблестнаго убійства en masse. И лишь поздно, въ минуты своей или чужой агоніи на полѣ битвы, подъ звуки стоновъ и скрежета раненыхъ, умирающихъ и оперируемыхъ, предъ человѣкомъ вдругъ встаетъ грозный вопросъ: зачѣмъ, за что и что мы дѣлаемъ? Но это скоро проходитъ, и на новую войну, на новую рѣзню, идутъ новые полки, съ барабаннымъ боемъ, музыкой, пѣснями и пляской. Идея о храбрости, о доблести, заключающихся въ убійствѣ и калѣченіи себѣ подобныхъ принадлежитъ къ числу самыхъ общепризнанныхъ, хотя и самыхъ дикихъ идей, которыя когда либо засѣдали въ человѣческихъ мозгахъ. И покуда эти мозги не будутъ дезинфицированы отъ этой пагубы, до тѣхъ поръ не прекратится война. Стало быть вся надежда на умственное и нравственное перевоспитаніе челоѣчества.

Таково положеніе вопроса о войнѣ и мирѣ. Война есть и еще долго будетъ. Мира нѣтъ, но онъ долженъ быть. Миръ есть идеаль, а вся жизнь челоѣчества доказываетъ намъ, что хотя никакой идеаль еще никогда и нигдѣ не былъ достигнутъ, но вѣкъ стремленія къ идеалу нѣтъ челоѣческой жизни. Можетъ быть, это происходитъ отъ того, что по мѣрѣ приближенія къ данному идеалу, горизонты расширяются и идеаль отодвигается дальше; можетъ быть отъ того, что по мѣрѣ приближенія къ идеалу, по

мѣръ знакомства съ нимъ онъ оказывается не такимъ идеальнымъ, какимъ казался издали; можетъ быть, наконецъ, отъ того, что по мѣръ приближенія къ идеалу, проживя нѣкоторое время въ условіяхъ близкихъ къ нему, мы перестаемъ удовлетворяться тѣмъ, что казалось намъ вѣнцомъ желаній. Но по отношенію къ вѣчному миру можно сказать, что это идеаль въполнѣ ясный, опредѣленный, устойчивый а потому и достижимый. Эта достижимость его лежитъ въ томъ, что идея мира есть понятіе не только положительное, но и отрицательное. Миръ есть не только миръ — понятіе о мирѣ можно растягивать, какъ угодно: можно говорить о гармоніи интересовъ, устраненіи неравенства, борьбѣ за существованіе и т. д., но миръ значить также отсутствіе войны, кровавыхъ массовыхъ столкновеній между народами и государствами. И вотъ эта-то отрицательная сторона вопроса представляется не только желательной и достижимой, но и необходимой. Пока будетъ существовать война, человѣчество будетъ пребывать въ дикомъ, варварскомъ состояніи, не взирая на всѣ плоды просвѣщенія. И лишь тогда, когда война исчезнетъ изъ кодексовъ и жизни, можно будетъ надѣяться на то, что человѣчество пойдетъ по пути истинно человѣческаго развитія, предначертаннаго божественнымъ учителемъ. И тогда можно будетъ сказать тѣ великія, уже нѣкогда сказанныя, слова, которыми мы всего охотнѣе заканчиваемъ нашу статью: «нынѣ отпущаеши раба твоего владыко по глаголу твоему съ миромъ: яко видѣстѣ очи мои спасеніе твое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей».

Прис. Повѣр. Л. К.

Въ Крыму.

I.

Утро на морѣ.

Утро спить. Молчить волна.
Въ водномъ небѣ тишина.
Средь опаловыхъ полей
Очертанья кораблей
Тонкимъ облакомъ видны
Изъ туманной бѣлизны.

И какъ сонъ, неясный сонъ,
Обнялъ море небосклонъ,
Сферы влажныя стѣснилъ,
Влагой воздухъ напоилъ.
Все прозрачнѣй, все бѣлѣй,
Очертанья кораблей.

Вотъ одинъ, какъ тѣнь, встаетъ,
Съ легкой зыбью къ небу льнетъ;
Сонмъ пловцовъ такъ странно тихъ,
Лики блѣдные у нихъ.
Кто они? Куда плывутъ?
Гдѣ воздушный ихъ пріютъ?

День порвалъ туманъ завѣсь,
Дня не любить міръ чудесь;
Въ ширь раздался небосводъ,
Заалѣла пѣна водъ,
И видѣнья корабли
Смутно канули вдали.

II.

Вечеръ въ горахъ.

За нами мѣсяцъ, предъ нами горы,
Мы слышимъ море, мы видимъ лѣсъ.
Надъ нами вѣчность, гдѣ метеоры
Сгораютъ, вспыхнувъ во мглѣ небесъ.

Темнѣетъ вечеръ. Мы ждемъ ночлега.
Мы ищемъ счастья, но счастья нѣтъ.
Слабѣютъ кони, уставъ отъ бѣга.
Безильны грезы сожженныхъ лѣтъ.

Усталымъ шагомъ мы ѣдемъ кручей,
Подъ нами гаснуть уступы горъ.
Мы любимъ бездну и шумъ могучій,
Роднаго моря родной просторъ.

Ужъ близко, близко. Ужъ манить взоры
Огней селеня призывный свѣтъ.
За нами мѣсяцъ, предъ нами горы.
Мы ждали счастья, но счастья нѣтъ.

М. Лохвицкая.

Изъ жизни гр. Л. Н. Толстого *).

I.

....Познакомивъ насъ съ гостями, Левъ Николаевичъ направился въ уголокъ овалному столу. Его появленіе вызвало замѣтное оживленіе и, какъ магнитомъ, начало притягивать къ нему. Графиня сѣла за самоваръ и, оживленно бесѣдуя, наливала чай въ широкія, толстыя чашки.

Одинъ изъ присутствующихъ отъ кого-то слышалъ, будто Л. Толстой хочетъ опять приняться за своихъ *Декабристовъ*, и спросилъ его объ этомъ.

— Нѣтъ, я навсегда оставилъ эту работу,—отвѣтилъ Левъ Николаевичъ неохотно.

Наступила пауза.

— ...потому что не нашелъ въ ней того, чего искалъ, т.-е. общечеловѣческаго интереса. Вся эта исторія не имѣла подъ собою корней,—добавилъ онъ съ отгѣнкомъ усилія въ голосѣ, чтобы только устранить неловкость молчанія.

Онъ не любитъ, когда его начинаютъ исповѣдывать относительно его плановъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что *Войну и миръ* онъ написалъ какъ бы случайно, въ видѣ вступленія къ *Декабристамъ*. Произошло это такимъ образомъ. Задумавши писать *Декабристовъ*, онъ началъ изучать эпоху, предшествующую ихъ дѣятельности, и ради этого даже познакомился съ знаменитымъ Ермоловымъ и былъ у него. Событія 1805-го года и Отечественная война 12-го года приковали къ себѣ художественное чутье великаго писателя. Онъ началъ группировать нѣкоторые эпизоды и какъ бы склеивать ихъ фактами изъ своей семейной хроники.

---

*) Авторъ этой статьи доставилъ редакціи „Сѣвернаго Вѣстника“ всѣ тѣ матеріалы, изъ которыхъ онъ затѣмъ составилъ свою книжку подъ названіемъ „Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой“. Имѣя передъ собою всѣ листы *будущей* книжки, мы извлекли изъ нихъ для журнала то, что считали интереснымъ и поучительнымъ.

И чѣмъ больше углублялся «взыскательный художникъ» въ изученіе историческихъ матеріаловъ, тѣмъ больше расширялся планъ его новой работы, которая, наконецъ, завладѣла имъ и взяла у него 5 лѣтъ напряженного умственного труда. Но то, что напечатано Львомъ Толстымъ, представляетъ только небольшую часть задуманной и написанной имъ работы. Всѣ черновики *Войны и мира* чуть не погибли. Во время тяжелой и продолжительной болѣзни гр. Софьи Андреевны бумаги эти были, по небрежности домашнихъ лицъ, выброшены изъ кладовой и пролежали нѣсколько мѣсяцевъ въ канавѣ. Только благодаря неутомимой энергіи и заботливости графини С. А. Толстой, эти драгоценные документы были собраны, приведены въ порядокъ и теперь находятся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

Послѣ *Декабристовъ* разговоръ перешелъ на другой неоконченный романъ Л. Толстого—*Петръ Великій*. Работу эту Левъ Николаевичъ совершенно оставилъ.

— Многое оказалось для меня въ этомъ дѣлѣ слишкомъ смутнымъ и отдаленнымъ,—сказалъ онъ.—Декабристовъ нѣкоторыхъ я все-таки зналъ лично и могъ пользоваться ихъ указаніями. Тутъ же пришлось бы многое сочинять. Главное же—изученіе источниковъ совершенно измѣнило мой взглядъ на Петра I. Онъ утратилъ для меня прежній интересъ.

Одинъ изъ присутствующихъ коснулся «послѣдекабрьской», освободительной эпохи и заговорилъ о братьяхъ Аксаковыхъ, Катковѣ, Грановскомъ, Герценѣ и др., которыхъ всѣхъ Л. Толстой зналъ лично. При имени Герцена Левъ Николаевичъ оживился и рассказалъ, какъ видѣлся съ нимъ въ Лондонѣ. Установилось мнѣніе, будто Л. Толстой не признаетъ въ Герценѣ литературнаго дарованія. Это не вѣрно. Напротивъ, именно литературный даръ его онъ и цѣнитъ очень высоко. И когда вопросъ коснулся этого, то въ усталомъ голосѣ Льва Николаевича вдругъ зазвучало что-то горячее и юношески-свѣжее, появляющееся всегда у него, когда онъ говорить о какомъ нибудь истинномъ дарованіи, или о прекрасномъ поступкѣ.

— Если бы выразить въ процентныхъ отношеніяхъ,—сказалъ онъ:—вліяніе нашихъ писателей на общество, то получилось бы приблизительно слѣдующее: Пушкинъ 30%, Гоголь 15%, Тургеневъ 10%....

Л. Толстой перечислилъ всѣхъ выдающихся русскихъ писателей, кромѣ себя и, отчисливъ на долю Герцена 18%, горячо сказалъ:

— Онъ блестящъ и глубоко, что встрѣчается очень рѣдко.

Къ нашему столу подошелъ молодой художникъ. Левъ Николаевичъ заговорилъ съ нимъ о его работахъ и перешелъ на живопись, отъ которой требовалъ не букетовъ и амуровъ, а служенія высшимъ потребностямъ человѣческаго духа. Онъ скоро вошелъ въ страстный тонъ и началъ горячо говорить, быстро завязывая при этомъ и развязывая какой-то шнурокъ,

попавшійся ему въ руки. Кто-то упомянулъ о большой картинѣ одного московскаго художника.

— Ну, вотъ, хотя бы эта картина!—сказалъ, горячась, Левъ Николаевичъ.—Кому нужна эта грубая мазня, отъ которой такъ и вѣетъ кнутомъ? Не выношу я подобныхъ «рассейскихъ» произведеній. И кому нужны эти глупыя рожи? Кто же этого не знаетъ, что глупыя рожи бываютъ на свѣтѣ? А, вѣдь, искусство всегда должно говорить что нибудь новое, потому что оно есть выраженіе внутренняго состоянія художника и только тогда осуществляетъ свое назначеніе, когда художникъ даетъ намъ нѣчто такое, чего никто еще раньше не дѣлалъ и чего никакимъ инымъ способомъ нельзя лучше выразить. Вотъ *Христосъ передъ Пилатомъ* Ге—это настоящее искусство, хотя картина и плохо написана. Но никто до Ге такъ не говорилъ этого и никакимъ другимъ способомъ нельзя сказать это такъ, какъ сказалъ Ге своимъ замученнымъ Христомъ и сытымъ упитаннымъ Пилатомъ. И всегда и вездѣ Христы и Пилаты были и будутъ именно такіе. И посмотрите, какъ работаетъ Ге надъ своими сюжетами! Онъ десятки лѣтъ изучаетъ жизнь Христа, да не съ вѣншей палестинской стороны, какъ другіе, а съ внутренней. Придешь, бывало, ночью къ нему, а онъ лежитъ съ своими взвихренными висками на диванѣ и читаетъ евангеліе. Да иначе и нельзя. Вѣдь искусство—огромное, могущественное средство... Нынче вѣдь, куда ни пойдѣ,—сказалъ онъ:—въ книжный магазинъ, въ посудный, въ ювелирный—вездѣ искусство. И не какое-нибудь любительское искусство, а патентованное, съ дипломами и золотыми медалями. Пойдите въ театръ—тамъ опять искусство: какая-нибудь госпожа ноги выше головы задираетъ. И это не только не считается глупой и не хорошей забавой, а, напротивъ, возводится въ нѣчто первосортное и настолько важное для людей, что этому спорту отводится въ газетахъ постоянное мѣсто, рядомъ съ величайшими міровыми событіями. Нѣкоторые же органы печати имѣютъ еще для этого и постоянныхъ цѣнителей, которые часто ночью, прямо изъ театра, ѣдутъ въ типографію и тамъ немедленно, при грохотѣ машинъ, пишутъ свои впечатлѣнія, поспѣвая, дабы міръ завтра могъ уже знать, какъ именно вчера такая-то госпожа въ такомъ-то театрѣ ноги вверхъ задирала.

— Но все это, Богъ дастъ, просѣется временемъ и въ результатѣ получится добрая питательная мука,—замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Зачѣмъ же мнѣ ждать?—возразилъ Левъ Николаевичъ.—Я и теперь чувствую, что на моихъ зубахъ мякина. Вѣда же въ томъ, что не видно конца царству мякины, потому что съ каждымъ днемъ она искусственно создается въ лицѣ различныхъ музыкальных и художественныхъ школъ, уродующихъ тысячи молодыхъ жизней. Между тѣмъ безъ этихъ распадникоу всякой джи и рутины молодая жизнь могли бы приносить пользу людямъ.

— Ну, хорошо, Левъ Николаевичъ, — сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, — допустимъ, что существующія въ Россіи музыкально-художественныя учрежденія дѣйствительно не приносятъ міру особенной пользы. Допустимъ это и мысленно уничтожимъ ихъ. Какія же учрежденія вы дадите намъ вмѣсто тѣхъ, негодныхъ?

— Вотъ странная претензія! — удивленно проговорилъ Левъ Николаевичъ, пожавъ плечами. — Это все равно, что ко мнѣ пришелъ бы больной съ... флюсомъ. Флюсъ стѣсняетъ его. Флюсъ ему въ тягость. Я вылѣчиваю его отъ флюса. Тогда онъ обращается ко мнѣ съ претензіей: «А что же вы дадите мнѣ вмѣсто флюса?» Да, ничего не нужно вмѣсто флюса.

Всѣ разсмѣялись.

Въ залъ непринужденно вошелъ студентъ съ умнымъ, симпатичнымъ лицомъ и учтиво поклонился Льву Николаевичу, который дружески поздоровался съ нимъ и познакомилъ съ нами. Студентъ пришелъ изъ какого-то собранія, гдѣ кто-то что-то читалъ о недавно умершемъ французскомъ писателѣ Тэнѣ. Левъ Николаевичъ заинтересовался рассказомъ студента, но, когда тотъ началъ съ нѣкоторымъ пафосомъ говорить о великихъ заслугахъ Тэна, Левъ Николаевичъ прервалъ его:

— Какія же такія его великія заслуги? Вѣдь если говорить правду, по просту, по-русски, то Тэнъ былъ человѣкъ довольно таки тупой.

Студентъ встрепенулся, но сдержалъ себя и съ улыбкой проговорилъ:

— Т.-е. вы хотите сказать, Левъ Николаевичъ, что Тэнъ былъ ограниченъ по нѣкоторымъ вопросамъ.

— Я хочу сказать именно то, что я сказалъ: что Тэнъ былъ вообще ограниченный человѣкъ, — иначе нельзя объяснить его стараній свести въ исторіи человѣчества вліяніе человѣка почти на нуль, а главную роль предоставить различнымъ факторамъ, т.-е. водѣ, глинѣ и проч. Развѣ это не глупость? А Будда! А Христосъ! Развѣ они не измѣнили формы жизни милліоновъ людей!? Вѣдь прогрессировать можетъ не глина и вода, а только живая жизнь, руководимая духомъ, распространяющимъ въ преемственномъ видѣ свое вліяніе на отдаленнѣйшіе вѣка и поколѣнія....

Студентъ слушалъ Льва Николаевича почтительно, заложивъ одну руку за бортъ мундира, но, видимо, былъ не вполне съ нимъ согласенъ. При послѣднихъ словахъ онъ слегка наклонился и сказалъ:

— Но антропология доказываетъ...

— Что можетъ доказывать антропология, которую самое еще надо доказать? Ее выдумали, чтобы больше получать жалованье.

— Вы отрицаете...

— Жалованье? И не думаю.

— Но антропология взята вѣдь не изъ головы, а выведена изъ фактовъ, добытыхъ учеными изслѣдователями...

— Какіе это факты? Подъѣдетъ изслѣдователь къ берегу, распроситъ

черезъ глупаго толмача, какіе тамъ у нихъ порядки. Тотъ все перевретъ, а изслѣдователь старательно запишетъ и кое-что еще добавитъ отъ себя.

Студентъ началъ слегка волноваться.

Я смотрѣлъ на Льва Николаевича — и передо мною какъ-бы раскрывались тѣ бурныя сцены на квартирѣ Некрасова, которыя происходили въ 50-хъ годахъ, когда молодой, горячій гр. Л. Толстой, являя собою живое олицетвореніе Чацкаго, игралъ въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ роль овода и выражалъ въ самой рѣзкой формѣ свои протесты противъ всего, что казалось ему условнымъ и фальшивымъ.

— «Вы себѣ представить не можете, какія тутъ были сцены,—разсказываетъ Д. В. Григоровичъ.—Ахъ, Боже мой! Тургеневъ пищать-пищитъ, зажметъ рукою горло и съ глазами умирающей газели прошепчетъ:

— «Не могу больше... У меня бронхитъ...

— «Бронхитъ,—ворчитъ Толстой вслѣдъ:—бронхитъ—воображаемая болѣзнь. Бронхитъ—это металл...

У Некрасова душа замираетъ: онъ боится упустить и Тургенева, и Толстого, въ которомъ чувствуетъ капитальную силу «Современника». Приходится лавировать. Всѣ взволнованы. Не знаютъ, что говорить. Толстой лежитъ въ средней проходной комнатѣ на сафьяновомъ диванѣ и дуется, а Тургеневъ, раздвинувъ полы своего короткаго пиджака, съ заложенными въ карманы руками, продолжаетъ ходить взадъ и впередъ по всѣмъ тремъ комнатамъ. Въ предупрежденіе катастрофы Д. Григоровичъ подходитъ къ Толстому.

— «Голубчикъ Толстой, не волнуйтесь. Вы не знаете, какъ онъ васъ цѣнитъ и любитъ.

— «Я не позволю ему ничего дѣлать мнѣ на зло,—говоритъ Толстой съ раздувающимися ноздрями.—Это вотъ онъ нарочно теперь ходитъ взадъ и впередъ мимо мѣня и вилаетъ своими демократическими ляжками...»

Вспоминается невольно мнѣ и сцена, когда Л. Толстой, попавши въ первый разъ на вечеръ къ Панаеву, не сдерживаетъ своей спорливой жилки и съ горячностью начинаетъ говорить именно о томъ, о чемъ Д. Григоровичъ просилъ его не говорить у Панаева.

И когда я смотрѣлъ на Льва Николаевича во время его спора со студентомъ, мнѣ стало ясно, почему именно онъ велъ себя такъ демонстративно съ Тургеневымъ и въ литературныхъ кружкахъ Петербурга.

II.

Любя дружескую бесѣду и дружеское общеніе съ людьми, Л. Н. Толстой питаетъ, однако, почти болѣзненную антипатію ко всему парадному, многолюдному и стадному, вслѣдствіе чего очень рѣдко появляется въ общественныхъ собраніяхъ и упорно сторонится всякихъ торжествъ, юби-

леевъ и прочихъ людныхъ мѣстъ, ограничиваясь посѣщеніемъ нѣкоторыхъ публичныхъ лекцій, имѣющихъ какой-нибудь особенный интересъ.

Въ театрѣ Левъ Николаевичъ бываетъ тоже очень рѣдко и всегда норовитъ, чтобы проскользнуть незамѣтно и занять такое мѣсто, чтобы его какъ можно меньше видѣли.

Но зимою въ 1895-году, когда онъ приступилъ къ своей работѣ объ искусствѣ, онъ одно время какъ бы попалъ въ театральную полосу и посѣщалъ театры, босѣдовалъ съ артистами и даже читалъ артистамъ Малаго театра въ театральной конторѣ свою пьесу *Власть тьмы*.

Но черезъ годъ онъ смотрѣлъ на это уже, какъ на увлеченіе, и когда одинъ знакомый началъ соблазнять Льва Николаевича новой оперой, онъ, улыбаясь, сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Это я только въ прошломъ году такъ выбрыкивалъ, теперь же окончательно спустился на дно.

Посѣщеніе театровъ не удовлетворило его.

Мнѣ пришлось видѣть его послѣ представленія *Лиры*. Онъ былъ недоволенъ проведеннымъ вечеромъ и сказалъ:

— Смотрѣлъ я на эти кривлянья и думалъ: а вѣдь со всѣмъ этимъ тоже бороться нужно. Сколько тутъ рутины, загромождающей правду! Вотъ Пушкинъ сказалъ, что у Шекспира нѣтъ злодѣевъ. Какой вздоръ! Эдмундъ—чистый, форменный злодѣй.

Не удовлетворила его и *Власть тьмы* на сценѣ.

— Въ дѣлѣ, откуда я взялъ этотъ сюжетъ, — сказалъ онъ, — Никита въ припадкѣ иступленія убиваетъ оглоблей свою жену, и тогда только въ немъ совершается нравственный переломъ. Мнѣ казалось, что это будетъ черезъ-чуръ. Но я напрасно мудрилъ: слѣдовало вставить эту сцену.

— А какъ вамъ понравилось исполненіе?—спросилъ я.

— Да ничего. Только очень ужъ стараются артисты быть натуральными. Этого не слѣдуетъ дѣлать. Исполнители должны скрывать свои намѣренія. Обыкновенно, какъ только замѣчаешь, что тебя стараются разжалобить, или разсмѣшить, — сейчасъ же начинаешь испытывать совершенно противоположныя чувства. И дѣйствующія лица во *Власти тьмы* не совсѣмъ тѣ люди, что я думалъ. Никита не щеголь, не форсунъ, а только отпрыскъ городской культуры. Акимъ не вѣщается, когда говорить, наротивъ, онъ напрягается, спѣшитъ и потѣетъ отъ усилій мысли. Онъ долженъ быть нервень и суетливъ.

Черезъ нѣкоторое время Левъ Николаевичъ опять заговорилъ о *Лири* и, почувствовавъ аппетитъ, шутливо обратился къ своимъ дочерямъ:

— Регана! Гонерилыя! А будетъ ли старому отцу овсянка сегодня?

Къ Шекспиру Левъ Николаевичъ вообще относится безъ увлеченія и, какъ мнѣ кажется, недостаточно обстоятельно знакомъ съ нимъ. Онъ никогда не цитируетъ его и не подкрѣпляетъ свою рѣчь крылатыми мы-

слями, которыми такъ богатъ Шекспиръ. Между тѣмъ, напримѣръ, изъ Гете Левъ Николаевичъ довольно часто приводитъ по-нѣмецки различные стихотворныя отрывки, хотя въ тоже время и не принадлежитъ къ его горячимъ почитателямъ, вполне раздѣляя мнѣніе Гейне, что Гете *великій человекъ въ шелковомъ спортуке*. Съ произведеніями Гейне Л. Н. познакомился настоящимъ образомъ только въ послѣднее время и очень увлекался ими. Въ самой горячей бесѣдѣ онъ иногда останавливался и, поднявши голову, мастерски прочитывалъ по-нѣмецки какое-нибудь стихотвореніе Гейне, относящееся къ бесѣдѣ, особенно нравится ему стихотвореніе: *Lass die frommen Ypotesen*.

Шиллера Льву Николаевичу тоже пришлось за послѣднее время ретабрировать въ своей памяти. Изъ Шиллера больше всего нравится ему *Разбойники* своимъ молодымъ, горячимъ языкомъ.

— *Донъ-Карлосъ* уже не то, — говоритъ онъ. — Главное же въ *Донъ-Карлосѣ* меня отталкиваетъ то, чего я никогда терпѣть не могъ — это исключительность положеній. По моему, это все равно, что брать героями романа сіамскихъ близнецовъ.

Съ Берне Левъ Николаевичъ до послѣдняго времени вовсе не былъ знакомъ и съ большимъ удовольствіемъ прочиталъ нѣкоторые изъ его статей.

Но зато въ области философской литературы онъ очень начитанъ, и съ этой стороны едва-ли ктонибудь изъ русскихъ писателей можетъ быть поставленъ рядомъ съ нимъ.

Съ собраніемъ сочиненій западныхъ писателей у Льва Николаевича вышелъ казусъ. Будучи въ 50-хъ годахъ за границей, онъ приобрѣлъ въ подлинникахъ произведенія выдающихся европейскихъ писателей.

— Но, увь, говоритъ онъ съ комическимъ вздохомъ, — на границѣ всѣ эти книги отобрали для пересмотра и... до сихъ поръ просматриваютъ.

Къ любимѣйшимъ мыслителямъ и писателямъ Льва Толстого принадлежатъ: Сократъ, Эпиктетъ, Паскаль, Ж. Ж. Руссо, В. Гюго, Диккенсъ и др. Больше всѣхъ имѣлъ вліяніе на его духовный укладъ Ж. Ж. Руссо.

— Я такъ боготворилъ Руссо, — сказалъ однажды Левъ Николаевичъ, — что одно время хотѣлъ вставить его портретъ въ медальонъ и носить на груди вмѣстѣ съ иконкой.

Первый толчокъ къ писательству далъ однако Льву Николаевичу не Ж.-Ж. Руссо, а Стернь. Въ этомъ онъ самъ однажды признался одному гимназисту, спросившему у него, съ которыхъ лѣтъ онъ началъ писать.

Левъ Николаевичъ улыбнулся и сказалъ:

— А вы боитесь, что уже опоздали? Первое мое сочиненіе было написано мною 16-ти лѣтъ. Это было философское разсужденіе въ подражаніе Стерну.

III.

Изъ русскихъ писателей на Л. Толстого имѣлъ наибольшее вліяніе Лермонтовъ. Онъ до сихъ поръ горячо относится къ нему, дорожа въ немъ тѣмъ свойствомъ, которое онъ называетъ *исканіемъ*. Безъ этого свойства онъ считаетъ талантъ писателя не полнымъ и какъ бы съ изъяномъ. Роль писателя, по его мнѣнію, должна включить въ себя два обязательныхъ свойства: художественный талантъ и разумъ, т. е. ту высшую и очищенную сторону ума, которая способна проникать въ сущность явленій и давать высшую для своего времени точку міросозерцанія.

Изъ русскихъ современниковъ Л. Толстой имѣлъ нѣкоторое вліяніе на его литературную формацію Д. Григоровичъ... Но больше всѣхъ своимъ литературнымъ развитіемъ и направленіемъ Л. Толстой обязанъ старшему брату Николаю — человѣку съ свѣтлымъ, облагороженнымъ умомъ и съ тонко развитымъ чутьемъ сердца.

Тургенева Л. Толстой всегда считалъ человѣкомъ передовымъ, хорошо образованнымъ и очень талантливымъ. Но его беллетристическія произведенія, за исключеніемъ *Записокъ Охотника*, никогда не вызывали въ Л. Толстомъ восхищенія, а, значитъ, и воспитываться на нихъ онъ не могъ.

Однажды съ нимъ произошелъ очень характерный эпизодъ, быть можетъ, отчасти послужившій сгущенію той тѣни, которая лежала вообще между Тургеневымъ и Толстымъ.

Въ 1860 г. Л. Толстой пріѣхалъ въ деревню къ Тургеневу. Тотъ въ это время кончилъ романъ *Отцы и дѣти* и придавалъ очень большое значеніе своему новому произведенію, выразивши желаніе узнать о немъ и мнѣніе Л. Н. Толстого. Послѣдній взялъ рукопись, легъ въ кабинетъ на диванъ и началъ читать. Но романъ показался ему такъ искусственно построеннымъ и такимъ незначительнымъ по содержанію, что онъ не могъ преодолѣть охватившей его скуки и... заснулъ.

— Проснулся я,—разсказываетъ онъ,—отъ какого-то страннаго ощущенія и когда открылъ глаза, то увидѣлъ удаляющуюся изъ кабинета гигантскую фигуру Тургенева.

Весь этотъ день между ними какъ-бы висѣло что-то.

Но Тургенева, какъ автора *Записокъ охотника*, Л. Толстой цѣнитъ очень высоко и считаетъ его описанія природы не только превосходными, но и недостижимыми ни для кого изъ писателей.

Къ Достоевскому Л. Толстой относится, какъ къ художнику, съ глубокимъ уваженіемъ и нѣкоторые его вещи, особенно *Преступленіе и наказаніе*, считаетъ удивительными. Но многое въ Достоевскомъ отталкиваетъ его. Нѣкоторыхъ изъ писателей Л. Н. Толстой какъ бы вовсе не признаетъ. Къ этому разряду относится: Мельниковъ-Печерскій, Помяловскій, Рѣшетниковъ и нѣкоторые изъ современныхъ литераторовъ. Изъ писателей народниковъ Л. Толстой всегда съ оживленіемъ говоритъ о Слѣпцовѣ.

Небезынтересно, что мысль о небольшихъ беллетристическихъ эскизахъ, появившихся потомъ въ печати подъ названіемъ *Стихотворенія въ прозѣ*, подалъ Тургеневу Л. Н. Толстой и самъ пробовалъ свои силы въ этомъ жанрѣ, но потерпѣлъ фіаско. Написалъ онъ однажды одну изъ такихъ вещицъ и послалъ въ журналъ И. Аксакова *Русь* отъ имени старушки, Натальи Петровны, жившей у Толстыхъ. Но черезъ нѣкоторое время И. Аксаковъ вернулъ рукопись съ почтительнымъ извиненіемъ, что не можетъ ее напечатать, потому де что авторъ недостаточно еще опытенъ въ изложеніи.

Настоящую писательскую лихорадку Левъ Николаевичъ почувствовалъ, будучи уже на Кавказѣ, т.-е. когда ему шелъ 21-й годъ. Неудовлетворенный праздною жизнью, которую онъ велъ въ кругу своихъ товарищей, и томимый тоскою по родинѣ, Л. Толстой началъ путемъ воображенія переноситься въ родныя мѣста. Это доставляло ему такое высокое наслажденіе, что онъ рѣшилъ закрѣпить нѣкоторыя воспоминанія на бумагѣ и началъ ихъ записывать. Такъ создалось *Дѣтство*. Мечты о литературной славѣ возникли уже впоследствии. Подчиняясь въ своемъ творчествѣ потребности, лежащей въ его душѣ, онъ изъ души извлекалъ и тотъ особенный тонъ, которымъ проникнуто это замѣчательное произведеніе. Теперь онъ не особенно цѣнитъ его.

Вѣхалъ какъ-то Левъ Николаевичъ въ Москвѣ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ на извозчикѣ. Извозчикъ узналъ его и, обернувшись, сказалъ:

— А я многія ваши книги читалъ, ваше сіятельство! «Кавказскихъ плѣнниковъ» читалъ, «Хозяина и работника» читалъ. Про купца Аксенова («Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ»),—тоже читалъ. Очень даже мнѣ все понравилось. А вотъ вашей книги «Дѣтства и отрочества» никакъ добыть не могу. Говорятъ, хоро-ошая книга!

Л. Толстой разговорился съ извозчикомъ и затѣмъ сказалъ:

— Если ты такой охотникъ до чтенія, то приходи ко мнѣ, я дамъ тебѣ книгъ.

— «Дѣтство и отрочество» дадите?—спросилъ съ живостью извозчикъ.

— Нѣтъ, это пустая книжка. Въ молодости я много писалъ глупостей. Я дамъ тебѣ *Ходите въ свѣтъ, пока есть свѣтъ*. Это гораздо лучше, чѣмъ *Дѣтство и отрочество*.

Но спутникъ Льва Николаевича заявилъ извозчику:

— А ты все таки добудь и прочитай *Дѣтство и отрочество*. Не вѣрь, что это «пустая» книжка, Хоро-ошая, братъ, это книжка!

Левъ Николаевичъ ничего не возразилъ.

Но когда на другой день извозчикъ пришелъ къ нему за книгами, онъ все-таки не далъ ему «Дѣтства и отрочества», какъ бы не желая брать грѣха на душу.

Но мы не можемъ относиться такъ къ «Дѣтству и отрочеству». Для

насъ это произведеніе имѣть двойную цѣну;—и съ художественной стороны и съ историко-литературной. Оно дало толчокъ гению Льва Толстого и, создавши ему выдающійся успѣхъ въ литературномъ мірѣ, въ значительной степени способствовало его переходу съ военнаго на писательское дѣло.

А какимъ, взвинчивающимъ молодое самолюбіе, сочувствіемъ были встрѣчены его первые шаги въ литературѣ, можно судить по тому, что Л. Толстой въ самое короткое время былъ уже причисленъ къ первымъ силамъ литературы; и въ иллюстраціяхъ, и въ каррикатурахъ того времени онъ изображался, какъ равный между равными, вмѣстѣ съ знаменитѣйшими писателями: Гончаровымъ, Тургеневымъ, Некрасовымъ, Островскимъ и др.

Всѣхъ плѣняла въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ» необыкновенная прелесть простоты и искренности.

Въ его «Юности» есть поэтическая глава, въ которой Л. Толстой описываетъ, какъ онъ однажды раннимъ лѣтнимъ утромъ отдался созерцанію окружающаго и «слезы какой-то неудовлетворенной, но волнуемой радости» невольно навертывались ему на глаза. Какъ-то, я сказалъ ему о томъ, что думаю всегда, читая эту главу. Онъ выслушалъ меня и заявилъ, послѣ нѣкоторой паузы, какъ бы вспоминая что-то, что когда онъ писалъ эту главу, то переживалъ именно тѣ думы, о которыхъ я говорю. Вотъ она, великая тайна искусства, не знающая границъ ни во времени, ни въ пространствѣ!

Большинство выведенныхъ въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ» и «Юности» лицъ взяты живьемъ изъ жизни. Неправильно только считаютъ многіе что выведенный Л. Н. Толстымъ отецъ въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ»—его отецъ. Это Исленьевъ—родной дѣдъ гр. Соф. Андреевны, сосѣдъ по имѣнію Толстыхъ. Жуиромъ своего времени былъ дѣдъ Льва Николаевича—гр. Илья Андр. Толстой, прожившій, кромѣ своего значительнаго состоянія, еще большое состояніе своей жены—урожденной княжны Горчаковой. Насколько расточительно онъ жилъ, можно судить по тому, что бѣлье отдавалось въ стирку не въ Россіи, а отправлялось на специальныхъ поездахъ въ Голландію.

Сынъ его Николай (отецъ Л. Н. Толстого) напротивъ, отличался выдержкой и трудовой настойчивостью; очутившись послѣ смерти отца безъ средствъ, онъ принялъ на себя всѣ обязательства своего отца и постепенно удовлетворилъ кредиторовъ, имѣя, кромѣ того, на своихъ рукахъ родственниковъ, между которыми была и Т. А. Ергольская, воспитавшая впослѣдствіи Льва Николаевича.

IV.

Въ семейной хроникѣ гр. Толстыхъ есть очень интересный эпизодъ. Отецъ Льва Николаевича, будучи въ 1813 г. послѣ блокады гор. Эрфурта

посланъ съ депешами въ Петербургъ, на возвратномъ пути, при мѣстечкѣ Сентъ-Оби, былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ со своимъ деньщикомъ. Послѣдній незамѣтно спряталъ въ сапогъ все золото своего барина и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока они были въ плѣну, *ни разу не разулся*. Онъ натеръ себѣ ногу и нажилъ рану. Но все время и вида не показывалъ, что ему больно. За то, по прїѣздѣ въ Парижъ, графъ Николай Ильичъ могъ жить, ни въ чемъ не нуждаясь, и сохранилъ о преданномъ деньщикѣ навсегда доброе воспоминаніе.

Такимъ образомъ то глубокое чувство, которое Л. Толстой питаетъ къ духовнымъ силамъ русскаго человѣка, имѣть въ немъ какъ бы наслѣдственные корни. И корни эти постепенно углублялись въ немъ подъ влияніемъ знакомства въ народомъ, то въ роли дѣятельнаго помѣщика и мирового посредника, то въ положеніи сельскаго учителя, пытливо вникавшаго въ каждую подробность въ своей ясно-полянскій школъ, то, наконецъ, при свободномъ общеніи съ простымъ людомъ, во время полевыхъ работъ и совмѣстныхъ путешествій пѣшкомъ. Благодаря своему наряду и непринужденности обращенія, Льву Николаевичу удастся вездѣ завязывать свободныя отношенія съ простонародьемъ и выслушивать отъ него ничѣмъ неподкрашенные мнѣнія.

Однажды онъ шелъ съ своимъ прїателемъ изъ Москвы въ Тулу. По дорогѣ, возлѣ кучи щебня, они увидѣли мужика, который сердито отбивалъ камнемъ каблукъ на сапогѣ и крѣпко ругался. Онъ натеръ сапогомъ ногу, и это очень сердило его. Путники подошли къ нему, разговорились и затѣмъ пошли вмѣстѣ. У рабочаго былъ недовольный видъ и онъ все время жаловался на людскую несправедливость: работалъ онъ на заводѣ, а хозяинъ не заплатилъ ему «за литье», сколько слѣдовало. Левъ Николаевичъ все время слушалъ внимательно, затѣмъ сказалъ серьезно:

— Тутъ что-нибудь не такъ, Иванъ Семеновъ?

— Побей меня Богъ, все было, какъ я говорю! — возразилъ горячо Иванъ Семеновъ и въ подтвержденіе своихъ словъ показалъ Льву Николаевичу квитки изъ завода.

Такъ они прошли вмѣстѣ около 3-хъ сутокъ, останавливаясь на постоянныхъ дворахъ для отдыха и бесѣдуя уже, какъ старые прїатели. Очутившись съ глазу на глазъ съ спутникомъ Льва Николаевича, Иванъ Семеновъ спросилъ съ любопытствомъ:

— Скажи, пожалуйста, кто такой этотъ Левъ Николаичъ?

— Да такъ себѣ старикъ. А что?

— Божественный старикъ!

На послѣднемъ привалѣ напились путники чаю, Левъ Николаевичъ прощается съ Иваномъ Семеновымъ и говоритъ:

— Какъ хорошо Богъ привелъ насъ познакомиться и вмѣстѣ время

провести. А только все же мнѣ кажется, Иванъ Семеновъ, что ты намъ всей правды о себѣ не сказалъ.

У Ивана Семенова показались слезы на глазахъ.

— Прости меня, Левъ Николаичъ! Совралъ я тебѣ: деньги то я воѣ до чиста получилъ отъ хозяина и пропилъ ихъ, окаянный.

Въ другой разъ Левъ Николаевичъ съ своимъ путникомъ догнали на дорогѣ больного мальчика, который былъ очень слабъ, и взяли его съ собою. Хозяйка постоялаго двора, когда увидала, что мальчикъ очень плохъ, разсердилась и закричала:

— Уходите, уходите! Что вы это привели сюда совсѣмъ дохлаго. Онъ еще умереть здѣсь.

Левъ Николаевичъ помолчалъ немного и кротко сказалъ:

— Это не нашъ мальчикъ, а чужой. Мы его взяли, потому что онъ былъ безпомощенъ. Подумайте, какъ бы вамъ было тяжело, еслибы вы были въ безпомощномъ положеніи и никто не хотѣлъ бы помочь вамъ.

Хозяйка смягчилась, приняла путниковъ, матерински ухаживала за мальчикомъ и потомъ все повторяла ему:

— Вотъ видишь, добрые люди подобрали тебя и привели. А не будь добрыхъ людей... не будь добрыхъ людей на свѣтѣ, что-жъ бы это было?

Частое и свободное общеніе съ народомъ дало возможность Льву Николаевичу накопить большой запасъ свѣдѣній изъ народной жизни и выработать тотъ богатый, красочный языкъ, который даетъ ему возможность быть хозяиномъ въ самыхъ разнообразнѣйшихъ слояхъ мысли и чувства.

Въ бесѣдѣ съ крестьянами Л. Н. Толстой никогда не поддѣлывается подъ ихъ тонъ, а держитъ себя просто и серьезно, какъ бывалый, умный мужикъ, которому знакомы всѣ оттънки крестьянской жизни. Онъ знаетъ, кому что надо сказать и чѣмъ кого можно взять.

Въ одно изъ своихъ путешествій, зашелъ онъ ночевать на сельскій постоялый дворъ. Хозяинъ двора—крутой, нравный старикъ, разсердился за что то на своего сына юношу и началъ его бить, затѣмъ схватилъ за волосы и поволокъ изъ комнаты. Левъ Николаевичъ сталъ убѣждать мужика. Но тотъ вошелъ въ азартъ и не обращалъ ни на что вниманія. Тогда Левъ Николаевичъ сказалъ ему громко и съ укоромъ:

— Стыдись! Вѣдь этого и звѣрь надъ звѣремъ не станетъ дѣлать. А ты называешься христіаниномъ. Какъ же ты Бога не боишься?

Это задѣло мужика, и онъ злобно крикнулъ:

— Такъ что-жъ, по твоему мудрому разуму, значить не надо и дѣтей своихъ учить?

— Надо учить, но не бить,—сказалъ Левъ Николаевичъ.

— А ты знаешь, что сказалъ грахъ Арачкеевъ? — спросилъ мужикъ злымъ, вызывающимъ тономъ.

— Что?

— *Десять человекъ убей, а десятого выучи...*

Не успѣлъ мужикъ договорить всей фразы, какъ Левъ Николаевичъ подскочилъ къ нему съ загорѣвшимися глазами и закричалъ:

— Не смѣй такъ говорить! Бога въ тебѣ нѣтъ. И знай: и тотъ звѣрь, кто сказалъ это...

И въ лицѣ и въ голосѣ его было при этомъ нѣчто такое, передъ чѣмъ сразу потухло бѣшенство жестокаго мужика.

Пронизывающая острота взгляда, которымъ Левъ Толстой иногда какъ бы сверлитъ человѣка и забирается въ самую глубь его души, дѣлаетъ часто ложь невозможной для его собесѣдниковъ.

Въ августѣ 1896-го года въ *Ясной Полянѣ* произошло трагическое событіе: Кучеръ нашелъ въ пруду мертваго ребенка. Вся семья Толстыхъ была очень потрясена этимъ событіемъ. Особенно удручалась одна изъ дочерей Льва Николаевича, будучи почти убѣждена, что мертвый ребенокъ принадлежитъ косою вдовѣ, скрывавшей свою беременность. Но вдова упорно отрицала взводимое на нее обвиненіе и клялась, что она невинна.

Начали возникать подозрѣнія на другихъ.

Передъ обѣдомъ Левъ Николаевичъ отправился въ паркъ, чтобы пройти немного, но вернулся не скоро, причемъ видъ у него былъ усталый и взволнованный. Онъ былъ на деревнѣ, у косою вдовы. Не убѣждая ее ни въ чемъ, онъ только внимательно выслушалъ ее и затѣмъ сказалъ:

— Если это убійство дѣло не твоихъ рукъ, то оно и страданій тебѣ не принесетъ. Если-жъ это сдѣлала ты, то тебѣ должно быть очень тяжело теперь... такъ тяжело, что ничего ужъ болѣе тяжелаго для тебя не можетъ быть въ этой жизни.

— Охъ, какъ тяжело мнѣ теперь! Будто кто камнемъ сердце надавилъ, — сказала, зарыдавъ, солдатка и чистосердечно призналась Льву Николаевичу, какъ она задушила своего ребенка и какъ бросила его въ воду.

Оттого онъ и былъ такъ взволнованъ.

V.

Знакомство съ жизнью русскаго народа не могло пройти безслѣдно для такой чуткой натуры, какъ у Л. Толстого, и привело его къ сознанию своей виновности. Не могъ онъ, съ его сильно развитымъ чувствомъ человѣческаго достоинства, не страдать мучительно, видя кругомъ себя вопиющую нужду и невѣжество.

И Льва Толстого охватываетъ желаніе облегчить хоть нѣсколько участь своего народа. Онъ начинаетъ все ближе и ближе принимать къ сердцу его интересы и переходитъ, наконецъ, на народную литературу. Онъ составляетъ народные календари, буквари и книжки съ популярнымъ изложеніемъ о воздухѣ, о работѣ солнца и проч. и проч.

Это не случайный скачокъ въ сторону, а сознательный поворотъ на дорогу, которую онъ обходилъ прежде.

Онъ напѣминалъ собою, говоря его словами, человѣка, который, избравши извѣстный путь, вернулся бы назадъ. Все, находившееся у него съ лѣвой стороны, очутилось справа, а все, что было справа—стало слѣва. Личное торжество и слава, казавшіяся ему самымъ соблазнительнымъ дѣломъ въ жизни человѣка, отошли для него на задній планъ. То же, что было у него на заднемъ планѣ: интересы ближняго и служеніе Богу — выступили на первое мѣсто.

Увлеченный въ 1891-мъ году очень важной для него работой, Л. Толстой, однако, не задумываясь, бросаетъ ее, бросаетъ свои укоренившіяся привычки, съ которыми разставаться въ его годы не такъ-то легко и уѣзжаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ голодные мѣста, чтобы раздѣлить и облегчить тяжелое испытаніе народа.

Л. Толстой не могъ не сознавать, что въ годину народныхъ бѣдствій недостаточно еще горячо говорить или трогательно писать объ ужасахъ голода, находясь среди всякихъ удобствъ, а надо раздѣлить съ народомъ его бѣдствіе, надо жертвовать собою и своими удобствами, какъ жертвовалъ денщикъ, натирая себѣ раны ради любви къ другому.

Личными своими усиліями Левъ Николаевичъ основываетъ болѣе *двухъ сотъ* столовыхъ, переѣзжая и переходя по сугробамъ изъ села въ село, во время вьюгъ и трескучихъ морозовъ. И ничего, никакъ, нельзя было ему откладывать на другой день, нельзя было думать объ отдыхѣ, потому что ждали его не читатели, сидя въ вольтеровскихъ креслахъ, а полуживые, иззябшіе и голодные люди; не имѣющіе самаго необходимаго для поддержанія своей жизни. Какъ тутъ было предаваться отдыху, читать книгу или вести разговоръ о чемъ нибудь другомъ, кромѣ вопиющей кругомъ нужды и плачущихъ дѣтей съ воспаленными глазами отъ ѣдкаго дыма, сберегаемаго въ избахъ для поддержанія теплоты? А на утро опять тѣ же картины, опять кругомъ занесенныя снѣгомъ села съ раскрытыми кровлями и опять страшная нужда, выросшая не въ одинъ годъ, поправимая не однимъ хлѣбомъ. Всѣ нуждаются, всѣ несчастны, всѣмъ непремѣнно надо бы помочь. Между тѣмъ, средства помощи ничтожны, ограничены. Какъ дѣлать выборъ *между голодными*? Какъ думать о своихъ удобствахъ?

Съ устройствомъ всякой столовой связано не мало хлопотъ, требующихъ осмотрительности, такта, энергіи и терпѣнія. Приходилось вести сложныя отчетности по складу, по приему пожертвованій, по распредѣленію провизіи, по доставкѣ и отпавкѣ различныхъ матеріаловъ.

На призывъ Л. Толстого откликнулись со всѣхъ мѣстъ, даже изъ-за границы. Всѣ вѣрили, что шлютъ свои пожертвованія въ надежныя руки. И это былъ удивительный по подъему чувствъ періодъ, ждущій своего

историка. Но все-таки это была капля въ морѣ народной нужды. Приходилось отказывать, приходилось дѣлать *выборъ между голодными*.

Л. Толстой, съ присущей ему энергіей, внесъ много практическихъ нововведеній въ организованное имъ дѣло, окрыляя многихъ своимъ присутствіемъ. Но, не взирая на всю его закаленную выносливость, онъ доходилъ иногда до такого утомленія, что не могъ безъ усилій выразить сразу самую простую мысль, не могъ назвать сразу ту вещь, которая ему была нужна.

— Тани, говорилъ онъ своей старшей дочери, сопровождавшей его и дѣлившей съ нимъ всѣ невзгоды ихъ новой жизни: — надо непременно завтра послать...

И Левъ Николаевичъ забывалъ, что и куда надо послать, несмотря на свою необыкновенно цѣпкую память.

Горячая любовь Л. Толстого къ народу стала брать и беретъ теперь у него значительное количество силъ и времени. Онъ завязалъ много отношеній въ этомъ направленіи, оборвать которыхъ уже нельзя. Нельзя отказать мужику въ свиданіи, или отдѣлаться подачкой, когда онъ проситъ написать ему прошеніе въ судъ. Нельзя отдѣлаться милостыней отъ бабы, у которой по случаю смерти мужа хлѣбъ не убранъ. И Л. Толстой пишетъ прошеніе мужику, помогаетъ въ рабочую пору горемычной крестьянкѣ убрать хлѣбъ, терпѣливо переноситъ при этомъ чувствительную боль въ ногѣ отъ ушиба о колесо крестьянской телѣги, какъ терпѣливо переносилъ денщикъ не менѣе чувствительную боль ради любви къ другому.

Но боль въ ногѣ отъ ушиба все увеличивается. Графиня Софья Андреевна ѣдетъ въ Москву и тайкомъ отъ Льва Николаевича привозитъ доктора, который объявилъ, что еще одинъ день — и дѣло могло бы кончиться катастрофой. Температура у Льва Николаевича поднялась уже до 40°. Пришлось лечь въ постель и пролежать нѣсколько недѣль, давшихъ міру *Власть тьмы*.

Большая часть этой пьесы была продиктована Львомъ Николаевичемъ и потребовала въ общемъ нѣсколько недѣль. Ни одно изъ его произведеній не давалось ему такъ легко, потому что, работая въ полѣ, бесѣдуя съ мужиками, онъ тѣмъ самымъ уже и подготавлился къ своей работѣ.

И требовать отъ него, чтобы онъ бросилъ *все это* и посвятилъ себя исключительно беллетристикѣ, значить требовать отъ него отреченія отъ своей личности и отъ потребностей его сердца. И не знали многіе изъ поклонниковъ Л. Толстого, не знали и чуткій, развитой и высоко-одаренный Тургеневъ, какой горькой ироніей звучали ихъ просьбы «вернуться къ прежней дѣятельности», — просьбы, ставившія Л. Толстого въ положеніе княгини Трубецкой, которую старый бригадиръ горячо убѣждаетъ «вернуться въ свѣтъ» *).

*) «Русскія женщины», И. Некрасова.

Непонятно, какъ Тургеневъ, при его умственной проникаемости, могъ не понимать того состоянія, въ которомъ находился Л. Толстой, и серьезно думать, что авторъ *Войны и мира* не пишетъ болѣе «большихъ вещей» только изъ какого-то каприза, увлекшись тачаньемъ сапоговъ, и что если его хорошенько попросить, то онъ, пожалуй, можетъ еще образумиться и взяться за настоящее дѣло. Какое странное заблужденіе со стороны крупнаго ума, хорошо знающаго, что всякое истинно-художественное произведеніе въ своемъ развитіи подобно живой жизни и можетъ явиться на свѣтъ, только пройдя послѣдовательно всѣ степени своего образовательнаго процесса.

Л. Толстой могъ, конечно, принудить себя написать въ извѣстный срокъ повѣсть или романъ, и, разумѣется, его произведеніе, какъ бы оно ни было слѣпно написано, имѣло бы, вѣроятно, значительный художественный интересъ. Но развѣ такой трудъ былъ бы достоинъ имени Льва Толстого? И какъ Тургеневъ могъ думать, что такой истый художникъ, какъ Л. Толстой, можетъ перестать жить образами, воспроизведеніе которыхъ составляетъ для настоящаго художника такую же неодолимую потребность, какъ цвѣтеніе для нѣкоторыхъ растений. И никогда, разумѣется Л. Толстой не умерщвлялъ въ себѣ художника и не засушивалъ того душевнаго состоянія, которое называется вдохновеніемъ. Напротивъ, въ немъ всегда, при всякихъ условіяхъ, какъ бы дымилась жажда художественнаго творчества.

Возвращаясь въ текущемъ году какъ-то ночью домой въ Москвѣ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, Левъ Николаевичъ остановился и, потянувъ жадно въ себя воздухъ, проговорилъ съ страстностью:

— Боже, какъ мнѣ писать хочется! Голова моя кипитъ образами.

— За чѣмъ же остановка Левъ Николаевичъ? — спросилъ его спутникъ.

— За временемъ. Работы на сто лѣтъ, а жить осталось три дня.

— Что вы, Левъ Николаевичъ?!

— Ну, еще нѣсколько мѣсяцевъ. Во всякомъ случаѣ, немного. И хочется въ эти послѣдніе дни сказать что нибудь хорошее. Быть можетъ, Богу угодно, чтобъ я не даромъ прожилъ мой вѣкъ и хоть подъ конецъ своихъ дней сдѣлалъ что нибудь достойное. И какъ много есть писать о чемъ! Говорять, всѣ интересныя темы исчерпаны. Это не вѣрно. Вотъ, напримѣръ...

И онъ началъ развивать тему, касающуюся одной стороны семейныхъ отношеній, дѣйствительно, еще никѣмъ не затронутую въ литературѣ...

— Еще очень интересуется меня,—продолжалъ съ страстностью Левъ Николаевичъ,—одна тема: это тѣсное соединеніе разнообразнѣйшихъ духовныхъ качествъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Тотъ самый человѣкъ, который въ сущности очень уменъ, проникателенъ и благороденъ, въ то-же

время и очень ограниченъ, и мелокъ, и ничтоженъ. Еще есть интересная тема, касающаяся характеровъ ума. Какъ бываютъ характеры страстей, такъ есть и характеры умовъ. Иной, очень крупный умъ, но видитъ *только* извѣстнымъ образомъ. И вещи, легко доступныя для болѣе мелкаго ума, для него недостижимы. Отсюда вытекаютъ различныя острые столкновенія въ общественной жизни.

Спутникъ Льва Николаевича спросилъ:

— Начали же вы разрабатывать хоть какую нибудь изъ этихъ темъ?

— Нѣтъ, это все еще пока въ проектѣ. Я занятъ теперь другою работою.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой бесѣды одна дама спросила:

— Левъ Николаевичъ, правда ли, что вы пишете въ настоящее время повѣсть изъ кавказской жизни, гдѣ фигурируетъ одинъ изъ сподвижниковъ Шамиля?

— Да-да, пишу. Я все пишу,—сказалъ скороговоркой и неохотно Левъ Николаевичъ. Но затѣмъ добавилъ поясняющимъ тономъ:—Я говорю серьезно, что все пишу. Спросите: не пишу ли я какого нибудь разсказа? Пишу. Не пишу ли романа? Пишу и романъ. А не думакъ ли написать пьесу? И пьесу пишу. Все пишу.

И, дѣйствительно, онъ *все* пишетъ. Но изъ написаннаго имъ далеко не все отдаетъ въ печать. Онъ очень требователенъ къ себѣ.

Въ 1896-мъ году онъ кончилъ псѣвстъ, надъ которой много работалъ. Слышавшіе отрывки изъ этой повѣсти находили, что по силѣ изобразительности онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, и были увѣрены, что въ непродолжительномъ времени повѣсть появится въ печати. Но онъ не торопился отдавать свою новую работу въ печать, рассчитывая еще поработать надъ нею.

Но когда недавно спросили его объ отложенной повѣсти, онъ покачалъ головою и сказалъ тономъ, какимъ говорятъ о вещахъ, не имѣющихъ интереса:

— Нѣтъ, нѣтъ, Богъ съ нею! И тема эта не моя, и манера рутинная, которую надо бросать.

Къ литературнымъ темамъ Левъ Николаевичъ относится, какъ и большинство писателей, съ жадностью. Слушая какой-нибудь характерный разсказъ, онъ уже какъ бы примѣряетъ и облюбовываетъ его, подобно хорошему плотнику, посматривающему на хорошее, сухое дерево. Разъ онъ разсказалъ намъ объ одномъ интересномъ судебномъ процессѣ, происшедшемъ въ Московской судебной палатѣ. Окончивши разсказъ онъ добавилъ:

— Вѣдь это готовый, чисто мопассановскій разсказъ. Для какого-нибудь молодого писателя это настоящая находка. Впрочемъ, можетъ быть, я еще и самъ воспользуюсь имъ,—сказалъ онъ съ поспѣшностью, какъ-бы боясь, чтобы кто нибудь не присвоилъ интересную тему. Черезъ нѣко-

торое время мнѣ пришлось слышать, какъ онъ опять рассказывалъ о томъ-же эпизодѣ, и я былъ пораженъ нѣкоторыми художественными подробностями, которыя уже успѣли пройти за это время черезъ художественную лабораторію Льва Толстого, можетъ быть, помимо его воли.

Но для того, чтобы какая-нибудь тема сдѣлалась для него предметомъ творчества, надо очень многое. Прежде всего надо, чтобы она отличалась новизною, за тѣмъ ясностью и внутренней цѣнностью. Затѣмъ надо, чтобы та сторона жизни, которую охватываетъ сюжетъ, была хорошо извѣстна Льву Николаевичу. Онъ не любитъ писать «по слухамъ». Наконецъ, послѣднее условіе:—необходимо, чтобы сюжетъ *захватилъ* его. Тогда только онъ можетъ взяться за работу и отдаться ей съ увлеченіемъ истаго художника.

Своей манерой работать Левъ Николаевичъ напоминаетъ прежнихъ живописцевъ. Установивъ планъ работы и собравъ большое количество этюдовъ, онъ сначала какъ бы набрасываетъ эскизъ углемъ и пишетъ быстро не думая о частностяхъ. Написанное такимъ образомъ онъ отдаетъ переписать на чисто гр. Софьѣ Андреевнѣ или одной изъ дочерей, или кому-нибудь изъ его интимныхъ друзей, которымъ эта работа можетъ доставить удовольствіе. Пишетъ Левъ Николаевичъ обыкновенно на четвертушкахъ простой бумаги низкаго достоинства крупнымъ веревочнымъ почеркомъ, исписывая иногда въ день по 20 страницъ, что составляетъ болѣе половины печатнаго листа. Но ни изъ бумаги, ни изъ перьевъ онъ не дѣлаетъ себѣ привычекъ, и когда одна изъ торговыхъ фирмъ задумала выпустить въ свѣтъ *Толстовскія перья*, то у Льва Николаевича на этотъ счетъ не оказалось никакого мнѣнія. Работаетъ онъ преимущественно утромъ, между 9-ю и 3-мя часами, считая этотъ промежутокъ времени самымъ лучшимъ для работы. Добиться свиданія съ нимъ въ это время, если гр. Софья Андреевна бываетъ дома, почти невозможно. Она заботливо охраняетъ его рабочіе часы. Въ этомъ отношеніи едва ли еще кто-нибудь изъ русскихъ писателей имѣлъ такого вѣрнаго и преданнаго тѣлохранителя, какого имѣетъ Левъ Николаевичъ въ лицѣ своей жены.

VI.

Когда новое произведеніе Льва Николаевича начисто переписанное появляется на его рабочемъ столѣ, оно подвергается немедленной переработкѣ. Но это опять все еще нѣчто вродѣ эскиза углемъ. Рукопись быстро испещряется пометками и вставками между строками, сбоку, снизу и съ переносомъ на другую страницу. Цѣлыя фразы замѣняются другими, которыя, какъ молніей, освѣщаютъ иногда намѣченный образъ съ новой стороны. Второй разъ переписанная на-чисто работа подвергается той же участи. Въ 3-й разъ тоже самое. Нѣкоторыя главы переписываются Львомъ Николаевичемъ *болѣе десяти разъ*. Между тѣмъ онъ почти вовсе не

заботится о внѣшней отдѣлкѣ и питаетъ даже нѣкотораго рода отвращеніе ко всему подстриженному въ искусствѣ.

— Все это часто лишь засушиваетъ мысль и вредитъ впечатлѣнію, — говорятъ онъ.

И все больше и больше вооружаясь, по мѣрѣ писанія, своими воспоминаніями и наблюденіями или новыми свѣдѣніями по вопросу, который онъ затрогиваетъ, Левъ Толстой упорно и настойчиво работаетъ надъ каждою главой, дѣлая лишь небольшіе перерывы для отдыха и прибѣгая обыкновенно къ раскладыванію пасьянса въ затруднительныя минуты.

Напряженное доискиваніе внутренней ясности въ каждомъ изображаемомъ имъ героѣ составляетъ въ это время самую главную заботу для Льва Николаевича, и онъ любитъ говорить по этому поводу: *«золото добывается усиленнымъ просииваніемъ и промываніемъ»*. Другое его любимое выраженіе, касающееся отношеній писателя къ своимъ работамъ: *«служенье музъ не терпитъ суеты»*.

Только нѣкоторыя сцены удается Льву Николаевичу набросать сразу, подъ живымъ впечатлѣніемъ. Такъ были написаны скачки въ *Аннѣ Карениной* подъ впечатлѣніемъ увлекательнаго разсказа Князя Оболенскаго.

По мѣрѣ переписыванія и исправленія работы, однѣ подробности выступаютъ все ярче, другія же какъ бы все ступшеваются.

Добившись напряженной работой извѣстной ясности, Л. Н. Толстой прочитываетъ свое новое произведеніе въ кружкѣ близкихъ ему людей, чтобы воспользоваться ихъ замѣчаніями, пока произведеніе не попало еще въ печать. По окончаніи *Власти тьмы* онъ читалъ свою драму крестьянамъ, но вынесъ изъ этого чтенія мало поучительныхъ указаній. Въ самыхъ захватывающихъ мѣстахъ драмы, которыя Левъ Николаевичъ не можетъ читать безъ слезъ, нѣкоторые изъ слушателей начинали вдругъ смѣяться и расхолаживали чтеца.

Наиболѣе строгимъ критикомъ новыхъ произведеній Л. Н. Толстого бываетъ обыкновенно графиня Софья Андреевна, которая съ присущей ей прямою и высказываетъ свои мнѣнія. Левъ Николаевичъ иногда соглашается съ нею, иногда же твердо отстаиваетъ намѣченное положеніе.

Отложенная въ долгій ящикъ повѣсть, о которой выше шла рѣчь, была прежде всѣхъ забракована Софьей Андреевной. Мнѣнія свои она обыкновенно выражаетъ настойчиво и безъ всякихъ обиняковъ. Какъ-то за чаемъ рѣчь зашла о произведеніяхъ Льва Николаевича. Софья Андреевна въ этотъ день держала корректуру *Войны и мира* для новаго изданія и имѣла нѣсколько утомленный видъ. Кто-то изъ гостей спросилъ, доставляетъ ли ей удовольствіе чтеніе въ корректуру *Войны и мира* или нѣтъ.

— Нѣкоторыя мѣста — да, — сказала она, — нѣкоторыя же и прежде мнѣ не нравились, и теперь не нравятся.

— Какія напримѣръ?

— Какъ разъ я сегодня держала корректуру, гдѣ Пьеръ Безуховъ, попавши въ плѣнъ, начинаетъ хохотать. Это—натяжка. Въ такую минуту нельзя смѣяться.

Въ это время къ столу подошелъ Левъ Николаевичъ и спросилъ, о чемъ мы бесѣдуемъ. Софья Андреевна отчетливо повторила свое обвиненіе.

— Почему-жъ ты такъ рѣшительно утверждаешь,—спросилъ, онъ—что въ подобныя минуты нельзя смѣяться?.. А я еще сегодня читалъ въ «Архивѣ» о декабристѣ Батенковѣ, который, будучи посаженъ въ тюрьму, громко расхохотался и сказалъ: «вы запираете меня за мои идеи. Но вѣдь идеи мои не здѣсь, а тамъ—на свободѣ». Точно такъ же могъ разсмѣяться и Пьеръ.

— Нѣтъ, это фальшь. Въ такую минуту *нельзя* смѣяться. И я не понимаю, какъ ты можешь утверждать...

— А я не понимаю, какъ ты не понимаешь, что нельзя такъ упорно отрицать то, чего ты не понимаешь.

— Это мое мнѣніе.

Левъ Николаевичъ прекратилъ споръ и черезъ нѣсколько минутъ незамѣтно разогналъ собравшіяся въ воздухѣ тучки.

Послѣ всякой вспышки и особенно послѣ всякой несправедливости, сдѣланной имъ, въ немъ всегда начинается сильная реакція, и онъ переходитъ въ то мирное и просвѣтленное состояніе, о которомъ я уже говорилъ. Кстати будетъ упомянуть здѣсь, что послѣ извѣстной стычки Тургенева съ Л. Толстымъ у Фета-Шеншина, стычки вызвавшей вопросъ о дуэли и о которой Тургеневъ самъ говорилъ впоследствии, что онъ велъ себя, какъ *мальчишка*,—Левъ Николаевичъ, по собственной инициативѣ, написалъ Тургеневу подъ вліяніемъ добраго побужденія примирительное письмо. Но Тургеневу письмо это не было передано, и ихъ натянутыя отношенія продолжались еще нѣкоторое время.

VII.

Однажды, когда зашла рѣчь объ усиленной работѣ надъ художественными произведеніями, Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Никакой мелочью нельзя пренебрегать въ искусствѣ, потому что иногда какая-нибудь полу-оторванная пуговица можетъ освѣтить извѣстную сторону жизни даннаго лица. И пуговицу непременно надо изобразить. Но надо, чтобы и всѣ усилія, и полуоторванная пуговица были направлены исключительно на внутреннюю сущность дѣла, а не отвлекали вниманія отъ главнаго и важнаго къ частностямъ и пустякамъ, какъ это дѣлается сплошь и рядомъ. Какой-нибудь изъ современныхъ писателей, описывая Іосифа съ женой Пентефрія, навѣрно ужъ не пропустилъ бы случая блеснуть знаніемъ жизни и написалъ бы: «Подойди ко мнѣ,—томно прозвезла жена Пентефрія, протягивая Іосифу свою нѣжную отъ аромати-

ческихъ натираній руку съ такимъ-то запястьемъ и т. д.». И всѣ эти подробности не только не освѣтили бы ярче сущности дѣла, но непременно бы затушевали ее.

Одинъ изъ знакомыхъ Л. Н. Толстого сравниваетъ его работы съ кушаньями, приготавливаемыми нѣкоторыми домовитыми хозяйками, которые мало заботятся о вѣншей привлекательности яствъ, но все свое вниманіе сосредоточиваютъ главнымъ образомъ на томъ, чтобы провизія была *сѣжжал*, приготавлилась чисто и кушанье отличалось питательностью.

И дѣйствительно, Левъ Николаевичъ почти вовсе не заботится о вѣншей привлекательности своихъ работъ, часто нагромождая одно придаточное предложеніе на другое, уснащая ихъ повтореніями одного и того же слова и рѣшительно пренебрегая различными академическими указаніями относительно слога. Но за то тамъ, гдѣ вопросъ идетъ о «сѣжести» и «чистотѣ», онъ не знаетъ конца своей взыскательности.

Однажды мнѣ пришлось узнать, какъ, далеко идетъ его взыскательность. Зашла какъ-то рѣчь о молоканахъ, не признающихъ, какъ извѣстно, другихъ книгъ, кромѣ религиозныхъ. Говорили именно объ этомъ и одинъ изъ присутствующихъ строго осуждалъ косность молоканъ.

Выслушавъ внимательно своего собесѣдника, относившагося неодобрительно къ молоканамъ, чуждающимся свѣтскихъ книгъ, Левъ Николаевичъ въ раздумьи проговорилъ:

— Да слѣдуетъ ли осуждать ихъ за это? Когда подумаешь иной разъ, сколько жи нагромождено въ нашихъ книгахъ, то затрудняешься сказать, гдѣ ея больше: въ жизни, или въ книгахъ? И возьмешься иногда за перо, напишешь вродѣ того, что «Рано утромъ Иванъ Никитичъ всталъ съ постели и позвалъ къ себѣ сына»... И вдругъ совѣстно сдѣлается и бросишь перо. Зачѣмъ врать, старикъ? Вѣдь этого *не было*, и никакого Ивана Никитича ты не знаешь. Зачѣмъ же на старости лѣтъ ты прибѣгаешь къ неправдѣ. Пиши о томъ, что было, что ты дѣйствительно видѣлъ и пережилъ. Не надо жи. Ее и такъ много.

При подобныхъ этическихъ требованіяхъ, нельзя, разумѣется, писать каждый годъ по роману. Еслибы даже Левъ Николаевичъ нынѣ и захотѣлъ это сдѣлать, то уже, вѣроятно, не могъ бы, потому что привычка, добиваться извѣстной ясности предмета такъ всосалась въ него, что онъ даже письма свои иногда переписываетъ по нѣскольку разъ и сосредоточенно обдумываетъ ихъ, и пишетъ ихъ съ такимъ чувствомъ, съ какимъ женихъ идетъ къ вѣнцу.

Въ другой разъ мнѣ пришлось слышать мнѣніе Льва Николаевича о его работахъ во время прогулки по полю. Онъ на минуту замедлилъ шаги и сказалъ съ отгѣнкомъ горечи:

— Пишешь-пишешь всякія повѣсти и рассказы, а какъ посмотришь на жизнь нашей интеллигенціи и сравнишь ее съ трудовой жизнью на-

рода, то совѣстно дѣлается, что занимаешься такими пустяками, какъ писаніе для интеллигенціи. И хочется разъ навсегда бросить все это.

Затѣмъ у насъ завязалась бесѣда о задачахъ искусства. Онъ тогда обдумывалъ свою работу: *Что такое искусство?* Трудъ этотъ задуманъ еще въ 70-хъ годахъ, по просьбѣ одного петербургскаго журналиста. Но, взявшись тогда за работу, Левъ Николаевичъ увидѣлъ, что многіе крайгольные вопросы искусства еще не достаточно укрѣплены въ немъ. И только по истеченіи 17-ти лѣтъ, когда все перебродило въ его сознаніи и улеглось, онъ взялся, наконецъ, за начатую работу. Его письменный столъ и этажерка покрылись горами всевозможныхъ фоліантовъ, касающихся искусства на русскомъ и на иностранныхъ языкахъ.

Благодаря своимъ многочисленнымъ друзьямъ и почитателямъ, онъ имѣлъ возможность познакомиться съ очень рѣдкими и дорогими изданіями, доступными не для каждаго, и въ теченіе нѣсколькихъ подготовительныхъ мѣсяцевъ онъ какъ бы жилъ исключительно своей новой работой, охотно бесѣдуя о ней и развивая въ бесѣдахъ намѣченные тезисы. Работа эта взяла у него около 2-хъ лѣтъ упорнаго, напряженнаго труда.

VIII.

По выходѣ въ свѣтъ его статьи объ искусствѣ, напечатанной въ сокращенномъ видѣ въ московскомъ журналѣ «Вопросы философіи и психологіи», Левъ Николаевичъ получилъ рядъ сочувственныхъ писемъ отъ лицъ, мнѣнія которыхъ онъ не могъ не цѣнить въ дѣлѣ искусства. Такъ художественный критикъ В. Стасовъ писалъ ему, что при всемъ своемъ несогласіи съ нѣкоторыми мѣстами въ его новой работѣ, онъ считаетъ ее, однако, замѣчательною и представляющей собою послѣднее слово кончающагося XIX-го вѣка, великаго столѣтія, могущаго кончатся такой неслыханной правдой, неизвѣстной въ теченіе многихъ вѣковъ.

Художникъ И. Рѣпинъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ прочитанной статьи, писалъ Л. Н. Толстому:

«Обожаемый Левъ Николаевичъ! Сейчасъ прочиталъ «Что такое искусство» и нахожусь всецѣло подъ сильнымъ впечатлѣніемъ этого могучаго труда вашего. Если можно не соглашаться съ нѣкоторыми частностями, примѣрами, за то общее и постановка вопросовъ такъ глубоки и неопровержимы, что даже весело дѣлается, радость проникаетъ. Религія найдена — это самое великое дѣло жизни нашей. Вотъ уже могу безъ всякаго лицемерія сказать: я счастливъ, что дожилъ до этого дня».

Всѣ эти выраженія сочувствія трогали Льва Николаевича. Но онъ съ благожелательнымъ чувствомъ относится и къ критикамъ, не соглашавшимся съ его положеніями, но тѣмъ не менѣе дававшимъ ходъ своимъ читателямъ къ его труду. И только когда критика была завѣдомо враждебна или слишкомъ ужъ запальчива, онъ, ничего не говоря, переводилъ

разговоръ на другую тему. Но разъ послѣ прочтенія одной изъ такихъ критикъ, написанной съ особенной раздражительностью, онъ вдругъ разсмѣялся и сказалъ:

— Когда читаешь о себѣ, то все-же очень дорожишь сочувствіемъ и огорчаешься порицаніями. Но въ данномъ случаѣ эта статья доставила мнѣ прямо таки удовольствіе. Такъ и чувствуешь, что попалъ въ самую средину кучи муравьевъ, и они сердито закопопились.

Чего не переноситъ Л. Н. Толстой—это неумѣренныхъ похвалъ по его адресу и всякихъ вообще преувеличеній въ проявленіи чувствъ. Это всегда его стѣсняетъ, и онъ становится тогда очень непріятенъ. Вообще онъ не любитъ никакихъ одобреній, имѣющихъ запахъ еиміама. Одинъ изъ его посѣтителей началъ какъ то рассказывать ему о томъ необыкновенномъ оживленіи, которое было вызвано появленіемъ въ печати «Хозяина и работника».

Л. Н. Толстой нахмурился и, примѣнивши къ себѣ слова Фокіона, прервалъ говорившаго:

— Развѣ я написалъ что-нибудь очень глупое?...

Будучи очень требователенъ къ своимъ работамъ и считая искусство могущественнѣйшимъ средствомъ въ дѣлѣ распространенія добрыхъ чувствъ между людьми, Л. Н. Толстой не выноситъ въ искусствѣ ничего небрежнаго и скорѣе проститъ отсутствіе таланта, чѣмъ отсутствіе серьезнаго отношенія къ дѣлу. И достаточно какой-нибудь одной крупной небрежности въ чемъ-нибудь произведеніи, чтобы Льва Николаевича навсегда ужъ отвалило отъ этого автора.

Какъ-то зашла рѣчь о Мельниковѣ-Печерскомъ, къ которому Л. Н. Толстой относился отрицательно. Кто-то спросилъ:

— Левъ Николаевичъ, почему вы такъ равнодушны къ Мельникову? У него вѣдь есть очень хорошія вещи.

— Можетъ быть,—сказалъ Левъ Николаевичъ съ оттѣнкомъ сомнѣнія и сейчасъ же добавилъ;—впрочемъ, не думаю. Однажды мнѣ попалась въ руки какая-то изъ его книгъ. Я раскрылъ ее и наткнулся на слѣдующее: «русскій мужикъ *ронитъ* цѣлый дубъ для того, чтобы одѣлать себѣ *изъ сука* оглоблю или ось». Тогда я закрылъ книгу и сказалъ себѣ: «довольно съ меня Мельникова».

Можно не соглашаться съ нѣкоторыми отзывами Льва Николаевича о книгахъ и о людяхъ. Но никогда мнѣ не случилось подмѣтить, чтобы онъ проявлялъ ѣдкое злобное чувство къ кому-нибудь, или окрашивалъ высказываемыя имъ мнѣнія въ цвѣтъ своихъ отношеній къ людямъ. Такъ, относясь всегда съ особенной теплотою къ Лѣскову и Н. Страхову, какъ къ людямъ, онъ и при жизни ихъ, и послѣ смерти постоянно говорилъ, что въ ихъ бочкахъ съ медомъ есть изрядная доза дегтю. Эта независимость въ сужденіяхъ и сердечная прямота, съ которой Л. Н. Толстой ко всему относится, придаютъ всегда его словамъ особенную цѣнность.

IX.

Постоянное стремленіе Льва Николаевича къ правдивости и ясности въ своихъ произведеніяхъ беретъ у него много времени не только на самое писаніе, но и на подготовительную работу. Онъ старается найти въ жизни подтвержденія задуманнымъ положеніямъ и немедленно отбрасываетъ все выдуманное, если жизнь подставляетъ готовый эпизодъ. Такъ было съ Анной Карениной, которую Л. Н. Толстой сначала не думалъ умерщвлять. Но въблизи *Ясной Поляны* произошелъ аналогичный романтический эпизодъ, причемъ несчастная героиня Анна бросилась подъ повъздъ. Это натолкнуло Л. Н. Толстого на новую разработку вопроса и значительно измѣнило его первоначальный планъ.

Начата была *Анна Каренина* при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Вечеромъ въ 1873-мъ году Левъ Николаевичъ вошелъ въ гостиную, когда его старшій сынъ, Сергій, читалъ вслухъ своей теткѣ пушкинскія «Повѣсти Бѣлкина». При появленіи Льва Николаевича чтеніе прекратилось. Онъ спросилъ, что они читаютъ, раскрылъ книгу и, прочитавши: «гости съѣзжались на дачу», пришелъ въ восхищеніе.

— Вотъ какъ всегда слѣдуетъ начинать писать!—сказалъ онъ.—Это сразу вводитъ читателя въ интересъ.

Родственница Льва Николаевича заявила, что какъ бы хорошо было, еслибъ онъ написалъ великосвѣтскій романъ.

Прийдя въ свой кабинетъ, Левъ Николаевичъ въ тотъ же вечеръ написалъ: «все смѣшалось въ домѣ Облонскихъ».

И потомъ уже, когда началъ писать романъ, помѣстилъ въ началѣ: «Всѣ счастливыя семьи похожи другъ на друга, всякая несчастливая семья несчастна по-своему».

Смерть Ивана Ильича написана Львомъ Николаевичемъ подъ вліяніемъ разсказа одного изъ членовъ московскаго суда о смерти его товарища, Ивана Ильича М.

Крейцера Соната возникла при слѣдующихъ обстоятельствахъ. У Толстыхъ гостили въ *Ясной Полянѣ* художникъ И. Рѣпинъ, актеръ Андреевъ-Бурлакъ, смѣшившій Льва Николаевича своими разсказами до боли живота, и пріѣхавшая изъ-заграницы г-жа Г., которая однажды вечеромъ сыграла *Сонату Крейцера* съ такой силой и выразительностью, что произвела на всѣхъ и на Льва Николаевича въ особенности глубокое впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго онъ сказалъ И. Рѣпину:

— Давайте и мы напишемъ «Крейцерову сонату». Вы—кистью, я—перомъ, а Василій Николаевичъ (Андреевъ-Бурлакъ) будетъ читать ее на сценѣ, гдѣ будетъ стоять и ваша картина.

Предложеніе это вызвало общее одобреніе.

Черезъ нѣкоторое время Левъ Николаевичъ, съ присущей ему настойчивостью, взялся за работу, которая давно уже, вѣроятно, бродила въ его головѣ

Содержаніе *Власти Тьмы* пѣликомъ взято изъ одного судебного процесса, происходившаго въ Тулѣ.

Плоды прощенія были написаны для домашняго спектакля въ *Ясной Полянѣ*. Сначала пьеса состояла изъ 2-хъ дѣйствій и называлась *Исхитрилась*. Но по мѣрѣ того, какъ шли репетиціи, въ которыхъ Левъ Николаевичъ принималъ дѣятельное участіе, онъ исправлялъ и дополнялъ пьесу, соображаясь съ составомъ дѣйствующихъ лицъ. Во время спектакля нѣкоторые исполнители доставили ему такое большое удовольствіе своею игрою, что нѣкоторыя сцены навсегда запечатлѣлись въ его памяти. Особенно восхитилъ его судебный слѣдователь Л., исполнявшій роль одного изъ мужиковъ.

— Пріѣхалъ онъ,—разсказываетъ Левъ Николаевичъ,—въ *Ясную* и пѣлый день ни съ кѣмъ почти не разговаривалъ, все ходилъ понура головою. Но на сценѣ превзошелъ всѣхъ и создалъ изъ своей маленькой роли нѣчто столь прекрасное, что я не могъ даже предвидѣть, создавая эту роль.

И одушевляясь, по обыкновенію, когда рѣчь касалась истиннаго дарованія, Левъ Николаевичъ началъ вспоминать игру старыхъ московскихъ актеровъ: Щепкина, Мартынова и др. О Мартыновѣ онъ говорилъ съ особеннымъ жаромъ:

— Это былъ великій артистъ,—сказалъ онъ—сочетавшій въ себѣ три драгоцѣнныхъ качества: талантъ, умъ и способность къ упорному труду. Въ пьесѣ А. Потѣхина «Чужое добро въ прокъ не пойдетъ» Мартыновъ былъ такъ неподобенъ, что я, тогда еще начинавшій литераторъ, поднялъ кличъ, и мы устроили ему великолѣпную овацію.

Второй разъ мнѣ пришлось видѣть Льва Николаевича въ такомъ же состояніи въ апрѣлѣ текущаго года, когда въ Москвѣ находился талантливый скульпторъ, князь П. Трубецкой, пріѣхавшій изъ Италіи, гдѣ онъ живетъ всегда. Князь Трубецкой выразилъ желаніе сдѣлать бюстъ Льва Николаевича. Когда я пришелъ къ Толстымъ, бюстъ уже былъ начатъ и стоялъ въ нижней столовой, покрытый мокрыми тряпками.

— Вы не слышали о скульпторѣ Трубецкомъ?—спросилъ Левъ Николаевичъ, здороваясь со мною.

— Нѣтъ.

— Такъ пойдемте, я вамъ кое-что покажу. Какой это удивительный талантъ!—сказалъ онъ оживляясь. И быстрой, живой походкой онъ повелъ меня въ нижнюю столовую, шагая по лѣстницѣ черезъ нѣсколько ступеней. Въ столовой Левъ Николаевичъ подошелъ къ укутанному бюсту и, не переставая съ увлеченіемъ говорить о выдающемся дарованіи князя П. Трубецкого, началъ нерѣшительными пріемами освобождать бюстъ отъ мокрыхъ тряпокъ. Дѣйствительно: даже по той работѣ, которая была сдѣлана княземъ Трубецкимъ въ нѣсколько часовъ, уже можно было судить

о выдающемся дарованіи этого скульптора. Передо мною было два Льва Толстыхъ,—одинъ живой, говорящій, воспріимчивый, другой—безмолвный, неподвижный, но знакомый мнѣ такъ же, какъ и первый.

Я съ глубокимъ чувствомъ дѣлилъ мое вниманіе между прекраснымъ произведеніемъ человѣка и образцовымъ созданіемъ природы, произведшей столь прекрасный, художественный темпераментъ, который на семидесятомъ году жизни можетъ еще такъ заразительно пламенѣть жаромъ чистаго восторга.

X.

Съ переѣздомъ весною Толстыхъ изъ Москвы въ *Ясную Поляну*, жизнь Льва Николаевича укладывается въ болѣ удобныя рамки. Во-первыхъ сама деревня съ ея условіями жизни и съ отсутствіемъ постоянныхъ трагическихъ контрастовъ дѣйствуетъ благотворно на Льва Николаевича, во-вторыхъ, въ *Ясной Полянѣ* онъ имѣетъ больше времени въ своемъ распоряженіи, хотя «зрители» не оставляютъ его и здѣсь.

Ясная Поляна перешла къ Л. Н. Толстому отъ матери, урожденной княжны Волхонской, которую онъ увѣковѣчилъ въ «Войнѣ и мирѣ» подъ именемъ княжны Маріи Болконской. Кстати упомянуть, что имя *Левъ* было дано ему въ честь ея прежняго, умершаго жениха, князя Льва Голицына.

Родился Л. Н. Толстой въ *Ясной Полянѣ*, въ 1828 году, 28 августа. Но домъ, въ которомъ впервые увидѣлъ жизнь нашъ великій писатель, уже принадлежитъ теперь другимъ владѣльцамъ и находится въ другомъ селѣ.

Будучи въ началѣ пятидесятихъ годовъ на Кавказѣ и находясь въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе крупнаго проигрыша, Л. Н. Толстой поручилъ одному изъ своихъ родственниковъ продать этотъ домъ на свозъ. И огромный барскій домъ съ колоннами и балконами былъ проданъ что-то около 5.000 руб. ассигнаціями. Въ настоящее время въ домѣ этомъ никто не живетъ, и стоитъ онъ въ с. Долгомъ запущенный и съ заколоченными окнами.

Мнѣ пришлось посѣтить этотъ домъ въ февралѣ мѣсяцѣ текущаго года съ фотографомъ-любителемъ П. В. Преображенскимъ. Гнетущее чувство овладѣло нами, когда мы, балансируя по перекладинамъ, вошли въ полуразрушенный домъ съ торчащими балками, развалившимися стѣнами и грудями муссора, гдѣ когда-то билась ключемъ молодая жизнь. Пронизывающій вѣтеръ врывался сквозь щели заколоченныхъ оконъ и поднималъ столбы пыли. Въ угловой комнатѣ, гдѣ родился великій писатель земли Русской, лежали съ беспорядкѣ какіе-то обломки и былъ навалень разный хламъ.

Отъ прежнихъ украшеній остались только кое-гдѣ куски орнаментовъ

Но нижній этажъ, гдѣ была классная и гдѣ знаменитый Карлъ Ивановичъ шекоталъ пятки своему ученику, уцѣлѣлъ и годенъ для жилья.

Все сложное и хлопотливое дѣло по хозяйству и по управленію дѣлами находится на попеченіи Софьи Андреевны. Она очень трудолюбива, неутомима и всюду вноситъ свою живую энергію, домовитость и распорядительность. Стоитъ ей уѣхать по дѣламъ на день, на два изъ *Ясной Поляны*, и сложная машина, называемая «домомъ», уже начнетъ поскрипывать и давать перебой.

Помощниковъ у графини нѣтъ. Старшіе три сына живутъ отдѣльно и каждый занятъ своимъ дѣломъ. У дочерей свои дѣла и обязанности, берущія у нихъ безъ остатка все ихъ время. Особенно много работаетъ за послѣднее время старшая дочь Л. Н. Толстого—Татьяна Львовна, дѣвушка выдающаяся по своимъ дарованіямъ. Кромѣ спѣшной переписки статей отца, она еще ведетъ его огромную корреспонденцію.

Отвѣчать собственноручно на всѣ письма, которыя получаетъ Левъ Николаевичъ Толстой, онъ не можетъ. Писемъ получается множество со всѣхъ концовъ міра и на всевозможныхъ языкахъ.

Кто только не обращается къ нему съ привѣтствіемъ, съ сочувствіемъ, съ мучительными запросами и обвиненіями? Русская и французская молодежь, американцы, голландцы, поляки, англичане, баронесса Берта Суттнеръ и набожный браминъ изъ Индіи, умирающій Тургеневъ и мучающійся, какъ раненый звѣрь, разбойникъ Чуркинъ.

Какъ велика корреспонденція у Л. Н. Толстого, можно судить по тому, что одна только переписка по поводу голоднаго года занимаетъ цѣлый шкафъ. Письма хранятся у Толстыхъ по-заграничному: съ конвертами, въ которыхъ получены, и рѣдкое письмо остается безъ отвѣта.

ХІ.

....Стало вечерѣть. На чайный столъ подали свѣчи. На другой столъ—круглый, стоящій въ углу, поставили лампу съ абажуромъ. Софья Андреевна разложила для сушки отпечатанные ею фотографическіе снимки, которые она сдѣлала днемъ, затѣмъ взяла въ руки шитье и присѣла къ круглому столу, низко наклонивъ лицо къ работѣ. Она всегда съ какой-нибудь работой и постоянно что-нибудь шьетъ или перешиваетъ для Льва Николаевича, или для своей меньшей дочери, или для кого-нибудь изъ двора. Старшія дочери разошлись по своимъ комнатамъ. Меньшая, одиннадцатилѣтняя Саша, сидѣла у стола и играла въ шахматы съ пріѣзжимъ гимназистомъ. Два мальчика въ тужуркахъ играли въ комнатный волянь, подзадоривая другъ друга самыми унизительными для игрецаго самолюбія выраженіями, въ родѣ того, что «вы бы, сеньоръ, прежде научились хоть ракету въ рукахъ держать, а потомъ уже рѣшались играть съ людьми, которые» и т. д.

Большой залъ съ темными квадратами старинныхъ портретовъ тонетъ въ полусвѣтъ. Нѣкоторые предметы сливаются въ своихъ очертаніяхъ. По угламъ блѣютъ гипсовые бюсты Льва Николаевича—одинъ работы художника Ге, другой—И. Рѣпина. Около стѣны темнѣетъ длинный силуэтъ большого рояля съ неясными очертаніями лежащихъ на немъ нотъ, балалаекъ и мандолины. На столахъ вездѣ книги, журналы, иллюстраціи.

Вдругъ слышатся быстрые, шаркающіе шаги и, скрипя по лѣстницѣ, поспѣшно входитъ въ залъ Левъ Николаевичъ съ французской книжкой въ рукѣ. Лицо у него возбуждено.

— Какіе ужасы творятся въ Турціи! Госноди, и когда это все уже кончится? Таяя, Маша, идите сюда! Послушайте, что дѣлается въ Арменіи, — говоритъ Левъ Николаевичъ такъ громко, чтобы его могли услышать черезъ двѣ комнаты.

Игры прекращаются. Въ залѣ появляются двѣ старшія дочери Льва Николаевича. Всѣ усаживаются вокругъ стола съ лампой, и Левъ Николаевичъ начинаетъ читать о сасунскихъ ужасахъ, прерывая чтеніе различными замѣчаніями, чтобы справиться съ охватывающимъ его волненіемъ. Читаетъ Левъ Николаевичъ превосходно. Но драматическія сцены не по его средствамъ. Обладая необыкновенной остротой художественнаго чутья, онъ уже заранѣе, какъ бы за цѣлую версту, угадываетъ надвигающійся ужасъ драмы, и голосъ его, помимо его воли, спазматически сдвливается.

Описаніе сасунскихъ звѣрствъ производитъ на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. При чтеніи нѣкоторыхъ сценъ Левъ Николаевичъ откидывается отъ книги и говоритъ съ волненіемъ:

— Какъ это ужасно!

Нѣкоторое время разговоръ вращается исключительно на сасунской рѣзні. Слуга приноситъ почту, которая однако не производитъ здѣсь никакой сенсаци, потому что получается съ трехъ станцій и всегда въ изобиліи. На имя Льва Николаевича получена цѣлая пачка писемъ, повѣстокъ и телеграммъ. Онъ вскрываетъ ихъ и одинъ отодвигаетъ въ сторону, другія оставляетъ и прочитываетъ вслухъ, при чемъ, если письмо написано на какомъ-нибудь изъ иностранныхъ языковъ, то при гостяхъ читаетъ его сразу по русски съ нѣкоторыми только замедленіями.

Нѣмецкій журналистъ пишетъ Льву Николаевичу горячее письмо по поводу одной изъ его статей. Англичанинъ К. сообщаетъ изъ Лондона цѣлую кучу политическихъ и литературныхъ новостей. Разговоръ переходитъ на англійскую литературу и на новый англійскій романъ, въ которомъ выведена необыкновенно цѣломудренная особа, которая только подъ влияніемъ остраго чувства ревности ослабѣваетъ, наконецъ, и допускаетъ себя поцѣловать, заявивши, однако:

— Но только это.

— Какая чепуха!—говоритъ Софья Андреевна, низко наклонивъ голову надъ своей работой.

Левъ Николаевичъ соглашается съ нею, что въ данномъ случаѣ это дѣйствительно чепуха, но въ возможность чистыхъ отношеній между мужчиной и женщиной онъ глубоко вѣритъ и ссылается на отношенія между братомъ и сестрой, деверемъ и невесткой.

— Вся суть, значить, не въ невозможности чистыхъ отношеній между мужчиной и женщиной,—говоритъ онъ,—а въ развитіи и укрѣпленіи въ себѣ извѣстнаго чувства къ лицу другого пола.

Въ 10 часовъ начали накрывать на столъ для ужина. Левъ Николаевичъ хотя и говорилъ съ оживленіемъ, и былъ привѣтливъ со всѣми, но въ лицѣ его, какъ бы, застыло что-то. И въ голосѣ его уже ни разу не прорывалась вѣселая нотка.

Онъ сыгралъ партію въ шахматы. Но и это нисколько не разсѣяло его. Во время ужина внизу слышались громкіе голоса, и появились новые гости—хорошіе знакомые Толстыхъ, пріѣхавшіе изъ Москвы. Они привезли съ собою цѣлый ворохъ самыхъ животрепещущихъ новостей. Левъ Николаевичъ былъ очень радъ гостямъ, дружески бесѣдовалъ съ ними, но въ лицѣ его все-таки было что-то какъ бы притаившееся и грустное. Описаніе человѣческихъ страданій въ Арменіи, очевидно, оставило тяжелый осадокъ въ его душѣ.

Разошлись въ 1-мъ часу ночи.

XII.

На другой день съ утра опять начали появляться разные просители и посѣтители. Изъ Тулы пріѣзжалъ какой-то офицеръ съ блѣднымъ нервнымъ лицомъ, послѣ него какая-то дама въ траурѣ. Левъ Николаевичъ ихъ принялъ, но свиданіе продолжалось не долго, всего нѣсколько минутъ. Около «дерева бѣдныхъ» ждали Льва Николаевича крестьяне, прохожіе, старики и старухи съ различными просьбами. Онъ сдѣлалъ для каждого что могъ. Съ почтой опять получилась цѣлая куча писемъ, газетъ, брошюръ, повѣстокъ, телеграммъ съ различными просьбами, запросами и упованіями.

Послѣ обѣда Левъ Николаевичъ поѣхалъ на велосипедѣ въ Тулу къ одному своему пріятелю.

Стало смеркаться. Мы, нѣсколько человѣкъ пріѣзжихъ, бесѣдовали въ нижней гостиной, что около библіотеки. Слышались быстрые шаги и вошелъ Левъ Николаевичъ. Онъ нагнулся, приглядываясь къ свободному мѣсту, и сѣлъ между нами. Въ голосѣ его была особенная теплота. Это былъ не знаменитый, Левъ Толстой, великій писатель и страстный проповѣдникъ, а скорѣе тихій и скромный мытарь, сознающій свои несовершенства и видящій передъ собою только еще первыя ступени той высокой лѣстницы, по которой надо взойти.

На вопросъ его, о чемъ мы бесѣдуемъ, одинъ изъ насъ сказалъ, что мы говорили объ одной обще-знакомой намъ семьѣ, въ которой глѣбъ разладъ. Двое изъ присутствующихъ обвиняли жену и выгораживали мужа. Левъ Николаевичъ внимательно выслушалъ и сказалъ:

— Да развѣ мы можемъ полностью предъявлять къ женщинѣ всѣ наши требованія и строго судить ее, сами же подготавливая ее систематически ко всякой неправдѣ? Развѣ мы не дѣлимъ въ ней превыше всего именно то, что относится къ ея полу и не ради этого беремъ ее себѣ въ жены? И вдругъ хотимъ, чтобы она была нашимъ *другомъ*. Это—фальшь и ложь. Друга я себѣ буду искать между мужчинами. И никакая женщина не можетъ замѣнить мнѣ друга. Зачѣмъ же мы лжемъ нашимъ женамъ, увѣряя ихъ, что считаемъ ихъ нашими истинными друзьями? Вѣдь это неправда же.

— Но что жъ намъ дѣлать? Какъ установить миръ въ семьѣ?—спросилъ одинъ изъ насъ.

— Муштина долженъ взять на себя *осю* тяжесть созданнаго имъ фальшиваго положенія и быть снисходительнымъ къ своей женѣ,—сказалъ съ горячей убѣжденностью Левъ Николаевичъ. — Ни при какихъ условіяхъ, ни ради чего, онъ не долженъ лишать жену своей опоры, потому что бракъ для большинства такихъ грѣшныхъ, какъ мы, людей, есть возвышеніе. Избирая себѣ въ жены извѣстную женщину, мы какъ бы объявляемъ этимъ всѣхъ остальныхъ женщинъ міра *нашими сестрами*. Въ этомъ и заключается глубокій смыслъ брака. Но если кто можетъ остаться дѣйственнымъ, не искажая своей природы, то какое это должно быть высшее счастье!

И Левъ Николаевичъ рассказалъ намъ, что онъ зналъ одну чету, которая жила много лѣтъ, сохраняя между собою отношенія брата и сестры. Всегдашняя ровность отношеній между ними такъ плѣняла всегда Льва Николаевича, что однажды онъ написалъ имъ дружеское письмо, въ которомъ особенно горячо привѣтствовалъ жену за чистоту ихъ отношеній. Но на свое письмо онъ получилъ неожиданный отвѣтъ, который, однако, глубоко его растрогалъ. Она искренно написала ему, что при всемъ своемъ восторгѣ отъ его письма, она должна, однако, отклонить отъ себя всѣ похвалы, потому что ея завѣтное желаніе—быть не только подругой, но *и женою своего мужа* и имѣть отъ него дѣтей, но что мужъ ея хочетъ оставаться съ нею въ чистыхъ отношеніяхъ, и пусть будетъ такъ, какъ онъ хочетъ...

При этихъ словахъ голосъ у Льва Николаевича оборвался и онъ заплакалъ.

— Кто же изъ насъ, грѣшниковъ,—сказалъ онъ, преодолевая свое волненіе,—осмѣлился бы упрекнуть ихъ, еслибъ они, въ концѣ концовъ, и сошлись между собою, какъ мужъ и жена? Но уже одно это чистосердечное

признаніе изъ устъ скромной женщины и ея безмятежная покорность волѣ своего мужа—какъ все это прекрасно!

И Левъ Николаевичъ долго еще говорилъ о нравственной сторонѣ брака.

Его горячая вѣра въ торжество высшаго начала въ человѣкѣ, его глубокая увѣренность въ животворной силѣ нравственныхъ идеаловъ, стремленіе къ которымъ таить въ себѣ и глубокий смыслъ нашей жизни, и цѣлебнѣйшее средство отъ всѣхъ недуговъ; наконецъ, тотъ особенный, захватывающій, толстовскій тонъ, который, какъ туго натянутая струна, звенить въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ—все это здѣсь, въ сумеркахъ, въ интимной бесѣдѣ въ полголоса, когда всякое слово пріобрѣтаетъ свой собственный языкъ—имѣло особенную притягательную силу.

Когда насъ позвали къ чаю и мы пошли наверхъ, то, поднимаясь по лѣстницѣ, испытывали такое чувство, какъ будто у насъ начали вырастать крылья. И наши жизненные ноши уше не казались намъ слишкомъ тяжелыми.

И весь этотъ памятный вечеръ принялъ затѣмъ какой-то особенный элегическій характеръ. Нѣкоторые изъ насъ уѣзжали въ 12 часовъ ночи и намъ грустно было покидать ту кровлю, подъ которой было пережито столько незабвенныхъ впечатлѣній.

Послѣ чаю возникъ общій разговоръ о музыкѣ, о поэзіи, о стихахъ.

Одна изъ родственницъ Толстыхъ прочла своеобразной, пѣвучей дикціей нѣсколько новомодныхъ стихотвореній съ «лиловыми звуками» и «поющими ароматами». Левъ Николаевичъ стоялъ у рояля, засунувъ руку за поясъ блузы, и съ улыбкой слушалъ чтеніе; когда чтеніе кончилось, онъ засмѣялся и сказалъ:

— Ужъ если набирать въ ротъ всякія звучныя слова и потомъ выпускать ихъ, то вы читайте хоть Фета. У него все-таки есть и поэзія и вкусъ.

И, поднявши немного голову, точно желая вызвать въ памяти что-то полузабытое, Левъ Николаевичъ выразительно прочиталъ одно изъ Фетовскихъ стихотвореній, въ которомъ поэтъ сравниваетъ звѣздное небо съ опрокинутой урной.

Начали говорить о Фетѣ.

Графиня Софья Андреевна хотѣла вспомнить одно изъ его стихотвореній, посвященное ей и положенное на музыку, но не могла.

Левъ Николаевичъ сѣлъ за рояль и легкимъ, свободнымъ приѣмомъ сыгралъ этотъ романсъ. Къ роялю подошла въ узорчатомъ шубунѣ старшая дочь Толстыхъ—Татьяна Львовна и спросила отца, не пожелаетъ ли онъ ей акомпанировать. Онъ охотно согласился. Она взяла въ руки мандолину, оперлась о рояль, и они начали играть стройно и согласно, представляя собою завидную группу для художника.

Послѣ музыки Левъ Николаевичъ подходилъ къ гостямъ и дружественно

бесѣдовалъ съ каждымъ изъ уѣзжающихъ. Въ 11 часовъ къ крыльцу подали «катки», т. е. длинную бланкарду, на которой можетъ уѣститься человекъ 10.

Ночь была ясная и свѣжая. На крыльцо вышла вся семья Толстыхъ, чтобы пожелать уѣзжающимъ счастливаго пути.

Когда катки отѣхали отъ дома, всѣ, точно по сигналу, обернулись назадъ и съ грустнымъ очарованіемъ начали смотрѣть сквозь чашу деревьевъ на освѣщенныя окна длиннаго дома, въ которомъ протекла большая часть дѣятельной жизни одного изъ самыхъ замѣчательныхъ людей въ исторіи человѣчества.

с. Троицкіе Борки.
1898 г.

П. Серъенко.

Молчаніе

Изъ книги М. Метерлинка «Le Trésor des humbles».

Переводъ Л. Юрьевой.

«Silence and Secrecy!—воскликаетъ Карлейль—имъ слѣдовало бы воздвигнуть алтари всеобщаго поклоненія (если только алтари воздвигаются еще въ наши дни). Молчаніе—вотъ та стихія, въ которой образуются великія дѣла, чтобы возникнуть наконецъ совершенными и величественными въ свѣтѣ жизни, надъ которой онѣ призваны владычествовать. Не только Вильгельмъ Молчаливый, но всѣ значительные люди, которыхъ я знаю, даже наименѣе дипломатичные и предусмотрительные—всѣ воздерживались отъ болтовни о своихъ намѣреніяхъ и будущихъ твореніяхъ. Попытайся и ты, со своими бѣдными маленькими недоумѣніями, удержать языкъ въ продолженіи дѣлаго дня и на слѣдующій день увидишь, какими ясными покажутся тебѣ твои планы и обязанности. Какихъ только обломковъ, какого сора не вывели въ тебѣ самомъ эти безмолвные рабы, въ то время, какъ бесполезный шумъ внѣшняго міра не проникалъ въ тебя.

Не всегда слово, какъ говорятъ французы—искусство скрывать свою мысль; часто это искусство заглушать и подавлять ее, такъ что скрывать уже больше нечего. И слово велико, но есть нѣчто большее. Существуетъ швейцарская пословица, подтверждающая это: Sprechen ist Silbern, Schweigen ist Golden, -- слово изъ серебра, молчаніе изъ золота, или-же еще лучше: слово-дитя времени, молчаніе—вѣчности.

«Пчелы работаютъ только во мракѣ, мысль работаетъ только въ молчаніи, добродѣтель—въ безвѣстности...» Не надо думать, что лишь слово служить истиннымъ общеніемъ между людьми. Уста и языкъ объясняютъ душу такъ-же, какъ номеръ и ярлыкъ картину хотя-бы Мемлинга, но стоитъ намъ захотѣть дѣйствительно сказать себѣ что нибудь, и мы принуждены молчать. Если-же въ такія минуты мы воспротивились невидимому и попужающему насъ повелѣнію молчать, то мы понесли вѣчную утрату, которую не возмѣстятъ намъ величайшія сокровища колѣвѣческой мудрости,

ибо мы потеряли случай услышать другую душу и дать мгновение бытія нашей собственной. А есть много жизней, въ которыхъ такіа случаи дважды не повторяются...

Мы обмѣниваемся словами лишь въ тѣ часы, когда не живемъ, въ тѣ мгновенья, когда не имѣемъ желанія замѣчать нашихъ братьевъ, когда чувствуемъ себя на большомъ разстояніи отъ реальности. И стоитъ лишь заговорить, какъ какой то голосъ предостерегаетъ насъ, что божественныя врата уже закрылись гдѣ-то.

Вотъ почему мы такъ скупы на молчаніе, и даже самые неблагоразумные изъ насъ не согласятся молчать съ первымъ встрѣчнымъ. Инстинктъ сверхчеловѣческихъ истинъ, которымъ мы всѣ надѣлены, предостерегаетъ насъ, что молчать съ кѣмъ нибудь, кого не хочешь знать или кого не любишь—опасно, ибо сказанное проходить между людьми, молчаніе же, если оно хотя-бы одно мгновенье было дѣятельнымъ—не исчезнетъ никогда. А истинная жизнь, единственная, оставляющая какой либо слѣдъ, создана изъ молчанія.

Начните молча вспоминать, прибѣгните теперь-же къ молчанію, для того чтобы оно само себя объяснило; и если вамъ дана способность заглянуть на мгновенье въ свою душу, до глубинъ, обитаемыхъ ангелами, вы прежде всего вспомните о существѣ, глубоко вами любимомъ и не о словахъ его, не о жестахъ, но о тѣхъ минутахъ молчанія, которыя вы вмѣстѣ съ нимъ переживали. Ибо свойство этого молчанія обнаружило свойства вашей любви и вашихъ душъ.

Я говорю теперь только о молчаніи дѣятельномъ, но есть еще молчаніе бездѣятельное—отраженіе сна, смерти, небытія. Это—молчаніе, которое спитъ; и покуда она спитъ, оно еще менѣе грозно, чѣмъ слово; но неожиданный толчекъ можетъ пробудить его, и тогда воцаряется братъ его—великое дѣятельное молчаніе. Тогда берегитесь. Двѣ души настигаютъ другъ друга, стѣны поддаются, плотины прорываются и обыкновенная жизнь уступаетъ мѣсто другой, гдѣ все становится важнымъ, гдѣ ничто не защищается, не улыбается, гдѣ ничто не повинуетъ, ничто не забывается..

Всякому изъ насъ извѣстно это темное могущество и его опасныя игры, и вотъ почему мы такъ глубоко боимся молчанія. Молчаніе одиночества, наше собственное молчаніе мы еще переносимъ, но молчаніе нѣсколькихъ, многихъ и, въ особенности молчаніе толпы—бремя сверхъестественное, тяжести котораго страшатся самыя твердыя души. Мы тратимъ большую часть жизни на поиски страны, въ которой бы не царствовало молчаніе. Соберутся два—три собесѣдника, и нѣтъ у нихъ другой мысли, кромѣ одной—изгнать невидимаго врага; ибо сколько обыкновенныхъ дружбъ не имѣютъ другого основанія, кромѣ ненависти къ молчанію. Но если, не смотря на всѣ усилія, оно всетаки проскользнетъ въ число собравшихся,—всѣ съ беспокойствомъ обратятся къ торжественной и неви-

димой сторонѣ вещей, и вскорѣ поспѣшатъ разойтись, уступая мѣсто невѣдомому. Въ будущемъ же они станутъ избѣгать другъ друга, боясь, какъ-бы вѣковая борьба не оказалась лишней разѣ тщетной и какъ-бы одинъ изъ нихъ не открылъ тайно двери противнику...

Многіе изъ насъ не познаютъ и не допускаютъ молчанія, болѣе двухъ или трехъ разъ въ жизни. Этого непроницаемаго пришельца они дерзаютъ принимать только въ торжественныхъ случаяхъ и почти всѣ принимаютъ его достойно; ибо въ жизни даже самыхъ отверженныхъ бываютъ минуты, когда они поступаютъ такъ, какъ будто имъ извѣстно то, что извѣстно богамъ.

Припомните тотъ день, когда вы безъ трепета встрѣтили ваше первое молчаніе. Ужасный часъ насталъ и оно предстало передъ вашей душой. Вы видѣли, какъ восходило оно изъ бездны жизни, о которой не говорятъ, изъ глубинъ красоты и ужаса—и вы не ушли отъ него. То было свиданіе, на порогѣ разлуки, среди великой радости, у одра смерти, на краю большаго горя. Припомните эти минуты, когда драгоценные камни становятся видимыми и заснувшая правда внезапно пробуждается, и скажите, не было ли тогда молчаніе необходимымъ и ласка врага, вѣчно преслѣдуемаго, божественной.

Почѣмъ горестнаго молчанія—ибо чаще всего въ горѣ цѣлуетъ насъ молчаніе—никогда не забываются; вотъ почему тѣ, которые чаще знали его, стоятъ больше другихъ. Быть можетъ, имъ однимъ извѣстно, какія безмолвныя и глубокія воды таятся подъ тонкой оболочкой каждодневной жизни; они приблизились къ Богу, и сдѣланные имъ шаги въ сторону свѣта—не затеряются; ибо душа можетъ не восходить, но никогда не падаетъ. «Молчаніе—великое царство молчанія!», восклицаетъ Карлейль, который такъ хорошо зналъ это царство жизни, уносящей насъ: «выше звѣздъ, глубже обители смерти... О, молчаніе и благородные молчаливые люди... Они разсыяны повсюду, каждый въ своей области; они думаютъ и работаютъ въ безмолвіи, и утреннія газеты о нихъ не говорятъ. Они—соль земли, и страна, въ которой ихъ нѣтъ, стоитъ не на вѣрномъ пути. Это лѣсъ безъ корней, весь сплетенный изъ листьевъ и вѣтвей, который долженъ исчезнуть. »

Но молчаніе истинное, къ которому приблизиться еще труднѣе, чѣмъ къ молчанію матеріальному, подразумеваемому Карлейлемъ—не изъ тѣхъ боговъ, что покидаютъ людей. Оно окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, — оно—основаніе нашей внутренней жизни, и стоитъ кому нибудь изъ насъ съ трепетомъ постучаться въ одну изъ дверей вѣчности, то-же внимательное молчаніе открываетъ ее... Здѣсь мы опять всѣ равны передъ явленіемъ безконечнымъ; молчаніе короля и молчаніе раба имѣютъ тотъ-же обликъ и скрываютъ подъ своимъ непроницаемымъ плащомъ одинаковыя сокровища.

Тайна этого молчанія—необходимаго, неприкосновеннаго убѣжища нашихъ душъ—не исчезнетъ никогда, и еслибы первый человѣкъ встрѣтился съ послѣднимъ обитателемъ земли, они-бы одинаково молчали при поцѣлуяхъ, ужасѣ и слезахъ, при всемъ, что должно быть понятнымъ безо лжи и. несмотря на безчисленность вѣковъ, они бы одинаково поняли—какъ если-бы спали въ одной колыбели — то, чему-бы уста не научили ихъ до скончанія міра...

Когда уста засыпають, просыпаются души и начинаютъ дѣйствовать; ибо молчаніе—стихія, полная счастья, неожиданностей и опасностей, въ которыхъ душа свободно владѣетъ собой. Когда вы захотите отдаться кому-нибудь вполне—молчите; и, если вы съ нимъ молчать боитесь—когда боязнь эта не скупость или священный ужасъ любви, ожидающей чудесъ—бѣгите отъ него, ибо душѣ вашей извѣстно, какъ надо поступать. Есть существа, съ которыми не осмѣлились бы молчать величайшіе герои, и есть души, которыя, хоть имъ и нечего скрывать, все-же боятся, какъ-бы извѣстнаго рода души въ нихъ не заглянули. Есть и такія, въ которыхъ молчаніе отсутствуетъ и которыя убиваютъ молчаніе вокругъ себя—и это единственные существа, проживающія незамѣченными. Имъ не удается перейти черезъ полосу, дающую прозрѣніе, великую полосу свѣта непоколебимаго и вѣрнаго. Нельзя составить яснаго понятія о томъ, кто никогда не молчалъ. Можно сказать, что душа его не имѣетъ облика. «Мы не знаемъ еще другъ друга» писалъ мнѣ нѣкто, кого я любилъ болѣе другихъ, — «мы еще не осмѣливались вмѣстѣ молчать». И то была правда; мы уже любили другъ друга такъ глубоко, что страшились этого сверхчеловѣческаго испытанія. И каждый разъ, какъ молчаніе—ангелъ высшей правды и вѣстникъ невѣдомаго во всякой любви—спускалось къ намъ, наши души, колѣнопреклоненныя, казалось просили милости и зывали о еще нѣсколькихъ часахъ невинной лжи, нѣсколькихъ часахъ невѣденія и дѣтства. Но тѣмъ не менѣе часъ его долженъ настать. Оно солнце любви и даетъ вызрѣвать плодамъ нашей души, какъ другое солнце плодамъ земли. Но не безъ основанія страшатся его люди; ибо неизвѣстно, каково будетъ свойство рождающагося молчанія. Если всѣ слова сходны, то молчанія всегда различны и въ большинствѣ случаевъ вся судьба зависитъ отъ того, каковы свойства перваго молчанія, которое создали двѣ души. Соединеніе душъ происходитъ неизвѣстно гдѣ, ибо хранилища молчанія находятся выше хранилищъ разума и нежданнѣйшій напитокъ можетъ оказаться зловѣще-горькимъ или божественно-сладкимъ. Двѣ прекрасныя, одинаково могущественныя души могутъ создать молчаніе непріязненное и вести во мракѣ безпощадную борьбу, въ то время какъ душа колодника придетъ божественно помолчать съ душою дѣвственницы.

Ничего нельзя предугадать, все происходитъ подъ небомъ, которое не предупреждаетъ; вотъ почему самые нѣжные любовники откладываютъ часто

до послѣдней минуты появленіе этого великаго провидца глубинъ бытія... Тогда имъ становится извѣстно—ибо истинная любовь приближаетъ даже наиболѣе легкомысленныхъ къ центру бытія—становится извѣстно, что все прежнее было лишь игрою ребенка вокругъ ограды и что только теперь стѣны пали и бытіе открылось. Молчаніе ихъ будетъ, по своему значенію, тождественно съ богами, въ нихъ живущими; и если они не поймутъ другъ друга въ этомъ первомъ молчаніи, то ихъ души не въ силахъ будутъ любить другъ друга, ибо молчаніе никогда не перерождается. Оно можетъ возникнуть, или опуститься между двухъ душъ, но его природа не измѣнится никогда. И до самой смерти любящихъ оно сохранитъ положеніе, форму, могущество, которыми обладало въ то мгновеніе, когда впервые проникло въ комнату.

По мѣрѣ того, какъ входишь въ жизнь, замѣчаешь, что все происходитъ безъ словъ, по какому то предварительному согласію, о которомъ даже не думаешь, но которое, мы знаемъ, существуетъ гдѣ-то надъ нами. Самый незначительный изъ насъ улыбается при первой встрѣчѣ съ людьми такъ, какъ будто-бы онъ былъ издавна соучастникомъ судьбы своихъ братьевъ. Въ нашемъ кругу, кто объясняется яснѣе другихъ, тотъ чувствуетъ яснѣе, что слова никогда не объясняютъ настоящихъ отношеній между двумя существами. Если я говорю вамъ теперь о самыхъ значительныхъ признакахъ любви, смерти и судьбы, я не достигаю еще ни смерти, ни любви, ни судьбы и, вопреки всѣмъ усиліямъ, между нами останется навсегда невысказанная истина, открыть которую мы даже не желаемъ, а между тѣмъ одна только эта не имѣющая голоса истина жила между нами, и ни о чемъ другомъ, кромѣ нея, мы не могли думать. Эта истина—наша собственная истина о смерти, судьбѣ и любви; мы могли провидѣть ее только въ молчаніи. Кромѣ молчанія ничто никогда не будетъ значительно. «Сестры, говоритъ ребенокъ въ одной сказкѣ о феяхъ, каждая изъ васъ скрываетъ тайную мысль, я хочу знать ее». Мы также обладаемъ чѣмъ-то, что хотѣли-бы узнать, но оно скрывается гораздо выше, чѣмъ тайная мысль: это наше тайное молчаніе. Но вопросы бесполезны: всякое безпокойное движеніе испытующей мысли даже мѣшаетъ жить другою жизнью, которая скрывается въ этой тайнѣ; а чтобы познать то, что существуетъ реально, надо воспитывать между людьми молчаніе, ибо только въ молчаніи распускаются неожиданные и вѣчные цвѣты, мѣняющіе форму и окраску, согласно душѣ, близъ которой мы находимся. Души взвѣшиваютъ въ молчаніи, какъ золото и серебро въ чистой водѣ, и произносимыя нами слова имѣютъ смыслъ только благодаря молчанію, въ которомъ они плаваютъ. Если я скажу кому-нибудь, что люблю его, онъ не пойметъ того, что я повторялъ, быть можетъ, тысячѣ другихъ, но слѣдующее за словами молчаніе, если я въ самомъ дѣлѣ люблю, покажетъ, до какой глубины до-

стигли корни этихъ словъ и родить въ немъ тихую увѣренность; и это молчаніе и эта увѣренность не повторяются въ жизни дважды...

Не молчаніе-ли опредѣляетъ и создаетъ ароматъ любви? Любовь, лишенная молчанія, не имѣла-бы ни вкуса ни своего вѣчнаго благоуханія. Кто изъ насъ не зналъ этихъ безмолвныхъ минутъ, которыя разъединяють уста, чтобы соединить души. Искать ихъ надо безпрестанно. Нѣтъ болѣе покорнаго молчанія, чѣмъ молчаніе любви; только оно принадлежитъ всецѣло намъ. Прочія великія молчанія—смерти, горя или судьбы— намъ не принадлежать. Они приближаются къ намъ изъ глубины событий, въ часть, ими самими избранный, и тотъ, кто не встрѣчаетъ ихъ, не долженъ упрекать себя. Но въ нашихъ силахъ выступить навстрѣчу молчаніямъ любви. Они ожидаютъ денно и нощно у порога нашихъ дверей и такъ-же прекрасны, какъ ихъ братья. Благодаря имъ, тѣ, кто никогда не плакалъ, могутъ жить съ душами также интимно, какъ тѣ, кто очень несчастенъ; вотъ почему тому, кто много любилъ, извѣстны тайны, отъ другихъ скрытыя, ибо въ томъ, о чемъ молчать уста истинной и глубокой дружбы и любви, таятся тысячи и тысячи вещей, которыхъ никогда не выразить молчаніе другихъ устъ.

Границы и область биологii.

IV.

Попытка приурочить къ биологii новыя дисциплины естествознанiя и дать ей новыя границы. Различныя опредѣленiя этихъ границъ. Биологiя, какъ синонимъ философи естественной исторiи организованныхъ тѣлъ. Ея право на самостоятельное положенiе среди индуктивныхъ наукъ. Стремленiе съ этой цѣлью ограничить область изслѣдованiя биологii. Колебанiя натуралистовъ между двумя крайними опредѣленiями задачъ биологii: въ наиболѣе тѣсномъ и наиболѣе широкомъ смыслѣ этого слова. Послѣдствiя такихъ колебанiй для ближайшаго опредѣленiя задачъ нашей науки. Единственно возможный выходъ изъ затрудненiй, созданныхъ положенiемъ вещей.

Въ исторiи науки извѣстны случаи, когда терминъ, введенный первоначально въ одномъ значенiи, позднѣе, съ накопленiемъ новыхъ фактовъ, иначе освѣщающихъ группу явленiй, нежели они представлялись автору термина, — хоть и удерживался въ наукѣ, однако получалъ иное, болѣе широкое или болѣе тѣсное, чѣмъ прежде, значенiе. Такъ Хр. Савиньи въ XVI вѣкѣ назвалъ естественную исторiю органическихъ тѣлъ *психологiей*, — терминъ этотъ, какъ мы знаемъ, удержался въ наукѣ, но получилъ свое специальное, гораздо болѣе соотвѣствующее *ему назначенiе*.

Но случаются и обратныя явленiя: терминъ, первоначально приуроченный къ опредѣленной группѣ понятiй, получаетъ новое толкованiе, не измѣняющее его значенiя, но лишь расширяющее его.

Въ томъ и другомъ случаѣ, если данное измѣненiе первоначальнаго значенiя термина *соотвѣтствуетъ истинѣ*, то оно принимается наукой; если нѣтъ, то предложенное измѣненiе остается просто мнѣнiемъ того или другого ученаго, рядомъ съ которымъ являются другiя мнѣнiя. Иногда ихъ скопится очень много, и это обстоятельство едва ли служить удостовѣренiемъ того, что въ предлагаемыхъ поправкахъ есть что-то не ладное.

Какъ разъ этотъ именно случай и представляетъ намъ многообразныя попытки измѣнить границу и область биологii: по мѣрѣ того какъ одни стремятся расширить первоначальное значенiе термина, обхватывая

имъ все большее и большее число явленій, другіе, какъ разъ наоборотъ, стремятся ограничить его первоначальный смыслъ.

Въ концѣ концовъ получается такая серія опредѣленій и толкованій термина, въ которой разобраться становится дѣломъ довольно труднымъ.

Было упомянуто выше, что подъ терминомъ «биологии» въ настоящее время разумѣютъ: одни—лишь очерки образа жизни животныхъ въ смыслѣ описанія ихъ привычекъ, способовъ добыванія пищи и т. д.; другіе—всю совокупность наукъ о тѣлахъ организованныхъ.

Вотъ какъ это случилось.

Когда было установлено что разныя дисциплины естествознанія, каковы: сравнительная анатомія, физиологія, эмбриологія и др., одной стороною своихъ выводовъ подтверждаютъ рѣшеніе биологическихъ вопросовъ о единствѣ типа творенія, объ измѣняемости видовъ и о ихъ родственной между собой связи, ученые вмѣсто того, чтобы принять къ свѣдѣнію эти выводы, какъ аргументы сосѣднихъ биологич. дисциплинъ естествознанія, включали эти дисциплины знанія въ составъ самой биологіи. Ея границы, такимъ образомъ, раздвигаясь все шире и шире, охватили, наконецъ, такую область знаній, при которой биологія оказывается неспособною къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ.

Биологія, говоритъ, напримѣръ, Ог. Контъ, «есть наука о жизни. Ея предметъ: вещество, одаренное способностью питаться, воспроизводить, чувствовать и двигаться; вещество, соединенное съ великою жизнью цѣлаго». Биологія, читаемъ мы далѣе *), «должна неизмѣнно обнимать всѣ явленія органической жизни, т. е. должна заключать въ себѣ не одну физиологію чловѣка, но и физиологію растений и животныхъ».

Не трудно понять, однако, что биологія, превращенная въ науку, имѣющую быть совокупностью всѣхъ наукъ органической жизни, съ тѣмъ вмѣстѣ превращалась въ простой синонимъ естественной исторіи организованныхъ тѣлъ, или въ собраніе трактатовъ, не изслѣдующихъ явленія, а *занимающихся* разсмотрѣніемъ чужихъ мнѣній объ этихъ явленіяхъ и установленіемъ своихъ на основаніи разсмотрѣнныхъ.

Другими словами, такое новое опредѣленіе задачъ биологіи, вмѣсто того, чтобы съ накопленіемъ матеріала ставить ее въ условія методовъ индуктивныхъ наукъ, ставило философскій элементъ въ биологіи не только преобладающимъ, но всеисчерпывающимъ и неизбѣжнымъ тогда, когда для рѣшенія ея ближайшихъ задачъ въ предѣлахъ первоначального смысла термина уже имѣлся научно установленный матеріалъ.

Отнюдь не отрицая значенія такихъ философскихъ трактатовъ, мы полагаемъ, во 1-хъ, что они съ такимъ же правомъ могутъ называться

*) О. Контъ и Милль. Льюисъ стр. 181.

біологіей, съ какимъ могутъ называться и фізіологіей, и анатоміей, и палеонтологіей, и всякой другой областью естественной исторіи, выводами которыхъ пользуются натурфілософы, и что вслѣдствіе этого приурочиваніе къ такимъ и подобнымъ трактатамъ термина *біологіи* никакихъ раціональныхъ основаній не имѣтъ; а во 2-хъ, мы вслѣдъ за Гельмгольцемъ *) полагаемъ, что если въ первой половинѣ настоящаго столѣтія такой человѣкъ, какъ Александръ Гумбольдтъ, еще могъ обозрѣть всю совокупность современныхъ ему естественно-историческихъ знаній даже въ подробностяхъ и привести ихъ въ стройное и великое цѣлое, то въ настоящее время кажется весьма сомнительнымъ, чтобы эту задачу могъ успѣшно разрѣшить даже человѣкъ, который, подобно Гумбольдту, обладалъ бы всеми необходимыми качествами, и притомъ употребилъ-бы на одно это дѣло *все свое время и весь свой трудъ*.

Мы не ошибемся, поэтому, утверждая, что біологія, *какъ совокупность наукъ о тѣлахъ организованныхъ*, изъ которыхъ каждая для своего движенія впередъ требуетъ огромной затраты времени и силъ того, кто надъ нею работаетъ, становится невозможной, въ качествѣ дисциплины естествознанія, способной къ самостоятельному развитію.

А по свойству тѣхъ вопросовъ, которые для нея были намѣчены ея первыми работниками, она не только нуждается въ живыхъ изслѣдованіяхъ, но и не мыслима безъ этихъ изслѣдованій, дѣлающихъ ее наукой прежде всего индуктивной.

Натуралисту, какъ справедливо замѣчаетъ Гельмгольцъ, недостаточно, подобно филологу или историку, изучать только книги и собирать свѣдѣнія о томъ, что другіе уже нашли относительно изучаемаго предмета; онъ самъ долженъ имѣть дѣло съ предметами, изъ которыхъ каждый представляетъ новыя и своеобразныя затрудненія, неизвѣстныя книжному ученому; при этомъ часто наиболѣе времени и труда тратится на такія занятія, которыя находятся лишь въ отдаленной связи съ цѣлью самаго изысканія. Всякій естествоиспытатель знаетъ, что различныя приготовленія, побочныя работы, контроль возможныхъ ошибокъ, разграниченіе достижимыхъ въ извѣстное время результатовъ отъ недостижимыхъ, при добросовѣстномъ изслѣдованіи, требуетъ гораздо болѣе времени, нежели наблюденія и опыты, для которыхъ собственно былъ предпринятъ весь трудъ.

Такъ говоритъ Гельмгольцъ о задачахъ натуралистовъ вообще; тоже, и еще въ высшей степени, относится къ натуралисту-біологу, которому приходится имѣть дѣло съ такой лабораторіей, какъ живая природа. Біологія, поставивъ себѣ задачей обнять всю совокупность дисциплинъ естествознанія, имѣющихъ отношеніе къ «явленіямъ жизни», тотчасъ-же становится въ невозможность заниматься ихъ непосредственнымъ изуче-

---

*) О цѣли и успѣхахъ естествознанія.

нiемъ, и въ необходимость замѣнить эти явленiя мнѣнiями и выводами ученыхъ. вмѣсто биолога натуралиста передъ нами, такимъ образомъ, силою вещей выдвигается фигура биолога философа, если не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ во времена Ламарка, то въ томъ, въ какомъ его проектировалъ Льюисъ послѣ его реорганизаціи метафизики. Книга Virey: «Philosophie de l'histoire naturelle ou phénomènes de l'organisation des animaux et des végétaux.» (1835) можетъ служить хорошимъ примѣромъ, подтверждающимъ сказанное. Въ ней имѣются научныя данныя и по физиологiи, и по анатомiи, и по биологiи, и по другимъ дисциплинамъ естествознанiя, но всѣ эти данныя заимствованы; самому-же автору принадлежатъ почти исключительно однѣ натурфилософскія соображенiя.

Еще разъ повторяемъ, что мы вовсе не отрицаемъ значенiя философскихъ изслѣдованiй вопросовъ естествознанiя: мы утверждаемъ только, что такiя философскiя изслѣдованiя не могутъ замѣнять дѣла опытной науки; что опредѣляя область биологiи такими предѣлами, которые ставятъ ея представителей въ невозможность производить самостоятельныя изслѣдованiя, авторы превращаютъ ее изъ опытной науки въ философію. Не трудно понять изъ сказаннаго, что по мѣрѣ того, какъ расширенiе задачъ биологiи все болѣе и болѣе ставило ее въ невозможность къ самостоятельнымъ изслѣдованiямъ, должны были явиться попытки возратить ей эту возможность, т. е. ограничить эти задачи. Нѣтъ надобности указывать на примѣры такого рода попытокъ: они у всѣхъ передъ глазами.

Словомъ «*биологія*» обозначаютъ весьма различныя понятiя, говоритъ Визнеръ въ своемъ введенiи къ «Биологiи растений» *). Гексли, и вмѣстѣ съ нимъ большинство британскихъ натуралистовъ употребляютъ это слово въ его наиболѣе широкомъ значенiи, какъ названiе науки объ организмахъ.

Согласно этому воззрѣнiю, биологiя нѣкоторыми авторами раздѣлилась на *морфологию*, въ составъ которой они вносятъ не только *анатомію* и *истологию*, но еще *эмбриологию* и *палеонтологию*; далѣе на *биогеографію* и *физиологию*. Другіе натуралисты, напротивъ, очень ограничиваютъ его смыслъ, рассматривая биологiю, какъ ту часть естественныхъ наукъ, которая занимается лишь образомъ жизни растений и животныхъ. Большинство современныхъ естествоиспытателей колеблется между этими двумя крайностями.

Нѣтъ надобности говорить, къ чему должно было привести и, дѣйствительно, привело, такое *колебаніе*, такое разнообразіе не только пониманiй, но и опредѣленiй термина «*биологія*», которое мы встрѣчаемъ въ настоящее время въ наукѣ. Если мы присоединимъ къ сказанному, что

*) Визнеръ, „Биологія растений“, перев. Р. Р. Шредера и Н. А. Никольскаго. 1892 г.

опредѣленія эти въ своемъ основаніи нерѣдко не имѣютъ ничего, кромѣ формулы: «такъ я понимаю терминъ *«біологія»* и такъ буду употреблять его въ своемъ трактатѣ» *), то всякій, вѣроятно, согласится какъ съ тѣмъ, что выходъ изъ такой неопредѣленности необходимъ, такъ и съ тѣмъ, что его надо отыскивать не въ личныхъ мнѣніяхъ и воззрѣніяхъ на предметъ, а въ томъ, какъ объ этомъ было сказано выше, что за областью біологіи устанавливается данными исторіи этой науки. Ламарку и Тревиранусу пришелъ въ голову этотъ терминъ, когда естественная исторія организованныхъ тѣлъ скопила достаточное количество фактовъ по вопросамъ объ измѣняемости и происхожденіи видовъ, чтобы выдѣлить изъ нея новую дисциплину науки. Въ сферѣ этихъ вопросовъ съ тѣхъ поръ не произошло ничего, что давало-бы право признать этотъ терминъ не соответствующимъ задачѣ.

Признавъ ту или другую попытку кореннымъ образомъ измѣнить первоначальный смыслъ термина, мы не только отнимаемъ терминъ у такой области знанія, которая имѣетъ всѣ права на самостоятельность, не только нарушаемъ право авторовъ этого термина, которое имъ даетъ пріоритетъ,— не выставивъ въ объясненіе такого нарушенія ни одного, сколько нибудь серьезнаго соображенія **), но съ тѣмъ вмѣстѣ открываемъ полный просторъ толкованіямъ и опредѣленіямъ границъ той области знанія, которыя, въ сущности, давно и точно опредѣлены. Сказаннымъ мы и ограничимся по вопросу о попыткахъ пріурочить біологіи болѣе широкую или болѣе тѣсную область изслѣдованія, чѣмъ та, которая вытекаетъ изъ ея ближайшей задачи: изученіе жизни организмовъ, *какъ особей*, изученіе *ихъ пріспособленій* къ условіямъ существованія.

Отъ этого необходимаго отступленія вернемся къ прерванной нами исторіи развитія нашей науки.

*) Такъ напримѣръ, Нааке въ его *Gestalt und Vererbung*, стр. 324, пишетъ, что, по его мнѣнію—біологія должна быть раздѣлена на три главныхъ вѣтви: *біономію*, *біографію* и *біогенію*. Задача первой изъ нихъ опредѣлять законы, по которымъ преобразуются органическія существа; второй—изслѣдовать происхожденія въ жизни животныхъ и растений періодическія явленія; наконецъ, задача третьей—историческое развитіе животныхъ и растительнаго царства; она должна идти рука объ руку съ геологіей, которая, по требованію того-же автора, въ свою очередь должна быть раздѣлена на три отдѣла: *геономію*, *географію* и *геогенію* и т. д.

**) Мы, разумѣется, не можемъ признать серьезнымъ то единственное соображеніе, которое обыкновенно въ такихъ случаяхъ выставляется, и которое заключается въ томъ, что расширить первоначальное значеніе термина какъ будто-бы обязываетъ его этимологическое значеніе *Bios*—жизнь, *logos*—ученіе. Тревиранусъ и Ламаркъ, вводя терминъ біологія, сами имѣли въ виду *ученіе о жизни*, но вовсе не то, которое хотятъ въ немъ видѣть авторы новаго значенія термина біологія; а именно: они имѣли въ виду *не жизнь* составляющихъ организмъ кѣлочекъ, а *жизнь* самыхъ организмовъ, *жизнь особей*, какъ *цѣлое*. Вводя терминъ *біологія* въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, названные ученые не исказили этимологическаго смысла слова, и потому исправлять его на этомъ основаніи нѣтъ ни малѣйшей надобности.

V.

Дарвинъ, какъ типъ біолога въ настоящемъ значеніи этого слова.—Уэллсѣ.—Опредѣленіе области и задачъ биологіи этимъ ученымъ.—Подборъ и борьба за существованіе, какъ основные принципы биологіи.—Общее заключеніе изъ исторіи развитія биологіи.

Третій періодъ биологіи начинается 1859 годомъ, т. е. появленіемъ въ печати изслѣдованій Дарвина о происхожденіи видовъ.

Дарвинъ, сколько я знаю, вовсе не дасть опредѣленія биологіи, какъ обособленной отрасли естественной исторіи. Онъ изслѣдовалъ опредѣленную группу вопросовъ, стоящихъ въ прямой связи съ вопросами о происхожденіи видовъ, не заботился о томъ, въ какую дисциплину науки будутъ отнесены его изслѣдованія, которыя, однако, и онъ самъ, и другіе ученые называютъ не иначе, какъ *биологическими*.

Не трудно, однако, по самымъ его изслѣдованіямъ опредѣлить, что именно разумѣлъ онъ подъ этой наукой; онъ разумѣлъ подъ нею то самое, что современный ему натуралистъ, раздѣляющій съ нимъ славу открытія закона «естественнаго подбора», Уэллсѣ формулировалъ въ своей книгѣ «Дарвинизмъ» въ 1890 году, т. е. 35 лѣтъ спустя послѣ первой его биологической работы «о законѣ, регулирующемъ появленіе новыхъ видовъ», напечатанной имъ въ 1855 г. въ «Annals and magazine of natural history». Взглядъ этотъ знаменитый біологъ изложилъ во введеніи къ прекрасной его книгѣ «Дарвинизмъ». Вотъ то небольшое, что мы тамъ находимъ по интересующему насъ предмету.

Возраженія, которыя встрѣчаетъ теперь теорія Дарвина, направлены единственно на пути, приведшіе къ измѣненію видовъ и вовсе не касаются самого факта измѣненій.

Мнѣнія противниковъ и ихъ возраженія встрѣчаютъ сильную поддержку и еще болѣе довѣрія всего чаще у современной школы лабораторныхъ натуралистовъ, для которыхъ особенности и различія видовъ, какъ таковыхъ, ихъ распространеніе и сходство представляютъ мало интереса по сравненію съ проблемами гистологіи, эмбриологіи, физиологіи и морфологіи. Конечно, изслѣдованія ихъ въ этихъ областяхъ представляютъ большой интересъ и значеніе, но сами по себѣ они не такого свойства, чтобы способствовать людямъ, посвятившимъ себя ихъ изученію, произнести здравое сужденіе по вопросамъ, содержащимся въ дѣйствиіи естественнаго подбора. Вопросы эти лежатъ, главнымъ образомъ, во внѣшнихъ и жизненныхъ отношеніяхъ вида къ виду въ естественномъ состояніи.

Самый вопросъ о происхожденіи видовъ, продолжаетъ Уэллсѣ, теперь отошелъ на задній планъ и на очередь выступилъ цѣлый рядъ *Законовъ Биологіи*. Какіе же это законы и путемъ какихъ изслѣдованій они устанавливаются?

Это законы, вытекающіе и устанавливающіеся изъ явленій борьбы за

существованіе. Законы эти покоятся, по словамъ Уэллеса, главнымъ образомъ на вѣдѣніяхъ жизненныхъ отношеній видовъ другъ къ другу въ естественныхъ условіяхъ жизни, на томъ, что Семперъ съ основаніемъ назвалъ физиологіей организмовъ, а не на анатоміи и физиологіи органовъ.

Здѣсь, разумѣется, не мѣсто входить въ разсмотрѣніе этихъ законовъ біологіи, и мы, чтобы заключить историческій очеркъ развитія науки, ограничимся лишь немногими словами о дарвинизмѣ, поскольку это ученіе генетически связано съ ученіемъ біологовъ—предшественниковъ Дарвина, и о томъ, что новаго внесено этимъ ученымъ въ нашу науку.

Натурфилософы, о которыхъ было упомянуто выше, и которые являлись пионерами трансформизма, утверждали, что всѣ животные и растительные виды, живущіе или жившіе въ какой нибудь моментъ времени, въ какомъ нибудь пунктѣ земной поверхности, представляютъ потомство, медленно измѣненное и преобразованное какой нибудь одной или маленькаго числа *прародительскихъ формъ*, первобытныхъ, очень простыхъ, произвольно зародившихся изъ органической матеріи.

Но ни одному изъ этихъ натурфилософовъ не удалось этиологически развить эту основную идею генеологической доктрины и указать истинныя механическія причины метаморфозы органическихъ видовъ. Ч. Дарвинъ и одновременно съ нимъ Уэллесъ разрѣшили эту трудную задачу.

Заслуга Дарвина передъ біологіей вдвойнѣ необычайна. Во 1-хъ, онъ далъ болѣе широкое развитіе той генеологической теоріи, которой главныя данныя были уже ясно сформулированы Гете и Ламаркомъ; онъ прослѣдилъ ее съ болѣе глубокой во всѣхъ направленіяхъ, установилъ различныя части ея съ болѣею строгостью, нежели его предшественники. Во 2-хъ, онъ основалъ новую теорію, которая открываетъ намъ естественныя причины органической эволюціи, дѣйствующія причины органической метаморфозы, измѣненій, преобразованій животныхъ и растительныхъ видовъ; мы называемъ ее теоріей подбора, или, правильнѣе, теоріей естественнаго подбора (*Selectio naturalis*).

Эти два принципа—колоссальнаго значенія: борьба за существованіе и естественный отборъ производителей объединили гипотезы его предшественниковъ въ началѣ третьяго періода исторіи нашей науки, какъ въ началѣ второго, объединила разрозненныя догадки и мнѣнія ученыхъ гипотеза Ламарка.

Разница въ томъ, что въ гипотезѣ Ламарка умозрѣніе пользуется такимъ же правомъ гражданства, какъ и фактическій матеріалъ, тогда какъ у Дарвина наоборотъ: факты и наблюденія стоятъ на первомъ планѣ.

Одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ біологовъ, говоря о сочиненіяхъ Дарвина, выразился такимъ образомъ: «Дарвина нельзя читать просто, его надо изучать; за подавляющей массой фактовъ, читатель нерѣдко можетъ упустить нить его строгой аргументаціи, потому что аргументація эта со-

стоитъ не изъ обнаженныхъ логическихъ доводовъ, а изъ *систематическихъ* сдѣляющихся фактовъ».

«Читателю,—говорить, дѣлая оцѣнку трудовъ Дарвина, другой натуралистъ, Де-Кандаль—предоставляется сличать, выбирать, выводить заключенія; приемъ не дидактический, а чисто научный». Отсюда такая поразительная ясность ученія Дарвина. Съ другой стороны, по причинамъ прямо противоположнымъ, какая неустойчивость, неясность и необфдительность доводовъ Ламарка, которая Карлу Фогту дала основаніе сказать, что его теорія имѣетъ видъ чего-то необыкновенно комичнаго, и Гексли, что несмотря на остроуміе многихъ взглядовъ Ламарка, онъ прибавилъ къ нимъ столько незрѣлаго, что польза, которую могла-бы принести его оригинальность, если бы онъ былъ трезвымъ и осторожнымъ мыслителемъ, была совершенно уничтожена. Различіе ученія Дарвина отъ ученія Ламарка и его предшественниковъ заключается еще и въ томъ, что какъ этотъ послѣдній, такъ и всѣ остальные подходили къ вопросу путемъ *изученій музейскихъ экземпляровъ*, какъ это заявляетъ про себя самъ Ламаркъ, а не живой природы, тогда какъ Дарвинъ и Уэллесь пришли независимо другъ отъ друга къ плодотворной идѣ о естественномъ отборѣ путемъ изученія живой природы *).

Капитальные заключенія были добыты Дарвинымъ путемъ изученія домашнихъ животныхъ, но основная идея о происхожденіи видовъ возникла у него во время кругосвѣтнаго путешествія его на кораблѣ «Бигль».

«Я былъ сильно пораженъ, говоритъ Дарвинъ, нѣкоторыми особенностями въ распредѣленіи животныхъ и растений по Южной Америкѣ и въ геологической связи угасшихъ флоръ и фаунъ этого материка съ флорами и фаунами настоящаго времени. Эти особенности, какъ казалось мнѣ, проливали нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе видовъ».

Уэллесь пришелъ къ своему открытію тѣмъ же путемъ.

---

*) Такъ какъ Негели и другіе, столь же мало, какъ и онъ, безпристрастные, но часто гораздо менѣе, чѣмъ онъ, глубокомысленные цѣнители дарвинизма многократно заявляли, что дарвинизмъ основательно изслѣдовалъ только „конюшню“ и „голубятню“, а не „свободную природу“, то я считаю не безполезнымъ привести здѣсь нижеслѣдующія строки изъ книги проф. Тимпризева: „Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе“:

„Театръ дѣятельности обоихъ ученыхъ Дарвина и Негели, говоритъ проф. Тимпрязевъ,—мнѣ коротко знакомъ. Былъ я и въ Даунѣ у Дарвина, бывалъ и въ Мюнхенскомъ ботаническомъ саду, и могу увѣрить, что сады, поля и рощи, среди которыхъ протекала вся жизнь Дарвина, болѣе походятъ на „свободную природу“, чѣмъ нѣсколько десятковъ пыльных грядокъ въ самомъ центрѣ германскихъ Лейпцига. А если Негели экскурсировалъ въ баварскихъ или даже швейцарскихъ Альпахъ, то не безизвѣстно, что Дарвинъ провелъ пять лѣтъ въ кругосвѣтномъ плаваніи, да еще съ малыхъ лѣтъ, и до, и послѣ путешествія исходилъ вдоль и поперекъ не одинъ уголокъ Англіи“.

Такимъ образомъ, біологія, получивъ свое крещеніе въ 1803 году, за послѣдующіе годы развилась, приобрѣла всѣ тѣ свойства, которыя ее характеризуютъ, и въ 1890 году получила отъ одного изъ своихъ величайшихъ ея представителей свою конечную и точную формулу.

Установивъ ходъ историческаго развитія и преемственности возрѣній на задачи нашей науки, намъ уже нѣтъ надобности говорить о ея границѣхъ и области изслѣдованій: то и другое само собою вытекаетъ изъ сказаннаго.

Біологія—не синонимъ естественной исторіи организованныхъ тѣлъ или органической физики, какъ это полагаютъ нѣкоторые натуралисты второго періода нашей науки и, какъ это полагаютъ еще и въ наши дни многіе ученые,—одни, ограничиваясь замѣной стараго термина новымъ, другіе, предлагая выѣстъ съ тѣмъ и большинство остальныхъ прежнихъ терминовъ замѣнить новыми.

Біологія *не натурфилософія*, хотя мы и понимаемъ теперь, почему до нашихъ дней на нее нерѣдко смотрятъ именно съ этой точки зрѣнія.

Біологія не фізіологія и не анатомія, ибо изучаетъ не жизнь и дѣятельность органовъ и частей, а жизнь и дѣятельность цѣлаго. Правда, соприкосновенія здѣсь весьма близки, но теоретическія границы между этими науками столь же необходимы въ интересахъ успѣховъ каждой изъ нихъ, сколько практически возможны. Мы можемъ, во всякомъ случаѣ, съ увѣренностью сказать, что если выводы сравнительной анатоміи и фізіологіи могутъ оказаться въ высокой степени полезными для ближайшихъ задачъ біологіи, то и обратно—заключенія біологіи могутъ служить наводящими моментами въ изслѣдованіяхъ анатоміи и фізіологіи.

Біологія—не эмбриологія, какъ это въ послѣднее время высказываютъ представители этой послѣдней, такъ какъ біологія имѣетъ дѣло съ организмомъ по выходѣ его изъ яйца, а не въ періодъ его эмбриональной жизни. Самый «интересъ эмбриологіи,—говоря словами Дарвина,—значительно возвышается, если мы станемъ смотрѣть на зародышъ, какъ на снимокъ, болѣе или менѣе затемненный, съ общаго родича каждаго великаго класса животныхъ».

Біологія, наконецъ, и не то, что, по появленіи въ свѣтъ сочиненія Дарвина о происхожденіи видовъ, въ естествознаніи называется дарвинизмомъ. Біологія не дарвинизмъ, ибо, во 1-хъ, дарвинизмъ, какъ принципъ, обнимаетъ гораздо большее число явленій, чѣмъ то, которое имѣетъ въ виду біологія. Принципы дарвиновскаго ученія являются руководящими не только въ разныхъ дисциплинахъ естествознанія, болѣе или менѣе близко стоящихъ къ біологіи; они проникли въ такія сферы знанія, которыя ни къ біологіи въ частности, ни къ естественнымъ наукамъ, вообще, никакого отношенія не имѣютъ, каковы: философія, исторія, этика, эстетика и даже філологія.

Биология не дарвинизмъ и потому, во 2-хъ, что еслибы когда нибудь были указаны иные законы, обуславливающіе сосуществованіе организмовъ сверхъ указанныхъ Дарвиномъ или *взаимнъ* имъ указанныхъ, а ея законы были признаны *истинными*,—чего пока мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія предполагать,—то дарвинизма, какъ принципа не будетъ, а биология, какъ наука съ указанною нами областью изслѣдованій,—останется неприкосновенной.

Биология есть наука, объединяющая разработку выдвинутыхъ на очередь въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія вопросовъ о происхожденіи видовъ въ смыслѣ изученія законовъ ихъ сосуществованія, въ смыслѣ познанія тѣхъ полезныхъ приспособленій, которыя даютъ имъ возможность выдержать конкуренцію въ борьбѣ за существованіе и попасть въ число не «званныхъ» только, но «избранныхъ» путемъ процесса, названнаго Дарвиномъ процессомъ естественнаго отбора.

В. Вагнеръ.

Вершины бѣлыхъ горъ.

Вершины бѣлыхъ горъ.
Подъ краснымъ солнцемъ свѣтять.
Спроси вершины горъ,
Они тебѣ отвѣтять.
Разскажутъ въ тихій часъ
Багрянаго заката,
Что нѣтъ любви для насъ,
Что къ счастью нѣтъ возврата.
Чѣмъ дальше ты идешь,
Тѣмъ глубже тайный холодъ.
Все—истина, все—ложь,
Блаженъ лишь тотъ, кто молодъ.
Намъ скупо свѣтитъ день,
А ты такъ жаждешь свѣта.
Мечтой свой духъ одѣнь,
Въ иномъ не жди привѣта.
Чѣмъ выше надъ землею,
Тѣмъ легче хлопья снѣга.
Съ прозрачной полумглою
Слилась нѣмая нѣга.
Въ прозрачной полумглѣ
Ни мрака нѣтъ, ни свѣта.
Ты плакалъ на землѣ
Когда-то, съ кѣмъ-то, гдѣ-то.
Пойми, одинъ, теперь:
Нѣтъ ярче откровенья,
Какъ въ сумракѣ потерь
Забвеніе мгновенья.
Мгновенье красоты
Бездонно по значенью.
Въ немъ—высшее, чѣмъ ты.
Служи предназначенью!
Взойди на высоту,
Побудь, какъ лучъ заката,
Уйди за ту черту,
Откуда нѣтъ возврата!

Н. Бальмонтъ.

Въ отставку.

РАЗСКАЗЪ.

(Окончаніе).

VI.

Николай Семеновичъ временно исправлялъ обязанности класснаго наставника и путешествовалъ, въ сопровожденіи Куропаткина, по ученическимъ квартирамъ.

Вечеръ выдался сырой. Мелкая изморозь и вѣтеръ непріятно раздражали лицо. Николай Семеновичъ поднималъ высоко плечи и пряталъ голову въ воротникъ пальто. Онъ былъ въ самомъ пессимистическомъ настроеніи духа: морщился, кряхтѣлъ и не слушалъ, что болтаетъ спутникъ, успѣвшій уже зайти на перепутьи въ ресторанъ и погрѣться около буфетной стойки.

Хлюпъ! хлюпъ! хлюпъ!—шлепали санки по лужамъ, и грязныя брызги летѣли во все стороны, а сѣдоки подпрыгивали и покачивались.

— Стой!..—сказалъ Куропаткинъ, ткнувъ Ваньку въ спину;

— Тпру-у-у!..

Николай Семеновичъ былъ погруженъ въ неотносящіяся къ дѣлу размышленія... Очнувшись, онъ посмотрѣлъ, куда подѣхали:

— Къ Свищеву зайдемъ...

— Къ кому?..

— Къ Свищеву... Онъ хоть и на выпускѣ, а все-таки... кстати, мимо...

Они выѣзжали изъ санокъ, подыаялись по лѣстницѣ и позвонили... Имъ отперъ самъ Мишель и страшно растерялся отъ неожиданности.

— Васъ провѣдать...—какъ-то сконфуженно проговорилъ Николай Семеновичъ, снимая калоши.

— Мерси!—сказалъ Мишель.

— Мамаша здорова?—освѣдомился Куропаткинъ.

— Мерси!..—повторилъ Мишель.

— Гдѣ будете говѣть?—поинтересовался Куропаткинъ.

— Мерси...—машинально повторилъ Мишель.

Когда наставники раздѣлись, произошло неловкое замѣшательство: Мишель стоялъ у порога съ какой-то странною улыбкою на лицѣ и теребилъ единственный волосъ, торчавшій на его подбородкѣ, а Николай Семеновичъ, видимо, не зналъ, о чемъ даѣе говорить и что еще дѣлать... Ему было страшно неловко и онъ придумывалъ, какъ-бы смягчить, сгладить неловкость положенія.

Куропаткинъ всѣхъ вывелъ изъ затрудненія:

— Ведите, Свищевъ, въ свою комнату. Что-же здѣсь стоять?..

Пришли въ кабинетъ Мишеля.

Здѣсь было уже темно, и Куропаткинъ собственной спичкою зажегъ стоявшую на столѣ лампу. Николай Семеновичъ закурилъ папиросу и присѣлъ къ столу.

— Ну что? Какъ?—довольно неопредѣленно началъ онъ свою миссію.

— Ничего...—отвѣтилъ Мишель.

— Къ экзаменамъ готовитесь?..

— Да...

— Гм... да... къ экзаменамъ... скоро...

А Куропаткинъ не стѣснялся. Онъ быстрымъ взоромъ окинулъ комнату, потомъ сталъ ходить и заглядывать на окна, этажерку и т. д.

— Это, братецъ, что-же такое?—спросилъ онъ, указывая пальцемъ въ уголъ, гдѣ лежалъ окурокъ папиросы.

— Папироса,—отвѣтилъ Мишель, скосивши взглядъ въ сторону.

Куропаткинъ нагнулся, поднялъ окурокъ и положилъ на столъ предъ Николаемъ Семеновичемъ.

— Куришь, голубчикъ?—спросилъ Куропаткинъ.

Мишель пробурчалъ что-то невнятно, а Куропаткинъ выдвинулъ у стола ящикъ и заглянулъ туда.

— Вотъ ужъ этого, г. Свищевъ, не полагается!.. „Гусарскія, десять штукъ—десять копѣекъ“...

Куропаткинъ вытащилъ коробку, посмотрѣлъ снаружи и внутри, и тоже поставилъ предъ Николаемъ Семеновичемъ.

— Курить вредно,—произнесъ тотъ и потушилъ свою папиросу.

— Вы ужъ разъ были въ куреньи замѣчены и директоръ васъ простилъ, только жалѣя вашу матушку—началъ Куропаткинъ. Вы освобождены отъ платы, а между тѣмъ не стоите по вашему поведенію...

Мишель упорно молчалъ.

Куропаткинъ продолжалъ шарить.

— Это что за произведенія?

Онъ откуда-то принесъ цѣлую кипу книгъ и внимательно началъ пересчитывать заглавія:

— „Политическая экономія“... „Писаревъ“... Каково-съ?.. Что такое?... „ре-фе-ратъ“... Гм... Посмотримъ!.. „Роль правительства, дворянства и литерату-у-у-ры“...

Николай Семеновичъ морщился и вертѣлся на стулѣ.

— Батюшки! Что такое?.. „Про-то-о-ко-ль соб-ра-нія“... Какого собранія? „Пос-та-но-ви-ли“. Ну-ка, что такое постановили?..

Куропаткинъ поправилъ очки и началъ медленно читать „Протоколъ ассоціаціи саморазвитія“...

„Чле-ны... асс... ассоціаціи постановили: такъ какъ всѣ мы прежде всего... прежде всего гра... граждане“ хорошо-съ! „Граждане, то... то должны посвятить себя...“

Куропаткинъ не закончилъ. Дрожащими руками онъ спряталъ протоколъ въ боковой карманъ и вопросительно взглянулъ на Николая Семеновича. Николай Семеновичъ въ страшномъ затрудненіи перелистывалъ книги и машинально повторялъ:

— Не слѣдуетъ, не слѣдуетъ...

— Я читаю критическія статьи. Что-же тутъ дурного?..

— Надо подождать. Вотъ кончите курсъ... тогда все, что угодно...

— Осталось, Николай Семеновичъ, какихъ-нибудь три мѣсяца... Развѣ не все равно?—угрюмо отвѣтилъ Мишель, взглянувъ изъ-подъ лобья на Николая Семеновича.

— Больно вы любите разсуждать!—сердито произнесъ Куропаткинъ.

— А развѣ разсуждать не хорошо?—съ отбѣнкомъ юношескаго задора спросилъ Мишель.

— Молчите, когда съ вами разговариваютъ!—прикрикнулъ Куропаткинъ.

— Хорошъ разговоръ!—буркнулъ Мишель.

— Оставьте, пожалуйста—какъ-то просяще выговорилъ Николай Семеновичъ, и тонъ фразы былъ такъ неопредѣленъ, что какъ Свищевъ, такъ и Куропаткинъ не могли отнести ее по своему адресу...

— И гдѣ они такія книги достаютъ?.. Начитаются всякой критики, а потомъ—скандалить... Хотѣ-бы родителей пожалѣли!.. Ихъ поятъ, кормятъ, а они—изволь!.. Родителямъ—на утѣшеніе; церкви и отечеству—на пользу! Запрещенныя, вѣдь Николай Семеновичъ, книги-то... Надо взять... Гдѣ вы взяли ихъ?—закончилъ Куропаткинъ, обращаясь къ Мишелю.

— Кушилъ...

— Не слѣдуетъ, не слѣдуетъ...—бурчалъ Николай Семеновичъ, поднимаясь со стула.

Куропаткинъ схватилъ со стола коробку съ папиросами и спрятать въ собственный карманъ, а книги взялъ подъ мышку.

— Оставьте!—ласково шепнулъ ему Николай Семеновичъ. Но Куропаткинъ или не слыхалъ, или дѣлалъ видъ, что не слышитъ.

Наставники вышли въ переднюю, а Мишель остался въ своей комнатѣ. Онъ брякнулся въ кровать и притихъ, прислушиваясь къ шагамъ и голосамъ въ передней. Тамъ Куропаткинъ разговаривалъ съ Машкой:

— Поздно не ходятъ?

— Всяко бываетъ.

— Курить?

— А ты думаешь,—нѣтъ? Они нынѣ съ измальства сосутъ... Его чуть-только отъ земли видать, а во рту ужъ цигарка торчитъ...

— Можно книги оставить...

— Затѣмъ-же? Имъ спустить разъ, они всякій стыдъ потеряютъ...

— На што спускать?..—соглашается Машка.

Потомъ послышалось постукиваніе надѣваемыхъ калошъ, потомъ хлопнула выходная дверь.

— Имъ только дай волю... Одними самоварами въ гробъ уложить,—резонерствуетъ Машка и тоже куда-то уходитъ...

— Ушли, что-ли?—тихо спросила мать, заглянувъ въ комнату Мишеля.

— Ушли...

— Что такое случилось? Что у тебя нашли?

— Такъ... послѣ, мама... Папиросы нашли...

— Вотъ видишь!.. Ахъ, Господи, наказанье какое... Что-же теперь будетъ?

— Послѣ, мама, послѣ...—глухо повторилъ Мишель.

Мать ушла.

Мишель былъ такъ взволнованъ, что говорить ему теперь было трудно. Тысяча мыслей кружилось въ его головѣ... „Неужели и протоколъ ассоціаціи взяли“?

Онъ соскочилъ, какъ ужаленный, съ постели и началъ метаться по комнатѣ, бросать книги, перелистывать ихъ, рыться въ ящикѣ стола.

Нѣтъ!.. Ни протокола, ни реферата...

Мозгъ Мишеля напрягался, отыскивая выходъ изъ сквернаго положенія, а фантазія услужливо рисовала ему всевозможные ужасы... Мишеля бросало и въ жаръ, и въ холодъ.

— Не доставало только, чтобы выгнали изъ гимназіи—ворчала за стѣнкой Анна Васильевна.—Бьешься-бьешься, ждешь, что хоть на старости лѣтъ...

— Мама! Да перестаньте-же!.. —умоляюще закричалъ Мишель, затыкая уши. „Что-же дѣлать?.. Если-бы не было Куропаткина,—все обо-

шлось-бы... А теперь нѣтъ... Куропаткинъ донесетъ... Идти къ нему?.. Ни за что!.. Будутъ спрашивать, гдѣ взялъ книги и кто въ ассоціаціи... Сказать нельзя... Никогда!.. Бѣдная мама“...

— Мама! Вы, пожалуйста, спите, не беспокойтесь! Это—ничего...—говорить громко Мишель, стараясь не выдать своихъ тайныхъ мученій...

Мама не отвѣчаетъ... Мишель прислушивается: не то это—вѣтеръ, не то мама плачетъ?..

„Все это пустяки... Дѣло обойдется... Ничего особеннаго не случилось“—мысленно говорилъ Николай Семеновичъ послѣ посѣщенія Мишеля, валяясь съ закрытыми глазами на кушеткѣ. «Свищевъ можетъ сказать, что книги взяты изъ моей библіотеки,—вотъ что скверно. А они... они ужъ постараются изъ мухи слова сдѣлать“.

Сдѣлать изъ мухи слова было, дѣйствительно, легко, особенно при тѣхъ отношеніяхъ, которыя установились у Николая Семеновича съ Куропаткинѣмъ и директоромъ. Надо будетъ принять кое-какія предохранительныя мѣры...

„Можно было-бы все это вычеркнуть при другихъ условіяхъ, а теперь ничего не подѣлаешь. Съ Куропаткинѣмъ даже и говорить по-человѣчески въ данномъ случаѣ рискованно, можно только повредить дѣлу.—Какъ-же быть?.. Подѣйствовать на Свищева черезъ брата?.. Пусть внушить, что не слѣдуетъ говорить, гдѣ брались книги. Ахъ, и зачѣмъ только я позволилъ этимъ мальчишкамъ распоряжаться своими книгами?.. Не развяжешься“...

Дверь растворилась и вошелъ Петръ.

Къ нему сейчасъ только забѣгалъ съ чернаго крыльца Свищевъ и просилъ, нельзя-ли какъ-нибудь при помощи Николая Семеновича вернуть хотя-бы только рефератъ и протоколъ ассоціацій...

— Допрыгались, голубчики!—встрѣтилъ брата Николай Семеновичъ. и въ его голосѣ прозвучала явная досада, даже злость...

— Что такоз? Какъ это—допрыгались?...

— Чортъ знаетъ, въ какое положеніе вы, господа, ставите меня со своими мальчишескими затѣями!..

Николай Семеновичъ порывисто, непослѣдовательно и со злостью передалъ Петру о происшедшемъ.

— По крайней мѣрѣ ты посвѣтуй своему Свищеву не ябедничать на меня... А то съ дуру ляпнешь, что Николай Семеновичъ далъ... Съ вами свяжешься...

— Будь спокоенъ!.. Свищевъ никогда этого не сдѣлаетъ... Да и книги ему далъ я, а вовсе не ты... Тебѣ ничего не будетъ, а вотъ положеніе Свищева...

— Я ничего не могу сдѣлать,—поторопился Николай Семеновичъ предупредить просьбу о заступничествѣ.

— А какъ ты думаешь, все-таки: стоитъ за такія провинности выгнать насъ со Свищевымъ изъ гимназіи!—спросилъ Петръ, смотря въ лицо брата.

— Что это за вопросъ? Къ чему?—закричалъ Николай Семеновичъ.

Петръ произнесъ „виновать!“ и ушелъ, нервно ероша на головѣ волосы.

Послѣдній вопросъ брата показался Николаю Семеновичу оскорбительнымъ... Почему?... Да неужели-же можно сомнѣваться, какой отвѣтъ можетъ послѣдовать съ его стороны въ данномъ случаѣ?...

Немного успокоившись и разбираясь въ оскорбленіи, Николай Семеновичъ поймалъ себя на лжи и кривляніи. Почему, въ самомъ дѣлѣ, и не спросить, какъ онъ думаетъ?... Вѣдь до сихъ поръ все его размышленія по поводу происшедшаго сводились къ собственному „я“ и возникли на почвѣ трусости за свое благосостояніе и желанія какъ-нибудь вывернуться... Передъ мысленнымъ взоромъ Николая Семеновича стоялъ Мишель, съ укоризной смотрѣлъ ему въ лицо и жалобно улыбался... Цѣлая сцена, съ мельчайшими подробностями, воспроизвелась въ его памяти... Мишель стоитъ и съ укоризною смотритъ на него, а онъ, чувствуя, какъ краснѣетъ и теряется, повторяетъ пустыя, ничтожныя и глупыя слова: „не слѣдуетъ, нельзя“, тщательно уклоняясь отъ всякихъ объясненій, почему—нельзя и не слѣдуетъ...

— Ухъ, какая каша, какая каша!—шепчетъ Николай Семеновичъ, быстро расхаживая по комнатѣ,—какъ все это подло, какъ гадко!...

VII.

Сегодня назначено экстренное засѣданіе педагогическаго совѣта N-ской гимназіи.

Высокій рекреаціонный залъ освѣщенъ пока довольно скупо. Заслуженный сторожъ Памфилычъ—человѣкъ экономный и полагаетъ, что казенное добро слѣдуетъ беречь. Въ виду этого онъ затеплилъ лампадку передъ образомъ, а на длинномъ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, столѣ, съ Зеркаломъ, изъ двѣнадцати стоявшихъ здѣсь старинныхъ свѣчъ зажгъ только двѣ и чутко прислушивался ко всякому шороху, чтобы опредѣлить моментъ выхода изъ своей квартиры „директора“ и тогда уже зажечь остальные десять свѣчей; инспекторъ—не велика птица: всего надворный, а учителя,—тѣмъ и двухъ довольно...

Зажженные свѣчи слабо освѣщаютъ столъ съ листами бѣлой бумаги противъ задвинутыхъ стульевъ и часть высокихъ стѣнъ... Дальній уголъ,

гдѣ высится огромная дубовая кафедра для торжественныхъ рѣчей, тонетъ въ совершенномъ мракѣ... Красноватый огонь лампадки играетъ на вызолоченной ризѣ образа и освѣщаетъ лишь часть потолка.

Первымъ явился Козочкинъ.

„Козель первый прискакалъ“—подумалъ Памфиличъ, но особенно высоко ставившій заслуги г. Козочкина.

— Никого еще нѣтъ?—спросилъ Козочкинъ, тряхнувъ своей маленькой головкой.

Другому Памфиличъ отвѣтилъ-бы: „точно такъ, Ваше Б—ю“, а Козочкину счелъ возможнымъ сказать:

— Я—одинъ!..

Козочкинъ—классикъ. Онъ весь засохъ на грамматикѣ и синтаксисѣ. Взглядъ его очей не выражаетъ ничего. Онъ поклонникъ дословнаго перевода... Когда ученики переводятъ понятнымъ литературнымъ языкомъ, Козочкинъ морщится, его коробитъ... „Сто коровъ и столько-же лошадей, которыхъ слѣдовало принести въ жертву“—переводить ученикъ.

— Гдѣ—коровъ?.. Быковъ! коней!.. дол-жен-ство-вавшихъ быть принесенными въ жертву!—горячится Козочкинъ, поправляя „ближе къ тексту“... Благодаря пристрастію Козочкина къ сближенію съ текстомъ, ученики часто рѣшительно ничего не понимали, ибо эта близость въ большинствѣ случаевъ отдавала галиматіей...

Откуда-то изъ темнаго угла вынырнулъ г. Куропаткинъ. Онъ ежился, обыкновенно, въ ожиданіи высшаго начальства, обдергивалъ фалды фрага и, сбѣгая на площадку, къ зеркалу, поправлялъ прическу. Теперь—ничего подобнаго: Куропаткинъ смотрѣлъ строго, съ достоинствомъ поздоровался съ Козочкинымъ и, заложивъ руки за спину, сталъ прохаживаться взадъ и передъ.

Куропаткинъ чувствовалъ себя сегодня до нѣкоторой степени героемъ, такъ какъ экстренное засѣданіе было назначено по поводу его донесенія, имѣющаго чрезвычайный характеръ.

— Что такое вы открыли?..—заискивающе спросилъ его Козочкинъ.

— Есть кое-что... Узнаете, узнаете..—отвѣтилъ Куропаткинъ.

Памфиличъ быстро зажегъ всѣ свѣчи. Это означало, что его чуткое ухо поймало знакомый скрипъ двери въ директорской квартирѣ.

Вотъ легкій, какъ резиновый мячикъ, сейчасъ, а вообще—человѣкъ весьма сырой и малопошвижный,—промчался въ залъ, шагая чрезъ двѣ ступени по лѣстницѣ, инспекторъ, а затѣмъ, переваливаясь, отдуваясь и сопя, тихо последовалъ, наконецъ, и самъ директоръ съ книгами въ рукахъ.

Бывшіе въ залѣ преподаватели встали въ порядкѣ и встрѣтили его дружнымъ склоненіемъ головъ.

Николай Семеновичъ стоялъ позади другихъ, съ страшно озабоченной, разстроенной физиономіей... Онъ безпокойно озирался по сторонамъ, бросалъ въ сторону Куропаткина презрительные взоры и кусалъ свою бородку... Всѣ смотрѣли на директора прямо, съ выраженіемъ безпредѣльной преданности; Николай Семеновичъ вовсе не смотрѣлъ на директора... Снисходительно протянулъ директоръ кое-кому свою пухлую руку, другимъ, въ томъ числѣ и Николаю Семеновичу—только слабо кивнулъ головою. Затѣмъ онъ громко высморкался и пошелъ къ предназначенному для него высокому креслу, что стояло между стульями, какъ разъ на половинѣ стола.

Какъ только директоръ сѣлъ, раздался стукъ отодвигаемыхъ вѣнскихъ стульевъ, робкое покашливаніе, сдержанный шепотъ.

Секретарь совѣта Козочкинъ тыкался бородой то въ одну, то въ другую бумагу, шептался о чемъ-то съ сосѣдомъ и наскоро чинилъ карандашъ.

— Объявляю засѣданіе открытымъ!—произнесъ директоръ, обводя сердитымъ взоромъ присутствующихъ. Козочкинъ позвонилъ въ колокольчикъ...

Все стихло, замерло. Прошло минутъ пять въ общемъ сосредоточенномъ молчаніи, нарушаемомъ лишь шелестомъ бумаги...

Директоръ отхлебнулъ изъ стоявшаго вблизи стакана воды одинъ глотокъ, отеръ носовымъ платкомъ усы и началъ медленно выбрасывать слова, одно за другимъ, съ паузами, какъ говорятъ люди, привыкшіе, чтобы ихъ слушали и не перебивали...

— Намъ, господа... да... приходится рассмотреть весьма грустное, но серьезное дѣло... Среди нашего юншества завелась овца... паршивая овца.. да... и наша обязанность—гарантировать отъ зараженія здоровыхъ. Нѣсколько учениковъ организовали между собою сообщество... Да... Вотъ извольте посмотреть данныя... Вотъ-съ книги, программа, протоколъ-съ... Во главѣ этого сообщества...

Директоръ остановился, оглянулся и легкимъ движеніемъ указательнаго пальца приказалъ Панфилу удалиться. Унтеръ моментально пошелъ на ципочкахъ къ выходу и плотно притворилъ за собою дверь, такъ что и мы съ вами, читатель, изъ скромности и приличія, оборвемъ здѣсь описаніе экстреннаго засѣданія, происходившаго при закрытыхъ дверяхъ...

По выходѣ изъ гимназіи съ экстреннаго засѣданія Николай Семеновичъ долго бродилъ по улицамъ... Онъ ходилъ, какъ оглушенный, и натыкался на встрѣчныхъ.

Николай Семеновичъ размышлялъ о засѣданіи, о своихъ фразахъ, сказанныхъ тамъ, о бѣдномъ Мишелѣ...

Что онъ могъ сдѣлать?... Ничего... То, что можно было отрицать,—

Николай Семеновичъ отрицалъ. Отрицалъ всякое „сообщество“ и старался представить все дѣло въ смѣшномъ видѣ, какъ оно и было въ дѣйствительности... Но, чего нельзя было скрыть,—пришлось подтвердить.

— Этакая исторія!—бормоталъ Николай Семеновичъ поминутно.—Но развѣ я-то, я виноватъ?.. При чемъ тутъ я?.. Что я могъ сдѣлать?.. Ахъ!.. Этакая исторія.

VIII.

Въ квартирѣ Рузавиныхъ водворилась какая то тоскливая, угрюмая тишина. Словно невидимый призракъ неминуемой бѣды виталъ уже надъ головами обитателей этой квартиры, и всѣ это чувствовали, понимали и ждали ежечасно, ежеминутно.

Николай Семеновичъ рѣдко выходилъ изъ своего кабинета и что онъ тамъ дѣлалъ,—Богъ его знаетъ... Старушка - мать бродила, какъ тѣнь, съ подвязанной щекою по комнатамъ и что то причитала и охала... Петръ смотрѣлъ растерянно и все куда то бѣгалъ, исчезая по нѣскольку разъ на дню изъ дома. Какое то напряженное состояніе, казалось, переживалось всеми и, вслѣдствіе взаимнаго уклоненія отъ откровенныхъ бесѣдъ и упорнаго общаго молчанія, становилось невыносимо - тягостнымъ, гнетущимъ, болѣзненнымъ.

Обѣдъ проходилъ беспорядочно. Николай Семеновичъ присаживался на минуту, ѣлъ быстро, либо совсѣмъ отказывался, словно ему всегда было некогда. Петръ уносилъ тарелку куда то съ собою и избѣгалъ брата.

Даже на прислугѣ отразилось это гнетущее настроеніе.

Прасковья, краснощекая здоровая деревенская баба, прежде веселая, постоянно напѣвавшая пѣсенки, теперь ударилась, глядя на господъ, въ меланхолію.

Она садилась въ кухнѣ къ окошечку, подпиралась локоткомъ, поджимала губы и вздыхала какъ то изъ самаго нутра: „и—эхъ!“

Наконецъ, это томительное настроеніе разрѣшилось. Разрѣшилось быстро, сразу. Разрѣшеніе налетѣло шкваломъ и ударило, какъ громовой ударъ, надъ самой головою.

Однажды подъ вечеръ, когда Николай Семеновичъ лежалъ, по обыкновенію, съ закрытыми глазами на постели и о чемъ то думать,—звѣрь заглянула мать:

— Колечка!.. Пришла какая-то старая барыня, желаетъ тебя видѣть.

Николай Семеновичъ вздрогнулъ, сорвался съ постели и совершенно растерялся.

— Позовите... Пѣть! постойте! да, да—забормоталъ онъ, тыкаясь во всѣ стороны.

— Ну, такъ какъ же сказать?..

— Ну. Что же стоите? Зовите же!—рѣзко закричалъ Николай Семеновичъ, когда увидѣлъ, что мать продолжаетъ стоять у порога и ждать чего то.

Стыдно, невыносимо стыдно стало вдругъ Николаю Семеновичу и какой то страхъ, робость пойманнаго на мѣстѣ преступленія школьника охватила и поглотила его.

— Нѣтъ!.. Пойдите!.. Пригласите въ залъ!.. Конечно, въ залъ. Сейчасъ выйду.

Мать ушла, а Николай Семеновичъ совершенно безъ всякой надобности сталъ охораниваться, оправлять костюмъ и переставлять вещи на письменномъ столѣ съ одного мѣста на другое, инстинктивно отклоняя минуту свиданія съ посѣтительницей. Когда уже все было готово и оставалось только выйти,—Николай Семеновичъ громко кашлянулъ, сдѣлалъ строгое, холодное лицо и рѣшительно вышелъ изъ кабинета, застегивая нижнюю пуговицу пиджака.

Предчувствіе не обмануло его: пришла именно та старая барыня, которой онъ такъ боялся.

Мертвенная блѣдность покрыла лицо Николая Семеновича, глаза опустились въ землю и голосъ застрялъ въ горлѣ.

Анна Васильевна Свищева, облаченная въ свое торжественное платье и шляпку, встала, выпрямилась и холоднымъ металлическимъ голосомъ произнесла:

— Имѣю честь представить: вдова коллежскаго ассесора, Анна Васильевна Свищева!

— Да, да... знаю!.. Садитесь, пожалуйста... Вотъ сюда! въ кресло.

— Ничего, не беспокойтесь... Скажите, милостивый государь, моего сына исключили изъ гимназій? Господинъ директоръ сказалъ мнѣ, что вы, милостивый государь, нашли у моего сына какія то непозволительныя книги и что...

— Собственно не я... но вышло такъ, что... я...

— Запрещенныя книги?—сурово переспросила Анна Васильевна.

— Собственно не запрещенныя, но... не... недозволенныя для ученика,—дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ Николай Семеновичъ.

— Я не знаю, милостивый государь, какія тамъ книги дозволяются и какія не дозволяются... Я только знаю, милостивый государь, что эти книги читалъ не одинъ мой сынъ... Вашъ братъ вмѣстѣ читалъ ихъ съ моимъ сыномъ и, однако, вы не нашли ихъ у своего брата, а нашли у моего сына?..

— Сударыня! Смѣю васъ увѣрить, что я тутъ ни причемъ... Я, собственно, не вижу здѣсь никакого прест..., т. е. особенной вины я не вижу...

— Въ такомъ случаѣ, за что же выгоняютъ моего сына?

Анна Васильевна шагнула впередъ и остановила на блѣдномъ лицѣ Николая Семеновича свой гнѣвный испытующій взглядъ.

— Я, право, сдѣлать рѣшительно ничего не могу... Вамъ надо—къ директору!

Анна Васильевна искусственно засмѣялась и, повышая съ каждымъ словомъ голосъ, произнесла:

— Господинъ директоръ указываетъ на васъ, а вы посылаете къ директору? А извѣстно ли вамъ, милостивый государь, что Михаилъ—мой единственный сынъ, вся моя надежда, вся моя жизнь?... что вы отнимаете у меня все, рѣшительно все!.. Мой мужъ служилъ престолу честно и безпорочно, какъ же вы, милостивый государь, осмѣливаетесь класть пятно на его память?... Какъ вы смѣ-е-те?..

Послѣднія слова Анна Васильевна произнесла какимъ то задыхающимся шепотомъ.

— Я ни въ чемъ не обвиняю... я...

— Пол-но-те, ми-лос-ти-вый государь! я—не маленькая... У васъ—братья... быть можетъ, будутъ и свои дѣти... Вамъ, милостивый государь, надо имѣть не только честь, но и... сердце!.. Вы—наставники, а не прокуроры. Вы...

— Позвольте-съ!—жалко произнесъ Николай Семеновичъ.

— Стыдно-съ!—выкрикнула Анна Васильевна—не честно!

И круто повернувшись и съ негодованіемъ прошептала: „подлые, грязные люди!“—Анна Васильевна пошла въ переднюю.

— Прошу васъ, милостивая государыня...—началь было Николай Семеновичъ, но Анна Васильевна не обращала никакого вниманія...

— Я этого не оставлю,—со слезами закричала она, отворяя выходную дверь.—Я найду правду!.. Я подамъ жалобу Государю-Императору...

И сильно хлопнула дверью.

Николай Семеновичъ стоялъ посреди зала въ какомъ то столбнякѣ и потиралъ ладонью руки, свой влажный лобъ.

„Что же это?... Развѣ я виноватъ въ самомъ дѣлѣ?... За что же?...“—шепталъ онъ, растерянно разводя руками—„надо же, господа, разобратъ... Надо щадить... Такъ, господа, нельзя“.

И вдругъ Николай Семеновичъ почувствовалъ страшную слабость въ ногахъ и покачнулся. Его руки дрожали, на лицѣ нервно вздрагивалъ мускулъ, кривя ротъ въ странную улыбку.

Онъ прилегъ на диванъ, упалъ головой на руки и замеръ, подавляя спазмы въ горлѣ. Можетъ быть, сму это и удалось бы, если бы не вошла и не обратилась со словомъ участія мать:

— Ты бы легъ, Колюша, на постель!—уснулъ бы, отдохнулъ... Всѣ жилы въ тебѣ, голубчикъ, измотали!..—сказала старушка, останавливаясь предъ сыномъ.

Въ этихъ словахъ было столько любви, участія и ласки, что Николай Семеновичъ не выдержалъ:

— За что же это, мама? Да за что же?..—выкрикнулъ онъ съ отчаяніемъ и разрыдался въ истерическомъ припадкѣ.

IX.

Николай Семеновичъ, растрепанный, съ опухшими глазами и позеленѣвшимъ лицомъ, бродилъ по комнатѣ въ старенькомъ выпѣтшемъ лѣтнемъ пальтишкѣ.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ, больной, разбитый, жалкій, не выходилъ изъ дому.

Послѣ описаннаго объясненія съ вдовой коллежскаго ассессора, онъ какъ-то опустился, осунулся, сталъ искать полного уединенія, не говорилъ съ матерью, а брата какъ будто прямо боялся; словно предчувствовалъ, что еще не все кончилось и что впереди предстоитъ еще одно ужасно нравственное испытаніе: объясненіе съ роднымъ братомъ... И опять предчувствіе не обмануло Николая Семеновича.

За послѣднее время Петръ бывалъ рѣдко дома. Онъ бѣгалъ въ какихъ-то хлопотахъ по городу, озабоченный, серьезный, возвращался очень ненадолго и снова исчезалъ.

Но вотъ однажды онъ пришелъ и надолго засѣлъ въ своей комнатѣ. Сперва онъ все ходилъ тамъ, громко выстукивая каблуками, громко кашлялъ и, вообще, показывалъ какую-то рѣшимость.

Послѣ двухчасового хожденія изъ угла въ уголъ, Петръ вышелъ, наконецъ, съ просвѣтленнымъ лицомъ изъ своей комнаты и пошелъ къ брату.

— Я... я заявлю, что книги далъ Мишелю—я, и что я устроилъ эту... ассоціацію,—залпомъ, безъ передышки, сказалъ онъ, войдя къ Николаю Семеновичу.

— Что?—испуганно выкликнулъ Николай Семеновичъ.

Петръ повторилъ все до слова твердо, громко.

— Что-же ты выиграешь?

— Я обязанъ это сдѣлать, а выиграю, или проиграю—это мнѣ все равно,—съ твердостью убѣжденнаго человѣка произнесъ Петръ.

— Такъ ты за одно ужъ заяви, что я книги 'давалъ тебѣ. Это будетъ еще справедливѣе... честнѣе...

— Къ чему ты такъ говоришь? Ты согласишь, что я виноватъ болѣе, чѣмъ Мишель, и что Мишель пострадалъ за меня?.. Я не понимаю твоей роли на совѣтѣ... Ты подписалъ протоколъ?..

— Ха-ха-ха!.. Какъ-же я могъ не подписать?—съ дѣланнымъ хотомъ отвѣтилъ Николай Семеновичъ.

— Смѣшно даже?—вызывающимъ тономъ спросилъ Петръ.

Николай Семеновичъ продолжалъ дико хохотать, хотя ему было невыносимо тяжело.

— Подло!—крикнулъ Петръ и, повернувшись, покинулъ брата.

Николай Семеновичъ вдругъ цинично расхохотался на всѣ комнаты и въ какомъ-то изступленіи закричалъ:

— А чортъ васъ всѣхъ возьми! Мерзавцы! Свиньи!..

Прокричалъ и замолкъ, поникши головой на руку.

Потомъ онъ поднялся съ мѣста, раза два прошелся медленнымъ шагомъ по комнатѣ и подошелъ къ окну...

„Свиньи и мерзавцы“—шепталъ онъ, барабани пальцами по стеклу,— „что было золото,—сотрется, свиная кожа остается... И толстая кожа: ничѣмъ не прошибешь... Кожа и щетина... Грязь и всякая пакость... Ахъ, подлецъ, подлецъ!.. Запутался, совсѣмъ запутался“...

Николай Семеновичъ нѣсколько разъ качнулъ головой, потомъ махнулъ рукой и, торопливо одѣвшись, ушелъ изъ дому и долго не возвращался...

Онъ пошелъ за городъ. Ему не хотѣлось встрѣчаться съ людьми, хотѣлось быть одному, совсѣмъ одному...

Вечерѣло... Солнце давно уже сѣло, и весенній вечеръ повѣялъ свѣжестью и сыростью... Сумерки сгущались... Въ темнѣющихъ небесахъ, голубыхъ, безоблачныхъ, тамъ и сямъ сверкнули синими дрожащими огоньками звѣзды...

А Николай Семеновичъ все шелъ и шелъ...

Городъ остался далеко позади... Николай Семеновичъ шелъ по обширной полянѣ... Впереди тянулась, убѣгая впередъ, линія телеграфныхъ столбовъ. Въ отдаленіи слышался шумъ и трескотня извожичныхъ пролетокъ, обновляющихъ обмытую весенними водами мостовую...

Николай Семеновичъ вышелъ на распутье... Передъ нимъ сѣрѣли въ сумеркахъ двѣ дороги, лентами бѣжавшія въ разныя стороны и терявшіяся далеко-далеко...

Николай Семеновичъ остановился, посмотрѣлъ сперва на одну, потомъ на другую дорогу и болѣзненно ухмыльнулся: онъ вспомнилъ своего Петруху и разсужденія съ нимъ о путяхъ добродѣтели. „Онъ пошелъ одной, а другой дорогой... Но какъ-будто-бы къ одной цѣли? Полно!.. Самообманъ“...

— Эхъ, отчего я не пошелъ по третьей—въ раздумьи проговорилъ Николай Семеновичъ—она ближе, короче и, конечно, въ цѣляхъ не разойдется ни съ одной изъ всевозможныхъ дорогъ...

Возвратившись домой, Николай Семеновичъ, крадучись, какъ воръ, пробрался въ свой кабинетъ и дрожащими руками зажегъ спичку. Отыскавъ свѣчу, онъ зажегъ ее и поставилъ на письменный столъ.

Здѣсь стоялъ холодный ужинъ, приготовленный для Колюши заботли-

вой и любящей матерью. Ужинъ Николай Семеновичъ отодвинулъ въ сторону и, облокотившись на руки, задумался...

— Ну, что же теперь будешь дѣлать, честный и полезный труженикъ общества?—съ горькой ироніей прошепталъ онъ...

И вдругъ отчаяніе нахлынуло въ его душу, отчаяніе безграничное, безвыходное, съ предчувствіемъ какого-то страшнаго неизбежнаго конца, съ муками больной совѣсти и съ напраснымъ сожалѣніемъ о чемъ-то навсегда потерянномъ, недоступномъ...

Тихо поднялся Николай Семеновичъ со стула и, какъ больной, ползая къ постели. Онъ легъ въ кровать, поджалъ ноги, спряталъ голову въ подушкѣ и горько плакалъ, какъ маленькій ребенокъ. Свои слезы онъ душилъ подушкой: ему не хотѣлось, чтобы бѣдная мать услышала и стала страдать за сына, человѣка нравственно-убитаго, умершаго...

Долго и горько плакалъ Николай Семеновичъ, лежа въ постели, такой маленькій, ничтожный и жалкій, съ поджатыми ногами и съ нервно вздрагивающими плечами...

Уже начиналось утро... Блѣдный свѣтъ его глянулъ несмѣло въ окно. Гдѣ-то чирикнулъ воробушекъ... По мостовой съ грохотомъ прокатилась пустая телега...

Николай Семеновичъ приподнялъ голову и осмотрѣлся въ какомъ-то недоумѣніи... Възъерошенные волосы, красные воспаленные глаза и смертельная блѣдность лица придавали ему видъ сумасшедшаго человѣка.

— Надо—въ отставку... Будеть! усталъ! невозможно усталъ—произнесъ онъ, хватаясь обѣими руками за голову:

— Выйду.. уйду въ деревню.. Буду жить одинъ... да.. Завтра-же уѣду...

Николай Семеновичъ совершенно забылъ, что выходъ въ отставку сопряженъ съ длинною процедурою.

— Да... Сейчасъ-же! Надо написать прошеніе и завтра подать...

Торопясь и суетясь, Николай Семеновичъ досталъ тетрадь чистой хорошей бумаги для прошенія объ отставкѣ. Вставилъ новое перо въ ручку и сѣлъ писать...

„Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій Великій Государь Императоръ“ началъ онъ выводить крупнымъ почеркомъ... Но его руки тряслись, какъ у преступника, совершившаго первое страшное злодѣяніе, а перо прыгало по бумагѣ, искривляя слова и буквы...

Онъ бросалъ листъ, хваталъ новый, опять начиналъ выводить „Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій“... и снова бросалъ...

— Подумають—пьяный...

Еще разъ взялъ онъ новый листъ бумаги и еще разъ началъ... Но и на сей разъ испортилъ: вмѣсто „ѣ“ написалъ „е“:

— Превосходная степень „ѣйшій“ пишется черезъ „ять“ —мелькнуло въ его сознаніи и онъ, скомкавъ бумагу, бросилъ на полъ.

Энергія вдругъ исчезла и руки опустились у Николая Семеновича. Перо выпало и скатилось на полъ. Такъ тяжело-тяжело казалось Николаю Семеновичу нагнуться и поднять перо...

„Фикція. Самообманъ“ — прошепталъ онъ, склоняясь къ столу головою...

Мечты о переселеніи въ деревню показались ему дѣтскими, наивными, и отставка потеряла характеръ искупленія...

— Нѣтъ... никуда не уйдешь... Некуда... Надо въ окончательную отставку... безъ всякихъ прошеній... Это—просто и вѣрно, шепталъ онъ, все ниже и ниже склоняя свою голову...

Х.

Около дома № 17 по Предтеченской улицѣ собрался народъ... Толпа ежеминутно увеличивалась, такъ какъ всѣ прохожіе, а порой и проезжіе, считали своимъ долгомъ здѣсь остановиться и въ подробностяхъ разузнать, что такое случилось...

Изъ калитокъ сосѣднихъ и противоположныхъ домовъ торопливо бѣжали дворники безъ шапокъ, кучера въ поддевахъ, кухарки—въ однихъ платьяхъ, съ засученными рукавами, горничныя...

Въ толпѣ терлись и пять-шесть культурныхъ обывателей; какой-то отставной военный, господинъ въ клѣтчатомъ коричневомъ пальто съ хлястикомъ позади, пожилая дама въ старомодномъ салопѣ, поджарый юркій субъектъ въ пенсѣ и два гимназиста...

На крыльцѣ дома № 17 стоялъ городской.

Сознавая важность данного момента, онъ дѣловито топтался на мѣстѣ, покручивалъ щетинистый усъ и сердито покрикивалъ:

— Куда лѣзете?... Экій народъ, прости Господи...

— Осадите, господа! Нечего!..

Когда кто-нибудь изъ сѣренскихъ обращался къ нему съ вопросомъ, что тутъ случилось? — городской проницески отвѣчалъ:

— Корова бычка родила... Проходите!...

Но подобныя остроты онъ позволялъ себѣ только съ сѣренскими, когда-же къ нему обращались съ такимъ вопросомъ господа почище, бударъ вѣжливо отвѣчалъ:

— Самоубийство произведено...

Но и только... На всѣ дальнѣйшіе распросы онъ категорически отвѣчалъ:

— Не могу знать...

Однако всѣ знали уже, что самоубійство „произведено“ квартирантомъ нижняго этажа, учителемъ гимназіи... Вѣсть объ этомъ несчастіи съ быстротою телеграфныхъ сообщеній облетѣла весь дворъ съ его многочис-

ленными флигелями и пристройками. Обитатели ихъ, вѣроятно, на томъ основаніи, что жили съ покойнымъ на одномъ дворѣ, не преминули воспользоваться чернымъ ходомъ, забраться въ корридоръ и сѣни,—и теперь съ любопытствомъ заглядывали въ окна несчастной квартиры, таинственно перешептываясь между собою. Кто побывалъ съ задняго хода,—тотъ спѣшилъ выйти на улицу и съ видимымъ удовольствіемъ сообщалъ послѣднія извѣстія. Всѣмъ было интересно узнать подробнѣе: какъ застрѣлился? куда себя запалилъ? Велика-ли дыра? Сразу или мучился? и т. д...

Приѣхалъ полицейскій приставъ и судебный слѣдователь.

Толпа раздвинулась, и чиновники съ важностью и строгими взглядами прошли въ квартиру...

Будочникъ, вытянувшись въ струнку при входѣ чиновниковъ, теперь сдѣлался окончательно недоступенъ.

— Ничего неизвѣстно,—твердилъ онъ на всѣ распросы публики.

Послѣ всѣхъ прибыла и медицинская помощь въ лицѣ старенькаго сѣденькаго старичка въ очкахъ.

Докторъ съ трудомъ вылезъ съ пролетки и долго расплачивался съ извозчикомъ. Оба — и докторъ и извозчикъ — остались недовольны другъ другомъ...

— Мерзавцы... Въ полицію васъ слѣдуетъ, — прошамкалъ докторъ, втаскивая свои ноги на крыльцо...

— Скареды. За пятнадцатый наровятъ десять верстѣ отмахать, — ворчалъ извозчикъ..

Но городской махнулъ рукой,—и тотъ стегнулъ свою клячу.

Докторъ, покашливая разбитымъ старческимъ кашлемъ, скрылся за дверями. ..

А публика все стояла и мучилась любопытствомъ и ожиданіемъ... Особенную нетерпѣливость проявлялъ поджарый субъектъ въ пенснѣ... Онъ юрко совалъ свой носъ во всѣ стороны, съ легкостью балерины мѣнялъ позицію, прислушивался, вытягивалъ худую длинную шею, со всѣми заговаривалъ... Нѣсколько разъ онъ пытался заговорить съ бударемъ, изображая вліятельное лицо, но тотъ недовѣрчиво оглядывалъ поджараго субъекта и твердилъ:

— Ничего неизвѣстно...

Прошло съ часъ времени. Публика терпѣливо ждала...

Вотъ отворилась дверь и сперва показался докторъ, а за нимъ—приставъ...

Публика вздрогнула, заволновалась, зашептала... Городовой махнулъ рукой. Подкатили сразу три извозчика, одинъ изъ которыхъ увезъ старичка, а двое остальныхъ, ругаясь, поплелись нехотя обратно.

Поджарый субъектъ подскочилъ къ приставу и сталъ признательно пожимать его руку. Приставъ отвѣтилъ пожатіемъ и рассказалъ.

Стоявшіе по близости подслушали, а потому скоро публика узнала все... Узнала, что учитель пустилъ пулю себѣ въ глазъ, что теперь у него, вмѣсто глаза, большая, наполненная кровью дыра, что никакихъ мученій и стоновъ не было: сразу успокоился...

— Изъ-за чего? Изъ-за чего?—слышался въ толпѣ шопотъ.

Но никто не зналъ, изъ-за чего...

Между тѣмъ въ квартирѣ происходила раздирающая душу сцена. Въ кабинетѣ, посреди пола, лежалъ Николай Семеновичъ съ навзничъ раскинутыми руками. На мертвомъ лицѣ его рѣзкимъ зіяющимъ пятномъ выделялась наполненная кровью глазная орбита... Струйки крови бѣжали отъ нея по щекамъ, скатились на бѣлую манишку разстегнутой рубашки и образовали темную лужу на полу, около головы...

Уцѣлѣвшій глазъ былъ полуткрытъ и смотрѣлъ какъ-то странно, насмѣшливо, словно говорилъ: „Что, не ожидали“?

— Колюша-а-а! Ненаглядны-ы-ый! — раздавался отчаянный вопль ползавшей около трупа старухи-матери...

Бѣдная то закидывала назадъ свою растрепанную голову, то, внезапно стихнувъ, припадала къ бездыханному сыну, брала его за холодную руку и покрывала ее безчисленными поцѣлуями...

Потомъ снова неслись стоны и вопли и опять раздавались мольбы и проклятія...

Петръ, упавъ лицомъ въ подушку на постели покойнаго брата, беззвучно рыдалъ, сжимая голову руками...

Кухарка Прасковья, съ полными слезъ и ужаса глазами, стояла тутъ же со стаканомъ воды въ рукахъ, для барыни...

А въ залѣ стояли, сидѣли и ходили чужіе люди...

Нѣсколько понятыхъ сгруппировалось у стѣны, близъ выходной двери. Впереди ихъ стоялъ городской, сосредоточенно смотрѣвшій на полъ. Слѣдователь сидѣлъ за ломбернымъ столомъ и что-то быстро писалъ. Приставъ вертѣлъ въ рукахъ блестящій никеллированный револьверъ и помазывалъ головою...

Здѣсь-же нырять и поджарый субъектъ, счумѣвшій добратся до самыхъ достовѣрныхъ источниковъ.

— Загадочно... Надо посмотрѣть еще въ карманахъ... Въ бумагахъ ничего нѣтъ...—замѣтилъ слѣдователь, не отрываясь отъ бумаги.

Приставъ осторожно и почтительно положилъ на столъ изящную вещь, поманилъ пальцемъ будочника... Будочникъ поманилъ двухъ понятыхъ, и всѣ направились въ кабинетъ, къ трупу.

Поджарый субъектъ, съ книжечкой и карандашикомъ въ рукахъ, пошелъ за ними...

— Извините, сударыня... Въ кармашкахъ надо посмотрѣть!..—робко проговорилъ бударъ, наклоняясь къ рыдающей матери.

Старуха дико и недоумѣвающе взглянула на чужихъ людей и опять упала головой на трупъ...

Приставъ сдѣлалъ знакъ рукою, — и будочникъ, отталкивая старуху, полѣзъ въ кармашки...

На мгновеніе воцарилась тишина... Слышно было только, какъ тяжело дышала несчастная женщина, какъ пыхтѣлъ вспотѣвшій чинъ, роясь въ кармашкахъ, да какъ бронзовые часы на письменномъ столѣ тикали маятникомъ...

— Бра-а-тъ! бра-а-тъ!.. О-о-о...хо-хо-хо!..—вырвался вдругъ истерическій крикъ Петра...

Мать вздрогнула, подняла голову, дико окинула взглядомъ окружающихъ и вдругъ завизжала и стала отталкивать будочника отъ трупа...

— Уйдите! Прочь, проклятые!.. — хрипло кричала она.

Въ дверь заглянула встревоженная фізіономія ушедшаго было пристава.

— Уберите ее! Уведите прочь! — сказала эта фізіономія и опять спряталась.

И опять ужасная, раздирающая душу сцена.

Старуху „убрали“. Будочникъ пересталъ церемониться съ мертвымъ тѣломъ, продолжая обыскъ кармашковъ...

Обыскъ оказался не безрезультатнымъ: нашли письмо.

Будочникъ, испачкавшій руку въ крови, поплеывалъ себѣ въ ладонь и отеръ руку о пиджакъ Николая Семеновича. Потомъ бережно понесъ письмо въ залъ.

— Найдено... — громкимъ официальнымъ тономъ произнесъ слѣдователь.

Вскрыли письмо. На полъ упала сторублевая бумажка.

Нѣсколько человѣкъ любезно бросились поднимать ее.

— Сотельная,—прошепталъ одинъ изъ понятыхъ со вздохомъ.

— Сторублевый билетъ и письмо,—громко выкрикнулъ слѣдователь, потрясая деньгами передъ понятными.—Письмо слѣдующаго содержанія:

„Никого не вините въ моей смерти... Простите меня, мама и Петя. Въ конвертѣ найдете все, что я могъ оставить вамъ.“

Николай“

Въ толпѣ послышался сдержанный шепотъ... „Катеньку нашли“!..

Дверь громко хлопнула,—зазвенѣлъ колокольчикъ...

— Судебный приставъ!..—прошепталъ кто-то...

Въ залъ вошелъ еще чужой человѣкъ и, любезно раскланявшись съ приставомъ и слѣдователемъ, сталъ тихо, но оживленно, болтать о чемъ-то съ репортеромъ мѣстной газеты, сильно жестикулируя и сладко улыбаясь...

Евгеній Чириковъ.

Дама въ бѣломъ.

РАЗСКАЗЪ.

Анатоля Франса.

Переводъ съ французскаго С. Мочанъ.

Въ одномъ домѣ съ нами жили двѣ дамы, двѣ дамы одѣтыя всегда одна вся въ бѣлое, другая—вся въ черное. Не спрашивайте меня были ли онѣ молоды; это было превыше моего разумѣнья. Помню только, что отъ нихъ хорошо пахло, и что у нихъ было много вкусныхъ вещей. Мать моя, вѣчно занятая, не любила водить сосѣдства и не бывала у нихъ. Зато посѣщалъ ихъ часто я, особенно во время полдника, такъ какъ дама въ черномъ давала мнѣ печенья. Итакъ, я дѣлалъ визиты самостоятельно. Надо было пройти черезъ весь дворъ. Мать слѣдила за мной изъ окна и стучала въ оконныя стекла, когда я слишкомъ долго заглядывался на кучера, чистившаго лошадей. Подняться по лѣстницѣ съ желѣзными перилами, высокія ступеньки которой были сдѣланы не для моихъ маленькихъ ногъ, было не малымъ трудомъ. Но трудъ мой получалъ достодолжное возмездіе, лишь только я появлялся въ комнатѣ дамъ; тамъ было множество вещей, приводившихъ меня въ восторгъ. Но ничто не могло сравниться съ двумя фарфоровыми болванчиками, сидѣвшими на каминѣ, по обѣимъ сторонамъ часовъ. Они кивали головами и показывали языки. Я узналъ, что они явились изъ Китая, и далъ себѣ слово отправиться туда. Весь трудъ заключался лишь въ томъ, чтобъ убѣдить мою няню проводить меня въ Китай. Я былъ твердо увѣренъ, что Китай находится за Триумфальной Аркой и не находилъ только случая добратся туда. Былъ еще въ комнатѣ дамъ затканый цвѣтами коверъ, на которомъ я съ восторгомъ бегался, и маленький, мягкій, глубокий диванъ, служившій мнѣ то кораблемъ, то каретой, то лошадыю.

Дама въ черномъ, помнится, нѣсколько полная, была очень добра и никогда не бранила меня. Дама въ бѣломъ проявляла подчасъ нетерпѣніе и легкую рѣзкость, но за то она такъ мило смѣялась.

Мы жили мирно и дружно втроемъ, и я твердо рѣшилъ, что никогда никто не проникнетъ кромѣ меня въ комнату съ болванчиками. Дама въ бѣломъ, которой я сообщилъ о своемъ рѣшеніи, посмѣялась, правда, слегка надо мной, но я стоялъ на своемъ и она общалась мнѣ все, что я хотѣлъ. Она общалась. Но въ одинъ прекрасный день я увидѣлъ, что на моемъ диванѣ сидитъ какой-то господинъ, уставивъ ноги на мой коверъ и бесѣдуя, съ видомъ полного удовольствіи, съ моими дамами. Онъ даже далъ имъ письмо, которое онѣ, прочитавъ, возвратили ему. Это не понравилось мнѣ, и я попросилъ сахарной воды, потому что хотѣлъ пить и особенно потому, что хотѣлъ, чтобы на меня обратили вниманіе. И дѣйствительно господинъ взглянулъ на меня.

— Это нашъ маленькій сосѣдъ,—сказала дама въ черномъ.

— Онъ у матери, неправда-ли, одинъ?—спросилъ господинъ.

— Да,—отвѣтила дама въ бѣломъ,—но что побуждаетъ васъ предполагать это?

— У него видъ очень избалованнаго ребенка,—сказалъ господинъ,—взгляните, какъ онъ открываетъ въ эту минуту во всю ширь глаза.

Это было, чтобы лучше разглядѣть его. Я не хочу дѣлать себѣ комплиментовъ, но я понялъ отлично изъ разговора, что у дамы въ бѣломъ былъ мужъ, служившій чѣмъ-то въ какой-то далекой странѣ, что посѣтитель привезъ письмо отъ него и что его благодарили за лѣбезность. Все это далеко не удовлетворило меня и, уходя, я отказался поцѣловать даму въ бѣломъ, чтобы наказать ее. Въ этотъ день за обѣдомъ я спросилъ у отца, что значитъ слово *secretaire*.

Отецъ ничего не отвѣтилъ мнѣ, а мать сказала, это такой письменный столъ, въ который прячутъ письма и бумаги. Былъ-ли въ этомъ какой-нибудь смыслъ? Меня уложили спать, и чудовища съ глазомъ посреди щеки вереницей проносились предо мной, дѣлая больше гримасъ, чѣмъ когда бы то ни было.

Вы глубоко ошибетесь, если допустите мысль, что я думаю на слѣдующій день о господинѣ, котораго засталъ у дамы въ бѣломъ, я позабылъ о немъ отъ всей души и отъ него самого лишь зависѣло изгладиться изъ моей памяти навсегда. Но онъ имѣлъ дерзость явиться снова къ моимъ друзьямъ. Не помню, случилось-ли это спустя десять дней или спустя десять лѣтъ послѣ перваго посѣщенія. Теперь, я склоненъ думать, что это случилось спустя десять дней.

Не было-ли съ его стороны неслыханной дерзостью водворяться такъ на моемъ мѣстѣ!

На этотъ разъ я внимательно осмотрѣлъ его и не нашелъ въ немъ ни-

чего хорошаго. У него были волосы съ блескомъ, черные усы, черные бакенбарды, бритый подбородокъ съ ямочкой посреди, стройная фигура, прекрасный костюмъ и, сверхъ того, самодовольный видъ. Онъ говорилъ о министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, при которомъ состоялъ уже въ теченіе двухъ лѣтъ, о модахъ, новыхъ книгахъ, вечерахъ и балахъ, на которыхъ онъ тщетно искалъ моихъ дамъ. И онѣ слушали его! Ну, что это было за разговоръ? И не могъ-ли онъ рассказывать, какъ рассказывала мнѣ дама въ черномъ, о странѣ съ конфетными горами и лимонадными рѣками?

Когда онъ ушелъ, дама въ черномъ сказала, что онъ пріятный молодой человѣкъ. Я же сказалъ, что онъ некрасивъ и старъ. Это очень разсмѣшило даму въ бѣломъ, хотя смѣшного въ этомъ ничего не было. Я не могъ, впрочемъ, рѣшить, смѣялась-ли она надъ моими словами или вовсе не слушала меня. Дама въ бѣломъ имѣла эти два недостатка, помимо третьяго, приводившаго меня въ отчаяніе—она плакала, плакала, плакала. Мать моя говорила мнѣ, что взрослые никогда не плачутъ. Она вѣрно не видѣла, какъ я, даму въ бѣломъ, въ креслѣ, съ письмомъ на колѣняхъ, съ запрокинутой головой и носовымъ платкомъ у глазъ. Письмо это (я готовъ держать пари, что это было анонимное письмо) страшно огорчило ее. Я чрезвычайно жалѣлъ объ этомъ, она умѣла такъ хорошо смѣяться. Эти два посѣщенія господина съ черными бакенбардами внушили мнѣ мысль жениться на дамѣ въ бѣломъ. Она отвѣтила мнѣ, что у нея есть уже большой мужъ въ Японіи и будетъ теперь маленькій на набережной Малакѣ, въ Парижѣ; дѣло было покончено, и она дала мнѣ печенья.

Однако, господинъ съ черными бакенбардами сталъ часто появляться. Однажды, когда дама въ бѣломъ рассказывала мнѣ о томъ, что выпишетъ для меня изъ Японіи голубыхъ рыбокъ и удочку, чтобы ловить ихъ, онъ приказалъ доложить о себѣ и былъ принятъ. По взгляду, которымъ мы окинули другъ друга, было видно, что мы особой симпатіи другъ къ другу не питаемъ. Дама въ бѣломъ сказала ему, что тетка ея (такъ называла она даму въ черномъ) отправилась за покупками къ «Двумъ болванчикамъ». Я видѣлъ обоихъ болванчиковъ на каминѣ и не понималъ, зачѣмъ понадобилось выходить изъ дому, чтобы купить у нихъ что бы то ни было. Но ежедневно приходится видѣть столько непонятныхъ вещей! Мнѣ показалось, что господинъ не былъ ничуть огорченъ отсутствіемъ дамы въ черномъ, онъ сказалъ дамѣ въ бѣломъ, что хочетъ серьезно поговорить съ ней. Она кокетливо усѣлась на кушеткѣ и сдѣлала знакъ, что слушаетъ его. Но онъ смотрѣлъ на меня и былъ словно смущенъ.

— Этотъ мальчикъ очень милъ,—сказалъ онъ, положивъ мнѣ на голову руку,—но...

— Это мой маленькій мужъ,—сказала дама въ бѣломъ.

— Не можете-ли вы въ такомъ случаѣ отослать его къ его матери?—

сказать снова господинъ.—Никто кромѣ васъ не долженъ слышать того, что я вамъ скажу.

Она поддалась ему.

— Дорогой,—сказала она мнѣ,—пойди играть въ столовую и не возвращайся пока я тебя не позову. Пойди, дорогой!

Я отправился въ столовую съ грустью въ душѣ. Это однако была прелюбопытная комната: въ ней стояли часы, изображавшіе гору на берегу моря съ церковью подъ синимъ небомъ. И когда они били, въ волнахъ моря появлялся корабль, изъ тунели выходилъ локомотивъ съ вагонами, въ облака подымался воздушный шаръ. Но ничто намъ не дорого и не мило, когда на душѣ тяжело. Къ тому же, въ эту минуту часы не представляли собой ничего любопытнаго. Локомотивъ, корабль и воздушный шаръ появлялись лишь каждый часъ, а часъ—долгій срокъ, или по крайней мѣрѣ, казался мнѣ въ то время такимъ. Къ счастью кухарка пошла за чѣмъ-то въ буфетъ и, чтобъ утѣшить меня, дала мнѣ варенья, усладивъ этимъ муки моего сердца. Но когда варенье было уничтожено, тоска вновь овладѣла мной. И хотя, за это время, часы не пробили ни разу, мнѣ казалось, что часы проходили за часами въ моемъ грустномъ одиночествѣ. Время отъ времени долетали ко мнѣ изъ сосѣдней комнаты звуки голоса господина; онъ словно просилъ о чемъ-то даму въ бѣломъ и словно сердился на нее. И подѣломъ ей было. Но неужели этому не будетъ конца? Я прижимался носомъ къ оконнымъ стекламъ, вытягивалъ изъ сидѣній стульевъ волосы, увеличивалъ дыры въ обояхъ, отрывалъ кисти отъ занавѣса, словомъ предавался тысячи подобныхъ упражненій. Скука — тяжелая вещь. Наконецъ, потерявъ всякое терпѣніе, я безшумно подкрался къ двери, открывавшейся въ комнату съ болванчиками, стараясь добраться до дверной ручки. Я зналъ, что поступаю не хорошо и не скромно, но это сознание наполняло меня какой-то особенной гордостью!

Я открылъ дверь и увидѣлъ, что дама въ бѣломъ стоитъ у камина. У ногъ ея, на колѣняхъ—господинъ съ черными бакенбардами, широко разставивъ руки, какъ бы желая схватить ее. Онъ былъ красенъ, какъ ракъ, глаза выступали у него изъ орбитъ.

Можно-ли приходиться въ подобное состояніе!

— Перестаньте, пожалуйста,—говорила дама въ бѣломъ, она была сильно взволнована и румянецъ на щекахъ ея былъ ярче, чѣмъ всегда,—перестаньте, если, какъ вы говорите, вы любите меня; перестаньте и не заставляйте меня сожалѣть...

Она словно боялась его и была въ полномъ изнеможеніи.

Увидѣвъ меня, онъ быстро всталъ съ колѣнъ и, я думаю, что былъ моментъ, когда ему сильно хотѣлось выбросить меня за окно. Она же вмѣсто того, чтобы какъ я ожидалъ, побранить меня, схватила меня въ

свои объятія, называя меня дорогимъ. Положивъ меня на диванъ, она долго и тихо плакала, прижавшись лицомъ къ моей щекѣ.

Мы остались одни. Чтобы утѣшить ее, я сказалъ ей, что господинъ съ бакенбардами гадкій человѣкъ, и что она не была бы огорчена, если бы осталась, какъ это было условлено, только со мной. И все же я находилъ, что взрослые подчасъ такъ странно ведутъ себя!

Едва успѣли мы оправиться, какъ явилась съ пакетами дама въ черномъ. Она спросила, былъ ли кто-нибудь.

— Былъ г. Арну—спокойно отвѣтила дама въ бѣломъ,—но оставался только минутку.—Я зналъ, что это была неправда, но добрый геній дамы въ бѣломъ, посѣтившій меня, должно быть, незадолго до этого, положилъ мнѣ свой невидимый палецъ на уста. Я не видѣлъ больше съ тѣхъ поръ г. Арну, и любовь моя къ дамѣ въ бѣломъ ничѣмъ не была смущена; вотъ, вѣроятно, почему я не сохранилъ о ней ни малѣйшаго воспоминанія. Не дальше еще чѣмъ вчера, т. е. слишкомъ тридцать лѣтъ спустя, я рѣшительно не зналъ, что случилось съ дамой въ бѣломъ.

Вчера я былъ на балу у министра иностранныхъ дѣлъ. Я раздѣляю мнѣніе лорда Пальмерстона, что безъ развлеченій жизнь была бы еще сносна. Мои обычные занятія не истощаютъ ни моихъ умственныхъ, ни физическихъ силъ, и мнѣ посчастливилось заинтересоваться ими. Меня удручаютъ лишь официальные приемы. Я зналъ что бесполезно и скучно идти на балъ къ министру, зналъ и все-таки шелъ,—людямъ вѣдь свойственно разсуждать здраво и поступать бессмысленно. Не успѣлъ я войти въ огромный залъ, какъ доложили о посланникѣ N*** и его женѣ. Я многократно встрѣчался съ посланникомъ, на тонкомъ лицѣ котораго лежитъ печать утомленія, которое нельзя цѣликомъ отнести на счетъ его дипломатическихъ трудовъ. Онъ провелъ, говорятъ, бурную молодость, и въ холостой компаніи ходить не мало анекдотовъ о его приключеніяхъ на этотъ счетъ. Особенно богато приключеніями, о которыхъ разсказывается только за кофе при закрытыхъ дверяхъ, его пребываніе въ Японіи тридцать лѣтъ тому назадъ. Женѣ его, которой я не имѣлъ чести до сихъ поръ знать, было на видъ лѣтъ за пятьдесятъ. Она была вся въ черномъ; великолѣпныя кружева дивно оттеняли ея былую красоту, слѣды которой сохранились еще до сихъ поръ. Я былъ очень радъ знакомству съ ней, такъ какъ безконечно цѣню бесѣду съ пожилыми дамами. Мы болтали о разныхъ видахъ, и при звукахъ скрипокъ, подъ которые танцевали молодые особы, она случайно упомянула о томъ времени, когда жила въ одномъ старомъ домѣ на набережной Малакѣ.

— Вы были «дама въ бѣломъ»?—воскликнулъ я.

— Дѣйствительно, я всегда одѣвалась въ бѣлое тогда.

— А я, сударыня, я былъ вашимъ маленькимъ мужемъ.

— Какъ такъ? вы сынъ добрейшаго доктора Назиръ? Вы очень любили

печенья тогда. Продолжаете ли вы все еще любить ихъ? Приходите же отвѣдать ихъ у насъ. По субботамъ у насъ собирается близкій кружокъ. Какъ, однако, люди встрѣчаются!

— А дама въ черномъ?

— Теперь дама въ черномъ—я. Моя бѣдная тетя скончалась въ годъ, когда была война. Въ послѣднее время своей жизни она часто вспоминала васъ.

Въ то время, какъ мы разговаривали, господинъ съ сѣдыми бакенбардами и усами почтительно поклонился посланницѣ съ отжившей граціей бываго покорителя сердець.

Мнѣ показалось, что я узналъ его по подбородку.

— Г. Арну, нашъ старый другъ—сказала мнѣ она.

Задачи сценическаго искусства.

Очерки изъ исторіи русской сцены.

Задача сценическаго искусства въ томъ видѣ, какъ мы представляемъ ее себѣ въ настоящее время, состоитъ въ правдивомъ и естественномъ воспроизведеніи жизни, какъ современной, такъ и прошедшей. Такое убѣжденіе давно стало всеобщимъ и безспорнымъ; но много должно было пройти времени, пока здравый эстетическій вкусъ отстоялъ свои законныя права и разсѣялъ живые призраки, слишкомъ долго мѣшавшіе смотрѣть на дѣло разумно и просто. Такъ какъ драматическія произведенія, предназначенныя для сцены, представляютъ собой лишь одну изъ важнѣйшихъ отраслей художественной литературы, то понятно, что судьба послѣдней, вообще, въ особенности же смѣна господствующихъ въ ней направленій имѣли всегда огромное вліяніе на внутреннюю жизнь театра. Въ виду этого, основныхъ причинъ каждаго крупнаго переворота въ послѣдней необходимо искать въ соответствующемъ движеніи современной литературы, безъ чего осталось бы необъяснимымъ многое и притомъ именно самое существенное въ развитіи сценическаго искусства. Но въ то же время, такъ близко соприкасаясь съ общей исторіей литературы, исторія театра имѣетъ свои особенныя, такъ сказать, спеціальныя интересы, преслѣдованіе которыхъ и составляетъ ея ближайшую, прямую обязанность. Приступая съ этой точки зрѣнія къ изложенію главнѣйшихъ событій въ жизни нашей сцены, относящихся къ тремъ послѣднимъ царствованіямъ, мы считаемъ уместнымъ и необходимымъ начать нашъ посильный обзоръ съ общей характеристики тѣхъ литературныхъ и сценическихъ явленій, которыя, составляя переходъ отъ фальшивой искусственности къ простотѣ натуральной школы, помогли совершить искусству нелегкій шагъ въ названномъ направленіи.

Каждому, кто сколько-нибудь занимался изученіемъ исторіи литературы или искусства, хорошо извѣстно, какъ трудно бываетъ провести границу между двумя соприкасающимися эпохами; такъ точно и торжество натуральной школы не вдругъ водворилось на нашей сценѣ, и еще въ шестидесятыхъ годахъ, послѣ блистательной дѣятельности такихъ яркихъ корифеевъ искусства и такихъ представителей реализма, какъ Щепкинъ, Соснищій и Мартыновъ, не мало приходилось бороться противъ напыла

нелѣпныхъ и крайне искусственныхъ французскихъ мелодрамъ. Случается, что при послѣдовательной смѣнѣ литературныхъ направленій иное изъ нихъ оказывается особенно живучимъ, такъ что, утративъ однажды свое первоначальное значеніе, оно продолжаетъ еще нѣсколько времени держаться на ряду съ другими, позднѣйшими, и только весьма не скоро и не охотно отходитъ въ область преданія. Таково было особенно самое безжизненное, но, благодаря строжайшей опредѣленности своихъ уставовъ и правилъ, замѣчательно устойчивое—ложноклассическое направленіе. Исторія нашей литературы можетъ указать не одинъ примѣръ несомнѣннаго участія ложноклассическихъ традицій въ образованіи такихъ литературныхъ и сценическихъ дѣятелей, которые впослѣдствіи, при измѣнившихся требованіяхъ вкуса и времени, вступили на совершенно иную дорогу и при болѣе или менѣе крупномъ талантѣ успѣли не только освободиться навсегда отъ всякой напыщенности и ходульной реторики, но даже поражали именно простотой и полной естественностью творчества. Эпоха сценическаго романтизма и послѣдовавшее за ней торжество реальной школы многими нитями связаны съ предшествовавшимъ ложноклассическимъ періодомъ, такъ что, рассматривая въ послѣдовательномъ порядкѣ судьбы нашей сцены, мы считаемъ не лишнимъ остановить свое вниманіе прежде всего на драматической и режиссерской дѣятельности извѣстнаго князя А. А. Шаховскаго, который, съ одной стороны примыкая къ кружку Шишкова и неуклонно соблюдая пресловутыя три единства, является въ то же время вліятельнымъ и полезнымъ руководителемъ цѣлаго ряда развивающихся сценическихъ дарованій, все болѣе склонявшихся къ реализму и украсившихъ во второй четверти нашего столѣтія обѣ столичныя сцены.

I.

Князь Александръ Александровичъ Шаховской родился 24 апрѣля 1777 г. въ Смоленской губерніи, въ селѣ Беззаботахъ. Очень рано, въ восьмилѣтнемъ возрастѣ, онъ былъ привезенъ въ Москву и отданъ въ университетскій пансіонъ. Десяти лѣтъ его записали, по тогдашнему обычаю, въ гвардію сержантомъ, а по восшествіи на престолъ Императора Павла, когда всѣ записанные обязаны были явиться на дѣйствительную службу, онъ долженъ былъ вступить въ военную службу въ чинѣ прапорщика. Несмотря на неблагопріятную обстановку, среди всеобщей погонни военной молодежи за удовольствіями, даровитый юноша продолжать серьезно работать и учиться. Въ то время онъ принадлежалъ къ числу весьма немногихъ молодыхъ людей аристократическаго происхожденія, любившихъ свой языкъ и хорошо имъ владѣвшихъ. Страстно любя театръ, онъ горячо мечталъ о преобразованіи и усовершенствованіи національной сцены и, совершенно въ разрѣзъ съ установившимися взглядами и обычаями, сталъ усердно посѣщать русскія представленія. Вскорѣ у него за-

вязались знакомства въ тогдашнихъ театральныхъ сферахъ и особенно въ администраціи, гдѣ къ нему привыкли потомъ относиться, какъ къ своему челоѣку, и быстро успѣли оцѣнить его блестящія способности. Наконецъ, въ 1802 году онъ былъ назначенъ членомъ репертуарной части и съ тѣхъ поръ навсегда связалъ свое имя съ лѣтописями русскаго театра. Въ ту пору директоромъ Императорскихъ зрѣлищъ былъ оберъ-камергеръ А. Л. Нарышкинъ, типъ стариннаго богача изъ столбовыхъ дворянъ, вельможа, жившій широко и съ изыщнымъ комфортомъ. Онъ былъ сильно заинтересованъ небольшою оригинальною комедіей Шаховскаго «Женская шутка», обратившей на себя его вниманіе благодаря почти полнѣйшему отсутствію національнаго репертуара. Нарышкинъ сталъ покровительствовать Шаховскому и вскорѣ нашелъ случай отправить его за границу для того, чтобы ангажировать артистовъ для французской оперы. Временемъ, проведеннымъ за границей, молодой князь прекрасно воспользовался, основательно познакомившись съ состояніемъ тогдашнихъ заграничныхъ сценъ, особенно Парижской, гдѣ въ то время гремѣлъ знаменитый Тальма. Возвратясь, Шаховской энергично принялся за улучшение театра и положилъ въ это дѣло свою душу. Онъ писалъ много для сцены, работая съ такимъ напряженіемъ и поспѣшностью, что успѣлъ написать въ продолженіе своей жизни болѣе сотни произведеній, причемъ, постоянно торопясь, говорить, усвоилъ себѣ привычку сильно сокращать на письмѣ слова и даже обозначать ихъ для скорости какими-то значками, что дѣлало его рукописи совершенно недоступными для непосвященныхъ. Этотъ-то дѣятельный и энергичный челоѣкъ принялъ на себя заботы о родномъ театрѣ. Для образованія новыхъ артистическихъ силъ, Шаховской напалъ на мысль образовать особую *молодую труппу* актеровъ, которые развивали бы свои таланты подъ его руководствомъ, упражняясь частнымъ образомъ въ такъ называемомъ Кушелевскомъ театрѣ въ домѣ Чернышева (гдѣ находится Главный Штабъ). Пьесы тамъ давались незначительныя, небольшія комедіи; исполнялись онѣ почти дѣтьми, но большое преимущество этого театра заключалось въ томъ, что молодые люди получали здѣсь возможность исполнять отвѣтственныя роли; на нихъ смотрѣли, какъ на учениковъ, и не предъявляли къ нимъ никакихъ чрезмѣрныхъ требованій, а между тѣмъ въ такой только труппѣ и могъ представиться имъ случай попробовать силы не въ однихъ только выходныхъ роляхъ. Современемъ, образовавъ такимъ путемъ цѣлую плеяду артистовъ, Шаховской позаботился и о доставленіи имъ средствъ къ жизни, для чего способствовалъ установленію такъ прочно привившейся бенефисной системы. Заботливость его о своихъ питомцахъ была въ самомъ дѣлѣ замѣчательная: въ ихъ пользу онъ отдавалъ бенефисные сборы съ первыхъ представленій своихъ пьесъ, а въ дѣлѣ руководства спектаклями былъ внимателенъ до того, что по многу разъ проходилъ съ каждымъ воспитанникомъ его роль и на дому, и на сценѣ, пока не добивался

дѣлаемыхъ результатовъ. Замѣчательно при этомъ, что, несмотря на крайне безцеремонный, а иногда и грубый тонъ, совѣты его охотно выслушивались и принимались всѣми артистами, и въ томъ числѣ даже опытными и такими, которые никогда не принадлежали къ числу его учениковъ.

Въ 1818 году князь Шаховской по непріятностямъ былъ уволенъ отъ службы и переѣхалъ на жительство въ Москву, но когда директоромъ театровъ былъ сдѣланъ А. А. Майковъ, занявшій мѣсто неожиданно уволеннаго князя Тюфякина, то онъ вскорѣ пригласилъ Шаховского преподавать драматическое искусство въ театральной школѣ, гдѣ дѣятельность послѣдняго продолжалась еще разъ до начала 1826 года, когда преемникъ графа Милорадовича, князь В. В. Долгоруковъ, рѣшилъ измѣнить составъ театрального комитета.

II.

Значеніе дѣятельности кн. Шаховского далеко не одинаково оцѣнивалось современниками, но его безкорыстіе и беззаветная преданность театру, наконецъ его замѣчательная опытность и даже отчасти даръ проницательности, позволявшій ему нерѣдко предугадывать призваніе молодыхъ артистовъ,—всѣ эти качества, во всякомъ случаѣ, драгоцѣнные и далеко незаурядныя, не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Подъ руководствомъ кн. Шаховского развернулись блестящіе таланты артистовъ: Брянскаго, Сосницкаго, Семеновъ, Вальберховой, Асенковой, Дюровой, Величина и другихъ. Вотъ напр. что извѣстно намъ о первомъ выступленіи на сцену Сосницкаго, талантъ котораго былъ предугаданъ Шаховскимъ: «съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ Сосницкій былъ въ театральномъ училищѣ и вовсе не обращалъ на себя особеннаго вниманія. Никто не подозрѣвалъ въ немъ будущаго великаго артиста,—и самъ онъ, кажется, всѣхъ меньше. Онъ пристрастился къ механикѣ,—строилъ театры, выдумывалъ машины, удивлялъ всѣхъ своей изобрѣтательностью и рѣшительно, кажется, готовился посвятить себя этой части. Вдругъ кн. Шаховскому въ новой его комедіи «Урокъ кокеткамъ» понадобился молодой человѣкъ, который-бы съ выгодной наружностью соединялъ ловкость и фатюитизмъ хорошаго тона. Сосницкій взялся, и съ той минуты сценическая его участь была рѣшена. Всѣ были изумлены прелестной игрой молодого человѣка, умѣвшаго такъ вѣрно и хорошо создать роль, дотолѣ небывалую на русской сценѣ. Съ этой минуты онъ сдѣлался любимцемъ публики ¹⁾». Другіе по-

¹⁾ „Репертуаръ и Пантеонъ“, 1843, I, 121. О руководствѣ Шаховскимъ Сосницкаго см. въ воспоминаніяхъ А. Я. Головачевой, «Историч. Вѣстникъ», 1889, стр. 34. Біографъ Сосницкаго такъ говоритъ о кн. Шаховскомъ: «Періодъ Шаховского можно считать самымъ блестящимъ въ отношеніяхъ къ составу русской труппы, и хотя кромѣ вліянія кн. Шаховского, было много обстоятельствъ, благоприятствовавшихъ развитію превосходныхъ сценическихъ талантовъ, но надо отдать ему справедливость, что онъ былъ въ этомъ пружиною» (Біографія Сосницкаго, Спб. 1861).

добные-же случаи приводить С. Т. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ и многіе иные.

Уже одной этой способности узнавать дарованія достаточно для того, чтобы признать незабвенными заслуги кн. Шаховского въ исторіи нашего театра. Благодаря ей, память его тѣсно связана съ прошлымъ обѣихъ нашихъ столичныхъ сценъ. «Четверть столѣтія»—писалъ ему однажды Булгаринъ, «ваше имя не сходитъ почти съ афишъ; четверть вѣка нѣсколько поколѣній артистовъ пользовались вашими совѣтами; четверть вѣка вы были Архимедовымъ рычагомъ въ этой многосложной машинѣ» ¹⁾. Слова Булгарина, конечно, очень льстивы, какъ вообще и весь тонъ его драматическихъ писемъ къ кн. Шаховскому, въ которыхъ встрѣчается мѣстами даже совсѣмъ уже грубая и прозрачная лесть; но въ данномъ случаѣ онъ отдаетъ своему корреспонденту только заслуженное, и даже сравненіе его съ Архимедовымъ рычагомъ не совсѣмъ лишено основанія. Притомъ и многіе другіе почитатели Шаховского иногда имъ сильно увлекались, что служить яснымъ доказательствомъ, что дѣло здѣсь не можетъ быть объясняемо одной лестью. Такъ съ своей статьёй: «И мои воспоминанія о театрѣ» извѣстный Р. М. Зотовъ доходитъ до рискованнаго и почти невѣроятнаго утвержденія, будто-бы «Аристофанъ» Шаховского первое произведеніе европейской литературы ²⁾. По замѣчанію артиста П. А. Каратыгина, «Шаховской считался заслуженнымъ профессоромъ декламации и чуть-ли не Магометомъ законовъ драматургіи» ³⁾. Принимая въ соображеніе всѣ эти отзывы разныхъ лицъ, мы можемъ для провѣрки ихъ обратиться также къ сравненію питомцевъ школы Шаховского съ артистами предшествующей поры. Вотъ что говоритъ тотъ-же Р. М. Зотовъ объ одномъ изъ очень видныхъ дѣятелей предшествующаго сентиментальнаго періода Шушеринъ: «этотъ артистъ не имѣлъ ни привлекательной наружности, ни пріятнаго голоса, ни *драматическаго искусства*; но онъ умѣлъ сильно кричать, еще сильнѣе махать руками, топтать ногою,—и партеръ кричалъ браво» ⁴⁾. По отзыву Зотова, Шушеринъ могъ-бы даже служить доказательствомъ, что въ тѣ счастливыя времена, когда требованія искусства были еще до того ограничены, что какой-нибудь посредственный переводчикъ, не возбуждая вовсе удивленія или насмѣшекъ, во всеуслышаніе могъ говорить: «сегодня идетъ моя пьеса», что «тогда славу артиста можно было выкричать», а о степени развитія вкуса тогдашней театральной публики тотъ-же компетентный свидѣтель утверждалъ, впрочемъ, отнюдь не иронически, что «тогда зрители не разсуждали о всѣхъ историческихъ

¹⁾ Тамъ-же, 1843, I, 114. «Драматическія письма» Булгарина къ Шаховскому.

²⁾ «И мои воспоминанія о театрѣ» („Репертуаръ и Пантеонъ“, 1840, I, 4, 9, стр. 50).

³⁾ „Русская Старина“, 1873, т. VII, I, 151—152.

«Артистъ», № 18, 32—34).

⁴⁾ Между тѣмъ Шушеринъ былъ выдающимся артистомъ въ свое время.

несообразностяхъ пьесы, а восхищались прекрасными стихами, согрѣтыми пламеннымъ чувствомъ любви къ отечеству». Это была еще пора если не младенчества, то не болѣе, какъ ранняго отрочества нашей сцены. Между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что Сосницкій по силѣ дарованія и пониманію искусства могъ иногда соперничать уже съ Щепкинымъ и что онъ и нѣкоторые другіе его современники по сценѣ были высоко цѣнимы Бѣлинскимъ. Конечно, время тогда было уже другое и многіе названные артисты обязаны были успѣхамъ развитію самого общества и литературы, а также и собственнымъ выдающимся талантамъ, но все-же это были большею частью ученики Шаховского и послѣдній имѣлъ полное право сказать, что въ этихъ успѣхахъ была и его капля меду. Шаховской, повидимому, не вполне понялъ и оцѣнилъ только двухъ Каратыгиныхъ: Василя Андреевича и жену его Александру Михайловну. Но въ сущности въ непризнаніи великихъ талантовъ имѣли мѣсто отчасти постороннія побужденія, правда не дѣлающія чести князю и лежащіяся пятномъ на его память, какъ руководителя юныхъ дарованій, но объясняемые все-таки той горячей ревностью къ самостоятельной выработкѣ сценическихъ талантовъ, которую внушала ему любовь къ театру и къ собственнымъ театральнымъ питомцамъ. Даже обыкновенно лстивый Булгаринъ имѣлъ несомнѣнное право осторожно попрекнуть Шаховского холодностью къ Каратыгинымъ, а между тѣмъ было время, когда Шаховской замѣтилъ въ Василя Андреевичѣ, по словамъ его-же младшаго брата Петра Каратыгина, «задатки для сцены, предложилъ его отцу принять его подъ свое покровительство и образовать изъ него артиста» ¹⁾. Но Грибоѣдовъ и Катенинъ, часто навѣщавшіе стариковъ Каратыгиныхъ, совершенно уронили въ ихъ глазахъ преподаваніе Шаховского, находя въ немъ много рутины и избитыхъ традицій. Грибоѣдовъ настоятельно совѣтовалъ поручить обученіе юноши Катенину и вотъ почему Шаховской впоследствии не могъ уже слѣдить за его успѣхами съ такой искренней любовью, съ какой онъ относился всегда къ своимъ ученикамъ, а личная слабость его къ послѣднимъ, по словамъ П. А. Каратыгина, «была нерѣдко въ ущербъ другимъ артистамъ, которые не имѣли счастья у него учиться» ²⁾.

Оцѣнка личности и общественной дѣятельности кн. Шаховского, не смотря на упомянутыя разнорѣчія современниковъ, не представляетъ впрочемъ никакихъ серьезныхъ трудностей, такъ какъ всѣ отзывы болѣе или менѣе сходятся именно въ наиболѣе важномъ; а для устраненія остающихся несогласій легко отыскать ключъ при сколько-нибудь внимательномъ сравненіи источниковъ. Можно утверждать вообще, что если кн. Шаховской имѣлъ много враговъ, то причина этого выяснена безусловно, точно также, какъ совершенно несомнѣннымъ представляется

¹⁾ „Русская Старина“, 1873, т. VII, I, стр. 150.

²⁾ Тамъ-же, стр. 151.

фактъ возростанія къ нему симпатіи со стороны людей, находившихся съ нимъ все болѣе въ добрыхъ отношеніяхъ, по мѣрѣ ближайшаго съ нимъ знакомства. Шаховской былъ натура искренняя, открытая, хотя крайне несдержанная; съ нимъ могли происходить столкновенія и споры, но едва ли возможны были ошибки въ пониманіи его характера или неожиданныя разочарованія въ немъ. Съ перваго взгляда Шаховской долженъ былъ производить чрезвычайно выгодное впечатлѣніе: наружность его нельзя было назвать привлекательной ¹⁾, а часто даже, при извѣстной распущенности его манеръ, и безобразно картавомъ и шепелявомъ произношеніи, благодаря притомъ почти ежеминутнымъ эксцентрическимъ выходкамъ, онъ казался непривычному человѣку и смѣшнымъ и непріятнымъ. Понятно, что было не мало людей, которые, однажды встрѣтившись съ Шаховскимъ, выносили разъ навсегда самое невыгодное о немъ мнѣніе, и такихъ было иногда трудно переубѣдить. Возможно даже, что этотъ неуклюжій, картавый и невзрачный оригиналъ могъ казаться инымъ просто недалекимъ человѣкомъ. Однако, ближайшее знакомство давало возможность взглянуть въ ускользавшія отъ поверхностнаго наблюденія разностороннія и незаурядныя достоинства князя. Оказывалось, что этотъ некрасивый и смѣшной, картавый толстякъ обнаруживалъ нерѣдко замѣчательное остроуміе и тонкое пониманіе жизни, соединенное съ величайшимъ, почти младенческимъ добродушіемъ; что онъ охотно обращался лучшими сторонами своей необыкновенно доброй души ко всѣмъ умнымъ и искреннимъ людямъ, но—что всего важнѣе—что искусство онъ любилъ горячо и всей душой; что, наконецъ, своими указаніями могъ приносить неопытнымъ жрецамъ его несомнѣнную пользу. Благодаря послѣднимъ качествамъ, Шаховскаго высоко цѣнили какъ въ театральномъ, такъ и въ литературномъ мірѣ. Наконецъ Шаховской много зналъ, много видѣлъ на своемъ вѣку и неустанно предавался умственному труду.

Для сцены Шаховской неутомимо работалъ всю жизнь и, какъ мы сказали, написалъ больше сотни разныхъ драматическихъ произведеній во всѣхъ родахъ этой области творчества; но мы не говоримъ здѣсь о нихъ, такъ какъ важнѣйшей заслугой его слѣдуетъ признать всетаки его продолжительную и блестящую режиссерскую дѣятельность. Если сочиненныя имъ пьесы удовлетворяли минутнымъ требованіямъ текущаго репер-

---

¹⁾ Вотъ какъ описываетъ его одинъ изъ его біографовъ, Смирновъ: «Это былъ очень тучный мужчина, въ изношенномъ плафрокѣ; огромная лысина его была прикрыта вазанымъ шелковымъ колпакомъ. На большомъ мясистомъ лицѣ его красовался огромный орлиный носъ; брови были узкія и нависшія, какъ я впослѣдствіи узналъ, отъ постоянныхъ умственныхъ занятій; глаза каріе, маленькіе, но полные огня и блеска; а оконечности губъ и вѣкъ приподняты были проницей, которая и въ глубоко-задумчивомъ положеніи никогда не оставляла лица знаменитаго нашего сатирика». «Репертуаръ и Пантеонъ», 1847, 17, 106.

туара и вскорѣ были забыты, то гораздо болѣе глубокий слѣдъ въ развитіи сценическаго искусства оставило мастерское руководство княземъ не только начинающихъ, но даже опытныхъ актеровъ. Псевдоклассикъ въ своихъ произведеніяхъ, сторонникъ Шишкова и врагъ Карамзина и Жуковскаго, Шаховской, благодаря живому воспримчивому характеру, бойкому перу и обширной наблюдательности, былъ всего менѣе способенъ писать напыщенные, ходульные пьесы; онъ глубоко проникался современностью и безпрестанно рисовалъ извѣстныхъ въ его время людей, изображалъ обратившіе на себя общее вниманіе случаи и происшествія. Вслѣдствіе этого автора «Липецкихъ водъ» и «Расхищенныхъ шубъ» при всемъ его упомянутомъ уваженіи къ тремъ единствамъ, далеко нельзя вообразать себѣ типическимъ представителемъ ложноклассицизма. Въ немъ для этого было слишкомъ много жизни и огня, а время, отдалившее его отъ эпохи рѣшительнаго преобладанія псевдоклассическаго направленія, дало ему возможность и силы незамѣтно возвыситься надъ шаблономъ.

Репутація кн. Шаховскаго, какъ учителя-драматурга, такъ и человѣка, была довольно двусмысленная: иные въ немъ души не слышали, другіе, напротивъ, бранили его, какъ бездушнаго интригана и недоброжелателя. И тѣ, и другіе, по моему, были пристрастны: онъ имѣлъ, какъ и всякій человѣкъ, недостатки и слабости, отрицать же въ немъ достоинства, какъ драматурга, такъ и учителя было бы несправедливо. Актриса Ежова съ юныхъ лѣтъ сдѣлалась подругой его жизни и, надо признаться, много вредила ему въ общественномъ мнѣніи. Хотя она тоже была не злая женщина, но, живя съ нимъ, имѣла сильное вліяніе на его слабый характеръ: онъ, какъ Сократъ, бояивался своей Ксантиппы. Во время директорства Нарышкина, кн. Шаховской довольно долго былъ не только членомъ репертуарной части, но, по своей силѣ, могъ считаться чуть ли не вице-директоромъ, и въ эту пору, какъ говорить театральное преданіе, бывало много несправедливостей и пристрастій, въ которыхъ зачастую была не безгрѣшна его подруга жизни. Личная же его слабость къ любимымъ своимъ ученикамъ была нерѣдко въ ущербъ другимъ артистамъ, которые не имѣли счастья у него учиться. Часто случалось, что о новомъ своемъ ученикѣ онъ пустить заранѣе молву, что это-де талантъ необыкновенный, который убьетъ на-повалъ и того и другого, а на дѣлѣ выходитъ, что самъ дебютантъ провалится при первомъ дебютѣ.

III.

Однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Шаховскаго, его главной гордостью былъ извѣстный актеръ Брянскій ¹⁾. На Брянскомъ Шаховской особенно выказалъ и свою благородную страсть къ искусству, и замѣчательныя

¹⁾ „Пантеонъ“. 1853, отд. 2, Исторія и теорія искусства, стр. 42.

преподавательскія способности. Въмѣстѣ съ тѣмъ именно Брянскій, человѣкъ многимъ обязанный Шаховскому и искренно его уважавшій, но, какъ настоящій артистъ, чувствовавшій въ своей груди пламя свободного призванія къ театру, не слѣпо подчинялся своему руководителю, а, наоборотъ, пользуясь его указаніями, оставался вполне самостоятельнымъ. Мы говорили, что Шаховскому люди, одаренные такимъ художественнымъ вкусомъ и опередившіе въ эстетическомъ развитіи свое время, ставили въ упрекъ нѣкоторые рутинные приемы и особенно его манеру произносить стихи. Это, дѣйствительно, и въ полномъ смыслѣ слова, было его большимъ мѣстомъ, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ свидѣтельство о томъ, что онъ, сильно хлопотавшій всегда о естественности и живости сценическаго исполненія, не могъ не сознавать въ душѣ своихъ ошибокъ и даже откровенно исповѣдывалъ это въ тѣсномъ кругу группировавшейся около него артистической семьи¹⁾. Но глубоко вкоренившаяся привычка и особенно давленіе господствующихъ мнѣній уже не позволяли Шаховскому стать выше рутинны и измѣнить приемы преподаванія. Въ результатѣ получалось, что «князь Шаховской въ своемъ домашнемъ кругу (всѣ ученики составляли его семью) смѣялся надъ педантизмомъ классиковъ, но совѣтовалъ однако же всѣмъ ученикамъ отнюдь не идти наперекоръ всеобщему вкусу». Не подчиняться такому совѣту, вполне естественно, могъ именно тотъ, кому твердое внутреннее сознаніе заложенныхъ въ его душу богатыхъ артистическихъ даровъ внушало бодрость и энергію пролагать въ искусствѣ свой собственный путь. Такимъ именно артистомъ и явился Брянскій. Брянскій обладалъ натурой чрезвычайно разносторонней и замѣчательно артистической: не чуждый литературнымъ интересамъ, онъ сильно любилъ не только искусство, но также природу и былъ страстнымъ охотникомъ. Его находчивость и остроуміе, его благородная смѣлость характера, наконецъ, его добрая, отзывчивая душа плѣняли всегда людей, имѣвшихъ съ нимъ какія-либо отношенія. Безъ сомнѣнія, это была личность недюжинная и одаренная богатыми природными задатками, въ числѣ которыхъ ему, какъ артисту, не мало пригодилась и красивая наружность, но особенно его звучный голосъ и мастерская декламация. Но онъ получилъ самое скудное образованіе и, во всякомъ случаѣ, при всемъ своемъ неудержимомъ влеченіи къ театру легко могъ бы затеряться въ канцеляріи сената, куда онъ поступилъ на службу еще почти мальчикомъ, если бы его способности не получили должную оцѣнку, а самъ онъ — энергическую и безкорыстную поддержку на иномъ поприщѣ. Значеніе Шаховскаго въ театральномъ мірѣ было уже тогда слишкомъ извѣстно, и понятно, что именно къ нему и рѣшился обратиться съ робкой просьбой объ испытаніи силъ своихъ будущій крупный артистъ. Приѣмъ Шаховскаго оказался радушнымъ и

¹⁾ См. его біографію въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ“, 1846, 1 и статью о немъ Е. С. Некрасовой въ „Артистѣ“, 1893, № 31.

одобряющимъ. Съ тѣхъ поръ Шаховской и Брянскій привязались другъ къ другу и жили отчасти общими интересами. Другими артистами Шаховской начиналъ руководить систематически, направляя ихъ первые шаги и затѣмъ уже позволяя имъ выступать на сцену; Брянскаго послѣ краткаго испытанія, довольный обнаруженными имъ способностями, онъ сразу предназначилъ для исполненія одной изъ отвѣтственныхъ ролей въ пьесѣ Озерова «Дмитрій Донской» ¹⁾, и когда дебютъ его новаго кліента прошелъ незамѣченнымъ, онъ взялъ его подъ свое покровительство и съ большой энергіей принялся посвящать въ тайны драматическаго искусства. Брянскій, правда, не сразу добился, чтобы Шаховской принялъ его въ свои классы декламации, но тѣмъ не менѣе послѣдній явился какъ бы восприимчивомъ молодого таланта, поддержалъ въ немъ вѣру въ себя и принялъ въ свою труппу артистовъ Куселевскаго театра. Замѣтивъ въ своемъ ученикѣ сильную робость, естественное слѣдствіе самолюбія и страха новичка за успѣхъ въ своей профессіи, а также неумѣнье держать себя на сценѣ, Шаховской не отступилъ передъ самыми рѣшительными и энергическими мѣрами, и тѣмъ упорнѣе боролся съ замѣченными недостатками, чѣмъ больше начиналъ цѣнить въ своемъ ученикѣ искреннюю преданность дѣлу и настойчивое желаніе совершенствоваться. Заботливость Шаховскаго о Брянскомъ походила иногда на отеческую: до того онъ дорожилъ его славой и такъ старался оберегать отъ всякой случайной неудачи. Шаховской давалъ ему роли въ собственныхъ комедіяхъ, и если держалъ его слишкомъ долго на роляхъ комическихъ и первыхъ любовниковъ, отстраняя отъ привлекавшей тогда всѣхъ артистовъ трагедіи, то это было еще при жизни знаменитаго Яковлева и вызывалось преувеличенными опасеніями Шаховскаго за своего любимца. Послѣ, впрочемъ, оказалось, что умное и въ высокой степени добросовѣстное исполненіе Брянскимъ ролей уже угасавшаго Яковлева могло смѣло обезпечить за нимъ вполне удовлетворительный успѣхъ даже при жизни этого премьера Александринской сцены. Какъ человѣкъ свѣжій и молодой, Брянскій позволялъ себѣ на свой страхъ уклоненія отъ установившихся ложноклассическихъ пріемовъ, и за естественность своей дикціи, за пренебреженіе къ условнымъ эффектамъ заслужилъ отъ многихъ репутацію холоднаго актера, что не мѣшало ему, однако, упрочить за собой на нѣкоторое время значеніе перваго драматическаго артиста, особенно послѣ успѣшнаго исполненія роли Іодая въ «Гоголіи» и «Отелло» Дюсосу. Извѣстный прогрессъ въ смыслѣ приближенія къ естественности и простотѣ начиналъ становиться уже чѣмъ-то неизбѣжнымъ и обязательнымъ проявленіемъ какого-то непреложнаго порядка вещей. Такъ точно тотъ же Брянскій казался позднѣе черезчуръ искусственнымъ и манернымъ, когда завоеванія реальной школы и натурализма сдѣ-

¹⁾ Въ роли давшей артисту его фамилію (онъ прежде назывался Григорьевъ).

лались еще болѣе серьезными и крупными. Въ короткій промежутокъ отъ смерти Яковлева до появленія на сценѣ Каратыгина Брянскій занималъ безъ соперниковъ амплу перваго трагическаго актера и успѣлъ составить себѣ почтенную и прочную репутацію. Но вскорѣ на сценическомъ горизонтѣ возшла новая, гораздо болѣе яркая звѣзда, появился талантъ первостепеннаго значенія, и Брянскій, уступивъ первое мѣсто Каратыгину, скромно перешелъ на вторыя роли, играя по преимуществу благородныхъ отцовъ. Большую честь ему дѣлаетъ то, что онъ сумѣлъ покорить самолюбіе интересамъ искусства и не только продолжать работать съ прежней энергіей, занимая всегда и при Каратыгинѣ очень замѣтное и почетное мѣсто въ труппѣ Александринскаго театра и часто дублируя своего счастливаго соперника, но никогда ничѣмъ не выказалъ недостойной зависти и досады на утраченное первенство: съ истиннымъ благородствомъ Брянскій призналъ постепенно безспорное превосходство Каратыгина и во всю жизнь поддерживалъ съ нимъ добрыя, товарищескія отношенія. Значеніе Брянскаго, какъ для блеска современной сцены, такъ и для успѣховъ драматическаго искусства вообще—несомнѣнно, и проникавшія изрѣдка въ печать при жизни его насмѣшки надъ его философскимъ будто бы равнодушіемъ къ паденію собственной славы, были, разумѣется, крайне безтактны, несправедливы и невеликодушны ¹⁾. Особенной признательности заслуживаетъ Брянскій уже за постановку въ свои бенефисы цѣлаго ряда шекспировскихъ пьесъ и за недурное исполненіе ролей Платона Михайловича Горичева и отчасти Фамусова, хотя въ послѣдней роли ему и не доставало свободной и ярко типической игры. Брянскій исполнялъ кромѣ того и роли романтическія, и этимъ также сдѣлалъ шагъ впередъ, такъ что, еще оставаясь отчасти ложноклассикомъ, онъ уже стремился съ самаго начала вступить на новый путь болѣе естественнаго сценическаго исполненія — и отчасти успѣлъ сдѣлать свой вкладъ. Оставивъ сцену въ 1842 г., Брянскій уѣзжалъ въ Самару, снова дважды возвращался на сцену, но эти эпизоды его сценической карьеры не имѣютъ важнаго значенія для исторіи театра, почему мы и не находимъ нужнымъ на нихъ останавливаться.

IV.

Самое видное мѣсто среди артистовъ, украшавшихъ, начиная съ двадцатыхъ годовъ, петербургскую сцену, съ перваго же появленія передъ публикой занялъ В. А. Каратыгинъ старшій или большой, какъ принято было тогда называть. Ему принадлежало въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ первое трагическое амплу. Надо замѣтить, что судьба была замѣчательно благосклонна къ этому «Марлинскому сценическаго искусства» ²⁾,

¹⁾ „Репертуаръ и Пантеонъ“, Обзоръ дѣятельности русскихъ театровъ, 1842. I.

²⁾ Соч. Вѣлинскаго, т. I, стр. 511.

тотчасъ-же поставивъ его въ самыя благопріятныя условія для пріобрѣтенія славы, а неутомимая работа артиста надъ собой, его необыкновенная добросовѣстность и любовь къ дѣлу, не отрицаемыя даже его противниками, способствовали упроченію и непрерывному возрастанію его успѣховъ на сценѣ. В. А. Каратыгина долго и почти безъ раздѣленія мнѣній признавали не только великимъ, первокласснымъ художникомъ, но ставили вообще неизмѣримо высоко передъ другими артистами. Таково было единогласное, прочно установившееся о немъ мнѣніе. Такъ, когда въ началѣ сороковыхъ годовъ въ редакціи одного извѣстнаго въ свое время театральнаго журнала «Репертуаръ и Пантеонъ», возникла мысль составить, съ цѣлью подготовки матеріаловъ для будущей исторіи театра «Портретную галерею русскихъ сценическихъ актеровъ», то безъ колебаній рѣшено было поставить на первомъ планѣ именно Каратыгина, которому торжественно и безусловно отдавалась палма первенства за то, что онъ передавалъ «высокія созданія древнихъ и новыхъ трагиковъ съ удивительной вѣрностью, съ строгой отчетливостью и съ разнообразіемъ, почти невѣроятнымъ»¹⁾. Уже изъ этихъ немногихъ словъ очевидно, что Каратыгинъ былъ не только выдающійся по дарованію, но и дѣятельный, трудолюбивый и образованный артистъ, артистъ по призванію и истинный, вѣрный жрецъ своего искусства, не щадившій трудовъ для усовершенствованія себя въ немъ.

Каратыгинъ родился 26 февраля 1802 г. въ Петербургѣ. Ему суждено было съ ранняго дѣтства вращаться среди впечатлѣній искусства: родители его служили при театрѣ, причемъ мать успѣла составить себѣ довольно блестящую артистическую репутацію²⁾.

Юный Каратыгинъ сначала долго не проявлялъ никакихъ задатковъ будущаго блестящаго дарованія и, предназначенный для служебнаго поприща, былъ помѣщенъ въ Горный корпусъ, отъ котораго ожидали почета и выгодъ. Къ пьесамъ, которыя ему случалось иногда видѣть въ театрѣ, онъ относился сначала довольно равнодушно, и только слѣпой случай указалъ ему настоящее призваніе: однажды одинъ изъ его школьныхъ товарищей, нѣкто Борецкій, принимавшій участіе въ домашнихъ спектакляхъ студентовъ Горнаго корпуса, затронулъ своими успѣхами самолюбіе юноши и помогъ слабо тлѣвшуюся искру раздуть въ яркое пламя.

Каратыгинъ не могъ жаловаться на свою судьбу: въ самомъ раннемъ возрастѣ мы видимъ его уже счастливо начавшимъ служебную карьеру въ Департаментѣ внѣшней торговли. Когда въ немъ вдругъ вспыхнула страсть къ театру, онъ пробуетъ свои силы на домашней сценѣ, пора-

¹⁾ «Репертуаръ и Пантеонъ», 1841, 1, Портретная галерея русскихъ сценическихъ артистовъ, стр. 1.

²⁾ Отецъ Каратыгина также не безъ успѣха занималъ амплуа первыхъ любовниковъ.

жасть зрителей быстро и мощно развернувшимся дарованіемъ и, завидѣвъ соблазнительную перспективу сценической славы, отрекается отъ удачно начатой службы и весь отдается искусству и заманчивой будущности. Съ тѣхъ поръ, взглянувши на него благосклонно, фортуна, рѣшила остаться вѣрной на всегда своему любимцу. Счастьемъ для Каратыгина можно считать уже то, что онъ выступилъ въ удачный моментъ, тотчасъ почти послѣ того, какъ навсегда закатилась яркая звѣзда знаменитаго Яковлева. При такихъ условіяхъ опасно было рисковать таланту второстепенному, но художнику, одаренному силами Каратыгина, способному производить глубокое и сильное впечатлѣніе своей прекрасно выдержанной игрой, открывалась возможность и полный просторъ развернуть во всемъ блескѣ богатые сценическіе задатки. Происходя изъ артистической семьи, Каратыгинъ, безъ сомнѣнія, былъ многимъ обязанъ во время своихъ первыхъ шаговъ на скользкой театральной аренѣ раннему близкому знакомству съ театромъ и съ закулиснымъ міромъ: еще въ дѣтствѣ онъ постоянно видѣлъ передъ собой людей, жившихъ интересами и волненіями сцены; потомъ, только-что вступая въ юность, подъ руководствомъ отца, онъ сталъ принимать участіе въ домашнихъ спектакляхъ, посѣщаемыхъ извѣстными артистами и литераторами. Здѣсь при счастливой обстановкѣ, соединявшей всѣ условія для возможно спокойнаго и правильнаго развитія сценическаго дарованія, на глазахъ и подъ руководствомъ опытныхъ знатоковъ и цѣнителей, юноша прошелъ первыя тяжелыя испытанія новичка и усвоилъ себѣ необходимую опытность во внѣшнихъ сценическихъ приемахъ, а главное приобрѣлъ самообладаніе и увѣренность чловѣка, успѣвшаго убѣдиться на дѣлѣ въ своихъ недюжинныхъ силахъ. Мы говорили, что кн. Шаховской съ обычнымъ свойственнымъ ему энтузіазмомъ оцѣнилъ дарованіе Каратыгина и, съ согласія родителей, началъ было руководить имъ, какъ вдругъ знакомые съ послѣдними Грибоѣдовъ и Катенинъ, несмотря на свои дружескія отношенія къ Шаховскому, стали уговаривать ихъ поручить веденіе дѣла Катенину, сильно осуждая методу и приемы ученія, которыми пользовался Шаховской ¹⁾. Это событіе имѣло рѣшающее значеніе въ выработкѣ характера дарованія Каратыгина. Послѣ такой основательной подготовки Каратыгину сравнительно не трудно было подвергнуть себя медленному огню перваго дебюта, тѣмъ болѣе что онъ являлся на подмосткахъ, окруженный далеко не чуждыми людьми. Публика, въ свою очередь, приняла его благосклоннѣе, какъ члена извѣстной ей артистической фамиліи; къ тому же, по общему признанію, Каратыгинъ былъ въ высшей степени одаренъ всѣми физическими преимуществами, необходимыми для сцены, и умѣлъ пользоваться ими съ искусствомъ за-

¹⁾ Составитель статьи о Каратыгинѣ въ «Портретной Галлерей» держится также того мнѣнія, что вредные совѣты Шаховскаго могли задержать артиста на томъ ложномъ пути, по которому хотѣли заставить его идти, и это, конечно, справедливо.

мѣчательнаго виртуоза. Въ запискахъ брата его, П. А. Каратыгина, мы находимъ подробный разсказъ объ его первомъ дебютѣ.

Каратыгинъ выступилъ въ отвѣтственной роли Фингала; онъ сильно робѣлъ, и вся семья находилась въ неизбежной лихорадочной ажитациі, но все окружающіе поддерживали въ немъ надежду, а особенно самъ авторитетный учитель молодого дебютанта, Катенинъ. Только что юный артистъ, исполнявшій роль Фингала, появился на сценѣ, въ полномъ вооруженіи, какъ его величественная и красивая фигура, еще съ начала его перваго монолога, произвела самое выгодное впечатлѣніе, такъ что при самомъ появленіи его на сцену дружный громъ рукоплесканій долго стоялъ въ воздухѣ. Послѣ такого счастливаго приѣма публики артисту сравнительно не трудно было побѣдить свою робость, тѣмъ болѣе, что публика отнеслась съ явнымъ поощреніемъ къ молодому человѣку и не переставала награждать дружными рукоплесканіями каждый удачный его монологъ или реплику. Почувствовавъ себя подхваченнымъ волной бодрого, радостнаго воодушевленія, Каратыгинъ, по всей вѣроятности, далъ передъ многочисленной публикой все, что было въ его средствахъ, почему дебютъ, по словамъ его брата, «по справедливости долженъ быть внесенъ въ театральную хронику, какъ одинъ изъ самыхъ удачныхъ на русской сценѣ» ¹⁾. И не мудрено: всякій дебютантъ всегда и неизбежно много теряетъ и можетъ считать уже для себя большимъ счастьемъ, если ему хотя отчасти удастся показать публикѣ свои силы, а здѣсь первый трудный шагъ былъ со всѣхъ сторонъ облегченъ какъ только было возможно. Единственнымъ замѣтнымъ недостаткомъ въ дебютантѣ оказался недостатокъ сценической ловкости, но ея нельзя было, конечно, ни требовать, ни ожидать отъ него, тогда какъ его величественный ростъ, привлекательная наружность, удачные жесты и мимика, но особенно мастерская дикція и ясность произношенія были оценены единодушно, вслѣдствіе чего за Каратыгинымъ тотчасъ же были оставлены первыя роли въ трагедіяхъ. Такимъ образомъ ему сразу удалось завоевать огромный успѣхъ, не встрѣчая никакихъ серьезныхъ препятствій, борьба съ которыми довольно дорого обходится людямъ, пробивающимъ себѣ тяжелую сценическую карьеру. Самая полемика, возбужденная его первыми дебютами, способствовала славѣ его имени. Послѣ первыхъ двухъ дебютовъ, изъ которыхъ второй, когда онъ выступилъ въ роли Эдипа Грузинцева, былъ еще блистательнѣе перваго, извѣстный водевилистъ и вмѣстѣ съ тѣмъ театальный критикъ «Сына Отечества» Жандръ уже прозрѣлъ въ молодомъ дебютантѣ весьма почтенную силу, грозившую въ очень недалекомъ времени затмить славу считавшагося тогда первостепеннымъ трагикомъ Брянскаго. Вотъ что писалъ онъ о Каратыгинѣ: «На сцену вышелъ онъ въ первый разъ совершеннымъ молодцомъ.

¹⁾ «Русская Старина», 1873, т. VII, стр. 162; см. «Пантеонъ и Репертуаръ» 1841, I, Портретная галлерей, 2.

Игралъ, однако же, робко все первое дѣйствіе, и кто же не робѣеть?.. Наконецъ, по долгомъ междуцарствіи, явился на нашей сценѣ *новый царь*. Послѣ славнаго Яковлева многіе дерзали и дерзають вступить на поприще нашей Мельпомены, но кто изъ нихъ, кромѣ г. Каратыгина, общалъ или общаетъ сравниться съ Яковлевымъ? Лучшій, какъ трагическій актеръ, есть безъ всякаго спора, г-нъ Брянскій; но можно ли еще назвать его первокласснымъ актеромъ? Не отнимая никакъ настоящей мѣры достоинствъ г-на Брянскаго, я стою въ томъ, что онъ современемъ *долженъ будетъ уступить г. Каратыгину первенство на трагической сценѣ*. Одна наружность г. Каратыгина убиваетъ всю здѣшнюю труппу. Чтеніе г. Каратыгина совсѣмъ новое на нашей сценѣ, лучше чтенія г-на Брянскаго. Каратыгинъ вездѣ разнообразенъ: въ сильныхъ порывахъ страстей, въ переходѣ отъ одного чувства къ другому, въ самомъ даже простомъ разговорѣ¹⁾. Этимъ роковымъ строкамъ, повидимому, столь сдержаннымъ и спокойнымъ, предстояло произвести цѣлую бурю, ясно доказывающую, что появленіе Каратыгина на сценѣ показалось тогда цѣлымъ событіемъ. Любопытнѣе всего здѣсь то, что дѣло шло въ настоящемъ случаѣ никакъ не объ одномъ Каратыгинскомъ дебютѣ, но затрогивались вопросы гораздо болѣе широкіе и существенные, завязалась борьба между устарѣлыми и нарождавшимися взглядами на искусство. Жандръ воспользовался случаемъ, чтобы поставить на видъ измѣнившіяся требованія времени въ примѣненіяхъ къ литературѣ и сценѣ; онъ позволилъ себѣ занести руку сразу на обычную тогдашнюю дикцію артистовъ и установившіеся шаблонные приемы игры и, съ другой стороны, также на самыя пьесы, считавшіеся тогда образцовыми и продолжавшими возбуждать шумные восторги. Затронутыми оказались весьма многіе, начиная съ Шаховскаго. Ударъ, нанесенный нѣсколько времени тому назадъ предпочтеніемъ послѣднему Катенина въ качествѣ руководителя таланта юнаго Каратыгина, былъ ничтоженъ въ сравненіи съ теперешнимъ, новымъ и уже совершенно безпощаднымъ ударомъ. Теперь открыто признавалось и провозглашалось во всеуслышаніе, на страницахъ довольно распространеннаго журнала, что время господства его школы прошло и что она считается уже неудовлетворительной. Любимаго и избраннаго ученика его, Брянскаго, о ужасъ!—упрекали въ «недостаткѣ дикціи», въ томъ, что «онъ почти всѣ стихи оканчиваетъ одинакимъ тономъ»²⁾. Но еще ужаснѣе казались нападенія Жандра на Озерова, доходившія до открытаго заявленія, что Фингалъ «вовсе не трагедія: въ пьесѣ Фингалъ нѣтъ никакого плана, характеры лицъ не похожи ни на какіе характеры. Все, что въ Фингалѣ случается по счастью или по несчастью, случается именно отъ глупости главныхъ лицъ». Въ игрѣ Каратыгина Жандръ одобряетъ именно ея естественность и простоту,

¹⁾ „Сынъ Отечества“, 1820, часть 62, № XXIII, стр. 175.

²⁾ „Сынъ Отечества“, 1820, часть 62, № XXIII, тамъ же.

качества, менѣе всего цѣнимыя въ предшествоующія эпохи. Нельзя почти сомнѣваться, что при близкомъ знакомствѣ Катенина съ Жандромъ у нихъ было много общаго во взглядѣ на искусство и на приемы обученія ему и что они сошлись въ направленіи, въ оцѣнкѣ игры молодого артиста далеко не случайно. Солидарность ихъ доказывается косвеннымъ образомъ и замѣткой Катенина въ томъ же «Сынѣ Отечества» подъ заглавіемъ: «Еще слово о Фингалѣ», вызванной возраженіями Жандра со стороны какого-то господина В. С. Точно также, не случайно, что именно Катенинъ отвѣтилъ въ защиту Жандра какому-то г-ну Я-му, напечатавшему противъ него возраженіе въ томъ же «Сынѣ Отечества». Дѣло дошло до того, что въ пылу полемикаго задора позволяли себѣ печатно высказывать радость по тому поводу, что Каратыгинъ не явится «на престолѣ Мельпомены» и даже до того, что, заваленный полемическими статьями, относящимися къ дебюту Каратыгина, редакторъ «Сына Отечества» отозвался въ примѣчаніи къ одной изъ нихъ, что онъ «получилъ еще нѣсколько статей о томъ же предметѣ, но не можетъ ихъ напечатать»... Для Каратыгина это было тяжкое время испытанія: то обстоятельство, что о немъ кричали и спорили, несомнѣнно, громко говорило въ его пользу; но возбужденныя страсти—такъ могло казаться юному артисту—не предвѣщали добра: у него явилось много завистниковъ въ труппѣ и внѣ ея, злоба и зависть завелились и приняла угрожающіе размѣры. Безъ подобныхъ волненій и передрагъ едва ли можетъ начаться и пройти карьера даже сколько-нибудь замѣтнаго артиста, не только такого корифея сцены, но и во всякомъ случаѣ талантъ Каратыгина съ первыхъ шаговъ сравнивался уже съ талантомъ Яковлева, хотя и были споры о томъ, справедлива-ли такая высокая оцѣнка, или же она только плодъ преувеличеннаго увлеченія. Катенинъ же въ словахъ г. Я: «Сочинитель предвѣщаетъ намъ, что юный дебютантъ сравнится и съ Яковлевымъ. Какая лестная надежда!»—усматриваетъ даже иронию, скрывающую въ себѣ будто бы мысль о томъ, что сравнится съ Яковлевымъ еще небольшое диво. Последнее толкованіе представляетъ, конечно, большую полемическую натяжку; но важно уже то, что значеніе Каратыгина явно выдвигалось на самый видный планъ, и, «претерпѣвъ судебъ удары», что рѣшительно неизбѣжно для такого крупнаго, взятаго съ боя успѣха, Каратыгинъ на зло своимъ завистникамъ, былъ не только принятъ на сцену, но и дѣйствительно возсѣлъ «на престолѣ Мельпомены».

Послѣ этого эпизода сценическій успѣхъ Каратыгина сталъ быстро и постоянно возрастать. Тотчасъ по поступленіи на сцену Каратыгинъ, еще восемнадцатилѣтнимъ юношей, сталъ получать двухтысячное жалованье (по счету на ассигнаціи), казенную квартиру съ отопленіемъ и одинъ бенефисъ въ три года. Ободренный такимъ успѣхомъ, онъ имѣлъ благородство не успокоиться на такъ быстро доставшихся лаврахъ, но сталъ при-

лагать весь свой талантъ и энергію для украшенія своего дальнѣйшаго сценическаго поприща. Молодой артистъ постоянно росъ и совершенствовался на глазахъ публики, всего охотнѣе появляясь въ классическихъ роляхъ, которыя предпочиталъ уже потому, что къ его величественной фигурѣ чрезвычайно шли античные костюмы. Пріятно было сознавать ему и постоянное возростаніе успѣха и несомнѣнныя собственныя заслуги, дававшія ему полное право гордиться собой. Съ какимъ чувствомъ самодовольства онъ приглашалъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ начала артистическаго служенія, своего учителя Катенина, чтобы онъ посмотрѣлъ на его игру: «Жаль, очень жаль, что васъ нѣтъ здѣсь,—писалъ онъ:—вы бы полюбовались на дѣло рукъ вашихъ» ¹⁾. Князь Шаховской, сердившійся на молодого артиста по причинѣ, указанной выше, принадлежалъ къ числу очень немногихъ лицъ, долго не соглашавшихся признать въ Каратыгинѣ первостепеннаго генія; онъ упорно продолжалъ предпочитать собственнаго ученика Брянскаго, но и это стало скоро совершенно немыслимымъ, когда самъ Брянскій понялъ невозможность такого соперничества. Всѣ другіе превозносили Каратыгина до небесъ и, разъ сказавъ себѣ, что ихъ любимый артистъ чудо совершенства, были твердо убѣждены въ томъ, что Каратыгинъ величайшій геній не только петербургской, но и европейской сцены.

Громкая репутація Каратыгина стала нѣсколько, едва замѣтно, колебаться только уже подлѣ славы незабвеннаго Мочалова. Съ Каратыгинымъ повторилось отчасти то же, что было прежде съ Брянскимъ. Яркая звѣзда артиста, казавшагося нѣкогда образцомъ естественности и простоты передъ Брянскимъ и другими трагиками старой школы, въ сравненіи съ такимъ солнцемъ сценической правды, какъ Мочаловъ, неизбѣжно должна была затуманиться и померкнуть. Въ одной изъ своихъ статей о Каратыгинѣ Бѣлинскій отмѣчаетъ довольно замѣтную разницу между пріемомъ этого артиста московской публикой въ первый и второй пріѣздъ его на гастроли въ древнюю столицу. «Всѣмъ памятно,—говоритъ Бѣлинскій,—шумъ и движеніе, произведенныя прежнимъ пріѣздомъ въ Москву г-на и г-жи Каратыгиныхъ... Такое-ли точно дѣйствіе произвелъ теперешній ихъ пріѣздъ?» ²⁾ и отвѣчаетъ на поставленный вопросъ отрицательно, ссылаясь при этомъ не только на менѣ единодушныя рукоплесканія, но и на то, что они прерывались и заглушались «ропотомъ неудовольствія». Бѣлинскій объясняетъ невыгодную для артиста перемѣну въ отношеніяхъ къ нему московской публики тѣмъ, что къ нимъ уже присмотрѣлись, его разглядѣли и прелесть новизны потеряла свою магическую силу ³⁾. Но на это можно было бы возразить указаніемъ на безусловную вѣрность Кара-

¹⁾ „Русская Старина“. т. XXIX, стр. 286.

²⁾ Соч. Бѣлинскаго. т. I, стр. 506.

³⁾ Стр. 506—507.

тыгину со стороны гораздо чаще видѣвшей его петербургской публики. Все дальнѣйшее содержаніе той же статьи Бѣлинскаго является лучшимъ доказательствомъ, что настоящей причиной охлажденія Москвы къ ея даровитому гостю было невыгодное для него сравненіе съ другимъ артистомъ—геніальнымъ Мочаловымъ. Какъ часто случается при одновременномъ появленіи на сценическомъ горизонтѣ двухъ яркихъ звѣздъ первой величины, въ публикѣ горячо обсуждались преимущества и недостатки обоихъ великановъ сцены. Бѣлинскій явился въ сущности краснорѣчивымъ выразителемъ мнѣній нѣкоторой и, можетъ быть, значительной части тогдашней московской публики. Онъ сталъ рѣшительно на сторону Мочалова, извиняя послѣднему его извѣстную небрежность и неровность въ исполненіи ролей его репертуара за вдохновенные порывы, которые заставляли въ немногія мгновенія иногда переживать больше, чѣмъ въ цѣлые мѣсяцы и даже годы обыкновенныхъ театральныхъ представленій и до которыхъ при всей упорной и добросовѣстной работѣ надъ собою никогда не могъ возвыситься по свойству своего таланта Каратыгинъ. Дѣло въ томъ, что въ игрѣ Мочалова нерѣдко, хотя далеко не всегда, прорывались геніальныя вспышки, ярко сверкала искра Божія, и онъ умѣлъ потрясать души зрителей, тогда какъ Каратыгинъ былъ только эффектенъ. Бѣлинскій такъ говоритъ о немъ: «въ его игрѣ нѣтъ ни одного слова, ни одного монолога, отъ котораго бы забилося сердце, поднялись дыбомъ волосы, вырвался тяжкій вздохъ, навернулась бы на глазахъ восторженная слеза, отъ котораго бы затрепеталъ судорожно зритель, бросило бы его въ ознобъ и жаръ» ¹⁾. Каратыгинъ, правда, многихъ приводилъ въ восторгъ; его умная и талантливая игра сверкала несомнѣнными достоинствами великаго виртуоза; этими качествами онъ позднѣе плѣнилъ того же Бѣлинскаго, когда критикъ нашелъ въ себѣ силы отнестись спокойнѣе къ артисту; но напрасно было бы негодовать на Каратыгина за отсутствіе въ немъ именно тѣхъ даровъ, въ которыхъ ему отказала вообще все же щедро наградившая его природа и нельзя же было ожидать отъ него неестественнаго и невозможнаго коренного перерожденія. Понятно, что передъ геніальнымъ Мочаловымъ, какъ мы сказали, меркли лучи даровитаго Каратыгина, но едва-ли справедливо потомству повторять строгую оцѣнку современниковъ, готовыхъ въ увлеченіи Мочаловымъ излишне сурово судить его соперника. Бѣлинскому, на примѣръ, беззастѣнчиво бросались въ глаза «театральныя штучки» Каратыгина при одной мысли о томъ, какъ тѣ же самые монологи могъ бы произнести Мочаловъ. «Въ устахъ Мочалова,—говоритъ Бѣлинскій,—лава всеувлекающая и всепожирающая, и эта черная туча, внезапно разражающаяся громомъ и молніей» ²⁾, Ка-

¹⁾ Стр. 506.

²⁾ Соч. Бѣлинскаго, т. XI, стр. 507.

ратыгинъ же «показывалъ чудеса искусства, если подъ искусствомъ должно разумѣть не творчество, а умѣніе, пріобрѣтенное навыкомъ и ученіемъ». Переселившись въ Петербургъ и освободясь отъ подавляющаго вліянія насильно напрашивавшейся на сравненіе игры Мочалова, Бѣлинскій сталъ уже гораздо безпристрастнѣе судить о Каратыгинѣ и, оставаясь при прежнемъ, безусловно вѣрномъ взглядѣ на особенности его дарованія, относился къ нему справедливѣе и снисходительнѣе. Такъ, обсуждая исполненіе Каратыгинымъ роли Велизарія въ пьесѣ того же названія, Бѣлинскій говорилъ: «Я врагъ эффектовъ, мнѣ трудно подпасть подъ обаяніе эффекта; какъ бы ни былъ онъ изященъ, благороденъ и уменъ, онъ всегда встрѣтитъ въ душѣ моей сильный отпоръ; но когда я увидѣлъ Каратыгина-Велизарія, въ триумфѣ везомаго народомъ по сценѣ въ торжественной колесницѣ, когда я увидѣлъ этого лавровѣнчаннаго старца—героя, съ его сѣдою бородою, въ царственно-скромномъ величіи,—*священный восторгъ мощно охватилъ все существо мое и трепетно потрясъ его*. Театръ задрожалъ отъ взрыва рукоплесканій... А между тѣмъ, артистъ не сказалъ ни одного слова, не сдѣлалъ ни одного движенія—онъ только сидѣлъ и молчалъ... Снимаетъ-ли Каратыгинъ вѣнокъ съ головы своей и полагаетъ его къ ногамъ императора или подставляетъ свою голову, чтобы тотъ снова наложилъ на нее вѣнокъ, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ жестѣ, виденъ герой, Велизарій. Словомъ, въ продолженіи цѣлой роли — *благородная простота, геройское величіе* видны были въ каждомъ словѣ, въ каждомъ звукѣ Каратыгина; передъ вами безпрестанно являлось несчастіе въ величіи». Но если такъ, то достаточно сказаннаго, чтобы на основаніи столь авторитетнаго свидѣтельства признать безповоротно Каратыгина великимъ артистомъ и, думается намъ, Бѣлинскій, всегда справедливый въ томъ смыслѣ, что онъ говорилъ по убѣжденію и судилъ на основаніи замѣчательно тонкаго эстетическаго чувства, по свойственной ему способности увлекаться, однако, нѣсколько преувеличивалъ дѣло, когда, подъ вліяніемъ сравненія съ Мочаловымъ, отзывался прежде о Каратыгинѣ въ роли Карла Мора, что въ *одномъ* мѣстѣ г-нъ Каратыгинъ былъ недуренъ, и то не потому, чтобы онъ, придавъ этимъ словамъ особенное чувство, но потому, что произнесъ ихъ просто, безъ натяжки, безъ фарсовъ» ²⁾).

И такъ Бѣлинскій ставилъ въ вину Каратыгину его фарсы и «театральныя штучки»; но онъ уже въ самыхъ первыхъ своихъ замѣткахъ о Каратыгинѣ указывалъ и на «благородную простоту его игры». Несомнѣнно, что Каратыгинъ, любившій играть классическихъ героевъ и отчасти воспитывавшійся не только на классицизмѣ, но и на псевдоклассицизмѣ, при-

²⁾ Т. I, стр. 507.

³⁾ Т. III, стр. 172.

выкшіи возлагать, и не безъ основанія, великія надежды на свою выгодную наружность, часто не могъ обходиться безъ эффектовъ, и иногда, можетъ быть, и сознательно и по вѣрному расчету прибѣгалъ къ ухищреніямъ, замаскировавшимъ недостатокъ въ его игрѣ огня и энтузіазма. Можно скорѣе думать, судя по всѣмъ даннымъ, что Каратыгинъ всетаки отнюдь не позволялъ себѣ унижать свой талантъ приспособленіями къ вкусу толпы и не измѣнялъ искусству ради дешевыхъ рукоплесканій, а допускалъ «театральныя штучки», уже по инымъ, болѣе извинительнымъ побужденіямъ, смотря на нихъ лишь, какъ на временное средство замаскировать пробѣлы тамъ, гдѣ природныхъ силъ его не доставало, а доработаться до восполненія этихъ пробѣловъ искусствомъ онъ еще не успѣлъ. Но чѣмъ больше шло времени, тѣмъ больше онъ побѣждалъ трудности и освобождался отъ фальшивыхъ пріемовъ.

V.

У Каратыгина никогда не было недостатка въ поклонникахъ, вся петербургская публика въ общемъ оставалась неизмѣнно на его сторонѣ; тогдашній театальный журналъ «Репертуаръ и Пантеонъ» долго упорно твердилъ, что онъ стоитъ на неизмѣримой высотѣ и рѣшительно въ всякихъ сравненій и что особенно нелепыо сравненіе между нимъ и Мочаловымъ ¹⁾, что, наконецъ, онъ не только первый русскій, но и первый европейскій актеръ. Но Каратыгинъ лучше другихъ понималъ, чего ему не доставало, и чутко прислушивался ко всякому серьезному указанію, не утомимо заботясь объ усовершенствованіи. Бѣлинскій вполнѣ оцѣнилъ въ почтенномъ артистѣ указанную черту его характера и признавалъ въ его игрѣ постоянный и очевидный прогрессъ. «Вообще, кто видѣлъ Каратыгина лѣтъ семь назадъ, въ 1832 г. и видитъ его теперь, говорилъ Бѣлинскій, — тотъ въ одномъ артистѣ знаетъ какъ будто двухъ артистовъ,—это значитъ любить искусство и идти впередъ» ²⁾. Слова эти получаютъ еще больше значенія, если обратить вниманіе на слѣдующую похвалу Бѣлинскаго Каратыгину, что «невозможно довольно налюбоваться простотой, благородствомъ и искусствомъ выполненія его ролей, равно какъ ловкостью и поэтической красотой исполнителя». И такъ, при сравненіи игры Каратыгина въ разные періоды его сценической дѣятельности результатъ получался самый благоприятный для него и лишь при сравненіи съ такимъ гениальнымъ самородкомъ, какъ Мочаловъ, Каратыгинъ, конечно терялъ слишкомъ много и притомъ безъ всякой надежды вознаграждать потерю. Слѣдуя по возможности за требованіями искусства, Ка-

¹⁾ „Репертуаръ и Пантеонъ“, 1841, I, 9.

²⁾ Сочиненія Бѣлинскаго, т. XII, стр. 27.

ратыгинъ не могъ остановиться на ходульныхъ эффектахъ и все болѣе приближался къ реализму, но съ другой стороны никогда также не могъ побѣдить совершенно ни природныхъ недостатковъ своего таланта, ни прочно прибрѣтенныхъ привычекъ.

Панегиристъ Каратыгина, авторъ названной статьи о немъ въ «Портретной Галлерей», раздѣляетъ его артистическое поприще на три періода, стараясь показать послѣдовательное совершенствованіе его дарованія и утверждая, что эти три періода и были «три перехода отъ хорошаго къ лучшему, три ступеньки, по которымъ онъ дошелъ до нынѣшняго совершенства, до настоящей славы» ¹⁾. Первый періодъ авторъ статьи признаетъ не совсѣмъ благопріятнымъ для Каратыгина, такъ какъ онъ былъ опутанъ узами классицизма и не могъ вполнѣ развернуться. Главное достоинство игры Каратыгина въ эту эпоху заключалось въ блестящемъ, мастерскомъ чтеніи стиховъ. Критика замѣчала злоупотребленія внѣшнимъ эффектомъ, но «виноватъ былъ не Каратыгинъ, а репертуаръ его. Какъ не декламировать роли Эзраса или Ореста? Какъ не пробуждать громкимъ крикомъ зрителя, поневолѣ засыпающаго отъ длинныхъ разсказовъ при недостаткѣ дѣйствія. Критики сваливали на Каратыгина вину Озерова, переводчиковъ Расина и Вольтера». Это заступничество было отчасти справедливо, такъ какъ Каратыгинъ въ эту печальную пору заявилъ себя прекрасной игрой въ пьесѣ Шиллера «Коварство и любовь», которая благодаря ему давалась тринадцать лѣтъ сряду. Съ конца двадцатыхъ годовъ, по выраженію автора статьи «Портретная Галлерей», начинается вторженіе романтизма, а съ нимъ второй періодъ артистической жизни Каратыгина. Въ этотъ періодъ Каратыгинъ прославился игрой Карла Мора въ «Разбойникахъ» Шиллера, гдѣ онъ давалъ, по словамъ «Портретной Галлерей», не одинъ искусный портретъ, «а самаго человѣка», но выше мы приводили уже отзывъ объ этомъ Бѣлинскаго, въ значительной мѣрѣ подрывающій вѣру въ только что приведенныя слова; за то мы не можемъ не признать знаменательнымъ и сообщеннаго нѣсколькими строками выше слова свидѣтеля и очевидца о томъ, что «восторгъ зрителей доходилъ до изступленія; рукоплесканіямъ не было конца». Мнѣнія судей и цѣнителей о талантѣ Каратыгина снова раздѣлились; одни признавали въ его игрѣ много чувства, души, тогда какъ отъ другихъ, съ болѣе пронищательнымъ взглядомъ не ускользала погоня за эффектами и поддѣлка подъ чувство. Напрасно панегиристы, негодуя на классиковъ за неумѣнье оцѣнить игру Каратыгина и ихъ сѣтованія на то, что онъ производилъ слишкомъ сильное впечатлѣніе, старались ставить на видъ именно такого рода неудовольствіе и прибавляли, что, «почувствовать себя на просторѣ, настоящимъ человѣкомъ, а не условнымъ дѣйствующимъ лицомъ, Кара-

¹⁾ «Репертуаръ и Пантеонъ». Портретная галлерей, 1846, т. I, стр. 2.

тыгинъ бросилъ всѣ принадлежности классической трагедіи, изъ порфиры облекся въ рубище, заговорилъ языкомъ страсти, и на всѣ обвиненія критиковъ, что у него мало души, мало чувства, отвѣчалъ тѣмъ, что заставлялъ ихъ плакать». Что Каратыгинъ почувствовалъ себя на просторѣ, это такъ и должно было быть, такъ какъ никакому сколько-нибудь талантливому человѣку невозможно-бы не вздохнуть полною грудью, освободившись отъ оковъ ложно-классицизма, но это еще нисколько не спасаетъ Каратыгина отъ упрековъ болѣе проницательныхъ судей, которые не могли удовлетворяться только *сравнительными* преимуществами передъ другими современными трагиками и въ душѣ которыхъ уже сложились идеалъ *вполнѣ* реальнаго и глубоко прочувствованнаго сценическаго исполненія. Но, говорятъ намъ, Каратыгинъ превосходно игралъ въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ: въ «Донъ Карлосъ», въ «Свадьбѣ Фигаро», въ «Ермакъ», въ «Генрихъ III», въ «Іоаннъ Герцогъ Курляндскомъ», наконецъ въ Чацкомъ. Вотъ, въ этомъ безспорная заслуга и честь Каратыгина, хотъ съ другой стороны похвалы Каратыгину со стороны современниковъ не всегда были въ сущности въ его пользу: такъ тотъ-же панегиристъ, восхваляя игру Каратыгина въ извѣстоой пьесѣ Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла» говорить, что въ роли «Пожарскаго» слѣдовало употребить наружныя средства, эффекты мимики и тѣлодвиженій. Артистъ придумалъ все, что могъ, каждая его поза просилась въ картину». Здѣсь панегиристъ невольно проговорился: уже самый успѣхъ Каратыгина въ безжизненныхъ пьесахъ говорилъ скорѣе за технику, особенно-же такія похвалы, какъ напр., что въ «Скопинѣ Шуйскомъ» онъ оказалъ театру еще важнѣйшую услугу: оживилъ Ляпунова и всю трагедію. Вотъ этого-то замѣчательнаго искусства спасать отъ паденія безцвѣтныя и ходульныя пьесы въ Каратыгинѣ не отрицалъ никто и никогда, но вѣдь главная заслуга и здѣсь была, правда, въ умной и тонкой, но далеко не вдохновенной игрѣ: все было въ искусныхъ эффектахъ, въ томъ, что «каждая поза артиста просилась въ картину». Во второй періодъ своей артистической дѣятельности Каратыгинъ срывалъ лавры преимущественно во французскихъ мелодрамахъ; такъ напр., онъ исполнялъ роль игрока Дюканжа; но въ то-же время онъ выступалъ съ успѣхомъ и въ гениальныхъ пьесахъ Шиллера, Бомарше, Грибоѣдова. Особенно-же онъ стяжалъ себѣ славу въ роляхъ Карла Моора въ «Разбойникахъ» и Фердинанда въ «Коварство и любовь»; послѣдняя пьеса, главнымъ образомъ, благодаря искусству Каратыгина, удержалась въ репертуарѣ Александринскаго театра въ теченіи тринадцати лѣтъ. Разнообразіе таланта артиста ярко бросалось въ глаза, когда зрителямъ тотчасъ послѣ раздражающихъ сценъ проклятія въ «Жизни игрока» случалось видѣть его кроткимъ, полнымъ вѣры въ идеалъ и въ высшее назначеніе человѣка Донъ-Карлосомъ, а потомъ въ «Женитьбѣ Фигаро», гдѣ Каратыгинъ превосходно игралъ роль

величественнаго гранда Альмавиву, неподражаемо передавая всё тонкіе оттѣнки обращенія гордаго испанскаго вельможи съ окружающими, начиная отъ своей жены и кончая Фигаро и его невѣстой. Здѣсь онъ являлся истиннымъ виртуозомъ, а внѣшнія его формы были выражены такъ благородно и величественно, что подумаешь, — артистъ выросъ на бархатѣ и кружевахъ, и вѣчно спалъ на батистѣ. Въ роли Чацкаго Каратыгинъ недостаточно передавалъ его язвительную иронию, за что многіе были имъ недовольны; изображаемый имъ Чацкій выходилъ умнымъ, хорошо воспитаннымъ и свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ, выведеннымъ изъ терѣбнаго несчастной любовью. Хорошо также игралъ онъ Ермака и Людовика XI въ пьесѣ «Заколдованный домъ». Но вотъ Каратыгинъ все чаще начинаетъ играть роли Шекспира: Гамлета, Отелло, Коріолана и Ромео. Въ этихъ то роляхъ у него начали замѣтнѣе выступать художественныя недочеты: изъ нихъ болѣе всего подходила къ характеру его таланта и дѣйствительно удачно исполнялась собственно только роль Коріолана, гдѣ ему снова пригодились и величественная фигура и повелительный голосъ. По словамъ одного хроникера, Коріоланъ представилъ ему поприще, на которомъ просторно и раздольно могли разыгратъ силы его. И дѣйствительно, мы видѣли въ Каратыгинѣ Коріолана, древняго римлянина, во всемъ его суровомъ величіи ¹⁾. Въ трогательной сценѣ преклоненія передъ нимъ съ мольбами матери и друзей, Каратыгинъ едва говорилъ отъ напряженнаго волненія и производилъ потрясающее впечатлѣніе. Затѣмъ онъ игралъ Лира и былъ хорошъ въ роли Ромео въ сценѣ, гдѣ послѣдній узнаетъ о смерти пожертвовавшаго за него жизнью друга ²⁾. Но въ роли Отелло, гдѣ онъ оказался будто-бы излишне пылкимъ (?), онъ не удовлетворилъ публику и пьеса пала послѣ перваго-же представленія. Тогда-то Каратыгинъ пріѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ Сосницкимъ и вступилъ въ невольное состязаніе съ Мочаловымъ, и если побѣда осталась на сторонѣ послѣдняго, то въ пользу Каратыгина громко говоритъ уже то, что въ антрактахъ безпрестанно слышались вопросы: «кто лучше?» и хотя на нихъ всего чаще отвѣчали словами: «какъ можно!.. да какое сравненіе!..» — тѣмъ не менѣе отъ той-же публики, которая столько разъ испытывала восторгъ отъ чудной игры Мочалова, въ наиболѣе удачныхъ мѣстахъ слышались единодушныя рукоплесканія и Каратыгину. Такъ онъ искусно произносилъ знаменитый монологъ: «быть или не быть?» и былъ превосходенъ въ трагическихъ разговорахъ съ Полоніемъ. Но такъ или иначе роль мало подходила къ природнымъ средствамъ артиста, такъ что зрители уже заранѣе интересовались знать, какъ онъ обойдется безъ рѣзкихъ движеній и громкихъ звуковъ, обычныхъ атрибутовъ его

¹⁾ «Репертуаръ и Пантеонъ», 1842, I, 41.

²⁾ Тамъ-же, 1841, т. 2. Современная хроника русскаго театра, стр. 26.

игры. Оказалось, что Каратыгинъ блистательно справился съ своей задачей и «не только не старался производить эффектовъ прекрасными дарами своей природы—голосомъ, станомъ, величественной поступью, но даже, какъ видно, удерживалъ иногда невольные порывы, потому что этого требовала роль Гамлета» ³⁾. Переходы отъ веселости къ тоскѣ, разнообразныя проявленія настроеній Гамлета и его исполненный злобнаго торжества хохотъ при видѣ смущенія короля, послѣ представленія актерами вводной драмы, не могла остаться безъ должной оцѣнки, и Каратыгинъ былъ удостоенъ въ Москвѣ горячимъ сочувствіемъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части публики ¹⁾. Но сдѣлаться истиннымъ художникомъ-реалистомъ для него было уже, какъ мы говоримъ, невозможно; превосходно играя героическія роли, онъ всегда былъ, по отзыву г. Вольфа въ «Хроникѣ Петербургскихъ Театровъ», «довольно посредственнымъ фразникомъ». Скрыть совершенно изыяны своего таланта ему, разумѣется, не удавалось и рано или поздно они должны были выступить и обнаружиться: проницательный глазъ Бѣлинскаго только раньше другихъ замѣтилъ и понялъ, въ чемъ дѣло; но время шло и все настойчивѣе заявляло требованія на тѣ именно стороны сценическаго искусства, которыми менѣе всего былъ одаренъ Каратыгинъ, вслѣдствіе чего безусловное преклоненіе передъ нимъ стало невозможнымъ современемъ даже и для «Репертуара и Пантеона», перешедшаго одно время къ довольно суровому осужденію прежде столь превозносиваго артиста. Недостатки Каратыгина становились замѣтны все большому числу критиковъ. Въ 1837 г., по словамъ г. Вольфа, «Каратыгинъ далеко неудачно исполнялъ роль Гамлета, или не могъ сладить съ нею. Шекспировскій Гамлетъ страдаетъ недостаткомъ силы воли, плачетъ и философствуетъ, когда-бы нужно дѣйствовать, а Каратыгинскій вышелъ героемъ, который мечетъ громъ и молнію. Нѣкоторыя сцены, требующія энергіи и огня, прошли великолѣпно, особенно сцена съ матерью, когда онъ упрекаетъ ее въ убійствѣ отца. Въ цѣломъ-же исполненіе было неудовлетворительно, но большинство зрителей, не углубляясь въ изученіе геніальной драмы и характера принца датскаго, неистово хлопало каждой фразѣ, громогласно произнесенной Каратыгинымъ». За то, по свидѣтельству того-же лица, такія роли, гдѣ множество эффектныхъ разнообразныхъ сценъ даютъ много матеріала, но требуется не мало искусства и природныхъ средствъ, чтобы изъ этого матеріала создать что-нибудь цѣлое, не упустивъ въ то-же время изъ виду отдѣльныхъ частныхъ—въ такихъ роляхъ, какъ Людовика XI въ «Заколдованномъ домѣ» или Кина въ пьесѣ того-же названія, въ роляхъ, какъ будто нарочно для него созданныхъ,

¹⁾ «Сѣверная Пчела», 1838, № 100.

²⁾ Тамъ-же.

Каратыгинъ былъ великъ и не имѣлъ себѣ соперниковъ. Эти-то пьесы онъ и избиралъ въ концѣ своей сценической дѣятельности, когда враждебная ему интрига пыталась въ серединѣ сороковыхъ годовъ выдвинуть недаровитаго актера Славина въ качествѣ его соперника.

В. Шенрокъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Крестоносцы.

Историческій романъ Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго Нат. Арабажиной.

V.

Но Збышко, вѣдучи за нимъ, не могъ долго вытерпѣть и подумаль: «Лучше было-бы если-бы онъ разразился гнѣвомъ, чѣмъ выносить это молчаніе». А поэтому онъ подѣхалъ къ нему и, прикоснувшись своей ногой къ стремени Юранда, заговорилъ:

— Послушайте, я вамъ расскажу, какъ все это произошло: то, что Дануся сдѣлала для меня въ Краковѣ, вы знаете, но вы не знаете того, что въ Богданцѣ мнѣ сватали Ягенку, дочь Зыха изъ Згоржелицъ. Дядя мой, Мацько желаль этого; отецъ ея желаль этого, и ея родственникъ, богатый аббатъ тоже... да, что тутъ долго рассказывать? Дѣвушка умная, хорошая, а приданое тоже хорошее, но этого не могло быть. Мнѣ жаль было Ягенку, но еще жальче Данусю, и я отправился къ ней въ Мазовію, потому что откровенно говорю вамъ: я не могъ, дольше жить безъ нея. Вспомните, какъ вы сами любили,—вспомните—и вы не будете больше удивляться.

Тутъ Збышко остановился, ожидая хоть одного слова отъ Юранда, но тотъ молчалъ, и Збышко продолжалъ.

— Въ лѣсномъ замкѣ Господь позволилъ мнѣ спасти княгиню и Данусю отъ тура. И княгиня мнѣ сказала тогда: «Теперь Юрандъ не будетъ противиться, потому что какъ же иначе можетъ она заплатить за твой поступокъ?» но тогда я и не думаль брать ее безъ вашего родительскаго благословенія! Да и не до того мнѣ было, потому что дикій звѣрь такъ истрепалъ меня, что я едва Богу душу не отдалъ. Но потомъ, знаете, пріѣхали это люди за Данусей, чтобы отвести ее въ Спыхово, а я еще

не вставалъ съ постели. Я думалъ, что уже никогда больше не увижу ее; я думалъ, что вы возьмете ее въ Спыхово и отдадите ее за кого нибудь другого... Вѣдь въ Краковѣ вы не хотѣли ее отдавать за меня... Я думалъ, что умру... Эхъ, Боже мой, какая это была ночь! одно страданье, одна печаль! Я думалъ, что съ ея отъѣздомъ и солнце померкнетъ! Поймите, вы любовь и горе чловѣка.

И у него въ голосѣ задрожали слезы, но сердце у него было мужественное, онъ овладѣлъ собой и сказалъ:

— Люди пріѣхали за ней вечеромъ и сейчасъ же хотѣли увести ее, но княгиня приказала имъ подождать до утра. Ну, тотъ Спаситель выушилъ мнѣ мысль поклониться княгинѣ и попросить ее повѣнчать меня съ Данусей. Я думалъ, что если умру, такъ буду имѣть хоть это утѣшеніе. Вы подумайте, что дѣвушка должна была ѣхать, а я оставался больной и при смерти. Некогда было просить вашего разрѣшенія. Князя уже не было въ лѣсномъ дворцѣ, а княгиня колебалась, потому что ей не съ кѣмъ было посовѣтываться. Но наконецъ они оба съ ксендзомъ Вышпономъ сжалились надо мной—и ксендзъ Вышпонокъ повѣнчалъ насъ... Сила Господня, законъ Господень...

— И наказанье Господне... глухо прервалъ его Юрандъ.

— Отчего же наказанье именно за это? спросилъ Збышко.—Подумайте, вѣдь прислали за ней еще передъ вѣнчаньемъ; и все равно — свершилось бы оно или нѣтъ—ее увезли бы.

Но Юрандъ снова ничего не отвѣчалъ и продолжалъ ѣхать углубленный въ самого себя, мрачный, съ окаменѣвшимъ лицомъ, такъ что хотя Збышко, сразу почувствовалъ облегченіе, какое испытываешь обыкновенно послѣ признанія въ какомъ-нибудь тайномъ грѣхѣ, но тѣмъ не менѣе онъ испугался и все съ большимъ безпокойствомъ твердилъ себѣ, что рыцарь ожесточился на него и что съ этой минуты они будутъ чужіе другъ для друга и враги.

И онъ пришелъ въ отчаяніе. Никогда еще съ самаго отъѣзда изъ Богданца ему не было такъ тяжело. Теперь ему казалось, что не было никакой надежды на примиреніе съ Юрандомъ и, еще хуже, на спасеніе Дануси, что все погибло и что въ будущемъ его ожидаютъ все худшія несчастья и все большія бѣды. Но это отчаяніе продолжалось недолго и очень быстро превратилось въ гнѣвъ, въ жажду борьбы. „Не хочетъ примиренія,—проговорилъ онъ про себя,—пусть будетъ вражда, пусть будетъ что будетъ!“ И онъ готовъ былъ броситься на самого Юранда. Теперь его охватила жажда драки, съ кѣмъ угодно и за что угодно, лишь бы дѣлать что нибудь, лишь бы заглушить горячій гнѣвъ, лишь бы найти какое нибудь утѣшеніе. А тѣмъ временемъ они подѣхали къ перекрестку, гдѣ была корчма, называемая Свѣтликъ, гдѣ Юрандъ обыкновенно давалъ отдыхъ людямъ и лошадямъ, когда возвращался въ Спыхово отъ князя. Невольно

и въ этотъ разъ онъ сдѣлалъ тоже самое. Черезъ минуту они оба съ Збышко очутились въ отдѣльной комнатѣ. Вдругъ Юрандъ остановился передъ молодымъ рыцаремъ и пристально глядя на него, спросилъ:

— Такъ ты сюда ради нея прѣхалъ?

Збышко почти сурово отвѣтилъ:

— Можетъ быть вы думаете, что я отрекусь?

И онъ сталъ глядѣть прямо въ глаза Юранда, готовый гнѣвомъ отвѣтить на гнѣвъ. Но въ лицѣ стараго воина не видно было бѣшенства, а только одно безграничное горе.

— И ты спасъ моего ребенка? спросилъ онъ Збышко, — и меня откопалъ?.. Збышко взглянулъ на него съ изумленіемъ и страхомъ, не помрачались ли его мысли, потому что Юрандъ повторялъ одни и тѣ же вопросы.

— Садитесь! сказалъ Збышко, — потому что мнѣ кажется вы еще нездоровы; но Юрандъ поднялъ руку положилъ ее на плечо Збышко и вдругъ прижалъ его къ груди своей; а Збышко, очнувшись отъ изумленія, обнялъ его и такъ они долго стояли, такъ какъ соединило ихъ общее отчаяніе и общее горе. Потомъ Збышко обнялъ колѣни стараго рыцаря и сталъ цѣловать его руку со слезами.

— Вы не будете врагомъ моимъ? спрашивалъ онъ. На это Юрандъ отвѣчалъ:

— Я не соглашался отдать тебѣ ее потому, что въ душѣ я посвятилъ ее Богу.

— Вы посвятили ее Богу, а Богъ—мнѣ! Да будетъ воля Его!

— Да будетъ воля Его!—повторилъ Юрандъ: но теперь мы нуждаемся и въ милосердіи Его.

— Кому же Господь поможетъ, какъ не отцу, который ищетъ ребенка своего, кому же Онъ поможетъ какъ не мужу, который ищетъ жену?! Разбойникамъ онъ не станетъ помогать.

— А вѣдь похитили же они ее—отвѣчалъ Юрандъ.

— Отдайте имъ де-Бергова.

— Отдамъ все, что захотятъ;—но при воспоминаніи о крестоносцахъ въ немъ проснулась его старая ненависть и охватила какъ пламя и черезъ мгновеніе онъ сквозь стиснутые зубы проговорилъ:

— И прибавлю то, чего не захотятъ.

— Я тоже поклялся въ кое чемъ,—отвѣчалъ Збышко,—но теперь намъ надо ѣхать въ Спыхово.

И онъ сталъ спѣшать, чтобы скорѣе сѣдлали коней. Какъ только они сѣли кормъ, а люди отогрѣлись, всѣ двинулись дальше, хотя наступила уже темнота. Такъ какъ дорога была еще дальняя, и къ ночи морозъ усиливался, а Юрандъ и Збышко были еще не вполне здоровыми, то они ѣхали въ саняхъ. Збышко рассказывалъ о дядѣ, о которомъ

тосковалъ въ тайнѣ души, тѣмъ болѣе что сила и разумъ Мацько могли бы теперь быть полезными, и въ особенности хитрость, которая нужнѣе силы и мужества, съ такими врагами.

— А вы хитрый? спросилъ Збышко у Юранда;—мнѣ такъ никогда не удается схитрить.

— И мнѣ нѣтъ—отвѣчалъ Юрандъ.—Я воевалъ съ ними не хитростью, а руками и тѣмъ страданьемъ, которое во мнѣ было.

— Я это понимаю,—отвѣчалъ молодой рыцарь.—Понимаю, потому что люблю Данусю и ее похитили. Если бы, спаси Господи...

И онъ не закончилъ, потому что при одной мысли, онъ въ сердцѣ своемъ почувствовалъ не человѣческій, а волчій гнѣвъ. Нѣкоторое время они молча ѣхали по бѣлой залитой луннымъ свѣтомъ дорогѣ. Но вотъ заговорилъ Юрандъ, какъ бы самъ про себя:

— Если бы у нихъ была причина мстить мнѣ—я ничего не говорилъ бы! Но ей-ей, у нихъ ея не было... Я воевалъ съ ними въ полѣ когда ходилъ съ посольствомъ къ Витольду отъ нашего князя, но тутъ я былъ сосѣдъ, какъ сосѣдъ... Бартошъ Наленчъ захватилъ сорокъ рыцарей, которыя шли къ нему, сковалъ ихъ и заперъ въ подземельѣ, въ Козминѣ. Крестоносцы насыпали ему полъ воза денегъ за нихъ. А я, если мнѣ встрѣчался гость нѣмецъ, который ѣхалъ къ крестоносцамъ, такъ я его еще и принималъ, какъ рыцарь рыцаря, и одарялъ. Не разъ и крестоносцы пріѣзжали ко мнѣ черезъ болота, я не былъ ихъ врагомъ, а они сдѣлали мнѣ то, чего я и теперь не сдѣлалъ бы врагу своему...

И страшныя воспоминанія охватили его, голосъ замеръ на мгновеніе, но вотъ онъ снова почти съ рыданіемъ заговорилъ:

— Одна она была у меня, какъ одно сердце въ груди, а они обвязали ее веревкой, какъ собаку и она на веревкѣ у нихъ и умерла... А теперь ребенка... Боже мой, Боже!

И снова наступило молчаніе. Збышко обратилъ къ мѣсяцу свое молодое лицо, на которомъ написано было изумленіе, потомъ онъ взглянулъ на Юранда и спросилъ:

— Отецъ!.. Вѣдь имъ лучше было бы пріобрѣтать любовь, чѣмъ ненависть. Зачѣмъ же они дѣлаютъ столько зла всѣмъ народамъ и всѣмъ людямъ?

А Юрандъ какъ бы въ отчаяніи развелъ руками и отвѣчалъ глухимъ голосомъ:

— Не знаю...

Збышко нѣкоторое время раздумывалъ надъ собственнымъ вопросомъ, но вскорѣ его мысль снова обратилась къ Юранду:

— Люди говорятъ, что вы достойно отомстили имъ, сказалъ онъ. А тѣмъ временемъ Юрандъ заглушилъ въ себѣ страданье, пришелъ въ себя и заговорилъ.

— Я поклялся имъ... и Богу поклялся, что если онъ изволить мнѣ отомстить, я отдамъ ему ребенка, который остался мнѣ... Вотъ поэтому я и не соглашался. А теперь не знаю: была ли то Его воля, или гнѣвъ въ Его вашимъ поступкомъ возбудили.

— Нѣтъ—сказалъ Збышко,—вѣдь я ужъ сказалъ вамъ, что если бы и вѣнчанья не было такъ эти псы все равно схватили бы ее. Богъ принималъ ваше желаніе и подарилъ мнѣ Данусю, потому что, если бы на это не было Его воли, намъ ничего не удалось бы.

— Всякій грѣхъ противенъ воли Господа.

— Грѣхъ, а не таинство. Таинство дѣло Господне.

— И съ этимъ ничего не подѣлаешь.

— Слава Богу! Не нарекайте на это, потому что никто такъ не поможетъ вамъ противъ этихъ разбойниковъ, какъ я помогу. Вотъ увидите! За Данусю я, своимъ порядкомъ, отплачу имъ, но если живъ хоть одинъ изъ тѣхъ, которые схватили вашу покойную жену, отдайте его мнѣ и вы увидите!

Но Юрандъ покачалъ головой.

— Нѣтъ—отвѣчалъ онъ мрачно, изъ тѣхъ никого нѣтъ въ живыхъ.

Нѣкоторое время слышалось только фырканье лошадей и заглушенный стукъ копытъ, ударяющихъ по утоптанной дорогѣ.

— Разъ ночью,—продолжалъ Юрандъ—я услышалъ какой то голосъ, какъ будто выходящій изъ стѣны, онъ говорилъ мнѣ: «Довольно мщенія!» но я не послушался, потому что это не былъ голосъ покойной!

— А чей же это могъ быть голосъ?—спросилъ съ безпокойствомъ Збышко.

— Не знаю. Въ Спыховѣ часто кто то въ стѣнахъ говоритъ, иногда стонетъ, потому что много ихъ умерло на цѣпяхъ въ подземельѣ.

— А что говорилъ вамъ ксендзъ?

— Ксендзъ святилъ весь замокъ и тоже говорилъ, чтобы я оставилъ мщеніе, но этого я не могъ. Я сталъ имъ невыносимъ и позднѣе они сами хотѣли мстить мнѣ. Они устраивали засады и вызывали меня на поле... Мейнегеръ и де Берговъ первые вызвали меня.

— А брали вы когда нибудь выкупъ?

— Никогда. Изъ тѣхъ кого я захватилъ, первый живымъ выѣдетъ де Берговъ.

Бесѣда прекратилась; съ широкой дороги они свернули на узкую, которая тянулась долго, такъ какъ шла въ гору и иногда измѣнялась въ лощины, наполненные снѣжными сугробами, по которымъ трудно было ѣхать.

— Мы уже къ Спыхову ѣдемъ? спросилъ Збышко.

— Да—отвѣчалъ Юрандъ. Еще остается порядочный кусокъ лѣса, а потомъ начнутся болотами, среди которыхъ стоитъ замокъ... За боло-

тами луга и поля, такъ что къ замку можно подъѣхать только греблей. Нѣмцы не разъ хотѣли добраться до меня, да не могли; много ихъ костей лежить по лѣснымъ опушкамъ.

— И добраться-то трудно—сказалъ Збышко.—Если крестоносцы вышлютъ кого нибудь съ письмами, какъ же они доберутся?

— Не разъ уже высылали; у нихъ есть такіе, которые знаютъ дорогу.

— Дай Богъ, чтобы мы застали ихъ въ Спыховѣ! — сказалъ Збышко.

А тѣмъ временемъ желаніе это должно было исполниться раньше, чѣмъ думалъ молодой рыцарь, потому что, выѣхавъ изъ лѣсу на открытое мѣсто, на которомъ среди болотъ лежалъ Спыховъ, они увидѣли предъ собой двухъ верховыхъ и низкія сани, въ которыхъ сидѣли три темныя фигуры.

Ночь была очень свѣтлая, а поэтому все ясно выдѣлялось на бѣломъ фонѣ. У Юранда и Збышко сердце забилося сильнѣе при видѣ ихъ: потому что кто же ночью могъ ѣхать въ Спыхово, если не посланные крестоносцевъ.

Збышко приказалъ возницѣ ѣхать быстрѣе, и они вскорѣ такъ приблизились къ нимъ, что ихъ замѣтили и два верховыхъ, которые, очевидно, охраняли сани, повернулись къ нимъ и, снявъ луки съ плечъ, закричали:

— Wer da?

— Нѣмцы! прошепталъ Збышко, обращаясь къ Юранду и, возвысивъ голосъ, сказалъ:

— Мое дѣло спрашивать, твое отвѣчать. Кто вы?

— Путешественники.

— Какіе путешественники?

— Пилигримы.

— Откуда?

— Изъ Щитна.

— Они! прошепталъ Юрандъ.

А между тѣмъ сани поровнялись и одновременно впереди ихъ выдѣлилось шесть всадниковъ. То была спыховская стража, которая днемъ и ночью охраняла дорогу, ведущую къ замку; рядомъ съ лошадьми бѣжали страшныя, огромныя собаки, похожія на волковъ.

Стража, узнавъ Юранда, стала привѣтствовать его, но въ этихъ крикахъ слышалось изумленіе, что ихъ владѣлецъ возвращается такъ рано и неожиданно; онъ всецѣло былъ занятъ посланными, и поэтому снова обратился къ нимъ.

— Куда вы ѣдете? спросилъ онъ.

— Въ Спыховъ!

— Что вамъ тамъ надо?

— Это мы можемъ сказать только самому господину. У Юранда ужъ готово было вырваться: „я господинъ Спыховскій“, но онъ во время остановился, понимая, что бесѣда не можетъ вестись при другихъ. Въѣсто этого онъ спросилъ еще разъ, имѣютъ ли они съ собой какое нибудь письмо, и получивъ отвѣтъ, что имъ велѣно переговорить устно, приказалъ ѣхать какъ можно быстрее. Збышко такъ нетерпѣлось узнать о Данусѣ, что онъ не въ силахъ былъ обращать вниманіе на что бы то нибыло другое. Онъ только выходилъ изъ себя, когда стража дважды заступала имъ дорогу, выходилъ изъ себя, когда спускали мостъ у рва, за которымъ, на валахъ, торчалъ огромный частоколъ; хотя прежде его не разъ разбирало любопытство узнать, какой видъ имѣетъ этотъ замокъ, о которомъ ходило столько толковъ зловѣщихъ, и при имени котораго нѣмцы осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ,—но теперь онъ ничего не видѣлъ, кромѣ пословъ крестоносцевъ, отъ которыхъ онъ могъ услышать, гдѣ находится Дануса и когда можетъ быть возвращена ей свобода. Онъ не предвидѣлъ, что черезъ минуту его ждетъ тяжелое испытаніе.

Кромѣ верховыхъ, посланныхъ для защиты, и возницы, посольство изъ Щитны состояло изъ двухъ лицъ: одно изъ нихъ была та самая женщина, которая раньше привезла въ лѣсной замокъ цѣлебный бальзамъ, другое—былъ молодой странникъ. Женщину Збышко не узналъ, потому что онъ не видалъ ее въ лѣсномъ замкѣ; а странникъ сразу показался ему переодѣтымъ оруженосцемъ. Юрандъ тотчасъ же ввелъ обоихъ въ первую комнату и всталъ передъ ними огромный и дѣйствительно страшный, освѣщенный пламенемъ, который падалъ на него изъ пылающаго очага.

— Гдѣ ребенокъ?—спросилъ онъ.

Они оба испугались, очутившись съ глазу на глазъ съ страшнымъ челоуѣкомъ. Странникъ, хотя лицо его было нагое, трясся, какъ осиновый листъ, и у женщины дрожали ноги. Она окинула взглядомъ Юранда, потомъ Збышко, потомъ лоснящуюся лысую голову ксендза Калеба, и снова обратилась къ Юранду, какъ бы спрашивая, что дѣлаютъ здѣсь эти два.

— Господинъ, — сказала она, наконецъ, — не знаю, о чемъ вы спрашиваете, но насъ прислали къ вамъ по важному дѣлу. Тотъ, кто насъ послалъ, настоятельно приказывалъ намъ, чтобы разговоръ съ вами былъ безъ свидѣтелей.

— Отъ нихъ у меня нѣтъ тайнъ.

— Но у насъ есть, благородный господинъ,—отвѣчала женщина,—и если вы прикажете, чтобы они оставались, то мы будемъ просить васъ только объ одномъ, чтобы вы позволили намъ завтра утромъ уѣхать.

На лицѣ Юранда, не привыкшаго къ противорѣчію, появилось вы-

раженіе гнѣва. Его желтые усы злобѣще задергались, но онъ вспомнилъ о Давусѣ и сдержался. А Збышко, для котораго важнѣе всего было, чтобы бесѣда произошла какъ можно скорѣе и который былъ увѣренъ, что Юрандъ передастъ ему содержаніе ея, сказалъ:

— Если такъ, оставайтесь одни.

И онъ вышелъ вмѣстѣ съ ксендзомъ Калобомъ, но едва они очутились въ главной комнатѣ, увѣшанной оружіемъ и циатами, какъ Гловачъ приблизился къ нему:

— Господинъ, сказалъ онъ,—это та самая женщина.

— Какая женщина?

— Которая привозила бальзамъ. Я сразу узналъ ее, и Сандерусъ тоже узналъ ее. Она очевидно пріѣзжала, чтобы выслѣдить, и теперь она навѣрно знаетъ, гдѣ панна.

— И мы узнаемъ—сказалъ Збышко.—Можетъ быть, вы знаете и этого странника?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Сандерусъ. Но, господинъ, не покупайте у него отпущеній, потому что онъ не настоящій странникъ. Если бы его попытать, много чего можно было бы отъ него узнать.

— Надо ждать!—сказалъ Збышко.

А тѣмъ временемъ въ первой комнатѣ, едва успѣли закрыться двери за Збышко и ксендзомъ Калобомъ, какъ монахиня пододвинулась къ Юранду и прошептала.

— Вашу дочку похитили разбойники.

— Съ крестами на плащахъ?

— Нѣтъ. Но Богъ помогъ благочестивымъ братьямъ отбить ее и теперь она находится у нихъ.

— Гдѣ же она?

— Подъ защитой благочестиваго брата Шомберга, — отвѣчала она, складывая руки на груди и покорно склоняясь.

А Юрандъ, услыхавъ страшное имя палаца дѣтей Витольда, поблѣднѣлъ, какъ полотно; черезъ минуту онъ сѣлъ на скамью, закрылъ глаза и началъ рукой вытирать холодный потъ, который крупными каплями кагился по его лбу.

Увидя это, путникъ, хотя раньше и не умѣлъ скрыть свой страхъ, теперь уперся руками въ бока, развалился на скамьѣ, протянулъ ноги и сталъ глядѣть на Юранда глазами, полными гордости и презрѣнія.

Наступило долгое молчанье.

— Братъ Марквартъ поможетъ брату Шомбергу въ уходѣ за ней—продолжала женщина.—Это хорошій уходъ и паннѣ не будетъ худо.

— Что мнѣ надо сдѣлать, чтобы они отдали мнѣ ее?—спросилъ Юрандъ.

— Покориться Ордену!—задумчиво проговорилъ странникъ.

Услыхавъ это, Юрандъ всталъ, подошелъ къ нему и, склонившись надъ нимъ, сказалъ сдавленнымъ страшнымъ голосомъ:

— Молчать!..

Странникъ снова перепугался. Онъ зналъ, что онъ можетъ грозить Юранду и говорить ему такія вещи, которыя смирять и сломать Юранда, но онъ все-таки испугался, потому что раньше, чѣмъ онъ успѣетъ сказать чтобы то нибыло, съ нимъ могло случиться что-нибудь ужасное; а потому онъ смолкъ и уставилъ огромные, какъ-бы окаменѣвшіе, глаза свои въ грозное лицо Спыховскаго владыки, и такъ сидѣлъ безъ движенія, — только борода его тряслась.

А Юрандъ обратился къ монахинѣ:

— Письмо есть?

— Нѣтъ, господинъ, письма не имѣемъ. Все, что надо было сказать вамъ, велѣно намъ передать устно.

— Ну, такъ говорите!

А она еще разъ повторила, какъ-бы желая, чтобы Юрандъ хорошо сохранилъ это въ своей памяти:

— Братъ Шомбергъ и братъ Марквартъ ухаживаютъ за панной, поэтому вы, господинъ, сдержите вашъ гнѣвъ... Но ей не сдѣлаютъ никакого зла, потому что, хоть вы и вредили Ордену въ продолженіи долгихъ лѣтъ, но братья хотятъ вамъ отплатить добромъ за зло, если вы удовлетворите ихъ справедливыя требованія?

— Чего они хотятъ?

— Они хотятъ, чтобы вы освободили рыцаря де-Бергова.

Юрандъ глубоко вздохнулъ.

— Я отдамъ имъ де-Бергова, — сказалъ онъ.

— И другихъ плѣнныхъ, которые находятся у васъ въ Спыховѣ.

— У меня есть два оруженосца Мейнегра и де-Бергова, крожъ ихъ слугъ.

— Вы должны освободить ихъ, господинъ, и наградить за заключеніе.

— Не дай Богъ, чтобы я сталъ торговаться за своего ребенка.

— Этого ожидали отъ васъ благочестивые братья, — сказала женщина, — но это еще не все, что мнѣ приказано передать. Вашу дочь, господинъ, похитили разбойники навѣрное для того, чтобы получить отъ васъ большой выкупъ... Богъ позволилъ братьямъ отбить ее — и теперь они ничего больше не желаютъ, какъ только, чтобы вы отдали имъ ихъ друга и гостя, но братья знаютъ, да и вы сами знаете, какъ ненавидятъ ихъ въ этой странѣ, какъ всѣ несправедливо осуждаютъ ихъ самыя благочестивыя дѣла. Поэтому, братья убѣждены, что если-бы люди узнали, что дочь ваша находится у нихъ, ихъ сейчасъ-же обвинили бы въ томъ, что это они похитили ее, и такимъ образомъ братья за свою добро-

дѣтели были-бы только осуждаемы... О, да! злые люди уже не разъ отплачивали имъ такимъ образомъ, отчего слава благочестиваго Ордена очень страдала,—а братья должны заботиться о ней—и поэтому они ставятъ еще одно условіе, чтобы вы и князю этой страны и всему рыцарству объявили правду, что не братья-крестоносцы, а разбойники похитили вашу дочь, и что вы должны выкупать ее у разбойниковъ.

— Да! это правда—сказаль Юрандъ,—что разбойники похитили ее, и что у разбойниковъ я долженъ выкупать ее...

— Вы никому не должны говорить ничего другого, потому что, если-бы хотя одинъ человекъ узналъ, что у васъ есть уговоръ съ братьями, если-бы узнала это хоть одна живая душа, или если-бы хоть одна жалоба дошла до магистра, это породило-бы большія затрудненія...

На лицѣ Юранда выразилось безпокойство. Первую минуту ему показалось довольно естественнымъ, что комтуры требуютъ тайны изъ страха передъ отвѣтственностью и худой молвой, но теперь у него мелькнуло подозрѣніе, что, можетъ быть, есть и какая-нибудь другая причина, но онъ не умѣлъ сейчасъ объяснить ее себѣ, и поэтому его охватилъ тотъ страхъ, который охватываетъ и самыхъ храбрыхъ людей, когда опасность угрожаетъ не имъ самимъ, а ихъ близкимъ и дорогимъ существамъ.

Онъ порѣшилъ однако разузнать еще кое-что отъ сестры.

— Комтуры требуютъ тайны,—сказаль онъ—но какъ-же можетъ сохраниваться тайна, если я выпущу де-Берговъ и другихъ, ради своего ребенка.

— Скажете, что вы взяли выкупъ за рыцаря де-Бергова, чтобы было чѣмъ заплатить разбойникамъ.

— Люди не повѣрятъ, такъ какъ я никогда не бралъ выкупа—мрачно отвѣчалъ Юрандъ.

— Потому что никогда рѣчь не шла о вашемъ ребенкѣ,—прошипѣла женщина.

И снова наступило молчаніе; наконецъ, странникъ, который за это время успѣлъ собраться съ духомъ и рѣшилъ, что теперь Юрандъ долженъ уже больше сдерживаться, сказалъ:

— Такова воля братьевъ Шомберга и Маркварта.

Женщина продолжала:

— Вотъ вы и скажите, что этотъ странникъ, который пріѣхаль со мной, привезъ вамъ выкупъ, и мы уѣдемъ отсюда съ благороднымъ рыцаремъ де-Берговымъ и другими плѣнниками.

— Какъ?—сказаль Юрандъ, нахмуривъ брови:—неужели вы думаете, что я отдамъ вамъ плѣнныхъ раньше, чѣмъ вы возвратите мнѣ ребенка моего?

— Сдѣлайте иначе, господинъ. Вы можете сами ѣхать въ Щитно, куда братья привезутъ вамъ ее.

— Я? въ Щитно?

— Потому что, если-бы по пути ее снова похитили разбойники, снова хула и осужденіе пали-бы на благочестивыхъ братьевъ, и поэтому они хотятъ передать вамъ ее въ собственные руки.

— А кто-же поручится мнѣ, что я возвращусь, если самъ влѣзу волку въ пасть?

— Добродѣтель братьевъ, ихъ справедливость и благочестіе.

Юрандъ запагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ уже предчувствовалъ измѣну и боялся ея, но одновременно онъ сознавалъ, что крестоносцы имѣютъ полную возможность поставить ему тѣ условія, какія они пожелаютъ,—и что онъ безсиленъ противъ нихъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, очевидно, что-то придумалъ, потому что онъ вдругъ остановился передъ странникомъ и сталъ пристально вглядываться въ него, потомъ, обратившись къ женщинѣ, сказалъ:

— Хорошо. Я поѣду въ Щитно. Вы и этотъ человѣкъ, который носить одежду странника, останетесь здѣсь до моего возвращенія, послѣ котораго вы уѣдете вмѣстѣ съ де-Берговымъ и другими плѣнными.

— Вы, господинъ, не хотите довѣриться Ордену,—сказалъ странникъ,— какъ же онъ можетъ повѣрить вамъ, что, возвратившись, вы выпустите насъ и де-Бергова?

Лицо Юранда поблѣднѣло отъ гнѣва и наступила страшная минута; казалось, что вотъ-вотъ Юрандъ схватитъ странника за горло и сдавить его грудь колюномъ, но онъ подавилъ свой гнѣвъ, глубоко вздохнулъ и заговорилъ медленно и выразительно.

— Кто-бы ты ни былъ, не истощай моего терпѣнія, смотри, что-бы оно не лопнуло.

А пиллигримъ обратился къ сестрѣ и сказалъ:

— Скажите, что вамъ приказано.

— Господинъ!—сказала она:—мы не осмѣливаемся не вѣрить вашей клятвѣ и вашей рыцарской чести, но и вамъ не приличествуетъ давать клятву людямъ простаго званія, да насъ и не за ней прислали.

— Зачѣмъ-же васъ прислали?

— Братья сказали намъ, что вы должны, не говоря ни слова, представиться въ Щитно вмѣстѣ съ де-Берговымъ и другими плѣнными.

Плечи Юранда выгнулись, а руки, казалось, превратились въ когти хищной птицы, онъ остановился передъ женщиной, нагнулся передъ ней, какъ-бы желая сказать ей что-то на ухо и проговорилъ:

— А развѣ вамъ не сказали, что я васъ и Бергова прикажу на колѣ посадить въ Спыховѣ?

— Ваша дочь во власти братьевъ и подъ опекой Шомберга и Маркварта,—съ удареніемъ отвѣчала сестра.

— Разбойниковъ, убійцъ, палачей!—вырвалось у Юранда.

— Которые съумѣютъ отомстить за насъ и которые вотъ что сказали намъ передъ отъѣздомъ: „Если онъ не согласится исполнить всѣ наши приказанія, лучше было-бы, чтобы эта дѣвушка умерла, какъ умерли дѣти Витольда!“—Выбирайте!

— И поймите, что вы находитесь во власти комтуровъ—отозвался странникъ. — Они не желаютъ дѣлать вамъ вреда и староста изъ Щитно прислалъ вамъ черезъ насъ свое слово, что вы свободно выйдете изъ его замка, но онъ желаетъ, что-бы вы за все то зло, которое вы сдѣлали имъ, пришли преклонится передъ плащемъ крестоносца и просить побѣдителей о милости. Онъ хочетъ простить васъ, но раньше желаетъ, чтобы вы согнули вашу гордую спину. Вы называли ихъ измѣнниками и кровопийцами,—поэтому они хотятъ, что-бы вы повѣрили слову ихъ. Они возвратятъ свободу и вамъ, и дочери вашей,—но вы должны вымолить ее. Вы убивали ихъ—теперь вы должны будете поклясться, что вы никогда не подымете руки на бѣлый плащъ.

— Этого желаютъ комтуры,—прибавила женщина,—а вмѣстѣ съ ними Марквартъ и Шомбергъ.

Наступила минута смертельной тишины. Казалось, даже въ балкахъ потолка глухое эхо съ ужасомъ повторяло: „Марквартъ... Шомбергъ“... За окномъ слышались крики лучниковъ Юранда, стерегущихъ на валахъ, у частокола замка.

Пилигримъ и женщина долгое время или переглядывались между собой, или бросали взгляды на Юранда, который сидѣлъ неподвижно, опершись о стѣну,—лицо его было въ тѣни отъ шкурки, которой завѣшено было окно. Въ головѣ его была только одна мысль, что если онъ не сдѣлаетъ того, чего требуютъ крестоносцы,—они задушатъ его ребенка, а если онъ исполнитъ все, чего они требуютъ, онъ все равно можетъ быть не спасетъ ни Данусю, ни себя. И онъ не зналъ спасенья, не видѣлъ исхода, онъ чувствовалъ надъ собой немилосердную силу, которая придавила его. Онъ видѣлъ уже желѣзную руку крестоносца на шейкѣ Дануси,—потому что, зная ихъ, онъ не сомнѣвался ни минуты, что они убьютъ ее, закопаютъ на валу, а потомъ отопрутся, дадутъ клятву—и тогда кто же сможетъ доказать, что это они похитили ее? Правда у Юранда въ рукахъ были посланные, онъ могъ отвести ихъ къ князю, мученіями выпытать у нихъ признаніе,—но у крестоносцевъ была Дануся—и они тоже могли не пожалѣть для нея пытокъ. Минутами ему казалось, что ребенокъ протягиваетъ издали къ нему руки и проситъ спасти его... Если бы онъ хотя зналъ навѣрняка, въ Изигнѣ ли она, тогда онъ въ ту же ночь могъ бы побѣхать къ границѣ, напасть на нѣмцевъ, не ожидающихъ этого, взять замокъ, зарубить стражу и освободить ребенка,—но ея могло не быть тамъ, да и навѣрное не было! Въ головѣ его, какъ молнія, промелькнула еще мысль, что еслибы онъ схватилъ женщину и пилигрима, и отвелъ ихъ.

къ великому магистру, можетъ быть магистръ добился бы отъ нихъ признанія и приказалъ бы отдать ему дочь, но эта молнія быстро погасла... Вѣдь эти люди могли сказать магистру, что они пріѣхали выкупить де-Бергова и что они ничего ни о какой дѣвушкѣ не знаютъ. Нѣтъ! этотъ путь ни къ чему не могъ привести—но гдѣ же тотъ, который привелъ бы къ чему нибудь? Онъ думалъ, что если онъ поѣдетъ въ Щитно, его закуютъ и сбросятъ въ подземелье, а Данусю все равно не отпустятъ, хотя бы для того, чтобы не выдать, что это они похитили ее. Въ это самое время, можетъ быть, смерть витаетъ надъ единственнымъ его ребенкомъ, надъ единственнымъ дорогимъ существомъ!.. Мысли его стали путаться, а страданія были такія нестерпимыя, что онъ скоро какъ бы одеревонѣлъ. Онъ сидѣлъ неподвижно, потому что тѣло его какъ бы умерло, было какъ бы высѣчено изъ камня. Если бы онъ захотѣлъ подняться, онъ не могъ бы этого сдѣлать. А тѣмъ временемъ женщинѣ и пилигриму надобно это долгое ожиданье, потому первая встала и сказала:

— Ужъ скоро свѣтать начнетъ,—поэтому, господинъ, позвольте намъ уйти, такъ какъ намъ необходимъ сонъ.

— И отдыхъ послѣ долгой дороги,—прибавилъ пилигримъ.

Они оба поклонились Юранду и вышли.

А онъ все сидѣлъ недвижимо, какъ бы погруженный въ сонъ, или мертвый. Но черезъ мгновенье двери раскрылись и на порогъ появился Збышко и ксендзъ Колебъ.

— Что же послы?.. чего они хотятъ? спросилъ молодой рыцарь, приближаясь къ Юранду. Юрандъ вздрогнулъ, но сначала ничего не отвѣтилъ, а только заморгалъ, какъ человѣкъ, котораго разбудили.

— Господинъ, вы больны?—проговорилъ ксендзъ Калебъ, который, зная хорошо Юранда, понялъ, что съ нимъ происходитъ нѣчто странное.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Юрандъ.

— А Дануся?—продолжалъ разспрашивать Збышко:—гдѣ она, что вамъ сказали? Съ чѣмъ они пріѣхали?

— Съ вы-ку-помъ,—съ разстановкой проговорилъ Юрандъ.

— Съ выкупомъ за Бергова?

— За Бергова...

— Какъ за Бергова? Что съ вами?

— Ничего...

Но въ голосъ его слышалось что-то такое необыкновенное и измученное, что ихъ обоихъ охватило страшное безпокойство, въ особенности потому, что Юрандъ говорилъ о выкупѣ, а не о мѣнѣ Бергова на Данусю.

— Бога ради!—закричалъ Збышко:—гдѣ Дануся?

— Ея нѣтъ у Крес-то-нос-цевъ, нѣтъ!—соннымъ голосомъ проговорилъ Юрандъ.

И онъ вдругъ, какъ мертвый, повалился со скамейки на полъ.

VI.

На другой день въ полдень посланные снова видѣлись съ Юрандомъ, а спустя нѣкоторое время они выѣхали, забравъ съ собой де-Бергова, двухъ оруженосцевъ и нѣсколькихъ другихъ плѣнныхъ. Послѣ этого Юрандъ позвалъ къ себѣ ксендза Калеба, которому продиктовалъ письмо къ князю, гдѣ говорилъ, что Данусю похитили не рыцари ордена, но что ему удалось открыть, гдѣ ее прячутъ, и что онъ надѣется отыскать, ее въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Это же онъ повторилъ и Збышко который со вчерашней ночи обезумѣлъ отъ безпокойства. Но старый рыцарь не хотѣлъ отвѣчать ни на одинъ его вопросъ и, наоборотъ, приказалъ ему терпѣливо ждать и ничего не предпринимать для освобожденія Дануси, потому что это было излишне. Подъ вечеръ онъ снова заперся съ ксендзомъ Калесомъ, которому прежде всего велѣлъ написать свою послѣднюю волю, потомъ исповѣдывался и послѣ причастія позвалъ къ себѣ Збышко и стараго всегда молчаливаго Толиму, который былъ его вѣрнымъ товарищемъ во всѣхъ походахъ и дракахъ, и который въ мирное время хозяйничалъ въ Спыховѣ.

— Вотъ,—сказалъ Юрандъ, обращаясь къ старому воину и возвышая голосъ, какъ бы говоря съ человѣкомъ, который плохо слышитъ,—мужъ моей дочери, съ которой онъ повѣнчался при дворѣ князя, на что получилъ и мое согласіе. Онъ будетъ послѣ моей смерти твоимъ господиномъ и владѣльцемъ замка, земель, лѣсовъ, луговъ, людей и всего имущества, которое находится въ Спыховѣ...

Услыхавъ это, Толима задумался и сталъ повертывать свою квадратную голову то въ сторону Збышко, то въ сторону Юранда; но онъ ничего не говорилъ, потому что почти никогда ничего не говорилъ, а только склонился предъ Збышко и слегка обнялъ ноги его.

Юрандъ продолжалъ:

— Эту волю мою записалъ ксендзъ Калесъ, а подъ листомъ этимъ находится моя восковая печать; ты долженъ свидѣтельствовать; что ты слышалъ это отъ меня, и что я приказалъ, чтобы этому молодому рыцарю всѣ повиновались, какъ мнѣ. Все, что имѣется изъ денегъ и добычи — ты покажешь ему и будешь вѣрой служить ему въ мирное и военное время, до самой смерти. Слышалъ?

Толима поднялъ руку къ уху и кивнулъ головой, потомъ, по данному Юрандомъ знаку, поклонился и вышелъ, а рыцарь обратился къ Збышко и сказалъ съ удареніемъ:

— Тѣмъ, что имѣется, можно удовлетворить какую угодно жадность, и не одного, а цѣлыхъ сто плѣнныхъ выкупить. Помни это. Но Збышко спросилъ:

— Отчего вы теперь ужъ сдаете мнѣ Спыхово?

— Я тебѣ отдамъ больше, чѣмъ все Спыхово—я отдамъ тебѣ своего ребенка.

— Да и смертный часъ неизвѣстенъ,—сказалъ ксендзъ Калевъ.

— Конечно, неизвѣстенъ,—какъ бы съ грустью повторилъ Юрандъ.— Вѣдь вотъ засыпало же меня сѣгомъ и хотя Богъ и спасъ меня, прежней силы нѣтъ во мнѣ больше...

— Боже мой!—воскликнулъ Збышко, — что-то въ васъ измѣнилось со вчерашняго дня, и вы больше говорите о смерти, чѣмъ о Данусѣ. Боже мой!

— Вернется Дануса, вернется,—отвѣчалъ Юрандъ; — ее охраняетъ Господь. Но когда она возвратится... слушай... Ты возьми ее въ Богданецъ, а Спыхово поручи Толимъ... Это вѣрный человѣкъ, а сосѣди здѣсь злые... Тамъ ее не задушатъ веревкой... Тамъ безопаснѣе...

— Эхъ!—воскликнулъ Збышко;—вы какъ будто ужъ съ того свѣта говорите. Что съ вами?

— Я уже на половину былъ на томъ свѣтѣ, а теперь мнѣ кажется, что меня заберетъ какая-нибудь болѣзнь; а я беспокоюсь о ребенкѣ, потому что... вѣдь она одна у меня. А ты, хоть я и знаю, что ты любишь ее...

Тутъ онъ остановился и вынулъ изъ ножонъ короткій мечъ, называемый *mizerikordia*, и повернулъ его рукояткой къ Збышко:

— Поклянись мнѣ еще на этомъ мечѣ, что ты никогда не обидишь ее и всегда будешь любить ее...

У Збышко глаза затуманились слезами; онъ бросился на колѣни и, положивъ палецъ на рукоятку, воскликнулъ:

— Клянусь мученіями Спасителя, что я никогда не обижу ее и всегда буду любить ее.

— Аминь!—сказалъ ксендзъ Калевъ.

Юрандъ спряталъ мечъ въ ножны и простеръ къ Збышко руки.

— Такъ и ты тоже мое дитя!...

Они разошлись, потому что была уже глубокая ночь и уже нѣсколько дней они не знали настоящаго отдыха. Но на другое утро Збышко всталъ на разсвѣтѣ, потому что наканунѣ сильно испугался, не заболѣваетъ-ли Юрандъ, и желалъ теперь разузнать, какъ старый рыцарь провелъ ночь.

У дверей Юранда онъ встрѣтился съ Толимой, который шелъ отъ него.

— Какъ чувствуетъ себя господинъ? здоровъ?—спросилъ Збышко.

Толима поклонился, приложилъ руку къ уху и сказалъ:

— Что говорить ваша милость?

— Я спрашиваю: какъ здоровье господина? — громко повторилъ Збышко.

- Господинъ уѣхалъ.
- Куда?
- Не знаю. Въ вооруженіи...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Литературныя замѣтки.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

Въ петербургскомъ обществѣ замѣчается теперь сильное оживленіе по отношенію къ театру. На казенныхъ и частныхъ сценахъ ставится много, новыхъ пьесъ игра актеровъ вызываетъ толки среди постоянныхъ посѣтителей первыхъ представленій. Ежедневно мы находимъ въ газетахъ довольно подробные отчеты о литературныхъ достоинствахъ пьесъ и исполненія. Если къ этому прибавить, что въ Петербургѣ возникъ за послѣдніе годы, по инициативѣ стараго театрала А. С. Суворина, и вдругъ съ неожиданною талантливостью развернулся самостоятельный литературно - артистическій театръ, то картина нарастающаго возбужденія въ драматическомъ искусствѣ представится довольно яркою, особенно по сравненію съ прежними годами, когда столичные театры владѣли сѣрое, будничное существованіе. Несомнѣнно, что эта вдругъ приподнявшаяся волна общественныхъ интересовъ и увлеченій является выраженіемъ нѣкоторыхъ новыхъ видоизмѣненій въ идейной жизни публики. Можетъ быть, общество уже почувствовало въ собственной душѣ свѣтлый проблескъ иныхъ, болѣе живыхъ и сильныхъ настроеній—стремленіе выйти изъ своего психологическаго разлада, изъ тѣхъ утонченныхъ внутреннихъ противорѣчій, которыя сопровождались тоскливымъ, мучительнымъ уныніемъ. По самому своему существу театръ не можетъ быть ареною чисто психологическихъ изысканій, не можетъ быть тою сферою, гдѣ человѣческая душа разсматривается въ ея едва замѣтныхъ ощущеніяхъ и смутныхъ броженіяхъ, не переходящихъ въ яркіе волевые порывы. Для того, чтобы театральное представленіе могло захватить и увлечь широкія массы публики, необходимо, чтобы передъ зрителями развернулась картина жизни, въ которой дѣйствуетъ воля въ сплетеніи съ высшими и низшими инстинктами, и люди были представлены съ законченными характерами, допускающими борьбу и опредѣленные драматическія столкновенія. Какъ бы ни мѣнялись умственные и душев-

ныя настроенія общества, эти видоизмѣненія сами по себѣ еще не являются новою историческою силою до тѣхъ поръ, пока они не прорвутся замѣтнымъ образомъ во внѣшнюю жизнь. Только тогда, когда наступаетъ такой моментъ въ развитіи общества, загорается и настоящій интересъ къ сценѣ и ея настоящее оживленіе. Толпа бросается въ театръ, чтобы тамъ излить свои накопившія чувства передъ сценическимъ восploщеніемъ своихъ новыхъ идейныхъ интересовъ.

Я люблю входить въ театръ вмѣстѣ съ толпой, которая торопливо съѣзжается со всѣхъ концовъ города къ этому завѣтному мѣсту. Толкотня у дверей и у вѣшалокъ, эти ползущія наверхъ по извилистымъ лѣстницамъ волны празднично одѣтаго народа, легкій гулъ, который отдается во всѣхъ уголкахъ огромнаго, сложнаго зданія, а при входѣ въ залъ—зрѣлище маленькихъ человѣческихъ фигуръ, рассыпающихся по кресламъ, ломамъ и галереямъ, наконецъ, нарастающій ропотъ сплоченной массы, среди котораго вдругъ слышатся первые разноголосные звуки оркестра—вотъ начало того очарованія, которое быстро овладѣваетъ нервами. Съ каждымъ мгновеніемъ усиливается напряженный трепеть. Между рядами креселъ пробѣгаютъ послѣдніе запоздавшіе зрители, дамы въ шелестящихъ платьяхъ, мушкетеры въ черныхъ сюртукахъ. Оркестръ кончаетъ музыкальную пьесу, и занавѣсъ быстро поднимается...

Давно уже не чувствовалось такого оживленія въ публикѣ, какъ въ вечеръ первой постановки въ Маломъ театрѣ трагедіи гр. А. Толстого «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ». Общество нетерпѣливо ожидало представленія этой талантливѣйшей пьесы, которая долгое время находилась подъ запретомъ театральной цензуры. Какъ будутъ разыграны главные роли и какъ, вообще, будутъ переданы колоритъ и воздухъ той тревожной, интересной исторической эпохи? Нужно признаться, что, отправляясь въ театръ, я нѣсколько сомнѣвался въ томъ, что трагедія Алексѣя Толстого будетъ поставлена съ должнымъ художественнымъ тактомъ, съ правдивою строгостью, приличествующею этому крупному драматическому произведенію. Впечатлѣнія предъидущихъ лѣтъ—эта чрезмѣрная погоня Литературно-Артистическаго кружка за кричащими экзотическими пьесами, вмѣстѣ съ несносною газетною рекламою, раздувавшюю значеніе мало талантливыхъ актеровъ и подозрительный успѣхъ посредственныхъ драматическихъ издѣлій—не внушали мнѣ никакихъ особенныхъ надеждъ. Но вотъ занавѣсъ взвился, и первая же сцена—сборище московскихъ людей у князя Ивана Шуйскаго для подписи челобитной царю о разводѣ съ бездѣтною Ириною—показала, что пьеса будетъ исполнена съ величайшей добросовѣстностью и вкусомъ въ раздачѣ ролей и во внѣшней постановкѣ. Актеръ, исполняющій привлекательную и колоритную роль прямодушнаго и мужественнаго князя Ивана Шуйскаго, Бравичъ, сразу далъ живое олицетвореніе этой свѣтлой исторической фигуры. Гримъ серьезнаго, открытаго

лица съ мягкимъ свѣтомъ въ глазахъ, твердая осанистая походка, сдержанная пластика въ движеніяхъ, широкій, звучный голосъ съ благодушными нотками—все давало чувствовать настоящую сценическую даровитость, обдуманность игры, которая гармонично сливалась съ пестрымъ, шумнымъ движеніемъ всѣхъ окружающихъ. Кругомъ Ивана Шуйскаго кипитъ мятежное броженіе—самолюбивыя политическія страсти, озлобленіе на Годунова, патриотическая тревога за участь государства при бездѣльномъ слабомъ царѣ, а онъ самъ величаво господствуетъ надъ всѣми, умѣняя волненіе прохладной правдивой рѣчью. Каковы бы ни были, вообще, размѣры артистическихъ силъ Бравича, его нѣсколько тусклаго, разсудочнаго дарованія, нужно сказать, что въ роли Ивана Шуйскаго онъ показываетъ свое умѣніе проникаться художественными замыслами. Ни одинъ стихъ, ни одинъ отгѣнокъ мысли не пропадаетъ въ его ровной, твердой и сдержанной игрѣ. Дѣйствіе быстро и ярко разворачивается въ взволнованной говорливой толпѣ, похожей на кипящее море. Всѣ играютъ на сценѣ—нѣтъ ни одного бездѣтельнаго статиста. Если нѣсколько лѣтъ тому назадъ столичная публика могла изумляться превосходному движенію массъ въ труппѣ Мейнингенцевъ, то теперь передъ ея глазами на сценѣ была такая же живая, слитная въ своей пестротѣ, ни на минуту не застывающая толпа, и при томъ—толпа чисто русская, со всѣми отгѣнками историческаго колорита и народнаго характера. Подъ великолѣпными боярскими кафтанами постоянно чувствуется мужицкая шарота натуры, которая въ моменты важныхъ государственныхъ переворотовъ проявляетъ себя въ необычайно искреннемъ нравственномъ пафосѣ. Все это схвачено и передано съ великолѣпнымъ режиссерскимъ талантомъ.

Вторая картина—въ царскихъ палатахъ—показываетъ всѣхъ остальныхъ главныхъ персонажей пьесы: Годунова, Клешнина, Ирину и, наконецъ, царя Ѳедора. Годуновъ, съ его свѣтлымъ практическимъ умомъ и бдительной волей, очерченъ въ пьесѣ съ удивительнымъ мастерствомъ. Въ исполненіи Тинскаго роль эта не раскрывается во всемъ богатствѣ своей особенной, нѣсколько сухой поэзіи и высокихъ нервныхъ напряженій. Артистъ, превосходно изучившій роль, безукоризненно загримированный и одѣтый, съ чрезвычайной отчетливостью произноситъ каждую фразу, не мѣняя темпа декламации. Въ его движеніяхъ, походкѣ и жестахъ чувствуется та же немного бездушная размѣренность, какъ и въ его рѣчи. Но справедливость требуетъ сказать, что, несмотря на всѣ эти недостатки, исполненіе Тинскимъ роли Бориса даетъ всетаки цѣльный сценическій образъ. Природный умъ и дарованіе артиста особенно сказываются въ молчаливыхъ сценахъ, когда пристальный взглядъ его темныхъ глазъ передаетъ скрытое напряженіе его нервовъ, какъ, напримѣръ, въ IV дѣйствіи, когда онъ, уходя со сцены, почти безмолвно внушаетъ Клешнину мысль объ убійствѣ Дмитрія. Сторонникъ Годунова Лужь-Клешнинъ, этотъ «сугубый мошенникъ» или «мо-

пенникъ съ перехватомъ», является въ исполненіи Михайлова живою художественною личностію и притомъ совершенно въ духѣ критическихъ поясненій самого автора. Узкіе глаза съ колючимъ взглядомъ, густая шапка грубыхъ волосъ, красноватое лицо съ лохматою бородою, тяжелая походка и движенія съ злой недовѣрчивою оглядкою, наконецъ, жесткій голосъ, который въ минуту раздраженія звучитъ съ какою-то безсовѣстною грубостію—нельзя представить себѣ болѣе смѣлаго и талантливаго воплощенія этого типичнаго русскаго злодѣя. Втеченіе всей пьесы я слѣдилъ за игрою артиста съ неугасающимъ вниманіемъ. Сцена съ Волоховой, въ IV дѣйствіи, по истинѣ безподобна. Клещининъ до свирѣпости грубъ въ угрозахъ и злобнохитеръ въ своихъ преступныхъ внушеніяхъ. Волохова трепещетъ передъ нимъ, какъ передъ быкомъ, наклонившимъ рога. Ирина, эта чудеснѣйшая, поэтическая фигура, отъ которой вѣетъ «тихимъ лѣтомъ», сестра Годунова по ясной тонкости ума, достойная подруга Ѳедора по сердцу и притомъ женщина съ безпорочною душевною красотою, является въ исполненіи мало-опытной артистки Дестомъ довольно блѣднымъ сценическимъ созданіемъ, хотя всѣ внѣшнія данныя артистки—высокій ростъ, стройность, выразительные мечтательные глаза—могли бы служить подходящими чертами для образа Ирины. Но вотъ что значить старательная и вдумчивая работа невидимаго генія всѣхъ сценическихъ представленій—главнаго режиссера: даже монотонное исполненіе г-жи Дестомъ не вноситъ въ общую постановку никакого ощутительнаго диссонанса, и эта незначительная Ирина оставляетъ пріятное мягкое впечатлѣніе благородною сдержанностію и скромностію рѣчи и манеръ, соотвѣтствующихъ облику старорусской царицы.

Роль Ѳедора исполняетъ молодой актеръ Орленевъ. До послѣдняго времени я видѣлъ его раза два въ ничтожныхъ роляхъ, исполненіе которыхъ не обращало на себя особеннаго вниманія. Его настоящее дарованіе не показывало себя съ достаточною силою. Но въ пьесѣ А. Толстого Орленевъ, съ перваго же появленія на сценѣ, обнаруживаетъ какую-то особенную художественную проникновенность: молодой, мягкій, надорванный голосъ, впалая грудь, неувѣренная поступь — словно послѣ болѣзни, отрывочная нервная жестикуляція, а главное лицо—изможденное, съ скупой растительностію и выраженіемъ блаженнаго юродства въ небольшихъ свѣтлыхъ глазахъ—таковы внѣшнія черты царя Ѳедора въ изображеніи Орленева. Передъ зрителемъ сразу встаетъ живой человекъ съ опредѣленнымъ душевнымъ складомъ. Это призванный схимникъ, изнемогающій подъ непосильною тяжестью царскаго вѣнца. Онъ совершенно неспособенъ охватить собственной мыслью сложное и запутанно-мудреное дѣло государственнаго правленія съ его земными задачами и жесткими орудіями ихъ практическаго осуществленія. Сердце у него нѣжное, кроткое, и весь онъ похожъ на молодого болѣзненнаго голубя. Въ сферѣ своего царственнаго

вліянія онъ постоянно останавливается на тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ можетъ проявить свою добрую совѣсть, свою миротворческую душу. Его отношеніе къ Иринѣ проникнуто лучами утренняго солнечнаго свѣта: его любовь къ ней есть довѣрчивая и восхищенная привязанность. Онъ невинно заигрываетъ съ ней, ласкается къ ней, кладетъ на ея колѣни утомленную голову, благоговѣнно ловить каждый ея совѣтъ, проситъ ея мудрой и женственной помощи и, наконецъ, вспыхиваетъ мучительнымъ гнѣвомъ, въ которомъ звучатъ слабые отголоски отцовской натуры, когда узнаетъ, что Шуйскій хотѣлъ посягнуть на его любовный союзъ съ нею. Стоя между враждующими партіями Годунова и Шуйскаго, онъ тяжело болѣетъ раздоромъ этихъ лучшихъ людей московскаго государства, изъ которыхъ одинъ, Борисъ, вызываетъ его смиренное удивленіе своими правительскими талантами, а другой, князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, внушаетъ ему чисто юношескій восторгъ своимъ открытымъ, честнымъ героизмомъ. Отъ другихъ онъ держится немного въ сторонѣ, принимая всѣ дѣла черезъ Годунова: этотъ рѣдкостный въ исторіи смиренный постникъ и благочестивый моралистъ на тронѣ тяготился общеніемъ съ надобливо-требовательной и заискивающей толпою. Черезъ всю пьесу струится свѣтлая стихія высшей сердечной мудрости. Если раскрыть безсознательное настроеніе автора, то можно смѣло сказать, что, художественно создавая образы Ѳедора и Ирины, онъ невольно приподнималъ побужденія человѣчной, никогда не политиканствующей совѣсти надъ развращающимъ мудрствованіемъ государственныхъ умовъ. Ѳедоръ въ пьесѣ А. Толстого—настоящій человѣкъ, съ душой, мучительно скорбящей о всякой жизненной неправдѣ и о пагубной неправотѣ властныхъ и безвластныхъ самолюбцевъ. Добрыя черты его характера выступаютъ только въ безсильныхъ конвульсіяхъ, но это потому, что смиренный, больной человѣкъ изнемогаетъ подъ бременемъ запутанной и грубой жизненной задачи.

Нельзя было не удивиться, что такое глубокомысленное художественное созданіе, какъ царь Ѳедоръ Иоанновичъ въ пьесѣ А. Толстого, сразу нашло себѣ талантливѣйшаго воплотителя въ лицѣ мало-опытнаго актера. Орленевъ можетъ считаться сценическимъ творцомъ этой роли, которую онъ исполняетъ отъ начала до конца съ особеннымъ, почти блаженнымъ вдохновеніемъ. Уже въ первой сценѣ, когда царь вбѣгаетъ перепуганный и запыхавшійся, послѣ того, какъ его понесла лошадь, актеръ даетъ чувствовать всѣ элементы намѣченнаго характера: болѣзненность и слабость при человѣчномъ самолюбіи, которое заставляетъ его стыдиться своей хилости, и благоговѣнно ласковую любовь къ Иринѣ. Орленевъ превосходно передаетъ тотъ легкій, добрый юморъ автора, съ которымъ онъ рисуетъ человѣческія слабости Ѳедора. Одна неудачная интонація голоса, лишнее суетливое движеніе, и больной человѣкъ, старающійся скрыть свое физическое безсиліе и свою душевную слабость, неизбежно превратился бы

въ комическую фигуру. Но сосредоточенныя лица зрителей озаряются только участливой улыбкой въ тѣ моменты, когда даровитый актеръ, вдохновенно войдя въ свою роль, неувереннымъ, трепетнымъ тономъ передаетъ иллюзіи царя на счетъ своей физической мощи и наслѣдственной суровости. Въ гнѣвной бесѣдѣ съ стремяннымъ онъ неподобно показываетъ переходъ отъ нервнаго волненія къ утѣшительному самообману и обычному беззлобію. Чудесно онъ произноситъ свои обращенія къ женѣ и къ Годунову: «Аринушка», «шуринъ» — самими звуками голоса лаская жену и доверчиво приближая къ себѣ Бориса. Что-то мягкое, пѣвучее, народно-простодушное слышится въ этихъ обращеніяхъ, какъ и во всемъ складѣ его безыскусственной рѣчи. Съ какимъ милымъ нѣжнымъ лукавствомъ онъ поддразниваетъ Ирину красотою заглядѣвшей на него Мстиславской, какъ радостно оживляется, услышавъ о желаніи Бориса примириться съ Шуйскимъ и, наконецъ, съ какою плѣнительною душевною красотою, еще разъ задѣвъ сдержанную ревность Ирины, онъ произноситъ, уходя со сцены, свои любовно успокоительныя слова:

Родимая моя!

Безцѣнная! Я пошутить съ тобою.

Да есть-ли въ цѣломъ мірѣ кто-нибудь,

Кого-бъ ты краше не была. Пойдемъ же...

Несмотря на краткость явленія, обликъ Федора намѣченъ въ вѣрныхъ незыблемыхъ чертахъ.

Съ каждой новой сценой фигура молодого царя, какъ онъ задуманъ художникомъ, вырисовывается передъ нами все съ большимъ и большимъ талантомъ. Сцена съ Ириною, предшествующая примиренію Годунова и Шуйскаго, еще разъ выдвигаетъ природную нѣжность Федора и его склонность вдаваться въ утѣшительныя самообманы:

Аринушка, прошу я: если Шуйскій

Упрется, ты привѣтливое слово

Ему скажи. Оно вѣдь много значить

Изъ женскихъ устъ и умягчаетъ самый

Суровый нравъ. Я знаю по себѣ:

Мужчинѣ я не уступлю ни въ чемъ,

А женщина попроситъ иль ребенка —

Все сдѣлать радъ.

Обаятельная доброта сердца проникаетъ его послѣднія слова и бросаетъ особенно мягкій свѣтъ на невинную игру его мужского самолюбія.

Со втораго дѣйствія игра Орленева, только слегка обозначающаяся при первомъ появленіи на сцену, приобретаетъ оживленность и нервность. Привѣтственные слова, съ которыми онъ обращается къ Ивану Петро-

вичу Шуйскому, лихорадочное безпокойство при видѣ тѣхъ препятствій, которыя Шуйскій выставляетъ къ примиренію, его молчаливая, но ощутительная радость при ласковой, но твердо убѣдительной рѣчи Ирины, наконецъ, свѣтлый восторгъ, который овладѣваетъ имъ, когда примиреніе совершается—такъ переливаются различныя оттѣнки чувствъ въ игрѣ актера, уже вызывающей въ публикѣ первыя волненія настоящаго художественнаго удовольствія. Орленевъ входитъ въ свою роль, можетъ быть, уже улавливая дуновеніе нарастающаго успѣха: въ залѣ царитъ глубокая тишина. Но вотъ на сцену врывается шумная толпа московскихъ людей, которые бросаются къ ногамъ Ѳеодора,—и молодой болѣзненный царь, робѣя и смущаясь, милостиво и простодушно заговариваетъ съ ветхимъ старцемъ Богданомъ Курдюковымъ и съ удалымъ силачемъ Красильниковымъ. Сцена съ Курдюковымъ, который перебиваетъ рѣчь самого царя болтливымъ старческимъ разсказомъ объ ужасахъ прошлаго царствованія, удивительно поставленная, даетъ актеру новый благодарный моментъ. Внезапная досада, съ краскою въ лицѣ, на неумѣстныя рѣчи старца передана Орленевымъ тонко и благородно: публика чувствуетъ, что, кромѣ природной вспыльчивости, въ царѣ говоритъ невольное отвращеніе къ жестокимъ расправамъ отца, что самое слово—сѣкира—рѣжетъ его душу. Какъ только на сценѣ начинается грубая схватка между примирившимися партіями, Ѳеодоръ пугливо отстраняется и затѣмъ смущенно и торопливо покидаетъ палату, прижимаясь къ Иринѣ. Конечъ второго дѣйствія уже вызываетъ шумныя, настойчивыя рукоплесканія.

Въ третьемъ дѣйствіи игра Орленева достигаетъ своего высшаго подъема: Ѳеодоръ появляется на сценѣ разстроенный тяжелымъ сномъ и совершенно не склонный заниматься дѣлами, съ которыми его ожидаетъ Годуновъ. Неохотно присаживается онъ къ столу, на минуту даже склонивъ голову на руки, и короткія реплики, которыя онъ дѣлаетъ по поводу доклада Годунова, полны чарующей наивности и какой-то странной лѣнливостію поэзіи. Эти важныя государственныя дѣла кажутся суетной прозой по сравненію съ мечтательной и безплодной игрой воображенія, еще не освободившагося отъ сонныхъ видѣній. Еслибъ только можно было махнуть рукою на всѣ эти мудренныя дѣла! Годуновъ рѣчистъ и неумолимъ, а царь, одобряя предложенія шурина, отдаетъ свои приказы съ юношеской незатѣйливостію: «Хлопъ по ней», говоритъ онъ, указывая рукою на бумагу и государственную печать. Эти полушутливыя словца—«хлопъ», «прихлопни»—въ произношеніи Орленева—звучатъ радостнымъ облегченіемъ отъ докуки. Дальнѣйшіе моменты этого дѣйствія накапливаютъ матеріалъ для истинно драматическаго взрыва. Когда Годуновъ, послѣ легкаго отдыха царя, прилегшаго на колѣни Ирины, перечитъ ему въ его желаніи выписать въ Москву царевича Дмитрія, Ѳеодоръ вдругъ зажигается настоящимъ неистовымъ гнѣвомъ. «Я царь, или не царь?» вскрикиваетъ онъ

надорваннымъ, задыхающимся голосомъ. «Я царь, или не царь?» повторяетъ онъ еще громче, ударяя по столу. Въ этихъ восклицаніяхъ актера прорывается все душевное напряженіе хилаго царя, хватающагося за свой царскій авторитетъ въ борьбѣ съ упорнымъ и сильнымъ человѣкомъ. Вспыхнувшій гнѣвъ смѣняется временнымъ затишьемъ съ уступкою политическимъ соображеніямъ Годунова, но сейчасъ же даетъ себя чувствовать въ новой, болѣе возвышенной формѣ. Теперь это уже непоколебимый протестъ всего существа Ѳедора противъ предлагаемой Борисомъ казни Шуйскаго. Съ истиннымъ вдохновеніемъ сосредоточенной мысли и благороднаго чувства актеръ произноситъ чудесный монологъ, передающій весь идейный замыселъ автора по отношенію къ этому характеру:

Да, шуринъ, да! Я въ этомъ на себя
Возьму отвѣтъ. Вотъ видишь-ли, я знаю,
Что не умѣю править государствомъ.
Какой я царь? Меня во всѣхъ дѣлахъ
И съ толку сбить, и обмануть нетрудно.
Въ одномъ лишь только я не обманусь:
Когда межъ тѣмъ, что бѣло иль черно,
Избрать я долженъ—я не обманусь.
Тутъ мудрости не нужно, шуринъ, тутъ
По совѣсти приходится лишь дѣлать...

Годуновъ направляется къ двери мучительно медленными шагами, какъ бы безмолвно испытывая твердость царя. На этотъ разъ царь не преклоненъ въ своемъ рѣшеніи, но когда Годуновъ исчезаетъ за дверью, онъ бросается къ Иринѣ съ судорожнымъ рыданіемъ. Онъ слишкомъ утомленъ этой непосильной борьбою, онъ проситъ нравственной поддержки у Ирины и медленно уходитъ съ ней въ опочивальню, чтобъ прилечь и отдохнуть «часочекъ». Эта болѣзненная лѣность, насыщенная религиозными грезами, чудесно ощущается въ медительныхъ движеніяхъ и жестахъ актера.

Цѣлый рядъ новыхъ благодарныхъ моментовъ открывается ему въ IV дѣйствіи: разговоръ съ Клешниннымъ, осторожный допросъ Шуйскаго съ его признаніемъ въ совершаемой имъ измѣнѣ и, наконецъ, разоблаченіе Шаховскаго, которое зажигаетъ въ царѣ бѣшеное негодованіе. Трогательныя детали въ обращеніи Ѳедора съ Шуйскимъ, вѣра царя въ его правоту, его смущеніе при искреннемъ покаяніи Шуйскаго и готовность прикрыть его грѣхъ передъ Клешниннымъ,—выступаютъ у актера въ сіяніи мягкаго, человѣколюбиваго вдохновенія. Въ этомъ дѣйствіи игра Орлева, несмотря на всю трудность переходовъ отъ одного настроенія къ другому, носить на себѣ печать полной художественной увѣренности. Тѣмъ ослѣпительнѣе неожиданный взрывъ негодованія, въ которомъ прорывается

царь при донесеніи объ участіи Шуйскаго въ челобитной о разводѣ. Его хриплый голосъ звучитъ почти яростно, и въ самыхъ словахъ его слышится ужасное наслѣдіе грознаго царя. «Въ тюрьму! Въ тюрьму!» кричитъ онъ нѣсколько разъ, уже не слушая умиловительныхъ словъ Ирины. Но даже въ этомъ пароксизмѣ гнѣва онъ все еще ощущаетъ мужественное величіе Шуйскаго и, оставшись наединѣ съ Ириною, онъ какъ бы убѣждаетъ себя и ее въ необходимости поучительной кары.

Въ V дѣйствіи Ѳеодоръ появляется изъ Архангельскаго собора послѣ торжественной панихиды по Іоаннѣ Грозномъ. Трагедія развязывается при двухъ новыхъ страшныхъ извѣстіяхъ—объ удушеніи Шуйскаго и убіеніи царевича. Пѣніе нищихъ на церковной паперти и гудящій перезвонъ кремлевскихъ колоколовъ готовятъ настроеніе публики къ послѣднимъ скорбнымъ впечатлѣніямъ. Царь молится о томъ, чтобы Богъ далъ ему настоящую силу править государствомъ. Душа его омрачена темными тучами, среди которыхъ проносятся мгновеніями гнѣвные молніи. Актеру превосходно удается воплотить заключительные яркіе эффекты трагедіи: внезапное подозрѣніе Ѳеодора по отношенію къ Годунову, который ни передъ чѣмъ не останавливается въ достиженіи своихъ цѣлей, и величавое смиреніе передъ судьбою, отнимающей у него брата и единственнаго наслѣдника. Ѳеодоръ остается на сценѣ, любовно прижавшись къ Иринѣ, и его послѣднія смиренные слова чудесно вырѣзываются, «какъ старинная живопись на золотомъ полѣ», на покаянномъ напѣвѣ нищихъ.

Когда занавѣсъ опускается, молодому актеру устраивается настоящая овація: по театру проносятся цѣлый ураганъ рукоплесканій.

Съ такимъ успѣхомъ была разыграна трагедія А. Толстого на сценѣ Малаго театра. Помимо отдѣльныхъ исполнителей, каковы Орленевъ, Бравичъ, Михайловъ, надо еще разъ отмѣтить безподобную постановку массовыхъ сценъ. Волненіе народной толпы на берегу Яузы при пѣніи гусяра, ея внезапный искугъ при появленіи гонца, который галопомъ проносится черезъ сцену, сочувственные клики при видѣ уводимаго въ тюрьму Шуйскаго и, наконецъ, всеобщій бунтъ съ приступомъ на тюрьму—все это представлено въ высшей степени натурально и живописно. Я не запомню такой полноты впечатлѣній отъ сценическаго представленія съ участіемъ талантливыхъ актеровъ и прекрасно организованной толпы статистовъ. Одно такое истинно художественное произведеніе, какъ пьеса Алексѣя Толстого, способно сплотить воедино и приподнять всѣхъ участниковъ труппы, создавъ для нихъ задачу, достойную вдумчиваго изученія и добросовѣстнаго труда. Эта пьеса дала возможность обнаружиться благородному таланту Орленева, также какъ поставленная два года тому назадъ «Власть тьмы» показала публикѣ сильное дарованіе Михайлова. И хотя трудно сказать, какимъ дальнѣйшимъ путемъ будетъ развѣртываться талантъ Орленева и насколько онъ окажется разнообразнымъ, но несом-

нѣнно, что, выдвинувъ такого актера, Малый театръ оказалъ замѣтную услугу драматическому искусству. Вотъ что значить задаваться серьезными сценическими цѣлями. Нельзя узнать Малаго театра, еще такъ недавно отталкивавшаго отъ себя своимъ притязательнымъ репертуаромъ. Такія вещи, какъ «Принцесса Греза», «Изеиль», «Новый міръ» и т. п. раздуваютъ въ актеряхъ какую-то напыщенность и мишурное франтовство, тогда какъ настоящія художественныя произведенія, въ которыхъ таится глубокая идейная жизнь, неизбежно становятся школою для воспитанія серьезныхъ талантовъ. Нельзя вспомнить безъ содраганія огромныхъ, но тщетныхъ усилій, которыя растрчивались при постановкѣ «Принцессы Грезы», прославленной чуть ли не на весь міръ романтически настроенными репортерами. Г-жа Яворская уложила въ эту пьесу, можно сказать, цѣлую эпоху своей кипучей артистической жизни. Она прошла черезъ сложный курсъ пластическихъ тѣлодвиженій и томныхъ позъ, чрезъ цѣлую энциклопедію тончайшихъ бутафорскихъ изобрѣтеній,—и, однако, талантъ артистки проявилъ себя въ этой пьесѣ, какъ и во всѣхъ ей подобныхъ, отнюдь не съ лучшей стороны. Именно благодаря такимъ пьесамъ изящная артистка развила въ себѣ реторическую жестикуляцію и раздражающую аффектированность во всѣхъ приѣмахъ игры. А между тѣмъ, за послѣднее время становится видно, что г-жа Яворская умѣетъ иногда играть просто, съ должнымъ тактомъ, удачно пользуясь тѣми средствами, которыя находятся въ ея распоряженіи. Конечно, трудно отрѣшиться отъ приѣмовъ, которые шумно поощрялись извѣстнаго рода публикою, но, при любви къ искусству и вдумчивомъ отношеніи къ собственной артистической участи, можно и должно понять, что дорогіе оранжерейные цвѣты и дешевые лавры не даютъ истинныхъ радостей и утѣшеній. Эти цвѣты и лавры приносятся случайнымъ дуновеніемъ экзотическаго вѣтра, но первая очистительная гроза въ мірѣ искусства беспощадно раскидаетъ и изомнетъ ихъ.

Однако, кромѣ выбора пьесъ, очень важное значеніе имѣетъ и удачное, чуткое распредѣленіе ролей между силами труппы. Если иногда незаконченный въ своемъ развитіи талантъ можетъ раскрыться, благодаря новому сценическому опыту, въ совершенно неожиданномъ направленіи, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ руководителямъ театра приходится наблюдать за тѣмъ, чтобы вполнѣ опредѣлившіеся таланты не выходили за предѣлы своихъ естественныхъ средствъ. Многіе талантливые актеры не сознаютъ въ себѣ этихъ предѣловъ и потому берутся за роли, совершенно имъ недоступныя и теряющія въ ихъ исполненіи всю свою художественную красоту. Такимъ именно актеромъ, съ преувеличенно широкимъ представленіемъ о своихъ артистическихъ силахъ, является, между прочимъ, и находящійся теперь въ труппѣ Малаго театра Далматовъ. Актеръ съ удивительнымъ талантомъ на роли фатовъ и хлыщей, онъ имѣетъ чрезмѣрную склонность браться за сильно драматическія роли классическаго реперту-

ара, которыя въ его исполненіи превращаются въ какія-то довольно талантливыя каррикатуры на дѣйствительныхъ героевъ драмъ. Его пѣвучій, какъ виолончель, голосъ съ томными нотками неторопливыхъ будучихъ бесѣдъ, его закругленная жестикація при дѣланной мечтательности въ лицѣ и взглядѣ, немного развинченная походка, полу-утомленное, полу-циническое изгибаніе тѣла—всѣ эти особенности какъ бы самой природой назначены для неподражаемаго воплощенія героевъ подозрительныхъ любовныхъ похожденій. Тутъ этотъ актеръ совершенно на своемъ мѣстѣ и тутъ талантъ его прекрасно раскрываетъ всѣ оттѣнки фатовства—отъ меланхолической рисовки до разнузданно наглої бравады. Легко понять, что всѣ эти характерныя данныя должны накладывать яркую печать и на исполняемыя имъ трагическія роли. И вотъ благородно мужественный Эгмонтъ драмы является передъ нами, въ изображеніи Далматова, какимъ-то опернымъ Эгмонтомъ, который протяжно и меланхолично поетъ о своихъ героическихъ замыслахъ и о своей любви къ Кларѣ. Гамлетъ, разсуждающій о тайнахъ жизни, по привычкѣ всѣхъ фатовъ кружить тросточкой, обращаясь къ Горацио, граціозно поигрываетъ картоннымъ мечомъ. Вильгельмъ Телль, въ самомъ напряженномъ моментѣ своей патріотической борьбы, вдругъ жеманно потягивается и, обращаясь къ Гесслеру, мечтательно тремолируетъ голосомъ. Въ печати появились слухи, что въ этомъ сезонѣ талантливый актеръ намѣренъ выступить въ роли короля Лира. Нужно опасаться, какъ бы властный герой этой сказочной трагедіи, подъ неудержимымъ напоромъ природнаго дарованія Далматова, не обнаружилъ среди своихъ скорбныхъ монологовъ черезчуръ сладостной салонной меланхоли.

II.

Оставимъ Малый театръ съ его молодою труппою, въ которой забыли нѣкоторыя дарованія, и перейдемъ къ сценическимъ силамъ петербургскихъ казенныхъ театровъ. Прежде всего нужно отмѣтить, что среди этихъ силъ съ упроченнымъ положеніемъ и непоколебимой репутаціей есть нѣсколько весьма выдающихся актрисъ и актеровъ, каковы: Савина, Комисаржевская, Мичурина, Дюжикова, Давыдовъ, Горевъ, Сазоновъ, Варламовъ и нѣкоторые другіе. Трудно представить себѣ лучший подборъ талантовъ при многолѣтней сценической опытности. Талантливая премьерша Савина пользуется всеобщей любовью. Въ самомъ дѣлѣ, это актриса, умѣющая плѣнять публику. Игра ея, проникнутая кокетливою самоувѣренностью, никогда не достигаетъ настоящихъ трагическихъ эффектовъ, но всегда шевелитъ и приподнимаетъ утомленные нервы петербургскаго, по преимуществу, чиновническаго міра. Самое ея появленіе на сцену, съ вызывающимъ шелестомъ шелковыхъ юбокъ, всегда сопровождается общимъ оживленіемъ залы. Пѣвучіе, капризные, слегка носовые звуки ея голоса

сразу даютъ чувствовать извѣстный артистическій темпераментъ: актриса будетъ кокетливо и задорно играть нервами зрителей, ни на секунду не теряя обладанія собственными нервами. Она не любитъ публики живою теплою любовью, но она любитъ, чтобы публика любила ее. Выходя на авансцену, стоя подъ тысячами взглядовъ, она не вспыхиваетъ сердечнымъ трепетнымъ смущеніемъ, но легко и привычно разливаетъ вокругъ себя свое очарованіе. И эта красивая кокетливая игра талантливой артистки именно въ своей вызывающей увѣренности отражаетъ какое-то особенное женское фатовство и, какъ это ни странно сказать, чѣмъ-то отдаленно напоминаетъ игру великолѣпнаго Далматова. Это выдающіеся артисты одного художественнаго чекана, хотя, конечно, дарованіе Савиной, умное и полное отгѣнковъ, гораздо значительнѣе. Ея движенія проникнуты чувственною жеманностью. Иногда, особенно въ роляхъ *ingénue*—движенія эти приобретаютъ какую-то угловатую грацію, которая вноситъ въ ея игру радостный для публики легкій веселый комизмъ. Ея туалеты, часто дорогие и нѣсколько кричащіе, быть можетъ и даже навѣрное, отсталые по своему типу отъ причудливыхъ, богатыхъ новѣйшими декадентскими отгѣнками туалетовъ Яворской, какъ нельзя лучше соотвѣтствуютъ характеру ея талантливой, но нѣсколько высыхающей игры. Какъ быстро мѣняются вѣянія даже въ области костюмовъ! Тѣ самые туалеты, которые, превосходно облекая ея поверхностно-пикантную фигуру, нѣкогда казались публикѣ верхомъ женственнаго изящества, теперь уже многимъ кажутся банальными. Но артистка все еще пользуется всѣми средствами своего недюжиннаго таланта и отъ времени до времени даетъ своимъ театральнымъ вѣрнопопдающимъ праздничнымъ отрады. На ея сухомъ, умномъ, нервномъ лицѣ чувствуется оживленіе работающей мысли, и ея напряженная игра заливаетъ зрительную залу багровыми лучами прохладнаго заката.

Мичурина—артистка, не пользующаяся особеннымъ успѣхомъ, хотя ея дарованіе не подлежитъ для меня никакому сомнѣнію. Это актриса съ холоднымъ темпераментомъ, въ которомъ чувствуется что-то гордое и твердое. Игра ея въ тѣхъ рѣдкихъ роляхъ, которыя даютъ возможность показывать именно такую небанальную и въ то же время не мягкую натуру,—имѣетъ чисто художественный характеръ, уловимый не для всякаго зрителя. Ея красивое холодное лицо какъ бы предназначено передавать разнообразныя отгѣнки не психологическихъ, а чисто волевыхъ настроеній. Еще очень недавно Мичурина превосходно сыграла свою роль въ новой пьесѣ Шпагинскаго «Двѣ судьбы». Одна безмолвная сцена, когда она выслушиваетъ обидныя самообличительныя признанія любимаго человѣка и медленно, напряженно ступая, выходитъ изъ комнаты, по истинѣ, безподобна. Въ такой игрѣ есть настоящая драматическая красота. Нужно сказать, что этому художественному темпераменту не легко найти себѣ

роли въ современномъ бытовомъ или психологическомъ репертуарѣ и потому талантливая артистка естественно остается въ тѣни. Но если бы управленіе казенными театрами находилось въ рукахъ болѣе чуткихъ и литературно просвѣщенныхъ людей, для Мичуриной, навѣрно, поставили бы замѣчательную въ своемъ родѣ драму Ибсена «Гедда Габлеръ», гдѣ ярко нарисованный образъ безпощадно демоничной женщины могъ бы дать настоящее испытаніе дѣйствительнымъ силамъ и размѣрамъ ея таланта.

Дюжикова старшая, недавно справившая двадцатипятилѣтній юбилей своей сценической дѣятельности, представляется въ труппѣ русскаго драматическаго театра значительно полезной величиной. Прежде она играла сильно драматическія роли съ нѣкоторой напыщенной эффектностью, которой способствовали ея наружность съ трагическими чертами лица и низкій сильный голосъ. Въ настоящее время Дюжикова перешла на роли драматическихъ старухъ, и теперь игра ея, менѣе кричащая, болѣе спокойная, показываетъ въ ней артистическій умъ и сценическій тактъ.

Не останавливаясь пока на Коммисаржевской, о которой я поговорю подробно въ заключеніе статьи, отмѣчу еще нѣсколько женскихъ силъ труппы: Абаринову, Жулеву, Стрѣльскую и Левкѣву, среди давнихъ дѣятельницъ театра, Потоцкую, Стравинскую, Шувалову и Никитину среди молодыхъ. Абаринова, слащаво-томная актриса, когда-то выступавшая въ роляхъ свѣтскихъ дамъ и имѣвшая въ этихъ роляхъ нѣкоторый успѣхъ, въ настоящее время недурно показываетъ свои способности въ роляхъ сценическихъ мамашъ. Остатки прежней жеманности служатъ натуральнымъ украшеніемъ этихъ ея полукомическихъ ролей. Прежде эта артистка являлась постоянной партнершей Савиной, теперь она сопровождаетъ восходящую звѣзду Коммисаржевской. Жулева—очень умная, твердая и характерная актриса, не лишенная величаваго старческаго изящества. Стрѣльская и Левкѣва—двѣ безподобныя комическія старухи, вѣчно юныя въ своей неувыдающей старости. Стрѣльская съ своей маленькой круглой фигуркой, съ своими мѣшковатыми щеками и хитро выглядывающими глазками, съ растяжнымъ, чисто русскимъ выговоромъ, въ которомъ проявляется иногда забавное пришепетываніе и какое-то причмокиваніе, вызываетъ нетерпѣливую радость галлерей и сдержанныя улыбки въ ложахъ и партерѣ при первомъ же своемъ появленіи. Левкѣва со своимъ грузнымъ тѣлосложеніемъ, съ темнымъ пушкомъ на губѣ, ходитъ по сценѣ съ какой-то разбойнической энергіей и стремительностью. При ея природныхъ данныхъ она всегда оказывается какъ нельзя болѣе на мѣстѣ въ нѣсколько шаржированныхъ бытовыхъ роляхъ.

Что касается молодыхъ артистокъ, то между ними особенно выдѣляется нѣкоторыми характерными чертами Потоцкая. Этой артисткѣ нельзя отказать въ талантѣ, хотя ея чрезмѣрная нервичность, несдержанная вертлявость и истерическій смѣхъ, рассыпающійся горошкомъ и кончающійся

однообразнымъ захлебываніемъ, мѣшаютъ ей просто и колоритно вычерчивать свои роли. Стравинская, иногда дублирующая Коммисаржевскую, не лишена нѣкотораго огонька, но, можетъ быть, недостаточно полагаясь на свою артистическую индивидуальность, охотно повторяетъ мотивы чужой, гораздо болѣе талантливой игры. Шувалова, только что принятая на казенную сцену,—еще совсѣмъ юная артистка съ хорошими, красивыми манерами и, повидимому, быстро овладѣвающая трудностями сценической техники. При статной фигурѣ и правильномъ русскомъ лицѣ, она производитъ пріятное впечатлѣніе, а еще не развернувшееся дарованіе показываетъ себя въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ блестяхъ. Никитина, миловидная артистка «рыхлаго» типа, какъ выразился бы Лѣсковъ, является очень полезнымъ элементомъ въ бытовыхъ, чисто русскихъ комедіяхъ и драмахъ.

Между мужскими силами труппы наибольшей любовью публики пользуется Давыдовъ. Это актеръ очень крупнаго таланта на характерныя роли съ оттѣнкомъ комизма. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ игра его, художественно-умная, съ сочными бытовыми красками, углублялась иногда яркими драматическими моментами и производила захватывающее впечатлѣніе. Онъ жилъ на сценѣ непринужденной жизнью, съ какимъ-то осмысленнымъ весельемъ, которое шевелило лучшіе инстинкты публики. Въ томъ періодѣ артистической дѣятельности Давыдовъ создалъ цѣлый рядъ выпуклыхъ и законченныхъ типовъ, которые останутся въ лѣтописяхъ сценическаго искусства. Глубокій въ своемъ родѣ драматическій элементъ придавать идейную силу его игрѣ. Въ настоящее время, при всемъ богатствѣ чудеснаго юмора, въ игрѣ Давыдова уже не слышится прежняя драматическая нота: онъ все чаще и чаще склоняется къ утонченному буффонству, къ чисто внѣшнему комизму, въ которомъ не ощущается горѣніе души. Самый внѣшній обликъ актера, и безъ того черезчуръ тучный и закругленный, сталъ въ высшей степени неблагоприятнымъ для передачи болѣе тонкихъ и разнообразныхъ художественныхъ замысловъ. Полнозвучный, но однообразный голосъ, оплывшее лицо при короткой шеѣ, тяжелая фигура, такъ сказать, предопредѣляютъ его амплуа, не позволяя актеру выходить за черту внѣшнихъ, лишенныхъ глубины ролей. Лучшей ролью его за послѣднее время надо считать роль свѣтскаго раззорившагося кутилы Свибужскаго въ пьесѣ Потапенко «Волшебная сказка». Эту роль Давыдовъ играетъ, по истинѣ, восхитительно. Веселая походка съ пришаркиваніемъ, тоненькій, смѣшливый, сверлящій голосокъ въ циническихъ замѣчаніяхъ и репликахъ, наконецъ, въ своемъ родѣ чудесное цыганское пѣніе съ умнымъ, забавнымъ подражаніемъ цыганской манерѣ—нельзя представить себѣ болѣе веселой и болѣе веселящей игры. Театръ просто ушивается искусствомъ актера. Но, при всей талантливости игры, воплощеніе такого типа, можетъ быть, не является особенной сценической по-

бѣдой. Фигура, нарисованная въ пьесѣ Потапенко, не представляет оригинальности и не ставитъ передъ актеромъ никакой серьезной задачи. А роли, болѣе замѣчательныя, съ широкимъ идейнымъ захватомъ, не раскрываются у Давыдова во всемъ своемъ внутреннемъ содержаніи. Играя Фамусова, актеръ превосходно читаетъ грибоѣдовскіе стихи, но въ общемъ, какъ мнѣ кажется, вкладываетъ въ свое исполненіе очень мало души. Въ движеніяхъ и жестахъ онъ точно воспроизводитъ какія-то старинныя иллюстраціи комедіи, безъ неожиданныхъ самобытныхъ штриховъ. Въ роли городничаго въ «Ревизорѣ» Давыдовъ мѣстами чересчуръ вульгаренъ и напряженъ, какъ если бы безсмертное произведеніе Гоголя не сообщало ему болѣе легкаго и подвижнаго вдохновенія. И опять, въ исполненіи этой роли, чувствуются обитыя клише старыхъ книжныхъ иллюстрацій. Что касается до экскурсій Давыдова въ классическую иностранную комедію, то, при типично русскихъ чертахъ его внѣшности и таланта, онъ не могутъ привести ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ. Эту заманчивую область нужно считать закрытой для него. Невольно вспоминаешь въ этихъ роляхъ Коклена, при сравненіи съ которымъ дарованіе Давыдова вдругъ начинаетъ меркнуть и блѣднѣть.

Сазоновъ тоже актеръ съ выдающимся талантомъ, въ которомъ соединяются комическіе и драматическіе элементы. Однако соединеніе это не можетъ быть названо вполне гармоничнымъ: въ его драматическихъ порывахъ, иногда очень яркихъ, чувствуется неискренность, аффектація. Это какое-то буйство темперамента, при которомъ у актера не горитъ сердце. И вотъ почему Сазонову, особенно въ послѣднее время, такъ же, какъ и Давыдову, болѣе всего удаются полукомическія роли съ неглубокимъ психологическимъ содержаніемъ. Такъ онъ чудесно играетъ роль спавшаго съ голоса пѣвца въ новой пьесѣ Шпажинскаго «Двѣ судьбы». Здѣсь онъ, дѣйствительно, на высотѣ своихъ природныхъ силъ. Его прекрасный баритонъ съ простонародными оттѣнками въ говорѣ, развязныя, безманерныя движенія чисто русскаго типа, плотная фигура, здоровое лицо съ румянцемъ,—все эти данныя, дѣлавшія Сазонова въ свое время лучшимъ послѣ Козельскаго Бѣлугинымъ, не могли не оказаться кстати и въ пьесѣ Шпажинскаго, которая въ этомъ пунктѣ является посредственнымъ подражаніемъ Островскому. Но выступая въ роли Репетилова, этого подвижнаго, безкорыстнаго и въ своемъ родѣ поэтически увлекающагося лгуна, рѣчь котораго брызжетъ неизсякающей свѣжестью фантазіи, Сазоновъ кажется тяжеловатымъ и пошло-банальнымъ. Въ его Репетиловѣ—ни искры поэзіи. Эта роль не подходитъ къ его внутреннему актерскому складу, въ которомъ, именно въ поэтическихъ мѣстахъ, чувствуется какая-то фальшь. Говорятъ, что въ Москвѣ Репетилова изумительно исполнялъ Горевъ.

Варламовъ—комическій актеръ, которому помогаетъ самъ Богъ. Его большое, широкое книзу лицо, съ бабьими чертами, при грузномъ мясистомъ тѣлѣ изъ одного куска, производитъ какое-то непреодолимо-смѣхотворное впечатлѣніе. Голосъ у него зычный, поднимающійся откуда-то изъ глубины широкими неизсякающими волнами, которыя словно пузыряются во рту. Его скудная жестикуляція постоянно оживляется вращательными движеніями растопыренной кисти. Когда Варламовъ разыгрывается во всю, публика хохочетъ до изступленія. Богъ далъ этому талантливому актеру неподражаемыя вишія данныя и теплое, простое, можетъ быть, возвышенно-наивное сердце, которое чувствуется и подкупаетъ въ его колоритной игрѣ. Медвѣдевъ, Шаповаленко и нѣкоторые другіе дополняютъ своими несомнѣнными дарованіями комическій составъ труппы.

Не говоря пока о Горевѣ, отмѣчу нѣсколько другихъ замѣтныхъ дѣятелей казенной драматической сцены. Давній и заслуженный актеръ Писаревъ въ настоящее время, при перемѣнахъ въ репертуарѣ, при замѣнѣ пьесъ Островскаго произведеніями новѣйшихъ авторовъ, постепенно отошелъ въ холодную тѣнь второго плана. Но и теперь игра его, неяркая, нѣсколько неподвижная, обличаетъ въ немъ вкусъ, благородство и широкую литературную образованность. По интеллигентности это одинъ изъ самыхъ достойныхъ русскихъ актеровъ. Ленскій, резонеръ по дарованію, очень недурно изображаетъ пожилыхъ благородныхъ людей. Но для ролей Далматовскаго пошиба, которыя ему иногда поручаются вслѣдствіе ухода изъ труппы талантливаго фата, у него не хватаетъ необходимой гибкости и шика. Дальскій, любящій показывать себя въ сильно драматическихъ роляхъ, играющій и Гамлета, и Шейлока, берущій съ разбѣгу такія трудныя задачи, какъ исполненіе Чапкаго и Хлестакова, въ сущности, могъ бы оказаться полезной силой въ болѣе скромныхъ характерныхъ роляхъ изъ современнаго репертуара. Игра его, не лишенная увлеченія, непріятно поражаетъ своей ничѣмъ не прикрытой самоувѣренностью, которая производитъ слегка комическое впечатлѣніе при его фигурѣ и слишкомъ моложавомъ лицѣ. Одинъ разъ только я видѣлъ его въ роли, которая дала ему возможность показать свой настоящій талантъ,—а именно: въ роли адвоката въ пьесѣ Влад. Немировича-Данченка «Цѣна жизни». Этой простой роли онъ придалъ настоящую художественную законченность. Аполлонскій, непріятный искусственный актеръ въ такъ называемыхъ роляхъ первыхъ любовниковъ, сталъ изображать за послѣднее время характерныхъ свѣтскихъ, воспитанныхъ людей, и въ этомъ новомъ своемъ амплуа обнаружилъ себя актеромъ умнымъ и талантливымъ. Умѣніе держаться на сценѣ, при красивой умѣренной вибраціи голоса, позволяетъ ему выказать не только свое природное изящество, но и артистическій вкусъ.

Горевъ—актеръ съ выдающимся сильно драматическимъ талантомъ. Среди всѣхъ мужскихъ дарованій труппы онъ занимаетъ совершенно осо-

бенное положеніе. Если про Давыдова, Сазонова и Варламова нужно сказать, что это чисто русскіе актеры, съ особеннымъ мягкимъ, плавнымъ пошибомъ игры, то про Горева слѣдуетъ сказать, что это актеръ совсѣмъ другой, болѣе горячей и нервной породы. Игра его, строго художественная, несмотря на нѣсколько приподнятый тонъ, въ истинно драматическихъ моментахъ зажигается настоящею страстью. Тогда Горевъ, охваченный энтузіазмомъ, въ одно мгновеніе, картинно и ярко вскрываетъ свою кипучую артистическую натуру, которая въ обыкновенное время кажется какъ бы скованною сценическими условностями. Я люблю этого актера съ его неожиданными шумными подъемами и особенными вдохновеніями. Иногда, въ сценахъ, почти не развернутыхъ авторомъ, Горевъ молчаливо вноситъ въ свою игру поразительно яркіе штрихи, дорисовывающіе художественный образъ и дѣлающіе его незабвеннымъ для зрителя. Въ этой области Горевъ не имѣетъ себѣ соперниковъ на русской сценѣ. Такъ, напримѣръ, исполняя роль отставного подполковника, отца Магды, въ «Родинѣ» Зудермана, Горевъ превращаетъ одну нѣмую сцену въ истинный трагическій шедевръ. Вся его фигура въ этой роли дышитъ старыми традиціями. Военная выправка, голосъ, въ которомъ звучатъ нотки фронтового командира, неизсякающее пристрастіе старика къ тому, что напоминаетъ ему прежнее лучшее время, пристрастіе, выражающееся въ мелочахъ—до жилетки съ форменными пуговицами, выглядывающей изъ подъ распахнутаго сюртука—все это бросается въ глаза съ самаго начала. Вся игра его полна напряженной драматической силы. Но высшимъ проявленіемъ его сценическаго творчества нужно считать ту почти безмолвную сцену, когда старый подполковникъ съ парализованной рукой готовится къ дуэли. Возвратившись домой послѣ попытки объясниться съ соблазнителемъ дочери, онъ останавливается въ дверяхъ, не снимая своей мягкой шляпы, съ видомъ, въ которомъ чувствуется и гордый вызовъ, и подавляемое смущеніе. Среди мертвой тишины по сценѣ вдругъ проносится легкое злобѣщее посвистываніе: глубоко потрясенный въ душѣ старикъ хочетъ показаться самому себѣ прежнимъ бравымъ человѣкомъ. Затѣмъ онъ рѣшительными шагами направляется къ шкафу съ револьверами и останавливается. Лѣвой здоровой рукой онъ откидываетъ сначала одну, потомъ другую дверцу шкафа. Продолжается то же легкое бравурное посвистываніе, и въ немъ чувствуется волненіе. Наконецъ, захвативъ подъ мышку парализованной руки ящикъ съ револьверами, онъ сильной бодрящейся поступью переходитъ на другую сторону сцены, медленно вынимаетъ револьверъ и медленно, торжественно приступаетъ къ репетиціи предстоящей дуэли...

Съ увѣренностью можно сказать, что никакой другой русскій актеръ не создастъ такого жуткаго эффекта, такой драматической правды изъ блѣдныхъ ремарокъ пьесы.

Недавно Горевъ вновь показалъ этого рода искусство въ пьесѣ Роветта «Друзья». Въ послѣднемъ третьемъ актѣ герой драмы, угнетенный человѣческой низостью журналистъ и политическій дѣятель, сходитъ съ ума. Эту сцену внезапнаго тихаго помѣшательства Горевъ проводитъ съ особеннымъ проникновеніемъ. Рядъ неожиданныхъ движеній—очень простыхъ, обыденныхъ, но ненужныхъ, нецѣлесообразныхъ,—показываетъ полную растерянность его ума. Вдругъ онъ прошелся по сценѣ и слабымъ движеніемъ руки тронулъ кресло. Потомъ онъ ищетъ чего-то съ разбѣгающимъ вниманіемъ. Потомъ онъ садится, неподвижно глядя въ пространство, съ блаженной улыбкой на лицѣ—и зритель чувствуетъ, что передъ нимъ сѣумасшедшій. Это высшій подъемъ чисто горевскаго вдохновенія. Но и второй актъ пьесы—бурную сцену объясненія съ партійными друзьями—актеръ играетъ съ большимъ искусствомъ, съ настоящей страстью. Его мужественное лицо съ рѣзко очерченнымъ профилемъ, его голосъ всегда звучный, но нѣсколько тягучій, словно нарочно задерживаемый, именно въ бурные моменты пріобрѣтаютъ силу и выразительность. Глаза загораются, голосъ нервно вздрагиваетъ, пріобрѣтаетъ живость и полноту въ отрывистыхъ крикахъ и раскатахъ.

Остается поговорить о Коммисаржевской.

Артистка эта еще совсѣмъ молодая, съ небольшимъ сценическимъ опытомъ, но уже ставшая любимицей публики. Вотъ про кого можно сказать, что это новая лучистая звѣзда на театральномъ небѣ. Она какъ-то сразу зажглась и приковала къ себѣ всеобщее вниманіе. Небольшая, худенькая, съ тонкимъ червнымъ лицомъ, по которому пробѣгаютъ легчайшія тѣни впечатлѣній, Коммисаржевская создаетъ вокругъ себя какую-то нѣжную атмосферу. Зрители чувствуютъ въ актрисѣ чуткую, тонкую человѣческую душу. Они невольно проникаются къ ней сердечнымъ участіемъ: ея игра и жизнь на сценѣ становится для нихъ какимъ-то художественно-личнымъ интересомъ. Когда играютъ артисты, подобные Коммисаржевской, публика сама проявляетъ свою высшую чуткость, и судъ ея, въ такихъ случаяхъ, является высшимъ судомъ вкуса и души надъ сценическимъ талантомъ. Критика, которая разошлась бы здѣсь съ восторженнымъ сочувствіемъ толпы, показала бы только свою искусственность и мертвенность. Съ того самого момента, какъ артистка выходитъ на авансцену, въ яркій свѣтъ рампъ, трепетная и женственно застѣнчивая, между нею и зрительной залой уже устанавливается тонкое, но неразрушимое созвучіе: это будетъ какъ бы одна жизнь, одно настроеніе. Она смотритъ своими большими, сѣрыми, чернящими отъ волненія глазами, смотритъ пристально, а бы сказать—сквозь дымокъ артистическаго безумія, не съ тою трагическою загадочностью, съ какою, по словамъ Стендаля, смотрѣлъ Тальма, но съ нѣжнымъ оттѣнкомъ чисто русскаго и въ то же время современнаго мистицизма. Когда смотришь на нее въ бинокль, невольно смотришь только въ эти

глаза, которые живутъ лихорадочно и глубокой жизнью. Мягкіе русые волосы въ простой некокетливой прическѣ прикрываютъ уши съ нѣсколько выпуклой полукруглой раковиной. Это уши сосредоточенно-музыкальнаго человѣка, который чутко улавливаетъ и собираетъ въ душу легчайшіе звуки жизни, гармоніи и дисгармоніи міра. Если бы артистка обладала большею самоувѣренностью, она откровеннѣе показывала бы эту характерную свою особенность. Въ самомъ дѣлѣ, она вся—слухъ. Кажется, что она постоянно ловитъ въ туманѣ далекихъ горизонтовъ какой-то наплывъ невидимой струны, тотъ неясный, волнующій звонъ, который есть звонъ собственной души. Эта неустанная работа вѣшняго и внутренняго слуха сказывается во всей ея фигурѣ, во всѣхъ ея позахъ. Нѣсколько моментовъ въ одной изъ ея новѣйшихъ ролей—въ пьесѣ Шпагинскаго «Двѣ судьбы»—подтверждаютъ эту мысль. Вотъ она сидитъ передъ проэктомъ задуманнаго ею благотворительнаго учрежденія, выслушивая докладъ о немъ отъ человѣка, смутно и бессознательно уже любимаго ею. Она повернула голову, и весь ея станъ, слегка вытянувшійся, выражаетъ живое, трепетное вниманіе. Глаза ея смотрятъ на собесѣдника, но чувствуется, что она воспринимаетъ его сквозь зарождающіяся фантастическія грезы. Вотъ, облокотившись на столъ и сложивъ у плеча приподнятыя руки, она слушаетъ ту же бесѣду одною душою, своимъ внутреннимъ слухомъ, а потемнѣвшіе глаза съ безпредметнымъ взглядомъ передаютъ какую-то безформенную человѣколюбивую мечту съ тайнымъ, застѣнчивымъ ожиданіемъ личнаго счастья. Вотъ она склонила голову на руку, опустивъ глаза, съ улыбкой спящаго человѣка, которому снится увлекательный сонъ: это замираніе слуха, изнеможеніе всего существа подъ наплывомъ личныхъ чувствъ. Этотъ типъ тонкой, музыкально настроенной артистки, съ особеннымъ благородствомъ вниманія къ міру и къ людямъ, представляетъ совершенно исключительное и новое явленіе въ русской драматической труппѣ. По глубинѣ и сердечности Коммисаржевская гораздо значительнѣе блестящей Савиной, а среди другихъ женскихъ силъ труппы она не имѣетъ себѣ никакихъ соперницъ.

Несмотря на то, что Коммисаржевская играетъ на петербургской сценѣ еще очень недавно, она уже успѣла создать цѣлый рядъ образовъ, къ которымъ нельзя было бы прибавить ни одной черты. Я думаю, что, по законченности, лучшая изъ этихъ ролей—роль Клерхень въ пьесѣ Зудермана «Гибель Содомы». Грудной глубокой голосъ артистки, лучшее орудіе ея сердечнаго поэтическаго таланта, и скромная дѣвическая походка придаютъ ея игрѣ въ этой роли, какъ и въ другихъ однородныхъ роляхъ, особенную прелесть и искренность. Клерхень—дѣвушка чистѣйшаго сердца и чистѣйшихъ возвышенныхъ грезъ, дѣвушка, которая съ робкимъ вдохновеніемъ тянется къ яркому свѣту. Разговоръ ея съ Крамеромъ, ограниченнымъ, но беззавѣтно любящимъ ее человѣкомъ, о гениальномъ художникѣ Вилли,

героѣ пьесы, въ исполненіи Коммисаржевской, полонъ чарующей наивности и мечтательнаго восхищенія. Она сидитъ за завтракомъ, но своими мыслями она далека отъ всякой будничной прозы, и ея короткія реплики Крамеру, между невнимательными маленькими глотками, звенятъ на сценѣ матовымъ серебристымъ звономъ колокольчика. Въ отрывочныхъ словахъ даетъ себя чувствовать первое пробужденіе изящной женской души. Она говоритъ о тѣхъ женщинахъ, многочисленныхъ женщинахъ, которыя очарованы славою Вилли и не могутъ не любить его, а въ звукахъ музыкальнаго голоса уже слышится подступающій приливъ благоговѣйной страсти. Словъ такъ немного, но артистка, всѣмъ своимъ видомъ, своимъ поблѣднѣвшимъ лицомъ и горящими глазами, показываетъ первыя волненія захватывающей любви въ этой цѣломудренной дѣвушкѣ съ роскошными длинными косами. Ея разговоръ съ Вилли дорисовываетъ этотъ образъ неподобными поэтическими чертами. Она—пріемышъ въ домѣ Вилли, почти сестра ему по привычкѣ совмѣстной жизни. Теперь онъ впервые захотѣлъ поговорить съ нею по душѣ, и вотъ, въ одно мгновеніе, его ослѣпили жгучіе лучи ея внутренняго солнца. Клеркенъ сидитъ на ручкѣ его кресла и, еще не понимая того, что совершается въ ней и въ немъ, наивно подставляетъ себя подъ пламя его испытанныхъ страстей. Онъ, Вилли, для нея какой-то полубогъ. Она не можетъ даже и помыслить объ его любви. «Мы такіе маленькіе, а вы—вотъ какіе!..» говоритъ она, очаровательнымъ движеніемъ руки представляя что-то очень маленькое и потомъ нѣчто очень высокое отъ земли. Когда Коммисаржевская, перегнувшись съ ручки кресла, дѣлаетъ этотъ образный жестъ рукою, въ публикѣ проносятся шелестъ умиленнаго смѣха. Она сразу показываетъ весь свой художественно-поэтическій талантъ, и по окончаніи дѣйствія публика единодушно аплодируетъ артисткѣ, которая оживила въ ней юношески безпорочную мечту. Такой именно успѣхъ, по истинѣ, можно назвать возвышеннымъ успѣхомъ—успѣхомъ не актерскаго только, но и чисто человѣчнаго таланта.

Другой неподобный образъ Коммисаржевская создаетъ въ роли Розы—въ пьесѣ Зудермана «Бой бабочекъ». Это восхитительное существо съ полудѣтской граціей и подвижными настроеніями. Простодушная наивность Розы съ ея свѣтло-мерцающей талантливостью къ живописи показаны артисткою въ мельчайшихъ оттѣнкахъ игры. Ея живыя мягкія движенія, разнообразныя и въ высшей степени выразительныя, передаютъ какую-то пѣвучую пластику юной поэтической натуры. Если въ «Гибели Содома» Коммисаржевская показываетъ поразительное умѣнье дорисовывать жестами то, что не досказано въ словахъ, то здѣсь она проявляетъ въ этомъ отношеніи истинное художественное мастерство. Болѣе глубокая и болѣе зрѣлая мечтательность Клеркенъ передается по преимуществу голосомъ,—летучія, какъ облачка, грезы молоденькой художницы Розы выражаются

зыбкой мимикой и цѣлой гаммой движеній. Вотъ она въ первый разъ выбѣгаетъ на сцену въ полу-дѣтскомъ платьѣ, въ мальчишеской шапочкѣ, съ рассыпавшимися по плечамъ волосами, съ пакетами въ рукахъ. Мягкій задоръ свѣтится въ глазахъ и улыбкѣ, все ея существо проникнуто какимъ-то безпричиннымъ удовольствіемъ, словно обвѣяно воздухомъ весны. Сразу угадывается въ этой дѣвочкѣ чистая впечатлительная душа, для которой уже сверкаютъ какія-то отдаленныя зарницы. Въ домѣ своей матери Роза приноситъ помощь въ борьбѣ съ нищетой, чудесно расписывая бабочками различныхъ породъ вѣера для продажи. Она же, въ своей дѣтской невинности, служить для своей старшей сестры, молодой и пикантной вдовушки, посредницей въ ея любовной перепискѣ. Она исполняетъ эту роль съ серьезностью и важностью, воображая, что отъ ея посредничества зависитъ участь людей и что какая-нибудь оплошность съ ея стороны можетъ повести къ ужаснымъ катастрофамъ. Но кружась постоянно около чужой любви, Роза уже вспыхиваетъ, время отъ времени, предчувствіемъ собственной любви. Эту черту ея душевной жизни Коммисаржевская передаетъ съ удивительною экспрессіей и со всею присущею ей способностью отражать тонкія волненія безпорочной страсти. Вотъ Роза сидитъ у горки съ посудой, взобравшись на стулъ и примостившись на его спинкѣ, и разсуждаетъ о любви со своимъ двоюроднымъ братомъ. Опершись локтями о колѣни и склонивъ голову на приподнятыя сложенные руки, она лукаво, съ видомъ тонкаго знатока того предмета, о которомъ идетъ рѣчь, прищурила глаза, а улыбка оживляетъ ея лицо игрою первыхъ, еще загадочныхъ волненій. Вотъ она стоитъ, прижавъ руками бьющееся сердце, съ испуганно-внимательнымъ лицомъ, какъ бы прислушиваясь къ тому, что въ ней дѣлается. Выраженіе серьезно, напряжено минутнымъ страданіемъ, но весь обликъ—это лицо съ открытымъ мягкимъ лбомъ, распущенные по плечамъ волосы, перевязанные на темени крылатымъ чернымъ бантомъ, вся хрупкая фигура съ видными изъ подъ полосатаго платья ножками въ туфляхъ, украшенныхъ бантиками,—весь этотъ обликъ полонъ дѣтской простоты. Во второмъ дѣйствіи, съ перемѣной обстановки, съ оживленіемъ окружающихъ романтическихъ событій, Роза живетъ усиленной внутренней жизнью, чутко прислушиваясь ко всему изъ своей рабочей оранжереи, безкорыстно помогая развѣтываться чужой любви и въ то же время какъ бы обжигая пальцы на огнѣ чужихъ страстей и ощущая лихорадочное бѣненіе собственного пульса. Въ третьемъ дѣйствіи игра Коммисаржевской является настоящимъ триумфомъ граціи и мимики. Роза помогла устроить свиданіе своей сестры Эльзы съ ея возлюбленнымъ, и вотъ она, увлеченная въ ихъ подозрительную компанію, впервые поддается вакхическому искушенію. Ее угощаютъ шампанскимъ,—и надо видѣть, съ какою наивною прелестью артистка передаетъ постепенное опьянѣніе и головокружительное удовольствіе неожидан-

наго смѣшенія чувствъ и понятій. Отдѣльные моменты этой сцены запечатлѣваются въ памяти, какъ очаровательная художественная живопись. Вотъ она стоитъ съ бокаломъ въ рукѣ, смущенная, оробѣвшая и немного протестующая. Голова слегка отклонена вбокъ, брови приподняты какъ бы въ недоумѣніи, руки, осторожно сжимающія ножку бокала, слегка дрожатъ. Вотъ она опустилась на стулъ и, прильнувъ губами къ стеклу, смотритъ въ публику лукавымъ горящимъ взглядомъ. Вотъ она уже отпила изъ бокала и, обхвативъ его бережно, съ какимъ-то нѣжнымъ упоеніемъ, держитъ его недалеко отъ рта, а лицо, съ веселой гримасой приподнятой губы, открывающей блестящіе бѣлые зубы, озарено смутнымъ вакхическимъ восторгомъ. Мысли постепенно путаются, голова соскользаетъ на спинку стула, и черезъ нѣсколько минутъ Роза спитъ уже на кушеткѣ, не вѣдая о томъ, что происходитъ въ комнатѣ. Въ послѣднемъ, четвертомъ дѣйствіи, артистка приноситъ съ собою на сцену—особенно въ заключительныхъ моментахъ—все оживленіе юнаго сердца передъ вспыхивающими на горизонтѣ яркими зарницами любви...

Клерхенъ и Роза могутъ считаться въ исполненіи Коммисаржевской какъ бы родными, очень похожими сестрами. И тутъ, и тамъ сценическое воплощеніе авторскихъ замысловъ дышитъ чистотою, искренностью и тѣмъ особеннымъ вдохновеніемъ, которое невольно даетъ чувствовать, что у самого актера горитъ и волнуется сердце. Остается прибавить, что роли эти разработаны Коммисаржевской въ этихъ двухъ талантливыхъ пьесахъ Зудермана съ такой поэтической правдивостью и художественною простотою, что каждый разъ, когда ей приходится играть молодыхъ дѣвушекъ этого типа, она даетъ въ нихъ какъ бы отпечатки этихъ двухъ безподобно выгравированныхъ фигуръ. Но въ этомъ сказываются не какіе-нибудь пробѣлы или недомоганіе творческаго вдохновенія, а *законъ стиля*, который неизмѣненъ и неизгладимъ какъ для художника литературы, такъ и для художника сцены. Извѣстная идея повторяется въ игрѣ, но повторяется со всѣми возможными видоизмѣненіями и новыми вышшими деталями въ гримѣ, въ манерахъ, въ темпѣ нервныхъ движеній. Такою именно новою ролю разсмотрѣннаго типа является роль Анхенъ въ пьесѣ Макса Гальбе «Юность», впервые сыгранная Коммисаржевской сравнительно недавно съ обычнымъ талантомъ и страстнымъ вдохновеніемъ. Тѣ чувства, которыя только издали волнуютъ героиню Зудермана, показаны здѣсь въ полномъ разгарѣ, и соотвѣтственно этому артистка вноситъ въ свое исполненіе нѣсколько новыхъ яркихъ оттѣнковъ, нѣсколько смѣлыхъ горячихъ штриховъ. Эта роль уже обнаруживаетъ тѣ средства, которыми Коммисаржевская располагаетъ для чисто драматическихъ ролей.

Такихъ драматическихъ ролей въ репертуарѣ Коммисаржевской есть нѣсколько, но я отмѣчу только три: Ларису въ «Безприданницѣ», Наташу въ «Волшебной сказкѣ» Потапенко и Соню въ комедіи М. Чай-

ковскаго «Борцы». Несомнѣнно, что всѣ артистическія данныя Коммисаржевской—сердечность игры, глубина общихъ настроеній, которая постоянно даетъ себя чувствовать на сценѣ, необычайная нервность въ репликахъ— всѣ эти данныя позволяютъ ей брать на себя исполненіе сильно-драматическихъ ролей. Весь вопросъ въ томъ, умѣетъ ли она прорываться въ страстный монологъ, который бы придать роли сильный, могучій характеръ и потрясъ бы зрительную залу, какъ это умѣла дѣлать въ свое время Стрепетова, Федотова и какъ это дѣлаетъ иногда еще и теперь Ермолова. Душевный складъ, весь артистическій типъ Коммисаржевской представляетъ, такъ сказать, прекрасный фонъ для яркой драматической игры, и въ этомъ отношеніи настоящимъ для нея испытаніемъ явилась бы пьеса съ глубокимъ и смѣлымъ замысломъ. Что касается Ларисы, то нужно сказать, что создавая изъ скудныхъ данныхъ роли законченный и изящный художественный обликъ угнетенной средою дѣвушки, Коммисаржевская всего глубже и вдохновеннѣе прорывается въ своемъ пѣніи. Почти избитый романсъ, выражающій настроеніе героини, получаетъ у нея захватывающій трагическій характеръ: полные грудные звуки, помертвѣвшее лицо и глаза, глядящіе изъ глубины съ безысходнымъ отчаяніемъ, показываютъ публикѣ всю душу несчастной дѣвушки. Этотъ моментъ, какъ никакой другой въ пьесѣ, даетъ Коммисаржевской возможность обнаружить еще не развернутыя въ ней силы драматическаго творчества. Я вѣрю, что случай, какой-нибудь новый сценическій опытъ, какая-нибудь новая роль вдругъ и неожиданно для многихъ вскроетъ въ ней источникъ чисто драматическаго пафоса. Это должно непременно случиться, потому что постоянная духовная и нервная работа въ извѣстномъ направленіи не можетъ не разрѣшиться яркими огневыми вспышками.

Это предположеніе подтверждается уже ея превосходной игрою въ пьесахъ Потапенко и Чайковскаго. Пьеса г. Потапенко, несмотря на нѣкоторые существенные литературные недостатки, даетъ возможность показать себя съ самой лучшей стороны цѣлому ряду артистовъ, и это обстоятельство, во всякомъ случаѣ, говорить въ ея пользу. Такъ Аполлонскій прекрасно, съ сдержанной меланхоліей, проводитъ роль графа Ижорскаго — главную роль въ пьесѣ послѣ роли Наташи. О чудесномъ юморѣ Давыдова въ роли Свибужскаго я уже упоминалъ. Даже Ге въ роли доктора Полинцева не показался мнѣ на этотъ разъ чрезмерно напыщеннымъ. Но Коммисаржевская въ роли Наташи, отдѣльными моментами игры, можно сказать, совершенно заслоняетъ своихъ даровитѣйшихъ партнеровъ. Я слѣдилъ за ея исполненіемъ съ особеннымъ вниманіемъ и отчетливо помню каждое впечатлѣніе съ самаго начала пьесы. Въ первомъ дѣйствіи, въ ссорѣ съ родными, Коммисаржевская проявляла слишкомъ много нервозности, которая, можетъ быть, находилась въ связи съ тѣмъ трепетомъ перваго представленія, который овладѣваетъ, какъ говорятъ, талантлив-

вѣйшими и опытѣйшими актерами. Нѣкоторые ея жесты показались мнѣ лишними, ненужными, голосъ вибрировалъ и давалъ иногда крикливые звуки. Но въ томъ же дѣйствіи разговоръ только что выпущенной изъ института Наташи съ братомъ ея подруги, графомъ Ижорскимъ, играетъ всѣми оттѣнками молодыхъ искреннихъ страданій. Стѣсняясь своей бѣдностью, она застѣнчиво опускаетъ головку, а потомъ, перебирая дѣтскія воспоминанія, то плачетъ тихими сдержанными слезами, то заливается свѣтлымъ юнымъ смѣхомъ. Тутъ на лицо лучшія черты таланта артистки, знакомыя публикѣ по другимъ ея ролямъ. Когда подъ конецъ дѣйствія Наташа, задыхаясь отъ разлада съ семьей, отъ накопившихся взаимныхъ неудовольствій, бросаетъ свой домъ и уходитъ на улицу, въ игрѣ Коммисаржевской слышатся сильныя ноты. Второе дѣйствіе, въ квартирѣ Ижорскаго, не представляетъ никакихъ новыхъ элементовъ для ея творчества. Ея бесѣда съ графомъ у пылающаго камина, въ которой, сквозь волшебныя грезы о жизни, угадывается страхъ дѣвической невинности, очаровываетъ публику. Уже плѣненная новыми настроеніями въ роскошной обстановкѣ, она время отъ времени бесильно порывается уйти, и въ этихъ словахъ ея—«я должна уйти», «я лучше уйду»—тонко передается предчувствіе того, что она не уйдетъ, что она останется здѣсь. Только голосомъ Коммисаржевской могутъ быть переданы такіе художественные нюансы. Въ третьемъ дѣйствіи передъ нами—полное отчаяніе Наташи въ ея новомъ тягостномъ и двусмысленномъ положеніи. Это дѣйствіе Коммисаржевская отъ начала до конца играетъ всѣми нервами, съ увлекающей, чисто драматической страстью. Почти истерическое обрывающееся пѣніе, гнѣвныя вспышки протеста противъ этой пошлой среды, въ которую она попала, взвинченный смѣхъ передъ любовникомъ и, наконецъ, взрывъ самообличительнаго отчаянія—все это передается правдиво и смѣло и при томъ безъ малѣйшаго оттѣнка сценической реторики. По окончаніи дѣйствія Коммисаржерской была устроена настоящая овація. Въ послѣднемъ четвертомъ дѣйствіи артистка тихо доигрываетъ мотивъ пьесы, но, появляясь на сценѣ, она однимъ своимъ видомъ напоминаетъ только что замолкшую грозу. И характерно, что при самомъ выходѣ на сцену артистку встрѣтили аплодисментами—такъ сильна была драматическая иллюзія третьяго дѣйствія.

Наконецъ, вотъ еще роль—роль Софьи въ пьесѣ Модеста Чайковскаго «Борцы». Прежде всего замѣчу, что эта комедія написана вполне литературно, что не всегда можно сказать даже о пьесахъ извѣстныхъ драматическихъ авторовъ, и въ общемъ обличаетъ живость таланта. Можно, конечно, оставить безъ вниманія легкомысленныя газетныя придирки къ пьесѣ по тому поводу, что она является передѣлкою прежней пьесы того же автора. Совершенно безразлично, изъ какихъ черновыхъ матеріаловъ создано это произведеніе г-на Чайковскаго: интересно лишь то, что пьеса,

дѣйствительно, даетъ актерамъ возможность захватить публику яркостью намѣченныхъ образовъ и свѣжестью сценическаго творчества. Варламовъ, Давыдовъ и даже Апполонскій сыиграли свои роли съ изумительнымъ вдохновеніемъ. Особенно нужно выдвинуть игру Давыдова. Роль Дилигентова, обозленнаго Искаріота стараго закала, оказалась въ его исполненіи чѣмъ-то въ высшей степени типичнымъ. Вдохновеніе ядовитой мстительной злобы было передано имъ съ рѣдкимъ искусствомъ. Жесты, голосъ, гаденькій смѣшокъ мелкаго пройдохи, пафосъ минутной побѣды надъ сильнымъ противникомъ—все это жило на сценѣ въ цѣльномъ законченномъ образѣ и вызывало у публики шумные аплодисменты. Артистъ игралъ, все болѣе и болѣе оживляясь, превращая каждый психологическій намекъ пьесы въ мѣткій художественный штрихъ. Игра Варламова, несмотря на нѣкоторую натяжку,—на природную неспособность талантливѣйшаго актера сживаться съ типами злобными и подлыми, всетаки сверкала увлекательными вспышками. Но истинною художественною отрадою явилась игра Коммисаржевской, особенно въ III дѣйствіи пьесы. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ она успѣла взволновать публику до какого-то неистовства. Цѣлая буря аплодисментовъ, настойчивыхъ, казалось, все возрастающихъ и похожихъ на сухой трескъ и шумъ низвергаемаго грозю дерева,—разразилась въ залѣ, переполненной сверху до низу народомъ. Артистка какъ бы взошла на новую для нея ступень чисто-драматическаго подъема. Соня, только что бывшая свидѣтельницей грубаго оскорбленія, нанесеннаго ея отцу человѣкомъ, котораго она любитъ, торопливымъ шагомъ бѣжитъ къ кабинету отца, недоумѣвая, теряясь, еще не умѣя вполне разгадать того грязнаго скандала, который повлекъ за собой оскорбленіе. Она требуетъ у оскорбителя объясненій, стучится въ дверь кабинета, со слезами моля допустить ее. Самый жестъ руки, быстро, нетерпѣливо стучащей въ дверь, тихій, взволнованный голосъ, тревога всѣхъ движеній—нервныхъ, болѣзненно растерянныхъ и дѣвически безсильныхъ—производятъ потрясающее впечатлѣніе. И когда отецъ не впускаетъ ее, несмотря на мольбу, Соня падаетъ съ настоящимъ истерическимъ рыданіемъ. При опускающемся занавѣсѣ она не перестаетъ трепетать отъ мучительныхъ конвульсій.

Такимъ образомъ въ талантѣ молодой артистки намѣчаются новыя, яркія черты. Но въ какую бы сторону ни расширялся ея репертуаръ, можно сказать съ увѣренностью, что ея обаянье всегда будетъ истекать изъ той нѣжной нравственной красоты, которую она вноситъ во всѣ свои роли. Въ этомъ отношеніи развитіе ея крупнаго таланта находится, повидимому, въ связи съ какими-то новыми нравственными запросами русскаго общества. Эти нравственные запросы становятся особенно замѣтными и чувствительными въ театрѣ, когда толпа зрителей начинаетъ выдвигать своими сочувственными аплодисментами актеровъ извѣстнаго типа, когда она съ особеннымъ восхищеніемъ слѣдитъ за постановкой такихъ пьесъ, какъ

«Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ», когда она восторженно привѣтствуетъ такихъ артистовъ, какъ Коммисаржевская.

Спектакль кончается. Болѣе равнодушные зрители съ дѣланной небрежностью уже покинули свои мѣста при недовольномъ шиканьѣ настоящихъ любителей театра. Дамы той же породы преждевременно зашуршали своими платьями. Нѣкоторые изъ актеровъ, доигрывая пьесу, бросаютъ тревожные взгляды въ рѣдѣющую публику. Но большинство все еще приковано глазами къ сценѣ, все еще живетъ неразсѣянной иллюзіей сценическаго исполненія, и когда занавѣсъ опустится, многіе еще долго будутъ оставаться въ театрѣ, волнуясь пережитымъ, изливая чувства въ рукоплесканія и вызовахъ талантливыхъ актеровъ. Я не люблю уходить изъ театра, не люблю прозаической сутолоки разъѣзда. Спускаясь съ лѣстницы среди плотныхъ массъ утомленнаго народа, внезапно чувствуешь себя одинокимъ, предоставленнымъ своимъ собственнымъ настроеніямъ. Послѣ ярко освѣщенной теплой залы попадаешь въ холодный мракъ улицы. Извозики дребезжатъ, разъѣзжаясь отъ театра въ разныхъ направленіяхъ. Зрители разсыпаются по всѣмъ угламъ столицы. Но они уносятъ съ собою живое теплое воспоминаніе о поэтическихъ волненіяхъ, порожденныхъ искусствомъ. Въ слѣдующій разъ, когда они опять соберутся въ театрѣ, они вновь будутъ увлечены общимъ праздничнымъ подъемомъ, прежніе, знакомые актеры вновь будутъ очаровывать ихъ живымъ волшебствомъ сценическаго творчества.

А. Волынский

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

Тайны Полѣсья.

(Письмо изъ Пинскаго уѣзда).

Почвенныя условія Полѣсья, по крайней мѣрѣ той его части, о которой здѣсь идетъ рѣчь, сильно разнятся отъ того, съ чѣмъ сжилося, на примѣръ, наше великорусское крестьянство. Представьте себѣ громадное пространство болотъ, по которымъ разбросаны цѣлыя архипелаги острововъ, съ песчаной и изрѣдка съ супесчаной почвой. Острова эти большею частію поросли хвойными породами, а болота, свободныя отъ лѣса, представляютъ изъ себя великолѣпныя луговые пространства; хотя успѣхъ въ уборкѣ сѣна зависитъ отъ погоды: сухой годъ обогащаетъ крестьянина запасомъ корма для скота, мокрый же годъ грозитъ крестьянину полнѣйшимъ разореніемъ. Запасъ кормовыхъ средствъ для скота—очень важная сторона въ хозяйствѣ полѣщука. Крестьянская папня, по самому характеру природы Полѣсья, даетъ урожай только при условіи, если земля хорошо, обильно удобрена, и это обстоятельство дѣлаетъ мѣснаго деревенскаго обывателя и хлѣбопашцемъ, и скотоводомъ; успѣхъ веденія первой отрасли хозяйства зависитъ отъ хорошей постановки второй, а эта, послѣдняя находится въ полнѣйшей зависимости отъ успѣха сбора травъ.

Обще-экономическія условія, съ которыми приходится считаться полѣщуку, даже догально свособразны.

Крупнымъ предпринимателемъ хлѣбной и лѣсной торговли въ Полѣсьѣ, является большею частію пришлецъ изъ какихъ нибудь западнорусскихъ торговыхъ центровъ и даже изъ-за границы. Такое лицо, сбывающее продукты своего предпріятія часто на заграничные рынки, снимаетъ обыкновенно помѣщичьи фольварки, обрабатываетъ ихъ съ помощью наемнаго труда и производитъ выработку лѣсныхъ матеріаловъ изъ помѣщичьихъ лѣсныхъ дачъ. Къ услугамъ такого предпринимателя въ Полѣсьѣ цѣлая

сѣть желѣзныхъ дорогъ и огинская водная система. По дорогамъ движутся хлѣбные и лѣсные грузы, направляясь къ Западу, и по каналу все лѣто вы видите движущіеся плоты... И только въ западныхъ губерніяхъ вы еще встрѣтите «лямочниковъ», тапущихъ плоты вверхъ по теченію каналовъ, и только здѣсь порой услышите традиціонную дубинушку, которая до сихъ поръ еще поется въ Полѣсьѣ надорванными глухими вздохами утомленной груди.

Послѣдующимъ звеномъ между такимъ предпринимателемъ и полѣщукѣмъ является мѣстный еврей-торговецъ. Такіе типы мѣстныхъ торговцевъ встрѣтите вы повсюду и въ остальной Россіи. Разница только въ томъ, что въ другихъ губерніяхъ типы эти вербуются изъ мѣстныхъ разбогатѣвшихъ поселянъ: купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ, а въ Полѣсьѣ ихъ замѣняютъ еврей. Поскольку первые могутъ не понравиться вамъ за свою «кулацкую» дѣятельность, постольку, конечно, и еврей, какъ кулакъ, не заслужить вашихъ симпатій, но все же всѣ эти господа являются двигателями мѣстной торговли и промышленности. Пробѣзжая Полѣсье въ какомъ угодно направленіи, забираясь въ самый глухой, отдаленный уголокъ этого края — вы, дѣйствительно, повсюду встрѣчаете еврея и еврея. Ими населены цѣлыя мѣстечки, возлѣ которыхъ ютятся захудалыя деревушки полѣщука, съ крошечными, сѣрыми, неприглядными на видъ хатками.

Какая нибудь деревушка въ глуши Полѣсья, непременно имѣетъ «корчму», гдѣ тотъ же еврей занимается мелочной торговлей, продаетъ пиво и водку, а полѣщукъ является только неизмѣннымъ кліентомъ торговца-еврея; онъ же состоитъ его захудалымъ кредиторомъ, и такому же еврею полѣщукъ несетъ своей трудъ земледѣльца.

Такова, въ общихъ чертахъ, хозяйственная структура Полѣсья. Но главною его особенностью является сервитутное право пользованія крестьянъ въ помѣщичьихъ лѣсахъ.

На страницахъ «Сѣв. Вѣстн.» вопросъ о сервитутахъ затрагивается нами не въ первые. Еще въ 1891 г. покойный Н. Астыревъ *) посвятилъ этому вопросу довольно обстоятельную статью. Предпославъ довольно подробный историческій очеркъ возникновенія этого земледѣльческаго института среди крестьянъ юго-западныхъ губерній, авторъ высказываетъ довольно много цѣнныхъ мыслей, которыя не потеряли своего значенія. Но въ то время вопросъ о сервитутахъ не имѣлъ еще такой настоятельности, какъ теперь. Общій характеръ экономической жизни послѣднихъ лѣтъ, въ связи съ развитіемъ промышленности, путей сообщенія, расширеніе внутреннихъ рынковъ и упроченіе отношеній на рынкахъ вышнихъ — неумолимые факторы, коверкающіе всѣ старыя «устои» и вызывающіе къ жизни цѣлый рядъ новыхъ явленій.

---

*) См. обстоятельную статью поименованнаго автора въ „Сѣв. Вѣстн.“ 1891 г. №№ 8 и 9.

Если вы отъ общаго перейдете къ частному, если вы заглянете въ тайники Полѣсья—вы убѣдитесь, какая экономическая ломка совершается въ этомъ краѣ съ своеобразнымъ историческимъ прошлымъ и съ своеобразными экономическими отношеніями, только искусственно поддерживаемыми.

Когда Полѣсье представляло изъ себя глухой уголокъ, гдѣ лѣсное хозяйство велось примитивнымъ способомъ, а лѣсъ рубили лишь на личные нужды помѣщичьихъ экономій, и рынки сбыта лѣсныхъ матеріаловъ были удалены естественными условіями Полѣсья, лѣсъ для помѣщика представлялъ лишь богатство въ будущемъ. Но вотъ желѣзнодорожная сѣть и огинская водная система преодолѣли естественныя препятствія Полѣсья, открыли доступъ къ рынкамъ и то, что раньше было для помѣщика вопросомъ будущаго — стало теперь настоящимъ. Рынокъ началъ создавать большій спросъ товаровъ, а это естественнымъ образомъ измѣнило точку зрѣнія помѣщика на свои богатства.

Мы видимъ теперь, какъ съ каждымъ годомъ больше и больше помѣщичьи лѣсныя дачи стряхиваютъ свой прежній дѣвственный нарядъ, устраиваются по слову науки, рационально обрабатываются подъ руководствомъ лѣсничихъ и въ новомъ «рыночномъ» нарядѣ выступаютъ въ торговые центры западной Европы.

Такая метаморфоза Полѣсья мало по малу разрушила весь прежній сложившійся вѣками укладъ «полѣщука» — помѣщика и «полѣщука» — крестьянина. По сервитутному праву площадь, оставшаяся послѣ вырубки, отходила подъ пастбищное пользованіе крестьянина. Можетъ быть, такъ было раньше, но теперь мы наблюдаемъ иное: такія площади оставляются помѣщикомъ подъ молодняки въ надеждѣ на будущую эксплоатацію. По сервитутному праву также пастба скота крестьянами можетъ быть произведена по всему лѣсу, теперь (лѣтъ 20—25 тому назадъ было иначе) помѣщикомъ для пастбы указаны опредѣленные лѣсныя площади, часто не соответствующія хозяйственнымъ интересамъ крестьянина, по недостатку кормовыхъ средствъ на отведенныхъ мѣстахъ, или по отдаленности этихъ мѣстъ отъ селенія.

Въ той мѣстности Пинскаго уѣзда, гдѣ намъ удалось провести минувшее лѣто, намъ пришлось наблюдать нѣсколько случаевъ ограниченія существующаго, но давно уже нарушеннаго, права сервитутовъ. Отводъ лѣса подъ пастбища совершенъ былъ лѣтъ 20 тому назадъ, а теперь, вслѣдствіи указанныхъ выше причинъ, эти участки имѣютъ уже для помѣщика нѣкоторое значеніе въ хозяйственномъ отношеніи. Помѣщикъ запрещаетъ, наприкладъ, пасти скотъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ по его соображеніямъ надо оберегать лѣсъ отъ порчи, которую можетъ причинить скотъ растущему лѣсу. Нарушителей такого распоряженія ожидаетъ обыкновенно штрафъ, а иногда и личная расправа лѣсника, благо нарушителями та-

кими являются чаще всего пастухи, мальчики и дѣвочки лѣтъ 10 — 14. Знаю еще и такіе случаи. Мѣстные крестьяне указывали мнѣ лѣсные участки, гдѣ, по ихъ словамъ, испоконъ-вѣковъ пасся ихъ скотъ, но такъ какъ эти мѣста изобилуютъ въ иные годы дичью, или дѣлаются договыми волковъ, кабановъ и др. звѣрей,—то объявляются крестьянамъ новыя запрещенія на такія мѣста, а нарушителей опять ожидаютъ штрафы и расправа. Раньше, напримѣръ, разрѣшалось крестьянамъ пользоваться опаломъ, буреломомъ, теперь и на это установлено запрещеніе. Захочетъ ли крестьянинъ подрать лыкъ для *костоловъ* (обувь), или вздумается дѣвочкѣ—подростку или крестьянкѣ пойти въ лѣсъ по-грибы или по-ягоды, —въ такихъ случаяхъ требуется явиться въ контору, заплатить деньги и получить «квитокъ»...

Однимъ словомъ полѣвскіе крестьяне многихъ деревушекъ наблюдаемаго нами района, что называется—въ лѣсу, да безъ лѣса...

Общее впечатлѣніе, съ какимъ приходится уѣхать изъ Полѣвья, это то, что сервитутное право, какъ отжившій экономическій факторъ, подлежитъ устраненію. Несомнѣнно, что самый процессъ устраненія его будетъ все-таки очень болѣзненнымъ. Но нужно принять во вниманіе, что если предоставить полѣвцу—на волю судьбы, то результаты получатся еще болѣе нежелательныя, такъ какъ онъ самъ не въ силахъ отстоять даже и свое теперешнее, далеко не завидное, положеніе. И мы совершенно согласны съ мнѣніемъ, высказаннымъ на страницахъ одного петербургскаго журнала, что «въ конечномъ счетѣ отъ отмѣны сервитутовъ, остатка крѣпостного строя, выиграетъ и трудящееся населеніе: все то, что содѣйствуетъ техническому прогрессу, расчищаетъ почву и для прогресса соціальнаго» *).

Мы думаемъ, что этотъ выводъ подтверждается всѣмъ складомъ экономическихъ отношеній помѣщика и крестьянина Полѣвья.

Вопросъ о томъ, какимъ образомъ должна совершиться отмѣна сервитутовъ больше чѣмъ интересенъ, почему намъ и на немъ придется остановиться.

Въ 70-е годы, когда вопросъ объ отмѣнѣ сервитутовъ обсуждался прессой, слышалось масса разнорѣчивыхъ мнѣній объ этомъ.

Еще въ 1879 г. «Кіевлянинъ» находилъ, что юго-западному «крестьянину вовсе невыгодно разверстаніе земли», потому что онъ лишится тогда правъ на сервитуты, но и помѣщику также невыгодно, потому что, по смыслу закона, помѣщикъ, пожелавшій разверстаться, долженъ уступить изъ своего владѣнія въ пользу крестьянъ 10% того, что причитается въ порѣзку. Разверстаніе же земель—мѣра, которая должна или предшествовать уничтоженію сервитутовъ, или идти съ этимъ параллельно.

«Вопросъ о сервитутахъ въ юго-западномъ краѣ сводится къ вопросу о разверстаніи», читаемъ мы въ № 83 «Кіевск. Телег.» за 1875 г. И тамъ же

*) «Новое Слово» Октябрь 1897 г. стр. 256.

указывалось, что разверстаніе это должно быть произведено съ большой осмотрительностью, потому что «послѣ разверстанія крестьянскій вынасъ уменьшится вдвое».

Приведу примѣръ разверстки земель, совершившейся приблизительно въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Та лѣсная площадь, о которой здѣсь говорится, включаетъ въ себѣ до 80 тысячъ десятинъ. На этомъ пространствѣ раскинуто около 20 деревушекъ, крестьянскіе надѣлы которыхъ вкраплены мелкими участками среди помѣщичьяго лѣса. Вотъ на примѣръ, табличка такихъ «крапинокъ»:

Д. В—щи имѣть земли	2249,9 дес.	въ 690 уч., сред. раз. уч.	3,2 дес.
» С—но » »	355,4 » »	165 » » »	2,1 »
» Ву—ка » »	889,7 » »	219 » » »	3,8 »
М. Т—ны » »	1219,6 » »	262 » » »	4,5 »

Средній размѣръ—каждаго такого участка долженъ быть уменьшенъ, благодаря тому, что изъ общаго числа десятинъ, значащихся за каждой деревней, $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ должна быть исключена подъ усадьбу и подъ пашню въ одномъ кускѣ, обыкновенно прилегающую къ самой деревнѣ; если же вы исключите еще неудобныя земли, то размѣръ пахотныхъ и сѣнокосныхъ участковъ еще значительно уменьшится.

Какъ малы эти участки и каковъ процентъ ихъ—читатель увидитъ изъ нижеслѣдующей таблички распредѣленія размѣра и числа участковъ въ надѣлѣ крестьянъ д. Сомино:

Участковъ отъ 50 до 100 дес.	1
» » 25 » 50 »	1
» » 10 » 25 »	7
» » 5 » 10 »	6
» до 1 десятины »	87

Черезполосность вообще не пугаетъ полѣщука: издавна онъ привыкъ къ ней и достаточно индивидуализировался въ землевладѣльческомъ смыслѣ, но кто же будетъ утверждать, что хозяйство на участкахъ въ размѣрѣ меньше единицы—продуктивно? Кромѣ того участки эти въ большинствѣ случаевъ разбросаны на нѣсколько верстъ отъ селенія и соединены между собою и съ деревней плохими, а въ сырой годъ положительно непроходимыми дорогами, что также едва ли способствуетъ правильности веденія хозяйства.

На невыгодность чрезполосности указываетъ и Минское Губернское Совѣщаніе *).

«Кромѣ этой изъ вѣка образовавшейся шнуровой крестьянской черезполосности,—читаемъ мы на стр. 227,—большая половина крестьянскихъ земель, въ особенности полѣвской мѣстности, состоитъ въ чрезполосности съ землями бывшихъ ихъ владѣльцевъ и частныхъ собственниковъ, такъ

*) См. III томъ Свода заключеній губернскихъ совѣщаній.

какъ въ губерніи не было не только спеціального, но и генеральнаго межеванія». Далѣе совѣщаніе указываетъ на разверстаніе земли, какъ на единственную мѣру, могущую измѣнить невыгодность характера землевладѣнія, но, останавливаясь на этой мѣрѣ, оно, какъ бы предугадывая наличность этой стороны крестьянскаго хозяйства, замѣчаетъ:

«Что же касается до болѣе точнаго опредѣленія размѣра и границъ владѣнія cadaго двора, то этотъ вопросъ, относящійся исключительно до крестьянъ, затрогиваетъ весьма *большую* сторону крестьянскаго землевладѣнія Минской губерніи».

Минское губернское совѣщаніе дѣйствительно предугадало многое, и послѣдняя цитата изъ его трудовъ прямо такъ—пророчество. *Большая* сторона крестьянскаго землевладѣнія дѣйствительно была затронута въ деревнѣ В—щи, Пинскаго уѣзда. Результатомъ такого неосторожнаго обращенія съ *большимъ* мѣстомъ на дряхломъ тѣлѣ крестьянской жизни явился судебный процессъ, въ которомъ выступали, въ качествѣ обвиняемыхъ въ сопротивленіи властямъ, нѣсколько крестьянъ упомянутой деревушки. Въ настоящее время процессъ кончился, приговоръ произнесенъ, и мы, не смотря на то, что были очевидцами происшедшаго, можемъ отнестись болѣе объективно къ печальному факту.

Минувшимъ лѣтомъ, въ ту лѣсную дачу, о которой здѣсь изрѣдка упоминалось, была приглашена партія техникумъ для лѣсоустроительныхъ работъ. Производя эти работы въ натурѣ, техники по необходимости должны были промѣрять линіи, производя съемку помѣщичьаго лѣса чрезъ крестьянскіе надѣлы или по границамъ ихъ. Такое чисто частно-хозяйственное предпріятіе показалось крестьянамъ д. В—щи чѣмъ то похожимъ на «отрѣзку ихъ ужитковъ», послѣдствіемъ чего явилось сопротивленіе, сначала оказанное крестьянами ни чѣмъ не повиннымъ техникамъ, а потомъ и властямъ. Это грустное явленіе есть прямое слѣдствіе экономическихъ отношеній и отношеній вообще между владѣльцемъ дачи (вѣрнѣе его администраціи) и крестьянами. Неопредѣленность землевладѣльческаго отношенія и антагонизмъ интересовъ «пана» и «мужика» воспитали въ душѣ послѣдняго недовѣріе къ первому и подозрѣніе, что лѣсоустроительныя работы свидѣтельствуютъ о намѣреніи нарушить цѣлость «ужитковъ».

Появившіеся въ В—щихъ становой приставъ и урядники *констатировали* фактъ сопротивленія, а послѣдующій выѣздъ въ деревню исправника и непремѣннаго члена окончательно подтвердили, что дѣйствительно крестьяне оказали сопротивленіе. Въ такихъ случаяхъ, обыкновенно отыскиваютъ подстрекателей, вскружившихъ голову толпѣ. Но мы положительно увѣрены, что причину возникшаго недоразумѣнія между населеніемъ и властями надо искать не въ подстрекательствѣ, а во всемъ хаотическомъ, требующимъ измѣненія и новѣрки складѣ экономической жизни полѣскаго крестьянина...

Еще нѣсколько словъ о Полѣскихъ болотахъ.

Болота Полѣсья также служатъ большой помѣхой хозяйству крестьянъ и осушка ихъ положительно необходима: мокрое лѣто положительно потрясаетъ экономическія устои помѣщика тѣмъ, что луга остаются залитыми водою, что отзывается на сборѣ корма для скота, а безъ послѣдняго помѣщикъ—плохой землевладелецъ.

Васъ Брусь.

Кіевскіе переселенцы и переселенческое дѣло въ Ферганской области.

I.

Осенью 1896 года въ Ферганскую область явился ходокъ отъ крестьянъ Каневского уѣзда Кіевской губерніи—нѣкто Прядка, отыскивающій для своихъ односельчанъ свободныя и удобныя для поселенія земли. Ходокъ шелъ изъ Сибири, осматривалъ земли въ Семирѣченской и Семирчинской областяхъ и, наслышавшись о свободныхъ земляхъ въ Ферганѣ, завернулъ въ Наманганскій уѣздъ. Здѣсь онъ осмотрѣлъ *Чаткальскую* и *Караванскую* долины, при чемъ послѣдняя ему понравилась больше первой, такъ какъ она и въ дѣйствительности удобнѣе Чаткальской долины, какъ находящаяся ближе къ гор. Намангану (90 верстъ), южнѣе и ниже относительно уровня моря—4000 фут. (а Чаткальская долина отъ 5 до 6 тыс. фут.). Придя въ уѣздный городъ Наманганъ, ходокъ чистосердечно разсказалъ уѣздному начальнику о плохомъ житіи своихъ односельчанъ на родинѣ, гдѣ «и земли была сильная нехватка» и отхожихъ промысловъ почти не было. Тогда же ходокъ просилъ содѣйствія Наманганской уѣздной администраціи и помощи ихъ горю. Наманганская уѣздная администрація обрадовалась ходоку, какъ желанному гостю. Давно уже они (т. е. уѣздные администраторы—культуртрегеры) лелѣли мысль основать въ Наманганскомъ уѣздѣ русскій поселокъ. Съ этою цѣлью Наманганскій уѣздный начальникъ предложилъ ходоку поселить своихъ односельчанъ на *Чаткальской* долинѣ, общая полное содѣйствіе свое въ хлопотахъ по переселенію, при чемъ тогда же взялся хлопотать предъ областною администраціею о переселенцахъ. Обрадованный ходокъ, не осмотрѣвши основательно *Чаткальскую* долину и не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ изъ знающихъ долину (а такихъ въ гор. Наманганѣ помимо гг. администраторовъ было довольно), всецѣло повѣрилъ уѣздной администраціи. Въ концѣ Ян-

варя 1897 года ходокъ Прядка явился въ гор. Новый Маргеланъ съ ходатайствомъ къ г. военному губернатору Ферганской обл. и областной администраціи объ отводѣ Чаткальской долины его односельчанамъ; причемъ онъ пояснилъ, что въ случаѣ разрѣшенія, его односельчане, въ количествѣ 239 семействъ, будутъ готовы сняться и идти на новыя мѣста. Въ гор. Нов. Маргеланѣ люди, знающіе Чаткальскую долину, а также и представители областной администраціи, отговаривали ходока, представляя ему всѣ невыгоды переселенія туда русскихъ. Приэтомъ ему посовѣтовали поискать другихъ свободныхъ и удобныхъ земель въ Ферганской области и, вообще, пока не торопиться съ переселеніемъ. Но ходокъ, какъ хохоль, былъ упрямъ; усиленно просилъ онъ губернатора и все областное начальство разрѣшить поселиться на Чаткальской долинѣ, а также просилъ скорѣе провести дорогу въ гор. Ауліэ-ата Сыръ-Дарьинской обл. Просьба ходока и усиленное ходатайство Наманганской уѣздной администраціи побудили Ферганское областное начальство дать согласіе хлопотать предъ главнымъ начальствомъ Туркестанскаго края о разрѣшеніи поселиться крестьянамъ Каневского уѣзда Киевской губ. Успокоенный ходокъ вновь отправился въ гор. Наманганъ ожидать рѣшенія; раннею весною онъ намѣревался вновь осмотрѣть Чаткальскую долину, какъ только будетъ возможность туда пробраться. Рѣшеніе свое относительно осмотра долины онъ очевидно измѣнилъ и тогда же, въ концѣ февраля, увѣдомилъ своихъ односельчанъ о приисканіи земли въ Наманганскомъ уѣздѣ. Въ своемъ увѣдомленіи онъ описывалъ одни только хорошія стороны долины (со словъ Наманганскаго уѣзднаго начальника), объяснивъ, что начальство обѣщалось провести колесную дорогу черезъ ихъ земли.

Переселенцы, получивши отъ своего ходока такое увѣдомленіе, стали хлопотать у начальства о скорѣйшемъ разрѣшеніи переселиться въ Ферганскую область. Пока шли хлопоты, переселенцы соединились въ большую партію—400 семействъ, и послали въ Ферганскую область еще 7 человекъ ходоковъ для провѣрки всего того, что писалъ 1-й ходокъ, а также и для первоначальной пробы посѣвовъ на Чаткальской долинѣ. И вотъ, въ половинѣ марта, явились въ Наманганскій уѣздъ семь ходоковъ, намѣревавшихся осмотрѣть «новыя мѣста», выбранныя первымъ ходокомъ; имъ пришлось ожидать около мѣсяца, когда стаялъ снѣгъ и открылся доступъ въ долину.

Необходимо сказать нѣсколько словъ о Чаткальской долинѣ—этой *обътованной* странѣ, куда стремились переселенцы, куда мечтали они попасть изъ своей родины и гдѣ, по ихъ выраженію, «фрукту, якъ гныи...» *).

*) Свѣдѣнія о Чаткальской долинѣ заимствованы изъ словъ очевидцевъ, не разъ бывшихъ тамъ и хорошо знакомыхъ съ условіями жизни, куда направлялись переселенцы.

Чаткальская долина находится въ 130 верстахъ отъ гор. Намангана и въ 100 верстахъ отъ гор. Аулія-ата Сыръ-Дарьинской обл. и въ 40 верст. отъ заштатнаго гор. Чуста, если ѣхать изъ гор. Коканда (какъ и слѣдовали переселенцы), и представляетъ изъ себя горную мѣстность отъ 5 до 6 тыс. фут. высоты надъ уровн. моря, заключенную между двумя грядами горъ, отъ 6 до 10 тыс. фут. высоты. Посрединѣ ее прорѣзываетъ бурный горный потокъ *Чаткаль-сай* несущій свои воды въ Сыръ-Дарьинскую обл., гдѣ онъ получаетъ названіе *Чирчика*. Чаткальская долина отдѣляется отъ Ферганской цѣлою горною цѣпью, съ нѣсколькими горными перевалами отъ 8 до 11 тыс. фут. высоты, какъ, напримѣръ, переваль *Чаначъ*. По этимъ переваламъ поддерживается вѣчное сообщеніе только въ лѣтнее время; на зиму же всѣ перевалы бывають закрыты, по причинѣ обильнаго снѣга, выпадающаго какъ на вершинѣ, такъ и въ самой долинѣ. Горные перевалы бывають закрыты не одинаковое время—отъ 4 до 7 мѣсяцевъ; снѣгъ выпадаетъ въ долинѣ въ началѣ октября и сходитъ въ концѣ марта и въ апрѣлѣ, смотря по высотѣ мѣстности, часть же его—на вершинахъ,—остается въ маѣ и даже въ началѣ іюня. Въ продолженіи зимнихъ 3—4 мѣсяцевъ Чаткальская долина остается *отрѣзанной* не только отъ Ферганской области, но даже *отъ всего міра*. Киргизы, живущіе въ долинѣ лѣтомъ, перекочевываютъ на зиму въ болѣе удобныя мѣста, гдѣ у нихъ есть зимовки; въ долинѣ же остается только самая бѣднота изъ киргизъ, но и та, во время бурановъ и снѣжныхъ заносовъ, по недѣлямъ сидитъ въ своихъ ущельяхъ, боясь тронуться къ сосѣдямъ.

Изъ хлѣбовъ въ Чаткальской долинѣ сѣется только яровая пшеница и ячмень, но случается, что, по причинѣ холодовъ, посѣянное не дозрѣваетъ. Въ долинѣ находится мазаръ *Идрисъ Пайнамбаръ* (могила сятаго пророка Идриса) чтимаго мусульманами Наманганскаго и Аулія-атинскаго уѣздовъ. Около этого мазара мѣстные сарты—духовныя лица, завѣдывающіе мазаромъ, сѣютъ овощи: лукъ и морковь,—для паломниковъ туземцевъ. Засѣваемые овощи всегда созрѣвають, потому что мазаръ находится въ южной части Чаткальской долины, гдѣ слишкомъ замѣтная разница въ климатическомъ отношеніи. Здѣсь всѣ хлѣбныя посѣвы всегда дозрѣвають.

Официальныя же свѣденія о Чаткальской долинѣ съ давнихъ поръ были другого характера. Знаменитый путешественникъ по Туркестану и зоологъ Сѣверцевъ, бывшій въ 1871 году въ Ферганской области, посѣтилъ Чаткальскую долину и указывалъ на нее, какъ на мѣстность пригодную для русскихъ поселенцевъ. Покойный «устроитель Туркестана» генераль К. П. Кауфманъ, послѣ того объѣзжавшій край, былъ на Чаткальской долинѣ, осматривалъ ее (причемъ сопровождавшіе его туземцы указали ему слѣды древнихъ сооружений, изъ чего можно было заключить, что когда то давно тамъ былъ древній городъ) и убѣдился что на Чат-

чаткальской долины могъ бы быть русскій поселокъ, если бы существовалъ тамъ колесный путь въ городъ Аулие-ата Сыръ-Дарьинской обл. Съ тѣхъ поръ (болѣе 18 лѣтъ) постоянно возбуждался вопросъ о сооруженіи колесной дороги и каждый разъ въ официальной перепискѣ Чаткальская долина называется цвѣтущею страню. И теперь сохранилось цѣлое дѣло о долині, въ Наманганскомъ уѣздномъ управленіи, Ферганскомъ области. правленіи и управленіи Главнаго начальника края, гдѣ она именуется *цвѣтущею*, выдерживающею до 6 посѣвовъ хлѣба по хлѣбу, и рекомендуется, какъ одна изъ лучшихъ мѣстностей Ферганской обл. для жизни сѣверныхъ переселенцевъ (т. е. жителей сѣверныхъ губерній Европейской Россіи). Вопросъ о сооруженіи колеснаго пути черезъ Чаткальскую долину откладывался всегда за неимѣніемъ въ краѣ свободныхъ техниковъ, могущихъ изслѣдовать этотъ путь. Наконецъ, въ 1896 году была снаряжена техническая партія отъ Сыръ-Дарьинской и Ферганской областей для предварительнаго изысканія пути. Проработавъ 3 мѣсяца и пройдя почти весь путь, техническая партія пришла къ заключенію, что колесный путь черезъ Чаткальскую долину между уѣздами Наманганскимъ и Аулие-атинскимъ *немыслимо* провести безъ миллионныхъ затратъ со стороны правительства. При существованіи желѣзной дороги отъ г. Самарканда до г. Андижана, колесный путь черезъ Чаткальскую долину потерялъ бы свое значеніе съ экономической стороны, такъ какъ подвозъ хлѣба и другихъ продуктовъ отъ г. Коканда въ Наманганской уѣздъ и отъ г. Ташкента въ Аулие-атинской стоилъ бы дешевле, чѣмъ провезенный колеснымъ путемъ черезъ Чаткальскую долину.

Вьючный путь, рѣшила техническая коммиссія, хотя и возможенъ, но онъ все-таки не замѣнитъ колеснаго, и переселенцы, не привыкшіе у себя на родинѣ, врядъ-ли скоро освоились бы съ вьючнымъ путемъ. Такъ дѣло о проведеніи дороги между уѣздами Наманганскимъ и Аулие-атинскимъ остановилось на неопредѣленное время. Наманганская уѣздная администрація, потерявъ надежду имѣть какой либо путь черезъ Чаткальскую долину, задумала основать тамъ русскій поселокъ, такъ какъ тогда уже поневолѣ главное начальство Туркестанскаго края разрѣшитъ провести или колесный, или вьючный удобный путь. Съ этою цѣлью Наманганская уѣздная администрація ходатайствовала предъ областною администраціею о разрѣшеніи поселиться въ Чаткальской долині крестьянамъ Каневского уѣзда Кіевской губ.

Пришедшіе весною 1896 года 7 ходоковъ убѣдились, что Чаткальская долина не подходитъ подъ условія жизни, въ коихъ они находились у себя на родинѣ. Да и какое можетъ быть земледѣліе въ такой суровой мѣстности, гдѣ издавна главнымъ занятіемъ киргизъ-кочевниковъ было скотоводство? Засѣянная ими на пробу пшеница дала плохіе всходы. Дождавшись этихъ всходовъ, ходоки рѣшили уведомить своихъ односельчанъ

телеграммою,—не двигаться съ мѣста. Но переселенцы, получивши телеграмму безъ подписи, не повѣрили ей, думая, что ходоки обманываютъ ихъ, и хотятъ сами воспользоваться выбранною хорошою землею и поселиться тамъ. Тогда же среди нихъ начался ропотъ, волненія и сборы. Рассказывали переселенцы, что Кіевскій губернаторъ объявилъ имъ, что не отпустить ихъ до тѣхъ поръ, пока не получить официальнаго донесенія отъ начальства Ферганской области. Мѣстному мировому посреднику и становому приставу, въ районѣ коихъ находились Каневскіе переселенцы, поручено-де имѣть строгій надзоръ за переселенцами, чтобы кто нибудь изъ нихъ не уѣхалъ безъ разрѣшенія.

Въ началѣ мая мировой посредникъ Каневского уѣзда получилъ бумагу отъ начальника Наманганскаго уѣзда Ферганск. обл., гдѣ сообщалось (привожу рассказъ со словъ самихъ переселенцевъ) о Чаткальской долинѣ съ хорошей стороны и гдѣ сказано, что долина—*цѣпту-шая* страна, вполне годная для обработки и поселенія. Мировой посредникъ прочелъ эту бумагу переселенцамъ на сходѣ, при чемъ уговаривалъ ихъ не двигаться, пока не получится отъ губернатора Ферганской области подтвержденіе свѣдѣній, сообщаемыхъ въ бумагѣ уѣзднаго начальника о Чаткальской долинѣ. Очевидно мировой посредникъ былъ убѣжденный опытомъ чело-вѣкъ, выдавшій не разъ переселеніе крестьянъ! Подождавши еще немного, переселенцы послали телеграмму военному губернатору Ферганской области и вскорѣ получили отвѣтъ, подтверждающій окончательно спрavedливостъ бумаги уѣзднаго начальника. Сообщалось имъ, что Ферганское начальство обѣщаетъ дать по 15 десят. на семью и поселить ихъ въ одномъ мѣстѣ. Какъ же не вѣрить такимъ прекраснымъ отзывамъ о «новыхъ мѣстахъ»! Не задумавшись, переселенцы стали собираться въ дальній и нелегкій путь. Распродавъ свое имущество: дома, землю, весь неудобный для перевозки домашній скарбъ, порвавши всѣ связи съ «дидовщиною», съ которою многимъ тяжело было разставаться и взявши съ собою нѣсколько земледѣльческихъ орудій,—они двинулись въ Ферганскую область. Двинулись съ надеждою, что тамъ, «на новыхъ мѣстахъ», ихъ ждетъ лучшее житье. Завѣтную мечту о лучшихъ новыхъ мѣстахъ, имѣетъ каждый переселяющійся на окраины Россіи служащій чело-вѣкъ (чиновникъ или офицеръ), не только крестьяне. Трудна и несносна была жизнь многихъ Каневскихъ переселенцевъ на родинѣ—полная лишеній отъ недостатка земли и недостатка отхожихъ промысловъ. Хотя среди переселяющихся были и люди достаточные, принесшіе въ Фергану нѣсколько сотенъ рублей,—но стадное чувство исканія лучшихъ мѣстъ увлекало и таковыхъ.

Переѣхавши Каспійское море, переселенцы сразу удивились безжизненности знойно-песчанной пустыни, черезъ которую имъ пришлось проѣзжать по Закаспійской желѣзной дорогѣ. Видъ песковъ, страшная жара

(въ іюнѣ мѣсяцѣ), дороговизна жизненныхъ припасовъ, отсутствіе чернаго хлѣба, къ которому они съ малолѣтства привыкли, появившіяся заболѣванія среди дѣтей и взрослыхъ (дѣти умирали даже въ дорогѣ) — все это подѣйствовало на нихъ удручающимъ образомъ. Все-таки многіе изъ нихъ не теряли присутствія духа и поддерживались надеждою на Чаткальскую долину—эту обѣтованную страну. Въ такомъ положеніи они доѣхали и добрались до заштатнаго города *Чуста*, Наманганскаго уѣзда Ферганской области. По Ферганской области они ѣхали на лошадахъ (въ телѣгахъ и нанятыхъ арбахъ). Ёхали переселенцы 3-мя партіями; всѣхъ ихъ съ дѣтьми было около 1200 человекъ.

Въ гор. Чустѣ, переселенцевъ встрѣтили тѣ 7 человекъ ходоковъ, которые были посланы для осмотра долины и производства въ ней посѣвовъ. Ходоки откровенно рассказали переселенцамъ про Чаткальскую долину: какова тамъ земля, пути сообщенія, климатъ и каковы всходы засѣянной пшеницы. Земля въ Чаткальскій долині, по словамъ ходоковъ, оказалась не только не прекрасной и не цвѣтущей, какъ говорилось въ бумагахъ уѣзнаго начальника, но напротивъ—земля каменистая, дорогъ нѣтъ, холодно, и фруктовъ никакихъ во всей долині. Еще въ г. Чустѣ на лицахъ переселенцевъ была видна бодрость, вѣра въ будущее, что какъ нибудь, съ Божьею помощію и милостію начальства, они устроятся. И вдругъ получить отъ ходоковъ такую аттестацію о новыхъ мѣстахъ! (На Чаткальской долині въ то время уже были отведены земли поселенцамъ и уѣздная администрація ждала переселенцевъ, какъ желанныхъ гостей). При встрѣчѣ съ ходоками, начался ропотъ, недовольство и плачь. Въ особенности ярко выразилось недовольство среди переселенческихъ женщинъ, скорѣе мужчинъ замѣчающихъ всѣ радости и горести бытія. Въ гор. Чустѣ переселенцы оставались недолго. Чустскій участковый приставъ г. Мѣдинскій, русское населеніе г. Чуста и жившій тамъ по дѣламъ службы поземельно-податной комиссаръ—подполковникъ Рудановскій, принимали близкое участіе въ судьбѣ переселенцевъ: устраивали имъ обѣды, угощали чаемъ и краснымъ виномъ (послѣднее употреблялось, какъ лѣкарство при желудочныхъ заболѣваніяхъ). Съ жадностію ѣли переселенцы горячую пищу, которой не видѣли уже нѣсколько дней въ дорогѣ. Страхъ за будущую жизнь на новыхъ мѣстахъ дошелъ до того, что многіе (больше половины людей) не хотѣли ѣхать въ Чаткальскую долину и думали прямо изъ гор. Чуста возвратиться обратно. Очевидцы рассказываютъ, что Наманганская уѣздная администрація, видя упрямство переселенцевъ, предложила имъ: или идти въ Чаткальскую долину, или возвратитъ все выданное отъ казны пособіе на переселеніе. Такъ сильно было желаніе у нашихъ администраторовъ заселить эту *безжизненную пустыню*, какъ называли переселенцы Чаткальскую долину по приходѣ туда. Но возвратитъ истраченное пособіе отъ казны было уже невозможно послѣ такого длиннаго путешествія и

переселенцы, скрѣпя сердце, двинулись въ путь, при чемъ они раздѣлились на три партіи. Идти отъ г. Чуста предстояло на перевалъ Чаначъ (11 тыс. фут. высоты). Каково-то было перебираться людямъ, никогда не видавшимъ такихъ высокихъ горъ! Тащились переселенцы босые, полуголодные, со своими женами, дѣтьми и вьюками; по дорогѣ приходилось переходить въ бродъ нѣсколько горныхъ потоковъ (саевъ) съ студеною водою, перетаскивать на себѣ дѣтей и помогать вьючнымъ лошадямъ. Картина передвиженія черезъ Чаначскій перевалъ въ Чаткальскую долину была ужасная. Лѣзть на гору было еще ничего, но спускаться съ горы—очень тяжело. По выраженію переселенцевъ, такой страхъ напалъ на нихъ—«якъ предъ смѣртью»; руки опускались и ноги не двигались дальше. Въ дорогѣ болѣзнь и смертность дѣтей усилилась еще больше.

2-я и 3-я партіи, видя такое положеніе своихъ односельчанъ, не желали двигаться дальше и остановились въ уроч. *Ахтамъ* при входѣ въ Чаначское ущелье. Здѣсь вновь поднялся ропотъ, ругань и недовольство и плачь бабъ и дѣтей. Злость у нѣкоторыхъ переселенцевъ дошла до того, что они хотѣли убить своего перваго ходока Прядку, и если бы не распорядился уѣздный начальникъ спрятать Прядку (подъ видомъ арестованія), ему-бы не сдобровать...

Въ это время въ Чаткальской долинѣ и частью въ Караванской (ближе къ Чаткальской) землемѣромъ области Правленія по соглашенію съ уѣзднымъ начальникомъ, нарѣзаны были участки для поселенцевъ. Нарѣзавшій участки землемѣръ хорошо зналъ, что переселенцы не сядутъ на этихъ мѣстахъ, но помочь имъ ничѣмъ не могъ, такъ какъ всѣмъ распоряжалась Наманганская уѣздная администрація.

II.

Оставшись въ Чаначскомъ ущельи, 2-я и 3-я партіи переселенцевъ, видя безысходность своего положенія (наступила страшная дороговизна продуктовъ и отсутствіе чернаго хлѣба) и не веселую перспективу въ будущемъ, рѣшили возвращаться обратно домой. Иные изъ нихъ выразили желаніе идти куда нибудь въ другія мѣста и съ этою цѣлью послали ходоковъ въ гор. Нов. Маргеланъ, съ просьбою къ губернатору Ферганской области—помочь ихъ горю. Сначала 72 семейства рѣшили идти домой, но потомъ 22 семьи раздумали и остались часть въ Наманганскомъ уѣздѣ, а часть ушла въ другія уѣзды Ферганской области. Первые 15 семействъ въ началѣ Августа проѣхали черезъ гор. Наманганъ и Кокандъ, гдѣ, къ сожалѣнію, имъ пришлось побираться Христовымъ именемъ. Больно было видѣть переселенцевъ въ такомъ положеніи, оторванныхъ отъ родины, отъ насиженныхъ мѣстъ, совершившихъ неудачное путешествіе за 4½ тыс. верстъ и вынужденныхъ возвратиться обратно, побираясь Христовымъ именемъ! Переселенцы, возвращающіеся домой въ Каневскій уѣздъ, спѣ-

пили убѣжать изъ негостепріимнаго края и даже отказывались поступить на работы, предлагаемыя имъ русскими, изъ боязни опоздать на родину.

Оставшіеся въ Чаткальской долині и въ Чаначскомъ ущельи переселенцы стали ожидать отвѣта отъ военного губернатора Ферганской обл. Губернаторъ, видя безысходное положеніе переселенцевъ, близко принялъ къ сердцу ихъ жалобы и, успокоивъ ихъ, обѣщать въ скоромъ времени самъ пріѣхать въ Чаткальскую долину, а также принять всѣ мѣры устроить поселенцевъ гдѣ только окажется возможнымъ. Немедленно онъ отдалъ распоряженіе Наманганской уѣздной администраціи—оказывать полное содѣйствіе какъ возвращающимся, такъ и остающимся переселенцамъ. Вслѣдъ за симъ генералъ Повалло Швейковскій (губернаторъ) самъ поѣхалъ и лично осмотрѣлъ Чаткальскую долину, гдѣ назначены переселенческіе участки, причемъ вынесъ отъ осмотра долины самое тяжелое впечатлѣніе. Вполнѣ понявъ жалобы и нужды переселенцевъ, генералъ тотчасъ же распорядился расселить оставшихся крестьянъ по другимъ мѣстамъ Ферганской области. Уставшіе отъ скитаній переселенцы—часть ихъ—пожелали остаться въ Наманганскомъ уѣздѣ; 38 семействъ на Чаткальской долині и 54 семейства на Караванской долині (южная часть болѣе удобная), 38 семействъ ушли въ Андижанскій уѣздъ, 41 семья въ Ошскій, и 4 семьи сѣли на усадебныхъ мѣстахъ города Нов. Маргелана. Остальные 50 семействъ вернулись на родину, при чемъ отъ станціи Запорожской—конца укладки рельсовъ, въ Августѣ 1896 г. были перевезены до г. Самарканда бесплатно. За время своего скитанія, переселенцы похоронили 110 чел. дѣтей и 4 взрослыхъ; большая часть дѣтей умерла на Чаткальской долині, гдѣ образовалось цѣлое кладбище изъ дѣтей.

Вездѣ, гдѣ только проходили и проѣзжали возвращающіеся переселенцы,—находились добрые русскіе люди, сочувствующіе ихъ горю и по мѣрѣ возможности помогающіе имъ въ дорогѣ. Въ городахъ Кокандѣ, Ходжентѣ, Самаркандѣ, Чарджуѣ и Красноводскѣ переселенцамъ устраивали обѣды и давали даже денежную помощь. Видѣвшій ихъ въ г. Ходжентѣ Самаркандской обл. корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» такъ описываетъ встрѣчу съ переселенцами: *) «голодные изможденные лица ихъ производили удручающее впечатлѣніе; нужно было видѣть, съ какою жадностью ѣли эти люди, и больные, и здоровые, обѣдъ, устроенный имъ по подпискѣ среди служащихъ и рабочихъ. Да и немудрено—вѣдь это былъ первый горячій обѣдъ въ продолженіи почти 2-хъ недѣльнаго пути!» Въ гор. Чарджуѣ они пріѣхали небольшими партіями, и каждую изъ нихъ русское населеніе г. Чарджуя угощало обѣдомъ, напутствовало въ дорогу чаемъ и сахаромъ. На вопросъ, сдѣланный имъ въ г. Чарджуѣ: что вы

*) «Эпизодъ изъ переселенческихъ скитаній» № 254 *Русскихъ Вѣдомостей* за 1896 годъ.

будете дѣлать въ Кіевской губ. вѣдь тамъ все вами продано?—переселенцы спокойно отвѣчали: «а щожъ! будемо выкуповывать свое!» *).

Какъ они доѣхали на родину и какъ устроились на прежнихъ мѣстахъ—въ русскую печать не достигало свѣдѣній.

Оставшимся переселенцамъ въ Чаткальской и Караванской долинахъ военный губернаторъ распорядился выдать муку, хлѣбъ и зерно для обсемененія полей на весну, а въ Сентябрѣ и Октябрѣ прислать полушубки и сапоги.

Московский купецъ Соловьевъ, имѣющій въ гт. Наманганѣ и Чустѣ хлопковые заводы, пожертвовалъ 1000 рублей на устройство молитвеннаго дома въ Чаткальской долині, гдѣ поселились переселенцы.

Въ Андижанскомъ уѣздѣ прибывшіе переселенцы—38 семействъ—сѣли на свободныхъ государственныхъ земляхъ въ Базарь-Курганской волости, въ 50 верстахъ отъ гор. Андижана и въ 4 верстахъ отъ базарнаго пункта—кишлака Базарь-Кургана. Мѣстность эта—урочище *Артачи*, гдѣ теперь образовался *Никольскій* поселокъ, представляла изъ себя свободную землю, отъ которой населеніе во время производства поземельно податныхъ работъ въ 1891—93 годахъ отказалось. Владѣльцы ея киргизы и мугавалій (распорядитель вакуфа), ведя больше кочевой образъ жизни, нежели осѣдлый, не захотѣли платить подати за излишнюю землю и уступили ее въ казну, хотя все время пользовались ею безпоплинно—послѣ позем. податн. работъ. Областная администрація знала про эту свободную землю (790 десят.), и при первой къ тому возможности указала на нее переселенцамъ. Въ образовавшемся Никольскомъ поселкѣ нарѣзано 50 участковъ по 1 дес. каждый для усадьбы, изъ коихъ 6 участковъ оставлены подъ церковь, школу, помѣщеніе для причта и учителя. Полевой земли нарѣзано по 9 десят. на 50 семей, остальная же земля отдана подъ выгонъ и пастбы скота. Изъ 44 усадебныхъ участковъ отдано только 38 по 1 дес. на семью, остальные 6 участковъ оставлены на случай прихода переселенцевъ съ Чаткальской долины (чего надо ожидать). Цифра надѣла—10 дес. на семью—немного велика, можно было-бы даже ее пожалуй уменьшить такъ какъ крестьянину, имѣвшему $1\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$ дес. на семью въ Каневскомъ уѣздѣ, трудно справиться съ надѣломъ въ 10 десятинъ. Но эта норма принята уже давно въ Ферганской области, со времени основанія 1-го поселка Покровскаго въ Ошскомъ уѣздѣ.

41 семья, ушедшая въ Ошскій уѣздъ, сѣли на свободныхъ участкахъ Покровскаго поселка въ 1892 году. Въ 1897 году число дворовъ въ Покровскомъ поселкѣ было уже 90; поселенцы тамъ—выходцы изъ Воронежской губерніи и Донской области, часть изъ Астраханской губерніи, и часть мѣщанъ и запасныхъ солдатъ, оставшихся въ Ферганской области.

*) Закасп. обозрѣніе № 110 1897 г. корреспонденція изъ г. Чарджуя.

Мѣсто подѣ поселокъ выбрано въ 1892 году хорошее въ гигиеническихъ отношеніяхъ; почва плодородная, воды для орошенія полей весьма достаточно. Поселокъ Покровскій находится въ 34 верстахъ отъ русскаго города *Оша* и въ 16 верстахъ отъ большого торговаго селенія (кишлака) *Узена*, что весьма благопріятно для условія сбыта земледѣльческомъ продуктовъ. Урожай хлѣбовъ у поселенцевъ, сидѣвшихъ тамъ до половины августа 1897 года, получились хорошіе, благодаря хорошей почвѣ и обилію воды для орошенія; изъ хлѣбовъ они сѣяли пшеницы кубанку и мѣстную, овесъ, ячмень; кромѣ того засѣвали дыни, арбузы, картофель и огурцы. Овощи сбывались въ городъ Ошъ для русскихъ жителей; арбузы ихъ пользовались большимъ спросомъ среди сартовъ и киргизъ въ кишлакѣ Узгенѣ. Скота у нихъ было достаточно; для прокорма его зимою поселенцы Покровскаго поселка дѣлаютъ запасы сѣна на прилегающихъ къ поселку предгорьяхъ. Есть, конечно, семьи, которыя, несмотря на 5 лѣтъ существованія поселка,—не совсѣмъ хорошо устроились, но такихъ семействъ немного. Въ 1896 году въ Покровскомъ поселкѣ открыто сельское приходское училище въ наемномъ домѣ и выбрано мѣсто для постройки церкви и домовъ для причта. Все это, вмѣстѣ взятое, обѣщаетъ поселку хорошую будущность и за прибывшихъ каневцевъ можно быть спокойными, на весну они предполагали строить избы, а пока размѣстились въ сдѣланныхъ наскоро землянкахъ или у сосѣдей.

Переселенцы, ушедшіе въ Андиганскій и Ошскій уѣзды, принесли съ собою кое-что изъ хозяйства, нѣкоторые взяли небольшіе плуги. Населеніе города Андигана и Оша (русское), въ томъ числѣ и туземцы изъ уѣздовъ, по иниціативѣ Андиганской и Ошской администраціи, много содѣйствовали первоначальному устройству переселенцевъ. Андиганская уѣздная администрація отпустила переселенцамъ лѣса для постройки избы, закупила сѣмянъ на обсемененіе полей, выдала муки и хлѣба. Горожане г. Андигана устроили обѣдъ переселенцамъ, Большая Ярославская Мануфактура (Корзинкинъ и К^о), заводы и хлопковая плантація коей находится въ Андиганскомъ уѣздѣ, въ 20 верстахъ отъ Никольскаго поселка,—прислала переселенцамъ свои плуги и часть скота. Даже туземцы дарили переселенцамъ муку, зерно и скотъ для перваго обзаведенія. Весьма пріятно было видѣть дружное содѣйствіе переселенцамъ, въ особенности со стороны туземцевъ-иновѣрцевъ. Много сердечнаго участія выказали переселенцамъ Андиганскій уѣздный начальникъ, подполковникъ А. В. Койшевскій, позаботившійся объ устройствѣ переселенцевъ.

Для надзора за водою и обученія переселенцевъ искусству орошенія въ поселокъ Никольскій, въ Андиганскомъ уѣздѣ, приставленъ мирабъ-баша, знающій русскій языкъ и русскіе нравы. Въ ноябрѣ же прошлаго года туда былъ командированъ ирригаціонный техникъ, для разбивки арыковъ.

Четыре семьи, какъ сказано было выше, поселились на усадебныхъ земляхъ города Новаго Маргелана. Выборъ этотъ нельзя назвать удачнымъ, такъ какъ окрестности города Новаго Маргелана—лихорадочныя мѣстности, топкія и сырыя, что и отразилось на переселенцахъ; одинъ взрослый мужчина умеръ и двое дѣтей заболѣло (дѣти въ декабрѣ уже выздоровѣли). Этихъ переселенцевъ, въ виду ихъ здоровья, слѣдуетъ перевести въ Андижанскій или Ошскій уѣздъ, поближе къ своимъ односельчанамъ. Про крестьянъ въ Наманганскомъ уѣздѣ на Чаткальской и Караванской долинахъ нельзя думать, что-бы они тамъ остались. Жизнь тамъ покажется имъ каторгою, и надо удивляться смѣлости переселенцевъ, рѣшившихся остаться зимовать тамъ, и смѣлости нашихъ уѣздныхъ культуртрегеровъ (наманганскихъ), увѣряющихъ, что положеніе ихъ вполне обезпеченное.

Резюмируя все вышеизложенное о каневскихъ переселенцахъ, можно сказать, что самое передвиженіе ихъ въ Ферганскую область есть именно «печальное недоразумѣніе», какъ справедливо выразился авторъ статьи «Печальное недоразумѣніе» въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 281 и 315 за 1897 г.). Мѣста для переселенцевъ въ Наманганскомъ уѣздѣ не были хорошо осмотрѣны и изслѣдованы. Всѣ повѣрили Наманганскимъ администраторамъ, добивавшимся въ что-бы то ни стало основанія русскаго поселка. Несчастные переселенцы потеряли столько здоровья, истратились, оторвались отъ родины и въ результатѣ—потеря дѣтей и взрослыхъ, бѣгство обратно, скитанія по другимъ мѣстамъ.

А вѣдь свободныя земли, удобныя для переселенцевъ, были и теперь есть въ Ферганской области! Правда, не много, но есть они именно въ Андижанскомъ уѣздѣ, на такъ называемыхъ *отказныхъ земляхъ*. Земли эти пока еще не приведены во извѣстность и не приготовлены для жизни русскихъ. На все это нужно время и—главное—денежныя средства, но если уже заселять край русскими, то ненужно жалѣть средствъ къ тому. Нужна особенная энергія и заботливость какъ главной администраціи края, такъ и областной и уѣздной.

А. Пт—нъ.

Вольные Хлѣбопашцы.

(Изъ Новороссіи).

Въ виду близкаго пересмотра законоположеній о лицахъ, живущихъ на правахъ краткосрочнаго владѣнія на земляхъ крестьянскихъ обществъ и по хуторамъ, а также мѣстечкамъ частныхъ землевладѣльцевъ, мы считаемъ не бесполезнымъ коснуться вопроса о положеніи южно-рус-

скихъ мѣщанъ-десятильниковъ и безземельныхъ крестьянъ. Это тѣмъ болѣе кажется необходимымъ, что, вслѣдствіе затруднительности переселеній въ настоящее время такихъ людей въ Азіатскую Россію, жизнь нашего безземельнаго пролетаріата становится съ каждымъ годомъ тяжелѣе и безвыходнѣе..... Кому случалось проѣзжать по обширнымъ степямъ Новороссіи, тотъ навѣрное неоднократно останавливалъ свой изумленный взглядъ на крайне бѣдныхъ и вообще непрезентабельныхъ на видъ хуторахъ, населенныхъ полукочевымъ элементомъ, именуемымъ мѣщанами-десятиниками. По наружности эти хутора представляютъ обыкновенно небольшія группы убогихъ землянокъ съ чрезвычайно низкими стѣнами, миниатюрными оконцами и полусгнившими, покосившимися дверями. Вокругъ подобныхъ жилищъ, за весьма рѣдкими исключеніями, почти никогда нельзя встрѣтить болѣе или менѣе порядочную изгородь, мѣсто которой нерѣдко замѣняетъ слѣпленный наскоро глиняной заборъ, навозный валъ или неглубокая канава; нѣкоторыя-же землянки не только лишены всякой изгороди, но даже не имѣютъ при себѣ самыхъ необходимыхъ сельскохозяйственныхъ построекъ. Последнее обстоятельство объясняется абсолютной бѣдностью десятичника, не имѣющаго уже ни скота, ни земельческаго инвентаря, ни домашней птицы. Въ большинствѣ случаевъ на такихъ хуторахъ вы не найдете ни садовъ, ни полисадниковъ и только подлѣ самыхъ зажиточныхъ десятильниковъ, да и то въ рѣдкихъ случаяхъ, можно увидѣть тощую акацію, старую иву или нѣсколько чахлахъ вишневыхъ деревьевъ. Единственнымъ украшеніемъ любого изъ такихъ хуторовъ служатъ въ лѣтнее время небольшіе огороды, засѣянные подсолнечникомъ, макомъ и другими растеніями, оживляющими до нѣкоторой степени унылый пейзажъ своими цвѣтами. Не удивительно послѣ этого, что всѣ такіе поселки производятъ на случайнаго зрителя весьма тяжелое и безотрадное впечатлѣніе... Въ чемъ же, спрашивается, заключается причина такого убожества, нерадѣнія и неряшливости? Исключительно въ томъ, что названные десятичники лишены земельной собственности и всецѣло зависятъ отъ каприза тѣхъ лицъ, коимъ принадлежатъ описываемые нами хутора. Арендуя у помѣщиковъ землю на срокъ не болѣе одного года, мѣщане-десятичники находятся всегда въ полнѣйшей неизвѣстности относительно завтрашняго дня, хозяинъ-же хутора, желая пользоваться правомъ ежегодно поднимать арендную плату, никогда не согласится сдать необходимый десятиникамъ участокъ на болѣе продолжительный срокъ. На языкѣ мѣстной администраціи эти мѣщане носятъ названіе «вольныхъ хлѣбопашцевъ», т. е. такихъ людей, которые могутъ свободно переходить съ мѣста на мѣсто и заниматься хлѣбопашествомъ въ любомъ пунктѣ Руси. Такимъ образомъ они представляютъ собою нѣчто среднее между осѣдлыми и кочевыми народами нашего государства. Каждый изъ подобныхъ десятильниковъ долженъ постоянно помнить о томъ, что не сегодня—завтра

ему придется собирать свои пожитки, продавать лишнее имущество, если таковое окажется, и отправляться на поиски другого хозяина, могущаго дать несчастному скитальцу пристанище на болѣе продолжительный срокъ. Въ этомъ отношеніи южнорусскіе мѣщане-десятинщики дѣйствительно свободны и свободны такъ, какъ вѣтеръ или птица небесная. Къ нимъ вполне приложимы слова священнаго писанія: «Не имамъ здѣ града пребывающа, но грядущаго взыскуемъ». А гдѣ этотъ обѣтованный градъ находится,—кто знаетъ? Въ виду же того, что съ нѣкотораго времени странствованія десятильщиковъ, по обширнымъ южнорусскимъ степямъ приводятъ почти всегда этихъ подневольныхъ скитальцевъ къ весьма плачевнымъ результатамъ, и что наученные горькимъ опытомъ землевладѣльцы начинаютъ относиться съ большою осторожностью къ приему въ свои имѣнія этихъ полунищихъ хлѣбопашцевъ,—последніе, въ силу указаннаго обстоятельства, все рѣже и рѣже оставляютъ насиженные мѣста, предпочитая лучше терпѣливо переносить на старомъ пепелищѣ всевозможныя невзгоды и гоненія, чѣмъ проводить жизнь въ безцѣльныхъ скитаніяхъ «по лицу земли родной».

Полагая, что не всякій изъ русскихъ читателей пойметъ, почему здѣшніе землевладѣльцы боятся принимать на свои хутора «вольныхъ хлѣбопашцевъ», мы считаемъ необходимымъ дать этому факту необходимое поясненіе. Суть въ томъ, что каждый помѣщикъ или крупный арендаторъ, сдавая свои поля исполу или за извѣстную денежную плату мѣстному населенію, предпочитаетъ имѣть дѣло съ людьми болѣе или менѣе зажиточными, которые всегда оказываются лучшими работниками и аккуратными плательщиками. При настоящемъ развитіи въ нашемъ краѣ испольной системы занятіе земледѣіемъ только и мыслимо для такихъ мѣщанъ-десятильщиковъ и крестьянъ, кои владѣютъ достаточнымъ количествомъ живого и мертваго инвентаря. Въ нынѣшнемъ, наприм., году большинство помѣщиковъ Херсонской и Таврической губ. сдали свои земли мѣстнымъ десятищикамъ и крестьянамъ «за половину» съ возвратомъ всѣхъ съмыанъ или значительной части таковыхъ. Общія же условія съемки земли «за половину» состоятъ въ слѣдующемъ: испольщикъ, снимая, положимъ, двѣ десятины земли у помѣщика или арендатора, обязанъ своими средствами вспахать весь этотъ участокъ, засеять и потомъ выкосить хлѣбъ, связать его въ снопы и сложить въ «копы». По окончаніи всей работы онъ долженъ отдать половину урожая владѣльцу земли, свежа и сложивъ хлѣбъ на указанное хозяиномъ мѣсто. Каждая изъ перечисленныхъ работъ должна быть произведена своевременно, быстро и вполне аккуратно. Малѣйшее отступленіе отъ заключеннаго касательно этого предмета контракта влечетъ за собою строгое наказаніе въ видѣ «конфискаціи» половины урожая, доставшагося на долю испольщика. Во избѣжаніе воровства, которымъ, обыкновенно, сопровождается подобная система хлѣбопашества,

владѣлецъ земли обязываетъ иногда крестьянъ и мѣщанъ-десятильниковъ снять хлѣбъ такимъ образомъ, чтобы послѣ уборки его можно было рѣшить посредствомъ бросанія жребья, какая половина достанется владѣльцу, и какая поступить въ пользу исполщиковъ. Возить свою половину крестьяне могутъ лишь послѣ того, какъ доставать на опредѣленное мѣсто помѣщичью часть хлѣба. Въ виду этого обстоятельства зачастую случается, что урожай землевладѣльца бываетъ свезенъ на токи и «гарманы» во время ясной и сухой погоды; принадлежащая же исполщикамъ половина лежитъ въ поляхъ до осени, подвергаясь продолжительнымъ невздамъ и страдая нерѣдко отъ помѣщичьяго скота, выходящаго на жнивье. Не смотря, однако, на такія кабалныя условія южнорусской исполщины, требованія на землю растутъ здѣсь съ каждымъ годомъ. Вотъ почему наши помѣщики отдають поля подъ посѣвъ только наиболѣе сильнымъ въ матеріальномъ отношеніи десятищикамъ и крестьянамъ; что же касается безлошадныхъ и вообще захудалыхъ «вольныхъ хлѣбопашцевъ», то они, оставаясь за штатомъ, бѣднѣютъ изо дня въ день, пополняя кадры золоторотцевъ и конокрадовъ южнаго края. Нечего уже и говорить о томъ, насколько такіе десятишники оказываются исправными плательщиками за арендуемую подъ выгонъ скота землю и за хаты, принадлежащія владѣльцу хутора. Съ этой стороны «вольные хлѣбопашцы» являются вѣчными должниками предъ хозяевами земли. Само собою разумѣется, что разъ подобная гольтыба начинается, какъ это часто случается у насъ, слишкомъ уже напирать на помѣщика, требуя земли подъ посѣвъ, то ей отводятся наиболѣе истощенные участки; это еще сильнѣе усугубляетъ бѣдственное положеніе мѣщанъ-десятильниковъ, которые даже при наилучшихъ климатическихъ условіяхъ получаютъ на такихъ поляхъ весьма скудные урожаи. Нельзя сказать, чтобы и землевладѣльцы поступали въ данномъ случаѣ вполне благоразумно, такъ какъ, съ одной стороны, они подобнымъ образомъ способствуютъ еще большому истощенію и засоренію почвы, а съ другой, заставляя своихъ обѣднѣвшихъ десятишниковъ затрагивать понапрасну трудъ и время, теряютъ послѣднюю надежду получить съ нихъ когда бы то ни было свои деньги. Прямымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей является не только безысходная нужда мѣщанъ-десятильниковъ, но и ненависть съ ихъ стороны ко всѣмъ здѣшнимъ землевладѣльцамъ, не желающимъ, въ силу изложенныхъ выше причинъ, держать на своихъ хуторахъ полуничихъ, а, слѣдовательно, — бесполезныхъ для хозяйства людей. На этой почвѣ сплошь и рядомъ вспыхиваетъ у насъ непрерывная борьба между помѣщиками и арендаторами — съ одной стороны, и «вольными хлѣбопашцами» — съ другой. Борьба эта выражается судебными процессами, всякими матеріальными стѣсненіями, потравами, драками и т. д., смотря по характеру и положенію владѣльцевъ земли, на которой живутъ мѣщане-десятишники. Необходимо присовокупить здѣсь,

что въ случаѣ какого нибудь стихійнаго бѣдствія, въ родѣ голода, безкормицы скота, эпидеміи и эпизоотій, вольные хлѣбопашцы остаются по большей части въ безпомощномъ состояніи, такъ какъ они не принадлежатъ къ крестьянскимъ обществамъ, кои въ такомъ случаѣ прежде всего пользуются помощью земства и правительства. Не желая имѣть на своей землѣ подобныхъ голяковъ, здѣшніе помѣщики стараются отдѣлываться отъ нихъ всевозможными способами; въ свою очередь мѣщане-десятинщики, зная трудность передвиженія на другое мѣсто, не желаютъ уходить добровольно изъ занимаемыхъ ими жилищъ. Во избѣжаніе дорого стоящихъ судебно-полицейскихъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью «выкуриваніе» изъ хуторовъ «вольныхъ хлѣбопашцевъ», разные арендаторы и разнаго рода кулаки—землевладѣльцы прибѣгаютъ подчасъ въ такомъ случаѣ къ самымъ невѣроятнымъ способамъ выселенія. Иные хозяева для достиженія этой цѣли разрушаютъ мѣщанскія землянки даже среди зимы, окапываютъ хутора канавами, прекращая, такимъ образомъ, выходъ и выѣздъ въ поле не только для людей, но и для животныхъ; кромѣ того, наиболѣе черствые сердцемъ землевладѣльцы, пользуясь крайнею заботостью и безпомощнымъ состояніемъ десятичниковъ, лишаютъ этихъ послѣднихъ выпасовъ и даже водопоевъ для скота. Очутившись въ такомъ осадномъ положеніи, «вольные хлѣбопашцы» превращаются въ самыхъ отчаянныхъ захребетниковъ, производя подчасъ опустошительные ночные набѣги на помѣщичьи пастбища и нивы. Слѣдствіемъ этого бываетъ, обыкновенно, рядъ кровопролитныхъ схватокъ между десятичиками и полевыми сторожами, что неизбежно влечетъ за собою сложные и дорого стоящіе для обѣихъ сторонъ судебные процессы. Нѣкоторые помѣщики не стѣсняются превращать населенныя десятичиками избы въ свинные и скотскіе хлѣва, дабы квартиранты уходили безъ содѣйствія полиціи. Не взирая, однако, на всѣ эти репрессіи, «вольные хлѣбопашцы» въ большинствѣ случаевъ и не думаютъ выселяться изъ осаждаемыхъ хуторовъ: напротивъ, они, основываясь на томъ, что «здѣсь умерли ихъ отцы и дѣды», продолжаютъ съ энергіей, достойной лучшей участи, вести упорную борьбу со своими хозяевами и, будучи вытѣснены изъ землянокъ, умудряются жить на томъ-же хуторѣ въ шалашахъ и ямахъ, прикрытыхъ сверху бурьяномъ. На нашихъ глазахъ былъ однажды такой случай: десятичника выбросили изъ хаты въ присутствіи судебно-полицейскихъ властей, и землянка была тотчасъ-же превращена въ развалины. Обстоятельство это нисколько однако не озадачило десятичника, который преспокойно устроился на огородѣ подъ высокимъ заборомъ, руководясь тѣмъ, что въ исполнительномъ листѣ не упомянуто было о разрушеніи пристроекъ; когда-же, спустя нѣкоторое время, былъ уничтоженъ и заборъ, то нашъ вольный хлѣбопашецъ раскинулъ свое имущество на выросшихъ имъ деревьяхъ, куда и самъ переселился съ семействомъ. Огороженный подобнымъ маневромъ землевладѣлецъ прину-

ждень быть затѣять новое дѣло о рубкѣ принадлежащихъ десятинику деревьевъ. Къ счастью, наступившіе вскорѣ морозы принудили упрямаго южно-русскаго «ирландца» сдаться на капитуляцію. Весьма естественно, что подобное упрямство вовлекаетъ десятинниковъ еще въ большія убытки и ведетъ этихъ обездоленныхъ людей къ окончательному разоренію и нищенству, такъ какъ вся сумма судебно-полицейскихъ пошлинъ ложится въ данномъ случаѣ всецѣло на отвѣтчиковъ...

И вотъ, въ такомъ положеніи находится большинство южнорусскихъ «вольныхъ» хлѣбопашцевъ. Горе великое терпятъ они, но нелегко приходится съ ними и самимъ землевладѣльцамъ. Выхода изъ этого заколдованнаго круга пока нѣтъ никакого, въ особенности же съ тѣхъ поръ, какъ въ Новороссіи прекращенъ отводъ казенныхъ участковъ для этого безземельнаго люда. Переселенія-же въ отдаленныя части Имперіи сопряжены съ затратою такихъ средствъ, какими никто изъ нашихъ десятинниковъ не обладаетъ; помимо этого, если-бы кто изъ «вольныхъ» хлѣбопашцевъ и нашелъ возможность передвинуться какимъ-нибудь образомъ въ Сибирь или на Кавказъ, то ему врядъ-ли удастся сдѣлать это, не расплатившись съ владѣльцемъ земли, у котораго весь хуторъ снимаетъ выгоны и пахатныя поля на основаніи круговой поруки. Въ виду этого обстоятельства мѣщане-десятинники зорко слѣдятъ другъ за другомъ, ибо, въ случаѣ ухода изъ хутора кого-либо изъ обывателей, долги послѣдняго лягутъ излишнимъ бременемъ на остальныхъ голяковъ. Во многихъ имѣніяхъ нашего края положеніе мѣщанъ-десятинниковъ, въ силу перечисленныхъ условій, является несравненно хуже, чѣмъ бывшее положеніе крѣпостныхъ. Не мѣшаешь присовокупить еще, что удрученные массою житейскихъ невзгодъ и абсолютной бѣдностью здѣшніе вольные хлѣбопашцы представляютъ собою самый темный, забытый классъ мѣстнаго деревенскаго населенія, такъ какъ они почти всегда живутъ на значительномъ разстояніи отъ школъ и вообще культурныхъ центровъ. Вотъ почему, между прочимъ, разныя секты прежде всего и чаще всего появляются у насъ не среди крестьянъ, а по хуторамъ, населеннымъ «вольными хлѣбопашцами». Впрочемъ, если-бы кто изъ такихъ мѣщанъ и вздумалъ отправлять своихъ дѣтей въ сосѣднюю школу, то не могъ-бы этого сдѣлать по той простой причинѣ, что не нашелъ-бы во что одѣть ученика въ зимнее время, съ наступленіемъ-же ранней весны вплоть до глубокой осени даже 7—8 лѣтнія дѣти мѣщанъ-десятинниковъ принимаютъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ сельско-хозяйственныхъ работахъ своихъ родителей. Ограничиваясь здѣсь только общей характеристикой «вольныхъ» хлѣбопашцевъ, мы думаемъ, что и написаннаго достаточно для составленія правильнаго понятія о житьѣ обездоленныхъ южно-русскихъ мѣщанъ-десятинниковъ. Полагаемъ, что они также заслуживаютъ должнаго вниманія со стороны тѣхъ лицъ и учреждений, кои будутъ скоро заняты вопросомъ о положеніи юго-западныхъ чиншевиковъ,

обывателей владѣльческихъ мѣстечекъ и вообще безземельныхъ хлѣбопашцевъ и мелкихъ ремесленниковъ, живущихъ подъ дамокловымъ мечомъ на правахъ краткосрочнаго владѣнія.

Д. Федоровъ.

„Съ береговъ Енисея“.

1) Подпольная адвокатура и ссыльные.—2) Дѣло Пржемыщкаго.—3) Сибирскіе взыточники и ихъ защитникъ г. Константиновъ.

До введенія въ Сибири Уставовъ Императора Александра II хожденія по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ разрѣшалось всякому, кто не былъ ограниченъ въ правахъ.

Въ каждомъ городѣ были адвокаты, хотя и не признанные закономъ, но обществомъ вполне признанные и состоящіе даже постоянными повѣренными при городскихъ и иныхъ учрежденіяхъ. Услугами этихъ повѣренныхъ пользовалось городское населеніе и при томъ болѣе богатое, а все остальное населеніе должно было поневолѣ обращаться къ мелкимъ ходатаямъ, людямъ не только ничего не понимающимъ и незнающимъ законовъ, но вполне безграмотнымъ и главное—негодаямъ съ головы до пятъ. Эти господа, хотя и занимались спеціально веденіемъ чужихъ дѣлъ, но не считали даже нужнымъ выписать хотя первую часть десятаго тома. Дѣйствовали они больше по вдохновенію. Въ своихъ прошеніяхъ на соотвѣтствующія статьи закона они не ссылались, а больше «припадали къ стопамъ» того, кому подавали прошенія. Одинъ изъ мелкихъ ходатаевъ всѣ свои прошенія, обыкновенно помѣщающіяся не менѣе, какъ на пяти или шести листахъ, оканчивалъ ссылкой на «существующіе законы и узаконенія» и просилъ, на основаніи этихъ «законовъ и узаконеній», удовлетворить «правильное ходатайство» своего довѣрителя. Другой ходатай, въ концѣ прошенія, обыкновенно упоминалъ о томъ, что на статьи законовъ онъ не ссылается потому, что онѣ лучше извѣстны суду и онъ не хочетъ «возвеличивать» себя и унижать судъ, «ибо указаніе на законы можетъ осердить судъ, и судьи могутъ подумать, что онъ, адвокатъ, сомнѣвается въ ихъ познаніяхъ». Суды рѣшительно были завалены безграмотными произведеніями мелкихъ ходатаевъ и ничего не было мудренаго въ томъ, что дѣла тянулись по нѣскольку лѣтъ. Главнымъ образомъ такой волокитѣ способствовало, конечно, самое судопроизводство, но не мало тормозили ходъ дѣлъ и господа ходатаи, возбуждавшіе разные частные вопросы и превращавшіе семидневные сроки въ годовые.

Въ Красноярскѣ, напримѣръ, былъ адвокатъ изъ довольно крупныхъ, который прославился главнымъ образомъ тѣмъ, что умѣлъ затягивать дѣла

на десятки лѣтъ. Поступалъ онъ такимъ образомъ. Подается прошеніе о взысканіи извѣстной суммы съ кліента этого почтеннаго адвоката. Копія посылается по мѣсту жительства отвѣтчика. Отвѣтчикъ начинаетъ перекладывать съ мѣста на мѣсто. Чинъ, вручающій копию, получивъ «благодарность», отписывается, что такой-то проживаетъ въ Минусинскѣ. Проходитъ полгода. Судъ посылаетъ копию въ Минусинскъ. Въ Минусинскѣ, конечно, тоже есть чинъ, жаждущій благодарности. Чинъ этотъ ѣдетъ къ отвѣтчику. Отвѣтчикъ даетъ «благодарность за обожданіе» и копія лежитъ два или три мѣсяца. Судъ дѣлаетъ «повтореніе» и копія опять лежитъ нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, судъ пишетъ бумагу губернатору. Бумага лежитъ полгода въ Губернскомъ Управленіи. Наконецъ Минусинскій чинъ получаетъ предписаніе своего начальства о немедленномъ врученіи копии и о дачѣ объясненія такой медленности. Чинъ ѣдетъ къ отвѣтчику, получаетъ третью благодарность, а въ объясненіи пишетъ, что отвѣтчикъ все время былъ въ неизвѣстной отлучкѣ, а потому и не могла быть вручена ему злополучная копія. По объясненію чина оказывается, что отвѣтчикъ живетъ въ настоящее время въ Томскѣ, а потому копія съ сегодняшней же почтой возвращается въ Губернскій Судъ. Судъ, получившій копию, вновь отсылаетъ ее въ Томскъ. Тамъ происходитъ та же исторія, проходитъ годъ или два, а дѣло ни на шагъ не подвигается впередъ. Когда удастся вручить копию, начинаются новыя ухищренія. Знаменитый ходатай подаетъ объясненіе въ послѣдній день срока, но не прилагаетъ ни марокъ, ни копии для врученія противной сторонѣ. Судъ предлагаетъ въ семидневный срокъ исправить упущенія. Бумага поступаетъ въ одну изъ Красноярскихъ частей и вмѣстѣ съ полученіемъ бумаги у чиновъ мѣстной полиціи получается большое огорченіе. Сынокъ знаменитаго ходатая состоитъ Совѣтникомъ Губернскаго Управленія, а потому вручать бумаги знаменитому папашѣ не менѣе знаменитаго сына, никто не осмѣливается. Такимъ образомъ проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ и семидневный срокъ начинаетъ болѣе походить на семигодовой, чѣмъ на семидневный.

Два года тому назадъ, знаменитый папаша и знаменитый же сынокъ, за избиеніе рабочаго, были присуждены къ тюремному заключенію, но старый судъ канулъ въ вѣчность, появился новыи судъ, а приговоръ надъ этими почтенными дѣятелями до сихъ поръ не приведенъ въ исполненіе. Чѣмъ это объяснить, право не знаю. Знаменитый ходатай, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, хотя и ловилъ рыбу въ мутной водѣ, но все же дѣйствовалъ на законномъ основаніи и былъ; такъ сказать, неудовимъ.

Мелкая подпольная адвокатура дѣйствовала, что называется, во всю. Нужно было лишь зашибить рублевку, а о средствахъ раздумывать не стоило. Мелкіе ходатаи, въ случаѣ надобности, и выкрадывали бумаги и если удавалось, то, читая дѣло въ Судѣ, подкаблывали не нравящіеся

имъ слова и цѣлыя выраженія въ договорахъ, отсиживали въ тюрьмахъ и вновь, болѣе умудренные и просвѣщенные, выступали на свое бывшее поприще.

Въ Красноярскѣ нѣсколько лѣтъ проживалъ ссыльно-поселенецъ Пѣтуховъ, именующій себя графомъ Пѣтуховскимъ-Шалонскимъ. Господинъ этотъ, какъ и большинство, съ позволенія сказать «интеллигентныхъ» ссыльныхъ, занимался адвокатурой. Писалъ онъ, совершенно безсмысленно и безграмотно, но кліентовъ надо отдать ему честь, имѣлъ не мало. Нравился онъ главнымъ образомъ тѣмъ, что на все былъ готовъ. Совершалъ онъ подлоги, мошенничества, самоуправства; за все это отсиживалъ соотвѣтствующее количество дней въ тюремномъ замкѣ, вновь выходилъ на свободу, вновь писалъ и вновь попадался въ тюрьму. Видъ онъ имѣлъ графскій, наглость имѣлъ неизмѣримую. Все это импонировало и кліенты шли къ нему толпой. Получивъ дѣло, онъ умѣлъ дѣлать какъ-то такъ, что вмѣстѣ съ кліентомъ его сажали въ тюрьму. Какъ хотите, для кліента удобство это немалое. Изъ тюрьмы подавалось по десяти или двѣнадцати прошеній въ день. Губернскій Судъ рѣшительно изнемогалъ отъ чтенія этихъ великолѣпныхъ рукописей, и, конечно, по прочтеніи оставлялъ всѣ ихъ безъ послѣдствій. Остальные ходатаи тоже отличались полною безграмотностью и не менѣе полною наглостью. Невозможнаго для нихъ не существовало. Они брались за все и писали прошенія всѣмъ должностнымъ лицамъ.

Живя въ Сибири, мы не разъ видали такія прошенія, какихъ не выдумаетъ ни одинъ юмористъ. Не могу не привести здѣсь двухъ типичныхъ прошеній.

У бабы забрали сына въ солдаты. Мужъ бабы захворалъ и вотъ баба обращается къ аблакату и тотъ пишетъ въ Военское Присутствіе такое прошеніе. «По расшатанному здоровью моего мужа, которому измѣнили лѣта и здоровье, и болѣзненному состоянію моего старшаго сына-первенца, который не только служилъ мнѣ вѣрой и правдой, но и моему семейству вспомогательствомъ, но даже еще болѣе затруднялъ (?), такъ какъ самого его приходится содержать собственными трудами. Находясь въ такомъ тяжкомъ состояніи, которое еще больше увеличиваетъ престарѣлость мужа моего, осмѣливаюсь просить о моемъ младшемъ сынѣ, находящемся въ казармѣ для приготовления писарскихъ обязанностей, гдѣ находясь въ простое время занятій, могъ бы быть хорошимъ помощникомъ и покровителемъ моего семейства». И за это платятся деньги.

Вотъ другое прошеніе, поданное въ Окружный Судъ и принадлежащее перу одного сибирскаго юса.

«Два года тому назадъ мужъ мой крестьянинъ деревни Николаевской Антонъ Петровъ увлекшись холодною къ присвоенному брачному семейству и ночными отлучками, послѣ личнаго наблюденія изблеченъ

былъ въ нарушеніи святости брака. Отнеся проступокъ мужа, совершеннымъ при многомъ употребленіи крѣпкихъ напитковъ, оставленъ мною безъ обжалованья. Между тѣмъ снисхожденіе мое въ необжалованьи усвоило развитіе мужу повторять нарушенія святости брака, начавъ жестокое противъ меня обращеніе съ покушеніемъ лишить жизни 11 Января сего года взятымъ въ руки заряженнымъ револьверомъ, къ благополучію, бытности сказаннаго оружія въ кожанномъ чехлѣ и моментальный побѣгъ мой пріостановилъ совершеніе обдуманнаго намѣренія, неуспѣхомъ тотчасъ вынуть вложеннаго и шнуромъ обмотаннаго оружія, состоявшееся противъ воли злоумышленника. Въ Январѣ же ночью мужъ схватилъ меня за дыхательное горло, затѣмъ другою рукою произвелъ о деревянный полъ моего тѣла сотрясеніе. Удавшійся случай испустить крикъ и шорохъ привлекъ на оныя домашнихъ проживателей, которые и вытащили меня изъ рукъ злоумышленника, отчего до сихъ поръ имѣются у меня знаки параллельно дыхательнаго горла».

Далѣе идетъ просьба о привлеченіи мужа къ уголовной отвѣтственности «въ предѣлахъ сего прошенія».

Не думайте, что два приведенныхъ мною прошенія составляютъ исключеніе. Мѣстные ходатаи пишутъ всегда въ такомъ духѣ. Любятъ они употреблять также и иностранныя слова, конечно, не понимая ихъ смысла и вставляя ихъ тамъ, гдѣ имъ быть совершенно не полагается. Такими ходатаями кишитъ рѣшительно вся Сибирь, и зло это, какъ и множество другихъ сибирскихъ золъ, создала ссылка.

Съ введеніемъ въ Сибиріи новыхъ Судовъ, подпольная адвокатура не уничтожилась и процвѣтаетъ по прежнему. На сколько высокъ былъ нравственный цензъ Сибирскихъ ходатаевъ, доказываетъ рѣшительный отказъ Судовъ принять большинство изъ этихъ ходатаевъ въ частные повѣренные. Изъ лицъ, занимающихся веденіемъ чужихъ дѣлъ въ Иркутскѣ, въ частные повѣренные принять одинъ, въ Красноярскѣ и Томскѣ—двое. Остальные были прямо не допущены до экзамена «по имѣющимся въ Судахъ свѣдѣніямъ» о ихъ прошлой плодотворной дѣятельности.

Но подпольные адвокаты нисколько не унываютъ. Отсутствіе присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ въ маленькихъ сибирскихъ городкахъ заставляетъ по неволѣ обращаться къ услугамъ этихъ темныхъ дѣльцовъ и потому всѣ дѣла мировой подсудности до сихъ поръ находятся въ цѣпкихъ и нечистыхъ рукахъ разныхъ господъ, именующихъ себя то повѣренными по судебнымъ дѣламъ, то юрисконсультами. Адвокатамъ, выѣзжающимъ съ Судомъ на первыя сессіи, рѣшительно не давали покою кліенты. Въ Ачинскѣ, напримѣръ, до сихъ поръ нѣтъ ни одного ни частнаго ни присяжнаго повѣреннаго, а потому публика поставлена въ очень затруднительное положеніе. Старыхъ юсовъ мировые судьи прямо гонятъ вонъ, самому въ судѣ являться «боязно», и вотъ обыватель по неволѣ

ѣдетъ въ губернской городъ и такимъ образомъ тратится совершенно напрасно. Прощѣтанію подпольной адвокатуры много способствуютъ и сами сибиряки. Сибирякъ любитъ все дешевое. Дѣло свое онъ ~~ведетъ~~ обыкновенно самъ, а ходатай только излагаетъ на бумагѣ въ цвѣтистыхъ выраженіяхъ его мысли и ходитъ по присутственнымъ мѣстамъ. Съ такимъ ходатаемъ сибирскому толстосуму обходиться гораздо удобнѣе. Можно и въ «рыло ткнуть» и поколотить.

Что Сибирская подпольная адвокатура процвѣтаетъ и теперь, это можетъ подтвердить большинство присяжныхъ повѣренныхъ, пріѣхавшихъ изъ Европейской Россіи. Большинство ихъ сидитъ безъ дѣла, а многіе уже вернулись обратно. Сибирякъ страшно недоувѣрчивъ. Къ этому пріучила его та же ссылка.

Испугавшись новыхъ судовъ и появленія присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ, нѣкоторые изъ подпольныхъ адвокатовъ вздумали было заявить протестъ и смѣло выступили на борьбу съ своими нежелательными конкурентами, но за то жестоко и поплатились. Въ Енисейской губерніи въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ гремѣло имя золотопромышленника Мошарова. Золотые прииски его давали громадные барыши. Мошаровъ умеръ. Все состояніе перешло въ руки его жены. Та начала шумную жизнь, ѣздила въ Парижъ, гдѣ жила по цѣлымъ годамъ. Дѣла, между тѣмъ, приходили въ упадокъ и въ концѣ концовъ былъ учрежденъ конкурсъ, а г-жа Мошарова послѣдніе двадцать лѣтъ ходила по улицамъ Красноярска, въ качествѣ нищей. Въ 1897 году она умерла на крыльцѣ какого-то кабака. Конкурсъ былъ учрежденъ еще въ пятидесятыхъ годахъ и, конечно, главными воротилами въ этомъ конкурсѣ явились сибирскіе юсы. Началась невообразимая канитель. Юсы грабили остатки Мошаровскихъ богатствъ и тянули дѣло. Сорокъ восемь лѣтъ существовалъ этотъ злополучный конкурсъ и сорокъ восемь лѣтъ имъ завѣдывалъ старый юсъ, отставной чиновникъ Фавстъ Пржесмыцкій. Когда повѣяло новымъ духомъ г. Пржесмыцкій встревожился. Особенно онъ встревожился тогда, когда къ нему явился повѣренный наслѣдницы Карповой, имѣющей дѣла съ опекой и конкурсомъ по дѣламъ Мошарова. Повѣренный сталъ разспрашивать о дѣлѣ. Г. Пржесмыцкій рассказывалъ и все время ерзалъ на стулѣ. Не успѣлъ повѣренный Карповой, частный повѣренный Просинъ, прійти домой, какъ г. Пржесмыцкій, при соудничествѣ своего сына, оставленнаго за штатомъ, при введеніи реформы и нынѣ присяжнаго повѣреннаго, настрочилъ доносъ, въ которомъ объяснилъ, что къ нему явился какой-то человекъ съ подложной довѣренностью, выданной будто бы давно умершей Карповой и склонялъ его, г. Пржесмыцкаго, на всякія незаконныя сдѣлки. Приставъ Булевскій взялъ ~~доку~~ городскихъ и всѣ сѣли на извозчика. На другого извозчика сѣли гг. Пржесмыцкіе и шестіе тронулось. Просинъ мирно игралъ въ шашки у одного своего знакомаго. Вдругъ

является полиція. Просина берутъ подъ ручки, садятъ вмѣстѣ съ собой и везутъ на его квартиру. Тамъ дѣлаютъ обыскъ, но подложной довѣренности, конечно, не находятъ. Г. Просинъ смущенъ и огорченъ. Онъ новый человѣкъ, человѣкъ, не привыкшій къ нашимъ милымъ нравамъ, а потому совершенно растерялся. Г. Пржесмыцкій, одѣтый въ форму Министерства Юстиціи, изображалъ изъ себя представителя прокурорской власти, а старый юсъ—его папаша, рылся въ комодахъ, залѣзалъ подъ кровать и съ ловкостью присяжнаго сыщика отыскивалъ плодъ своей фантазіи—несуществующую довѣренность Карповой. Найдя вмѣсто довѣренности письмо жены Просина и двѣ хорьковыхъ шубы, гг. Пржесмыцкіе, совершивъ сей гражданскій подвигъ, отправились домой и вновь усѣлись за столъ. Плодомъ ихъ совмѣстныхъ трудовъ явился новый доносъ. Они въ прошеніи своемъ прямо называли Просина «тонкимъ жуликомъ» и просили примѣрить на немъ двѣ найденныя ими шубы. Изъ письма жены Просина, желающей своему мужу успѣховъ въ его Сибирскихъ дѣлахъ, почтенные Пржесмыцкіе вывели довольно своеобразное умозаключеніе. Они рѣшили, что жена Просина такая же мошенница, какъ и самъ Просинъ, а потому и желаетъ ему всяческихъ успѣховъ въ его сибирскихъ мошенническихъ дѣлахъ. Жена писала, что Просина цѣлуютъ его маленькіе ребятишки, а потому гг. Пржесмыцкіе усомнились въ существованіи и самого Просина и жены его и его маленькихъ ребятишекъ. Гг. Пржесмыцкіе находили, что ребятишекъ этихъ быть не могло, такъ какъ Просину уже 60 лѣтъ. Словомъ глумленію надъ Просинымъ не было конца. Гг. Пржесмыцкіе уже торжествовали побѣду. Вдругъ сразу все измѣнилось. Дѣло о Просинѣ было прекращено, а у мирового судьи противъ Пржесмыцкаго - отца было возбуждено уголовное преслѣдованіе по обвиненію въ клеветѣ. На судъ явились оба Пржесмыцкіе. Папаша въ качествѣ обвиняемаго, а сынокъ въ качествѣ его защитника. На судѣ тотъ и другой съ апломбомъ доказывали свою правоту, но несмотря на это, мировой судья призналъ г. Пржесмыцкаго виновнымъ въ клеветѣ и приговорилъ его къ аресту на семь дней. Пржесмыцкіе приговоромъ остались недовольны.

Дѣло по апелляціи обѣихъ сторонъ перешло въ окружный судъ. Присяжный повѣренный Пржесмыцкій и здѣсь старался доказать, что папаша его совершилъ не преступленіе, а подвигъ достойный Россійскаго гражданина, обязаннаго на основаніи 104 ст. Уст. о предупрежд. и пресѣченіи преступленій доносить по начальству о всемъ томъ, «чего свидѣтель въ жизни будешь». Кромѣ того г. Пржесмыцкій увѣрялъ судъ, что выраженіе «тонкій жуликъ» нисколько неоскорбительно. Повѣренный Просина не соглашался съ такимъ страннымъ мнѣніемъ и выраженіе за «ласкательное» считать отказался. Послѣ недолгаго совѣщанія судъ вынесъ резолюцію. Приговоръ мирового судьи былъ измѣненъ и вмѣсто семи дней г. Пржесмыцкаго приговорили къ заключенію въ тюрьмѣ на 3 мѣсяца.

Такъ кончилась генеральная битва, данная представителемъ подпольной адвокатуры—представителю адвокатуры, признанной закономъ. И все это дѣлалось изъ-за рубля.

Если Сибирь кишить подпольными адвокатами, то не менѣе того кишить она и всякаго сорта взяточниками. Со введеніемъ новыхъ судовъ взяточники стали какъ будто осторожнѣе. Скрывать преступленія стало довольно опасно. А что дѣлалось раньше—уму непостижимо. Находить, напримѣръ, г. засѣдатель трупъ неизвѣстнаго человѣка и трупъ этотъ пускаетъ сейчасъ же въ оборотъ. Онъ приказываетъ подкинуть его къ дому какого-нибудь богатаго крестьянина, а на другой день этотъ крестьянинъ уже вызывался въ качествѣ обвиняемаго по дѣлу объ убійствѣ неизвѣстнаго человѣка. Дается, конечно, крупная взятка, и трупъ отправляется въ другое село, гдѣ продѣлывается та же исторія. Такіе «подкидыши» давали немалый барышъ.

Намъ извѣстенъ одинъ случай былаго времени, когда г. исправникъ въ рабочую пору выгонялъ крестьянъ на поправку и расширеніе почтоваго тракта. Крестьяне начали «расширять» дорогу, но время было рабочее, они дали г. исправнику отступного и вернулись въ деревню. На другой годъ повторилась та же исторія. Дорога была расчищена и расширена, а на третій годъ г. исправникъ нашелъ, что дорога слишкомъ широка и приказалъ ее суживать... Это не анекдотъ, а фактъ. Въ Т-ской губерніи одинъ исправникъ рѣшилъ продѣлать такую же штуку, но вмѣсто того, чтобы дать отступного, крестьяне дали ему порку. Извѣстенъ случай, когда одинъ засѣдатель запечаталъ рыболовное озеро, протянувъ по нему веревки, купленные, конечно, на счетъ крестьянъ. За извѣстное подношеніе озеро, конечно, было распечатано. Въ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ Ачинскій исправникъ прямо грабилъ ввѣренный участокъ. Исправникъ этотъ былъ выгнанъ лично Генераль-Губернаторомъ, и населеніе округа и города Ачинска обязано этимъ несчастному старику-караульному, отпиравшему ворота деревенской скотины. Во время проѣзда Генераль-Губернатора стариченко упалъ на колѣни и съ такой рѣчью обратился къ нему:

— Ваше Высоко Превосходительство, ослобоните меня отъ налоговъ. Исправникъ всѣхъ насъ податью обложилъ. Съ меня даже подать беретъ, а я всего рубль въ годъ жалованья получаю. Онъ, Ваше Высоко Превосходительство, 100 вѣниковъ меня обязалъ ему доставить. А гдѣ я ихъ возьму... и т. д. и т. д. Исправникъ-взяточникъ, конечно, былъ моментально выгнанъ и мѣсто его занялъ другой.

Я привожу только нѣкоторые факты. Если бы напечатать всѣ свѣдѣнія о взяткахъ и взяточникахъ губернскихъ и окружныхъ, то вышелъ бы огромный томъ.

Ф. Филимоновъ.

Внутреннее обозрѣніе.

Недородь.—Постановка продовольственнаго дѣла.—Мнѣніе г. Антоновича и его проектъ.—Проектъ священника Жирнова.—Г. Медвѣдскій о „Московск. Вѣд.“.—Приходъ, какъ мелкая яемская единица.—Народное образованіе по даннымъ министерства народнаго просвѣщенія.—Отвѣтъ лифляндскаго суперъ-интендента на отчетъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода.

Значительная часть Россіи опять переживаетъ тяжелый годъ. Зима еще только началась, а уже изъ цѣлага ряда мѣстностей слышатся безотрадныя вѣсти. Отъ прошлаго года нынѣшній отличается развѣ только тѣмъ, что нынче уже никто не отрицаетъ нужды, а обсуждаютъ лишь способы ея облегченія и размѣры необходимой помощи. Въ связи съ хроническими недородами все болѣе острый интересъ приобрѣтають вопросы, какъ выдти изъ теперешняго положенія, есть-ли вообще выходъ изъ него и въ чемъ заключается истинныя причины переживаемаго бѣдствія.

Эти три вопроса оживленно обсуждаются нашей печатью. Но къ нимъ слѣдуетъ присоединить еще одинъ, почему-то остающейся обыкновенно вѣтнѣ,—вопросъ, какихъ послѣдствій слѣдуетъ ожидать отъ переживаемыхъ нами явленій?

Намъ кажется, что отвѣтъ на этотъ вопросъ вполне возможенъ, хотя, конечно лишь въ очень общихъ и крупныхъ чертахъ и съ оговоркой, что такой отвѣтъ нисколько не предрѣшаетъ послѣдующихъ событій, а лишь устанавливаетъ возможность и вѣроятность ихъ. Каждый день приноситъ что нибудь новое. Но это нисколько не устраняетъ возможности сообразоваться со всѣми условіями, которыя могутъ быть предусмотрѣны и приняты въ расчетъ.

Для рѣшенія поставленнаго нами вопроса у насъ имѣется обильный матеріалъ, изъ видѣ опыта предшествующихъ неурожайныхъ годовъ и текущихъ фактовъ изъ жизни нашей деревни. Мы можемъ съ увѣренностью сказать, что помимо непосредственныхъ, преходящихъ послѣдствій, каждый неурожайный годъ имѣетъ еще другія, болѣе глубокія, хотя, можетъ быть,

и не столь замѣтныя или, по крайней мѣрѣ, менѣе бросающіяся въ глаза, и что эти послѣдствія неурожаевъ налагаютъ свою печать на весь укладъ экономической жизни Россіи. Неурожай является стихійною силой, которая ломаетъ всѣ преграды, руководитъ теченіемъ событій и тяготѣетъ надъ миллионами людей.

Борьба съ неурожаями до послѣдняго времени затрагивала лишь непосредственныя послѣдствія ихъ, да и тѣ удавалось устранить далеко не вполнѣ. Такъ напр., официально зарегистрировано, что 1891 г. причинилъ болѣе полумилліона лишннихъ смертей, и немногимъ меньше—послѣдующій 1892 *). Урожайные годы, явившіеся на смѣну недородамъ, не могли пополнить ущерба, нанесеннаго населенію въ голодный годъ. Крестьянскій скотъ быстро таялъ, недоимки росли. Вотъ въ какихъ цифрахъ выражается, напр., по официальнымъ даннымъ, недоимочность крестьянскаго населенія по всѣмъ казеннымъ платежамъ въ процентномъ отношеніи къ годовому окладу. Въ губерніяхъ восточнаго раіона она составляла за пятилѣтіе 1891—1895 г. 236⁰/₀, въ средне-черноземномъ —125⁰/₀, въ средне-промышленномъ—66⁰/₀, въ малороссійскомъ уже всего 32⁰/₀, а въ сѣверо и юго-западномъ лишь около 4,5⁰/₀ **). Вліяніе неурожаевъ здѣсь сказывается съ поразительной ясностью. Поволжье всего чаще страдаетъ отъ неурожаевъ, завися въ тоже время въ очень значительной степени отъ земледѣлія,—и недоимокъ на немъ всего больше. За нимъ слѣдуетъ богатѣйшій въ смыслѣ естественныхъ данныхъ средне-черноземный раіонъ, который тоже валится подъ гнетомъ недоимки. Въ средне-промышленномъ раіонѣ процентъ недоимки уже меньше, конечно, потому, что населеніе здѣсь въ меньшей степени зависитъ отъ земледѣлія. Остальныя губерніи представляютъ совершенно иную картину: процентъ недоимочности въ нихъ вдвое и втрое меньше. Сѣверо-Западъ и Юго-Западъ даютъ минимальныя цифры, свидѣтельствующія о наличности другой культуры и другихъ обще-экономическихъ и сельско-хозяйственныхъ особенностей.

Неурожай прошлаго года имѣлъ менѣе острѣй характеръ, но оказать опять такое-же губительное дѣйствіе на крестьянское благосостояніе, какъ и 1891 г. Для того чтобы предотвратить полное разореніе крестьянства вслѣдствіе вторичнаго неурожая, постигнаго въ нынѣшнемъ году тѣже губерніи, правительство рѣшило позаботиться объ обезпеченіи скота кормомъ. Но при этомъ было признано нецѣлесообразнымъ затрачивать на прокормъ скота болѣе его стоимости—а стоимость скота, какъ извѣстно, въ неурожайные годы падаетъ,—и въ тѣхъ случаяхъ, когда прокормъ долженъ обойтись дороже, вмѣсто прокорма министерство внутреннихъ дѣлъ намѣревается производить скупку скота у крестьянъ для перепродажи имъ же весной. Для этой цѣли ассигновано 4.400.000 р., а именно: на покупку

*) См. „Трудбвая Помощь“, Октябрь, 1898.

**) Вржескій. Недоимочность и круговая порука. Спб. 1897.

муки для подмѣси къ рѣзкѣ въ качествѣ зимняго корма 1.541.660 руб., на покупку сѣна для весенняго корма (когда лошади требуютъ болѣе питательной пищи вслѣдствіе весеннихъ работъ) 1.116.146 р. и, наконецъ, на скупку лошадей—300.000 р. При этомъ нужно принять во вниманіе, что министерство признало необходимой помощь въ приобрѣтеніи кормовыхъ средствъ только самымъ бѣднымъ, однолошаднымъ домохозяевамъ, постановивъ относительно болѣе зажиточныхъ хозяевъ, что имъ можно предоставить лишь право покупки скота на льготныхъ условіяхъ.

Изъ сказаннаго видно, что правительственная помощь лишь до известной степени обезпечиваетъ крестьянамъ сохраненіе скота. Сверхъ того правительствомъ было отпущено еще прошлымъ лѣтомъ для шести губерній: Орловской, Саратовской, Уфимской, Самарской, Казанской и Вятской на обмѣненіе озимыхъ полей и поддержаніе хозяйственной дѣятельности населенія 3.952.000 руб. Для обмѣненія яровыхъ полей производится заготовка въ количествѣ 10.025,000 пудовъ, которые распредѣляются на 9 губерній, а именно: Тульскую, Рязанскую, Пермскую, Симбирскую, Саратовскую, Уфимскую, Самарскую, Вятскую и Казанскую. Но главныя усилія правительства сосредоточены на организации продовольственной помощи населенію. Продовольственная потребность опредѣлена, какъ сообщаютъ нѣкоторыя газеты, для 7 губерній (Саратовской, Пермской, Вятской, Симбирской, Самарской, Уфимской и Казанской) въ 14.235.000 пуд. Однако расчетъ сдѣланъ только по 1 мая, а возможность прокормиться самостоятельно населеніе получить, собственно, только послѣ новаго урожая.

Изъ этихъ данныхъ видно, что въ нынѣшнемъ году помощь оказана правительствомъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ въ прошломъ. Земствамъ было предложено сверхъ того организовать общественныя работы, но сдѣлано-ли что-либо въ этомъ направленіи и что именно—до сихъ поръ точно неизвѣстно. Тѣмъ не менѣе, и въ нынѣшнемъ году правительственная и земская помощь оказывается далеко не всѣмъ нуждающимся. Правомъ на полученіе продовольственнаго вспоможенія не пользуются, во первыхъ, взрослые рабочіе, а, во вторыхъ,—тѣ лица, за которыхъ не можетъ поручиться общество. Мѣстами правительственное вспоможеніе и въ этихъ предѣлахъ, по свѣдѣніямъ агентовъ общества Краснаго Креста, оказывается недостаточнымъ. Вообще-же вспоможеніе разсчитано на борьбу съ голодомъ, но не на борьбу съ *неурожаемъ*, какъ справедливо замѣтилъ недавно директоръ хозяйств. департамента мин. внутр. дѣлъ Кабатъ въ отвѣтъ на просьбы частныхъ землевладѣльцевъ объ оказаніи вспоможенія. Нельзя не согласиться съ его мнѣніемъ, что отъ бѣдности это вспоможеніе не спасаетъ, и что даже сѣменная помощь имѣетъ цѣлью лишь дать возможность *пережить* тяжелый годъ.

Упадокъ крестьянскаго благосостоянія въ послѣдніе годы составляетъ общепризнанный фактъ. Деревня пустѣетъ, хозяйство падаетъ. Подъ вліяніемъ болѣе тяжелыхъ условій существованія въ массѣ народа, особенно среди молодого поколѣнія, стали обнаруживаться даже признаки вырожденія, подобнаго тому, которое было замѣчено въ Англіи подѣ вліяніемъ развитія промышленности. Объ этихъ признакахъ, по почину г-на Дедюлина, изслѣдовавшаго данныя рекрутскихъ присутствій о количествѣ новобранцевъ, непригодныхъ къ военной службѣ, заговорила въ послѣднее время печать. Нѣкоторыя изъ положеній г-на Дедюлина были официально опровергнуты главнымъ штабомъ, но фактъ относительнаго увеличенія непригодныхъ къ отбыванію воинской повинности для періода 1890—1896 г., т. е. для того времени, когда усилилось вліяніе неурожаевъ былъ признанъ, хотя и не въ столь значительныхъ размѣрахъ, и въ отвѣтъ главнаго штаба. По даннымъ Дедюлина процентъ неспособныхъ къ военной службѣ за это время увеличился на 4%, а число сомнительныхъ и получившихъ отсрочку—на 9%; по свѣдѣніямъ-же главнаго штаба первая цифра должна быть понижена до 2%, а вторая—до 1,9%. Однако доводы главнаго Штаба г. Дедюлинъ не призналъ основательными *).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣляется особая группа крестьянства, счумѣвшая приспособиться ко всѣмъ неблагоприятнымъ условіямъ и выдержать неурожайные годы. Разореніе маломощныхъ крестьянъ дѣлаетъ представителей этой группы еще болѣе сильными. Неурожай, конечно, и для нея являются помѣхой. Но достаточно одного-двухъ удовлетворительныхъ годовъ, чтобы болѣе зажиточный крестьянинъ оправился и началъ зоботиться объ увеличеніи своихъ запасекъ. Онъ арендуетъ и покупаетъ частно-владѣльческія земли; въ его рукахъ все болѣе и болѣе концентрируются и земельные надѣлы, и скотъ. Хозяйство, можетъ быть, и у него имѣетъ неустойчивый характеръ. Но всетаки онъ болѣе свободенъ и увѣренъ въ распоряженіи землей и трудомъ, чѣмъ выбитая неурожаями изъ старой колеи маломощная масса.

Эти зажиточные крестьяне, которыхъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей крестьянскаго хозяйства, мѣтко называетъ «собираателями земли русской», и являются прямыми наслѣдниками распадающагося общиннаго строя.

Въ томъ сложномъ нагроможденіи арендныхъ, ростовщическихъ и принудительныхъ отношеній, которое мы видимъ въ современной деревнѣ, можно безъ особеннаго труда уловить признаки переходнаго состоянія. И какъ это ни покажется парадоксальнымъ, факты показываютъ, что сама община служитъ теплымъ гнѣздомъ для „собираателя“. Она прикрываетъ лишь приличными формами массовую экспропріацію земли, но не

*) См. „Русскій Трудъ“, 1898, № 14 и 43.

въ состояніи задержать ее. Община, въ видахъ самосохраненія, должна смотрѣть на слабыхъ очень недружелюбно.

Вотъ что говоритъ объ общинѣ человѣкъ вовсе не враждебный ей.

«Въ чемъ теперь выражается внутренняя связь крестьянина съ его общиной? Онъ знаетъ, что тамъ онъ имѣетъ избу и ему отводятъ кусокъ земли для обработки, одинъ годъ въ одномъ мѣстѣ, другой—въ другомъ; тамъ живутъ члены его семьи, которыхъ онъ долженъ кормить; тамъ съ него взыщутъ подати, продадутъ одну овцу, корову, посадятъ въ холодную, если онъ окажется неисправнымъ плательщикомъ; тамъ ему выдаютъ паспортъ и удерживаютъ задатки, которые предлагаетъ ему наниматель; тамъ его призываютъ въ рекруты, туда онъ долженъ явиться по первому призыву.

Вотъ и все!

Во всѣхъ случаяхъ, когда у крестьянина недостатокъ или нужда, для него община не существуетъ; онъ предоставленъ самому себѣ и долженъ обращаться къ кулаку, и при общемъ бѣдствіи онъ ожидаетъ помощи правительства».

Эти слова принадлежатъ г. А. Антоновичу и взяты изъ статьи, напечатанной имъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Редація газеты, не находя ихъ вполне соответствующими фактическому положенію дѣла, внесла въ нихъ нѣкоторую поправку, которую мы, слѣдуя старому принципу *audiat et altera pars*, тоже приводимъ.

«Авторъ дѣлаетъ ошибку, говоритъ редакція, утверждая, будто община не существуетъ для крестьянина, когда у него—недостатокъ или нужда. Но кто-же не знаетъ о повсемѣстномъ почти существованіи мірскихъ арендъ и наймовъ, открывающихъ возможность малолѣтнимъ членамъ общины пользоваться арендной землей и кредитомъ? А помощь погорѣльцамъ путемъ отвода лѣса для своза и бесплатнаго всѣмъ міромъ подвоза строительнаго матеріала? А другіе многообразные виды и формы общинныхъ «помочей» и «подмогъ», какъ выдача вдовамъ, сиротамъ, бобылямъ и калѣкамъ хлѣба изъ общественныхъ магазиновъ или ежемѣсячныхъ денежныхъ пособій, уплата за нихъ недоимокъ, надѣленіе ихъ *мироплатимою* землею, мірская помощь при обработкѣ полей и уборкѣ урожаявъ и т. п. Если сопоставить мѣру общинной взаимопомощи съ мѣрою тѣхъ средствъ, которыми располагаетъ современная община, то пропорція получится такая огромная, какой мы не встрѣтимъ ни у одной изъ другихъ нашихъ общественныхъ группъ, ни у дворянства, ни у городскихъ общинъ... Если-же отдѣльный членъ сельской общины въ нуждѣ все-таки вынужденъ кланяться кулаку, то вѣдь и сама современная община, почти задавленная малоземельемъ, непосильнымъ податнымъ бременемъ и другими не отъ нея зависящими неблагопріятными условіями, цѣликомъ находится во власти того-же кулака-*миропда*...»

Со стороны точности формулировки и логичности это редакціонное заявленіе оставляетъ желать очень многого. Но допустимъ, что замѣчанія редакціи «Петерб. Вѣд.» вполне справедливы; спрашивается, вносятъ ли они существенное измѣненіе въ постановку вопроса? Повидимому, даже сама редакція этого не думаетъ, потому что, упомянувъ о различныхъ видахъ крестьянской взаимопомощи и подчеркнувъ, что взаимопомощь эта развита болѣе, чѣмъ, напр., дворянская и городская (какъ будто кто либо говорилъ о «дворянской общинѣ»!), она всетаки допускаетъ, что не только отдѣльный крестьянинъ но и вся община находится «цѣликомъ» во власти кулака. Такимъ образомъ, редакція «С.-Пб. Вѣд.» только усиливаетъ положенія г. Антоновича. Другой вопросъ, чѣмъ объясняются подобныя явленія. Если редакція во что-бы то ни стало желаетъ поставить ихъ въ исключительную зависимость отъ малоземелья, и внѣшнихъ условій и непосильнаго податнаго бремени, то, конечно, не трудно привести факты изъ жизни современной деревни, которые не укладываются въ эти рамки. Взять хотя бы вліяніе круговой поруки на распредѣленіе податей. Вліяніе это можно въ настоящее время, какъ извѣстно всякому специалисту, охарактеризовать столь точными и подробными данными, что даже защитники общины не отрицаютъ неблагоприятныхъ послѣдствій круговой поруки. Прежде всего оказывается что круговая порука совершенно не способствуетъ равномерному распредѣленію податнаго бремени, а, наоборотъ, является тяжелой обузой именно для малоимущихъ. Благодаря ей богатые крестьяне стараются укрыться за спиною плохихъ плательщиковъ налоговъ и въ тоже время заранѣе принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы избавиться отъ малонадежныхъ и неисправныхъ. Такъ совершается процессъ обособленія рабочихъ рукъ отъ земли. -

Но,—скажутъ намъ,—порядки крестьянскаго управленія не имѣютъ ничего общаго съ той или другой системой землевладѣнія и землепользованія. Хорошо; пусть будетъ такъ. Но что-же останется отъ *современной* общины, если отмѣнить круговую поруку? Можно-ли будетъ отстоять въ такомъ случаѣ неприкосновенность крестьянскаго землевладѣнія? Мы думаемъ, что къ этому не существуетъ никакой возможности и что тогда процессъ, который теперь протекаетъ въ болѣе или менѣе скрытой и видоизмѣненной формѣ, тогда станеть совершаться открыто, выражаясь въ столь ощутительныхъ явленіяхъ, что едва-ли у многихъ хватитъ духа отрицать разложеніе общины.

Г. Антоновичъ, мнѣніе котораго мы привели выше, надѣется улучшить положеніе дѣла палліативной мѣрой, именно представленіемъ общинамъ права замѣнять денежныя повинности въ случаѣ неисправности плательщика, общественными работами. Однако, едва-ли можно ожидать благихъ результатовъ отъ осуществленія подобнаго предложенія. Всего вѣрнѣе, что такія общественныя работы лягутъ лишнимъ и при томъ, очень

тяжелымъ бременемъ на неисправныхъ плательщиковъ, не принеся особенной пользы самой общинѣ. Это будетъ до известной степени равносильно возстановленію барщины. Общественный трудъ, выполняемый для пополненія недоимокъ, будетъ подневольнымъ трудомъ. Его производительность и доброкачественность будетъ болѣе, чѣмъ сомнительна. Да и вообще проекту г. Антоновича едва-ли суждено перейти со столбцовъ газеты въ дѣйствительную жизнь.

Съ проектомъ г. Антоновича сходенъ въ основѣ другой проектъ улучшенія современнаго общиннаго быта, предложенный священникомъ Блиновымъ на соединенномъ собраніи членовъ кievскаго общества сельскаго хозяйства и X сѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей.

Сущность этого проекта формулируется въ слѣдующихъ тезисахъ:

1. Для улучшенія быта крестьянъ, гдѣ въ томъ представляется возможность, долженъ быть примѣняемъ выкупъ сосѣдней земли при посредствѣ правительства.

2. Равно-пріобрѣтеніе земли вновь для крестьянъ предпочтительно выгодѣе для нихъ при участіи правительства, а не кредитныхъ обществъ.

3. Гарантіей исправной уплаты крестьянами выкупныхъ платежей въ селеніи должна служить организація товариществъ въ 6—12 семействъ, получающихъ участки въ соответствующихъ размѣрахъ для обработки

4. Обработка земли крестьянскими товариществами и раздѣлъ полученнаго урожая зерномъ, причемъ опредѣленная часть его поступаетъ на покрытие выкупныхъ платежей, есть наилучшая форма крестьянскаго землепользованія. (См. Р. М. XI, отд. II, стр. 184).

Существенная разница между предложеніемъ г. Блинова и проектомъ г. Антоновича заключается въ томъ, что первый ни слова не говоритъ о крестьянской общинѣ. Что же касается крестьянскихъ товариществъ, какъ дополненія общины (ибо таковъ скрытый смыслъ предложенія г. Блинова), и перенесенія на нихъ выкупныхъ платежей, то нужно быть большимъ оптимистомъ, чтобы вѣрить въ осуществимость подобнаго замысла. Онъ интересенъ собственно, главнымъ образомъ какъ признакъ недовольства существующимъ положеніемъ, все болѣе и болѣе распространяющагося сознанія, что община уже не удовлетворяетъ запросамъ жизни, что нужны другія организаціи. Если свящ. Блиновъ полагаетъ, что «обработка земли крестьянскими товариществами и раздѣлъ полученнаго урожая зерномъ... есть наилучшая форма крестьянскаго землепользованія», то онъ, вѣроятно, сравниваетъ ее лишь съ мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ на надѣльной землѣ подъ круговой порукой. Но дѣло въ томъ, что не съ общиной придется считаться товариществамъ, а съ разложеніемъ деревни, съ обособленіемъ классовыхъ интересовъ и съ періодическими неурожаями. Могутъ-ли товарищества спасти крестьянство отъ

всѣхъ этихъ явленій?—На этотъ вопросъ, какъ намъ кажется, можно отвѣтить лишь отрицательно.

«С.-Петербургскія Вѣдомости» опубликовали недавно чрезвычайно любопытный документъ—письмо г. К. Медвѣдскаго подъ краснорѣчивымъ заглавіемъ: «что такое «Московскія Вѣдомости г. Грингмута». Письмо это возникло благодаря тому обстоятельству, что г. Медвѣдскій «три мѣсяца тому назадъ вынужденъ былъ совершенно и навсегда порвать всякую связь съ «Московскими Вѣдомостями», гдѣ онъ, по его словамъ, «несъ обязанности члена редакціи, писалъ передовыя статьи, такъ называемые маленькіе фельетоны (подъ псевдонимомъ Quidam), замѣтки по разнообразнымъ вопросамъ и велъ критическій отдѣлъ».

Если разносторонняя литературная дѣятельность г. Медвѣдскаго въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» извѣстна не всякому, то, навѣрное, очень многіе помнятъ еще «рѣдкій и довольно быстрый поворотъ», приведшій г. Медвѣдскаго въ редакцію московской газеты и создавшій ему едва-ли не болѣе громкую извѣстность, чѣмъ публицистическая, критическая и редакціонная дѣятельность въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Да, онъ писалъ передовыя статьи, писалъ и критическіе фельетоны, писалъ за подписью и подъ псевдонимомъ. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» всѣ эти произведенія были вполне на мѣстѣ, но въ тоже время они имѣли исключительно тотъ специальный интересъ, который присущъ боевымъ отдѣламъ этой газеты. Другого значенія имъ никто не придавалъ. Г. Медвѣдскій былъ для «Московскихъ Вѣдомостей» цѣненъ тѣмъ, что ему нечего было терять и что онъ не останавливался ни передъ чѣмъ, желая достигнуть извѣстной цѣли. Но вотъ декораціи мѣняются. По тѣмъ или инымъ причинамъ, онъ «вынужденъ былъ совершенно и навсегда порвать всякую связь съ «Московскими Вѣдомостями», и это событіе—какъ и достопамятное вступленіе его въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей», ознаменовавшееся тѣмъ, что ему пришлось сознаться въ «рѣзкомъ и довольно быстромъ поворотѣ отъ либеральныхъ и фрондирующихъ статей къ ультра-охранительнымъ обличеніямъ,—послужило для него поводомъ къ полному разрыву съ своимъ недавнимъ прошлымъ и побудило выступить обличителемъ нравовъ и принциповъ публицистики Страстного бульвара.

Получилась цѣльная, и, нужно сознаться, довольно яркая картина, не потому, чтобы г. Медвѣдскій охарактеризовалъ охранительную газету съ особымъ искусствомъ, особой проицательностью и пластичностью, но просто потому, что онъ сосредоточилъ свои нападки на теперешнихъ «Моск. Вѣд.», и на ихъ руководителей г. Грингмутъ.

Вотъ что говорить г. Медвѣдскій:

Еще не истекло *двухъ лѣтъ* со дня выхода перваго нумера «Московскихъ Вѣдомостей» за подписью Грингмута, а газета уже доведена до крайней степени па-

денія, утратила все бывшее вліяніе и даже въ своихъ врагахъ не возбуждаетъ иного чувства, кромѣ презрительнаго равнодушія.

Чѣмъ же объясняется подобная трагическая метаморфоза?

Мнѣ думается, что, въ качествѣ бывшего ближайшаго сотрудника *«Московскихъ Вѣдомостей»*, я могу отвѣтить на этотъ вопросъ вполне опредѣленно:

Въ двухъ словахъ отвѣтъ сводится къ слѣдующему: г. В. Грингмутъ только казался тѣмъ, за кого его принимали; на самомъ же дѣлѣ этотъ публицистъ въ равной мѣрѣ лишенъ и литературнаго таланта и какихъ бы то ни было искреннихъ убѣжденій.

И затѣмъ г. Медвѣдскій начинаетъ доказывать правильность своего сужденія конкретными примѣрами изъ исторіи «Московск. Вѣд.». Эта часть письма г. Медвѣдскаго представляетъ цѣлый обвинительный актъ.

«Занялся онъ, напримѣръ, дворянскимъ вопросомъ и добился-таки того, что въ конецъ его скомпрометироваль. Г. Грингмуту показалось недостаточнымъ держаться теоретически-обоснованнаго взгляда на сословность, какъ на необходимую принадлежность монархическаго государства. Ему понадобилось изобрѣсти какую-то «особую вѣрноподанность дворянства», отличную отъ вѣрноподанности иныхъ сословій. Говоря другими словами, публицистъ не русскаго происхожденія, какихъ-нибудь 20—25 лѣтъ присоединившійся къ православію и менѣе десятка лѣтъ сопричисленный къ русскому дворянству, принялся съѣсть сословную равнѣ, возбудить въ обществѣ самыя нежелательныя и острые чувства, оскорблять всѣхъ вѣрныхъ поданныхъ Государя, не принадлежащихъ къ дворянскому классу. Мало того, г. Грингмутъ далъ мѣсто на столбцахъ своей газеты нелѣпыѣйшимъ статьямъ, доказывавшимъ, что дворянскія дѣти должны *воспитываться въ иныхъ нравственныхъ понятіяхъ и идеалахъ*, нежели дѣти изъ прочихъ сословій! И это санкціонироваль своею редакторскою подписью журналистъ, который, по его словамъ, признаетъ истиннымъ одно лишь воспитаніе—въ духѣ православнаго религіи!

Трудно, кажется, довести издѣвательство надъ «убѣжденіями» до большей откровенности.

Но г. Медвѣдскій имѣетъ въ своемъ распоряженіи еще болѣе внушительныя данныя.

«А какія изумительныя статьи печатаетъ г. Грингмутъ о русскихъ старообрядцахъ, продолжаетъ онъ, тѣхъ самыхъ старообрядцахъ, которымъ Катковъ помогъ въ составленіи ихъ знаменитаго адреса Императору Александру II? Право, не вѣрится, что читаешь подобныя вещи *въ газетѣ*. Въмѣсто всякихъ принципиальныхъ соображеній и разсужденій, читателю преподносятся «факты»: тогда-то старообрядцы собирались въ такой-то моленной (слѣдуетъ подробный адресъ), тогда-то—въ такой-то (опять адресъ), и существуютъ эти моленные незаконно, и разрѣшенія на открытіе ихъ никто не давалъ и даже не могъ дать, ибо въ такомъ-то году, такого-то числа, состоялось такое-то распоряженіе и пр.—въ аналогическомъ родѣ.

«Неужели за подобную—скажемъ вѣжливо—*неоправданность* авторъ не отвѣчаетъ редакціи газеты, да еще такой газеты, какъ *Московскія Вѣдомости*!»

Но и это еще не все. Г. Медвѣдскій рѣшился биться съ г. Грингмутъ не на животъ, а на смерть, и не намѣренъ падить его.

Про бѣднаго русскаго мужика и говорить нечего. Г. Грингмутъ очень «строгъ» по отношенію къ нему. Когда распространились первыя вѣсти о голодѣ, г. Грингмутъ принялся доказывать остроумные тезисы вродѣ того, что если мужикъ и пухнетъ, то отнюдь не отъ голода, а отъ чрезмѣрной сытости, и если умираетъ отъ голоднаго тифа, то не потому, чтобы дѣйствительно имъ болѣлъ, а съ цѣлью

досадить земскому начальнику. Но вотъ печальное положеніе крестьянства въ пострадавшихъ отъ неурожая губерніяхъ признано свыше, и г. Грингмута поспѣшно мѣняетъ декорации. Оказывается — и голодь есть, и болѣзнь есть, и помогать надо.

Чрезвычайно характерно, что *органическая* неспособность г. Грингмута послѣдовательно проводить *свое* направленіе идетъ у него рука объ руку съ непониманіемъ чужихъ, враждебныхъ направленій. Такъ, напримѣръ, статьи «*Московскихъ Вѣдомостей*» о социализмѣ почти сплошь производятъ впечатлѣніе куріознѣйшихъ пародій. Достаточно сказать, что, по мнѣнію г. Грингмута, всякая организованная помощь нуждающемуся ближнему есть социализмъ! Дома трудолюбія, общества для приврѣнія нищихъ, благотворительныя попечительства и комитеты — не болѣе и не менѣе, какъ социалистическія затѣи! Это было бы изъ рукъ вонъ потѣшно, если-бы при этомъ г. Грингмутъ не кощунствовалъ и не пытался доказывать, что Христосъ признавалъ одинъ только видъ помощи ближнему — раздачу на улицахъ копѣекъ и грошей нищимъ старикамъ и старухамъ.

Но не дѣлалъ-ли, спросите вы, того-же самого и г. Медвѣдскій. Не обличалъ-ли онъ въ преступной слабости и потворствѣ разрушительнымъ идеямъ предварительную цензуру, не находилъ-ли онъ цензурный уставъ миломъ, существующимъ лишь въ воображеніи вольнодумцевъ, не скорбѣлъ-ли онъ по поводу разлагающаго вліянія Бѣлинскаго?... Но нѣтъ, всего не перечислить! Достаточно пробѣжать нѣсколько его статей, чтобы убѣдиться, что г. Медвѣдскій того-же поля ягода. Съ трудомъ вѣрится заявленію г. Медвѣдскаго, что онъ «изнемогъ», что у него «не осталось больше силъ дышать отравленнымъ воздухомъ»... А если онъ заявляетъ, что онъ «постепенно сокращалъ свою дѣятельность», то внимательному читателю «*Московскихъ Вѣдом.*» это едва ли покажется вѣрнымъ: вплоть до послѣдняго момента его статьи печатались въ такомъ же количествѣ, какъ и раньше.

Однако, дѣло не въ г. Медвѣдскомъ. Едва-ли онъ былъ лучше и чище Грингмута, и развѣчивая послѣдняго, онъ произноситъ приговоръ и самому себѣ. Можно сказать, что и самое его письмо представляетъ собою плодъ, созрѣвшій въ «ядовитой атмосферѣ» «*Московск. Вѣд.*». Въ лицѣ Медвѣдскаго, «*Московск. Вѣд.*» караетъ неумолимая Немезида.

Acerba fata Romanos agunt.

Scelusque fraterni necis.

То, что заявляетъ г. Медвѣдскій по адресу Моск. Вѣд. эпохи Грингмута, — не новость. Но любопытно, что сознаніе паденія газеты проникло даже въ среду сотрудниковъ «*Московск. Вѣд.*» что у нихъ хватаетъ духу ополчиться на свою alma mater, что они при первой возможности стараются отречься отъ нея и оплевать ее.

Поэтому мы благодарны редакціи «С.-Петербургск. Вѣд.» за то, что она напечатала письмо г. Медвѣдскаго, замѣчая, что хотя счета его съ «*Моск. Вѣд.*» не имѣютъ никакого общественнаго интереса, но вышедшая изъ подъ его дышащаго местью пера характеристика «*Московск. Вѣд.*» представляется очень знаменательною и имѣетъ право на вниманіе публики.

Вопросъ о созданіи мелкой земской единицы возникаетъ не впервые, но нынѣшней осенью онъ обсуждался съ особеннымъ оживленіемъ. Причиной такого усиленія интереса къ этому вопросу служить то, что на этотъ разъ на почвѣ его столкнулись два общественныхъ теченія, которыя прежде шли по другому руслу. Дѣло въ томъ, что теперь предметомъ обсуждения сдѣлался специальный вопросъ, нельзя-ли воспользоваться для установленія мелкой земской единицы существующей церковной организаціей, а именно—приходомъ. При этомъ указывали на то, что приходъ является наиболѣе удобной территоріальной единицей, тогда какъ, напр. волость, которую обыкновенно имѣли въ виду проекты децентрализаціи земства, представляется величиной слишкомъ неравномѣрной и случайной. Далѣе, въ пользу прихода сторонниками его приводилось то соображеніе, что приходская единица имѣетъ прочную историческую основу, такъ какъ долгое время приходъ былъ дѣйствительно самостоятельной и самоуправляющейся единицей. Указывалось и на примѣръ Англіи, гдѣ приходы и до сихъ поръ имѣютъ крупное значеніе въ мѣстномъ самоуправленіи, являясь основой всей земской организаціи.

Но главнымъ, хотя, можетъ быть, и не всегда съ достаточной опредѣленностью высказываемымъ мотивомъ предложенія приурочить земскую единицу къ приходу было желаніе внести въ самоуправленіе вѣроисповѣдный элементъ. Поскольку вопросъ ставится такимъ образомъ, онъ не имѣетъ, разумѣется, ничего общаго съ вопросомъ о желательности введенія мелкой земской единицы и возможности воспользоваться для этой цѣли приходомъ, какъ извѣстной территоріальной величиной. Тутъ приходится считаться уже съ совершенно иными аргументами, подробное разсмотрѣніе которыхъ завело-бы насъ слишкомъ далеко. Поэтому, не касаясь ихъ по существу, мы замѣтимъ только, что внесеніе въ самоуправленіе церковнаго начала, по нашему мнѣнію, только усилило-бы вѣроисповѣдную рознь, такъ какъ достигнуть объединенія различныхъ вѣроисповѣданій при помощи такой организаціи или уравновѣситъ ихъ влияніе и устранить возможность агрессивныхъ мѣропріятій по отношенію къ другимъ вѣроисповѣданіямъ представляется неразрѣшимой задачей. Въ этомъ отношеніи, можетъ быть, дѣйствительно будетъ кстати сослаться на Англію. Ея исторія свидѣтельствуетъ, какими опасностями грозитъ приданіе церкви государственнаго характера, признаніе ея учрежденіемъ, несущимъ на себѣ государственныя задачи и раздѣляющимъ государственную власть. Едва ли возможно отрицать, что, не будь въ Англіи такой организаціи, ей не пришлось бы пережить религіозныхъ войнъ, не пришлось бы выдержать борьбы съ пуританами и диссентерами. А въ Англіи того времени вѣроисповѣдная разнородность населенія была всетаки меньше, чѣмъ въ современной Россіи.

Что же касается преимуществъ прихода, какъ территоріальной единицы, то, дѣйствительно, приходъ, говоря вообще, представляетъ болѣе равно-

мѣрную и удобную основу децентрализаціи земства, чѣмъ волость, существующая лишь на бумагѣ. Но нѣтъ никакихъ основаній держаться за приходъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, очевидно, не можетъ служить для цѣлей самоуправленія, въ силу-ли того, что онъ не представляетъ самостоятельнаго цѣлаго,—какъ это можетъ быть, напр., въ большихъ селахъ,—или же вслѣдствіе наличности другихъ мѣстныхъ условій.

Во всякомъ случаѣ, будетъ-ли положенъ въ основу децентрализаціи земства приходъ или другая единица, идея водворенія земскихъ органовъ въ деревнѣ, несомнѣнно, найдетъ не мало сторонниковъ. Современное земство привязано къ городу, не имѣетъ въ деревнѣ никакихъ собственныхъ органовъ, а должно обращаться всегда къ мѣстной администраціи и дѣйствовать только черезъ ея посредство. При такомъ положеніи дѣла земство стоитъ слишкомъ далеко отъ деревни. Созданіе мелкой земской единицы, несомнѣнно, устранило-бы много затрудненій, съ которыми теперь приходится считаться земству. Желательно, чтобы такая единица была жизненной, а не бумажной только величиной. И затѣмъ, конечно, не нужно забывать, что значеніе такой мелкой земской единицы въ весьма значительной степени должно зависѣть отъ внутренней ея организаціи, что одностороннее преобладаніе интересовъ какихъ либо отдѣльныхъ общественныхъ группъ можетъ создать крупныя осложненія въ мѣстной жизни и притомъ именно благодаря близости мелкой единицы къ населенію.

Но вмѣстѣ съ мыслью о созданіи мелкой земской единицы вновь ожили славянофильскія мечты о поворотѣ отъ послѣпетровской эпохи къ допетровской Руси и объ избавленіи Россіи отъ тѣхъ «золъ», которыя накликали на нее Петръ I. Все это—продукты болѣзненно настроенной сословной и романтически-славянофильской фантазіи. Серьезнаго значенія имъ ни въ какомъ случаѣ придавать нельзя. Добиваться возстановленія въ Россіи старинной «стройности» и простоты, утвержденія «историческаго преемства» и т. д.—это значило-бы реставрировать эпоху, отстоящую отъ насъ на нѣсколько вѣковъ назадъ. Подобные проекты возстановленія русскаго средневѣковья могутъ быть возвѣщаемы современными магами въ качествѣ универсальнаго средства противъ всѣхъ нашихъ напастей и бѣдствій, но исторія идетъ неумолимо впередъ.

Недавно департаментомъ народнаго просвѣщенія былъ выпущенъ сводъ статистическихъ свѣдѣній по начальному образованію въ Россіи за 1896 г. Въ этой работѣ мы находимъ интересныя данныя о положеніи у насъ народнаго образованія въ настоящее время. Она предназначалась, собственно, для вѣнской выставки, но не поспѣла къ нужному времени, и выходитъ только теперь.

Общее число начальныхъ и низшихъ училищъ, по словамъ свода, простиралось до 78,724. Въ этихъ училищахъ было въ 1896 г. 113,984

учащихъ и 3.801,133 учащихся. Одно училище приходится на 237,5 кв. верстъ, и одинъ учащійся—на 33,2 жителя. Преобладающее большинство училищъ принадлежитъ къ вѣдомству св. синода (34,836) и министерства народнаго просвѣщенія (32,708). Въ вѣдѣніи военнаго министерства находилось 10,270 училищъ, министерства внутр. дѣлъ—459. Къ вѣдомству учреждений Императрицы Маріи принадлежало 357 училищъ. На долю всѣхъ другихъ вѣдомствъ приходится ничтожная цифра въ 94 училища.

Изъ 34,836 школъ духовнаго вѣдомства 14,282 принадлежатъ къ числу церковноприходскихъ, остатокъ же т. е. 20.554 приходится на школы грамоты. Учащихъ въ церковно-приходскихъ школахъ было 14.273, а въ школахъ грамоты только 14,805—меньше, чѣмъ самыхъ школъ. Учащихся въ церковно-приходскихъ приходится по 43 человѣка на школу, а въ школахъ грамоты по 24,5 человѣкъ. Общее число учащихся опредѣляется въ 1.116,492 чел. На содержаніе всѣхъ школъ духовнаго вѣдомства было израсходовано въ 1896 г. 4.713,569 рубл., по 3 милліона были получены изъ мѣстныхъ средствъ, а изъ синодальныхъ суммъ отпущено лишь 1,150,000.

Училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія представляютъ нѣсколько иную картину. Общее число ихъ 32,708. Начальныхъ училищъ насчитывается 31,594, въ томъ числѣ сельскихъ 27,553, начальныхъ приходскихъ и городскихъ—3,360, уѣздныхъ 132, и соотвѣствующихъ городскихъ—550. Изъ этого числа земства, общества, и сословія содержатъ 27,373 школы, казна—3,094, частныя лица 254, а фабрики и заводы всего 219. Число учащихся достигаетъ 67,582, т. е. значительно больше, чѣмъ въ школахъ духовнаго вѣдомства. Общее число учащихся 2.289,322, изъ нихъ 550,968 дѣвочекъ. Если сравнимъ это количество съ числомъ учениковъ школъ духовнаго вѣдомства, то опять-таки окажется значительный перевѣсъ на сторонѣ школъ министерства народнаго просвѣщенія. Еще большій перевѣсъ получится, если мы возьмемъ число учениковъ, приходящихся на каждую школу: для церковно-приходскихъ школъ, какъ мы видѣли число это составляетъ 43 человѣка, для школъ грамоты—25, а для школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія поднимается до 72,4 человѣкъ.

Такимъ образомъ результаты дѣятельности въ школахъ обоихъ вѣдомствъ оказываются неодинаковы. Если же принять во вниманіе, что и въ качественномъ отношеніи школы, входящія въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія стоятъ несравненно выше, то мы должны будемъ придти къ выводу, что между обѣими группами школъ едва-ли можетъ быть рѣчь о серьезной конкуренціи.

Въ трудѣ департамента народнаго просвѣщенія есть также свѣдѣнія объ училищныхъ библіотекахъ. Такихъ библіотекъ, учительскихъ, ученическихъ и открытыхъ для публики насчитывается 45,255. Сверхъ того

имѣется 561 публичная бібліотека и 997 народныхъ читаленъ. Народныя чтенія существовали въ 1896 г. въ 1,835 пунктахъ.

Что касается остальныхъ вѣдомствъ, въ распоряженіи которыхъ имѣются народно-образовательныя учрежденія, то на первомъ мѣстѣ среди нихъ стоитъ министерство военное, содержащее 10,270 низшихъ учебныхъ заведеній, изъ которыхъ 3,352 должны быть причислены къ начальнымъ.

По поводу нѣкоторыхъ мѣстъ недавно вышедшаго отчета оберъ-прокурора св. синода, за 1894 и 1895 гг., счелъ нужнымъ высказаться въ письмѣ, опубликованномъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», лифляндскій генераль-суперинтендентъ. Мы считаемъ за лучшее привести это письмо цѣликомъ.

«Всепомянутый отчетъ по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1894 и 1895 годы оглашенъ особеннымъ изданіемъ въ С.-Петербургѣ 1898 г. Отдѣлъ «о положеніи православія въ рижской епархіи» отпечатанъ въ «Церковномъ Вѣстникѣ» 1898 г., перепечатанъ въ «Рижскомъ Вѣстникѣ». Наконецъ «Правительственный Вѣстникъ» 1898 г., въ № 209, также сообщилъ о семъ въ своемъ фельетонѣ въ видѣ сокращеннаго извлеченія. Такимъ образомъ, эта глава упомянутого «отчета» печатью распространена въ весьма обширной мѣрѣ. Этотъ фактъ довольно замѣчателенъ въ виду того, что этотъ отчетъ весьма строго относится къ дѣятельности лютеранскихъ пасторовъ и помѣщиковъ въ отношеніи ихъ къ православной церкви и къ принадлежащимъ къ оной прихожанамъ. Отчетъ вмѣняетъ лютеранскимъ пасторамъ въ вину «подстрекательство» противъ православной церкви (стр. 180), «злонамеренное распушеніе въ народѣ ложныхъ слуховъ» (стр. 180), «скрытую пропаганду» (стр. 181) среди православныхъ, «хитрые приемы для предупрежденія присоединенія лютеранъ къ православію» (стр. 181), — словомъ «отчетъ» описываетъ положеніе православной церкви въ такомъ видѣ, будто бы она преслѣдуется въ Прибалтійскомъ краѣ и поставлена въ необходимость бороться съ опаснѣйшимъ коварствомъ и съ «зловредною дѣятельностью лютеранскихъ пасторовъ (стр. 180).

„Нельзя не удивляться тому, что столь одностороннія заявленія могли служить основаніемъ для официальнаго «отчета», между тѣмъ какъ хорошо извѣстно, что православная церковь ограждена всѣми возможными средствами гражданской власти, и что ей, притомъ, поставлено въ обязанность обращать иновѣрцевъ въ православіе, между тѣмъ какъ другія исповѣданія лишены даже права принципиальнаго заступничества за сущность своихъ вѣроученій и за такую дѣятельность подвергаются даже уголовной отвѣтственности. О томъ свидѣтельствуютъ довольно ясно какъ законъ, такъ и практика.

„Такое положеніе православной церкви, особенно въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, привело къ тому, какъ и усматривается изъ официальнаго

«отчета», что нынѣ отъ лютеранскихъ пасторовъ требуется содѣйствовать «упроченію дѣла православія въ Прибалтійскомъ краѣ» (стр. 183), чтобы не заслужить названія «враждебныхъ пропагандистовъ» (стр. 181).

„Представляется излишнимъ вдаваться въ разборъ отдѣльныхъ, приводимыхъ въ «отчетѣ» обвиненій, опровергать подлежащія заявленія. Неоднократно въ теченіи послѣднихъ десятилѣтій, именно съ 1884 г., были представляемы провѣстительнымъ учрежденіямъ достовѣрныя изложенія по предмету междущерковныхъ отношеній въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, оглашеніе коихъ представило бы картину, совершенно противорѣчащую изложеніямъ упомянутаго оффиціального «отчета». Что «отчетъ» нынѣ опять повторяетъ, то уже давно разъяснено и опровергаемо было, какъ напр., и въ извѣстномъ докладѣ графа Бобринскаго отъ 1864 г., представленномъ Государю Императору Александру II непосредственно и еще нынѣ очень замѣчательномъ.

„Было бы бесполезно вновь доказывать неосновательность нынѣ опять приводимыхъ такихъ же обвиненій. Нельзя не предвидѣть, что всякія возраженія не будутъ приняты въ соображеніе и безпристрастно уважены.

„При такихъ обстоятельствахъ я считаю долгомъ отъ имени лифляндскаго евангелическаго лютеранскаго духовенства прямо отвергнуть вводимыя вновь и безъ малѣйшихъ доказательствъ въ «отчетѣ» противъ насъ обвиненія, и предаю дѣло Господу Богу. Онъ въ свое время услышитъ вопль уповающихъ на него и ожидающихъ того времени, когда не только въ Сводѣ Законовъ т. I ст. 44, но въ самомъ дѣлѣ въ Россійской Имперіи каждому христіанину представлено будетъ «безпрепятственно» слѣдовать тому вѣроисповѣданію, къ которому онъ по совѣсти своей принадлежитъ, по примѣру постановленія Св. Правительствующаго Синода отъ 5 Августа 1825 г., коимъ опредѣлено: «за послѣдовавшею уже смертію родителей Минны Стимеръ, какъ виновниковъ того, что она была крещена по лютеранскому исповѣданію, причисленіе или непричисленіе ея къ греко-россійской церкви предоставитъ ея, Минны, совѣсти».

Письмо изъ Вѣны.

Положеніе дѣлъ въ Австро-Венгріи.

Вѣна, 11-го (23-го) ноября.

Въ прошломъ письмѣ, помѣщенномъ въ № 6—7 «Сѣвернаго Вѣстника» мы, между прочимъ, сообщили, что австрійское правительство требуетъ отъ барона Банффи вторично разрѣшить Австріи продлить экономическій договоръ съ Венгріею административнымъ порядкомъ, и что графъ Тунъ выбралъ посредникомъ въ этомъ дѣлѣ имперскаго министра финансовъ фонъ-Каллая. Переговоры происходили въ августѣ текущаго года сначала въ Буда-Пештѣ, затѣмъ въ Ишлѣ, въ лѣтней резиденціи императора Франца-Иосифа, и, наконецъ, въ Вѣнѣ, гдѣ между австрійскимъ и венгерскимъ министрами-президентами состоялось соглашеніе, текстъ котораго оба правительства, вопреки требованіямъ австрійскаго и венгерскаго парламентовъ, отказались опубликовать. Тѣмъ не менѣе, депутаты съ легкой руки всезнающихъ журналистовъ во-время узнали о главныхъ условіяхъ этого таинственнаго соглашенія.

Разногласіе между обоими министрами-президентами первоначально заключалось въ слѣдующемъ. Графъ Тунъ нашелъ созваніе австрійскаго рейхсрата съ цѣлью внесенія законопроекта объ австро-венгерскомъ экономическомъ договорѣ безцѣльнымъ, потому что нѣмецкіе оппозиціонеры, по его мнѣнію, вслѣдъ за открытіемъ рейхсрата возобновятъ обструкціонную борьбу и никакъ не допустятъ парламентскаго рассмотрѣнія законопроекта. Австрійскій министр-президентъ былъ, по этимъ соображеніямъ, противъ открытія пятнадцатой парламентской сессіи въ Австріи и предложилъ *продлить опять на одинъ годъ* существующій договоръ, причемъ продленіе послѣдовало бы со стороны Австріи, какъ въ прошломъ году, на основаніи § 14-го. Баронъ Банффи отклонилъ это предложеніе и мотивировалъ отклоненіе тѣмъ, что ему въ прошломъ году стоило много усилій склонить венгерскій сеймъ на принятіе временнаго продленія и что вторичное продленіе на одинъ годъ не будетъ въ Венгріи одобрено.

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ оба правительства вошли между собою, какъ увидимъ, въ слѣдующее соглашеніе. Графъ Тунъ созываетъ

австрійскій рейхсратъ и вносить законопроектъ объ австро-венгерскомъ экономическомъ договорѣ. Въ случаѣ обструкціонизма, въ возобновленіи котораго оба правительства не сомнѣвались, австрійскій рейхсратъ опять закрывается и договоръ октроируется въ Австріи административнымъ путемъ, между тѣмъ какъ венгерское правительство, ссылаясь на невозможность парламентскаго обсужденія въ Австріи, провозглашаетъ экономическую независимость Венгрии, и договоръ, въ силу этой независимости, принимается венгерскими законодательными палатами безъ помощи австрійскаго парламента.

Осуществленіе этого сношенія оказалось бы для Австріи чрезвычайно неблагоприятнымъ какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ. Законопроектъ объ австро-венгерскомъ экономическомъ договорѣ мало отличается отъ договора, заключеннаго одинадцать лѣтъ тому назадъ, хотя экономическія условія за это время значительно измѣнились и, притомъ, въ Венгріи къ лучшему, а въ Австріи къ худшему.

Экономическая взаимность обѣихъ половинъ имперіи Габсбурговъ заключалась раньше въ томъ, что Венгрія, какъ земледѣльческая страна, вывозила въ Австрію хлѣбные продукты, а Австрія снабжала Венгрію промышленными произведеніями. Въ Венгріи, однако, отечественная промышленность съ каждымъ годомъ все болѣе развивается, причемъ венгерское правительство не только поощряетъ частныя предпріятія, но также устраиваетъ казенные заводы и фабрики и принимаетъ мѣры даже для сбыта венгерскихъ промышленныхъ произведеній на заграничныхъ рынкахъ.

Въ Австріи же дѣло обстоитъ иначе. Въ то время, какъ до начала семидесятыхъ годовъ австрійское правительство относилось слишкомъ халатно къ разнымъ аферистамъ и спекулянтамъ, злоупотреблявшимъ существовавшею тогда промышленною свободою, пресловутый биржевой крахъ 1873 г. такъ напугалъ австрійское правительство, что оно стало впадать въ противоположныя крайности. Учрежденная въ свое время *Vereins Commission*, т. е. правительствующая коммиссія для выдачи концессій акціонернымъ и другимъ финансово-промышленнымъ обществамъ, вошла своею бюрократическою строгостью въ поговорку и прозвана кладбищемъ предпринимателей. Полученіе концессіи считается тѣмъ то вродѣ главнаго выигрыша, такъ что иные предприниматели, во избѣжаніе разныхъ мытарствъ, сопряженныхъ также съ большими налогами, учреждаютъ свои общества въ Венгріи, гдѣ имъ дѣлаютъ разнаго рода облегченія и откуда они подъ венгерскимъ ярлыкомъ заводятъ дѣла въ Австріи. Сверхъ того, ремесленное положеніе, введенное въ Австріи подъ вліяніемъ мелкихъ промышленниковъ и требующее, между прочимъ, цеховыхъ дипломовъ (*Befähigungsnachweis*), въ связи съ конфессіональными и національными дразнами, вліяетъ также пагубно на экономическое развитіе Австріи.

Экономическіе интересы Австріи сильно, стало быть, пострадали бы,

если бы договорный законопроектъ былъ октроированъ безъ всякихъ измѣненій, тѣмъ болѣе, что и распредѣленіе расходовъ между Австріею и Венгріею осталось бы въ такомъ случаѣ безъ существеннаго облегченія для Австріи.

Въ политическомъ же отношеніи заключеніе договора на продолжительное время административнымъ порядкомъ означало бы для Австріи полное торжество § 14-го, въ силу котораго австрійское правительство, по улаженіи щекотливаго вопроса объ экономическомъ договорѣ, продолжало бы еще съ большею силою игнорировать парламентъ и управлять страной административными распоряженіями. Дѣйствительно, австрійскіе офиціозы наканунѣ открытія рейхсрата торжественно заявили, что правительство обезпечило свои законопроекты на всякій случай («gerüstet für alle Fälle») и нисколько не боится оппозиціи.

Это торжественное заявленіе въ связи съ извѣстіемъ о тайномъ соглашеніи между графами Туномъ и барономъ Банффи побудило австро-нѣмецкихъ оппозиціонеровъ перемѣнить тактику и превратиться изъ отчаянныхъ обструкціонистовъ въ ярыхъ сторонниковъ парламентскаго договорнаго законопроекта. Не только парламентскій клубъ оппозиціонныхъ нѣмецко-конституціонныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, но также клубъ нѣмецкихъ прогрессистовъ, народниковъ и христіанскихъ социалистовъ внесли, вслѣдъ за открытіемъ рейхсрата, экстренныя предложенія о *немедленномъ* разсмотрѣніи рейхсратомъ законопроекта объ экономическомъ договорѣ съ Венгріею. Что же касается социаль-демократическихъ депутатовъ, то они съ самаго начала несочувственно отнеслись къ обструкціонизму, который парализуетъ только парламентскую дѣятельность и ведетъ специально въ Австріи къ торжеству § 14-го; они поддерживали въ ноябрѣ прошлаго года нѣмецкихъ оппозиціонеровъ только потому, что предсѣдатель рейхсрата пренебрегалъ парламенскимъ уставомъ, между тѣмъ, какъ осенью текущаго года социаль-демократическая печать стала горячо отстаивать отреченіе отъ вреднаго обструкціонизма. Одна только фракція Шенерера и нѣкоторые члены нѣмецкой народной партіи протестовали противъ нарушенія «присяги», принесенной лѣтомъ прошлаго года въ Эгерѣ и заключавшейся въ томъ, что нѣмецкіе оппозиціонеры до отмѣны распоряженій о языкахъ обязаны всѣми мѣрами бороться противъ правительства. Протесты остались безъ послѣдствій, и нѣмецкіе оппозиціонеры не безъ основанія указали на то, что парламенское разсмотрѣніе правительственныхъ законопроектовъ причинить правительству серьезныя затрудненія и поведетъ въ то же время къ разнымъ благопріятнымъ для Австріи *измѣненіямъ* договорнаго законопроекта, между тѣмъ, какъ продолженіе обструкціонной борьбы облегчило бы задачу графа Туна и барона Банффи и навязало бы Австріи обременительный и разорительный договоръ.

Неожиданное отреченіе отъ обструкціонизма, дѣйствительно, сильно поразило графа Туна и барона Банффи, которые, при заключеніи своего соглашенія, всего меньше думали о такомъ поворотѣ. Графу Туну, прежде всего, пришлось позаботиться объ образованіи болѣе или менѣе прочнаго парламентскаго большинства, въ которомъ правительство при примѣненіи § 14-го нисколько не нуждалось. При нынѣшнихъ парламентскихъ условіяхъ большинство можетъ состоять только изъ славянъ, поляковъ, чеховъ и южныхъ славянъ, равно какъ изъ католической народной партіи или нѣмецкихъ клерикаловъ. Первымъ дѣломъ была отставка министра торговли, д-ра Бернрейтера, члена клуба нѣмецко-оппозиционныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Преемникомъ д-ра Бернрейтера, этого даровитаго экономиста и знатока своего дѣла, назначенъ вождь народной партіи, баронъ Дипаули, тирольскій винодѣль, попавшій въ министры торговли только потому, что это мѣсто случайно стало вакантнымъ. Затѣмъ, графъ Тунъ вошелъ въ переговоры съ младо-чехами, которые выработали меморандумъ, содержащій около тридцати требованій. Слѣдуетъ замѣтить, что чехи наиболѣе заинтересованы въ *благопріятномъ* экономическомъ договорѣ съ Венгрією, потому что Богемія въ промышленномъ отношеніи занимаетъ въ Австріи первое мѣсто. Младо-чешскіе депутаты еще одинадцать лѣтъ тому назадъ отстаивали выработку экономического договора съ Венгрією на новыхъ и болѣе выгодныхъ для Австріи началахъ. Само собою понятно, что и нынѣшній договорный законопроектъ, выработанный бывшимъ министромъ финансовъ Билинскимъ подъ режимомъ графа Бадени, далеко не соответствуетъ желаніямъ чеховъ, депутаты которыхъ, наряду съ нѣмецкими оппозиціонерами, стараются объ измѣненіяхъ разныхъ пунктовъ законопроекта. Правительство же изъ видовъ на Венгрію не можетъ одобрить многихъ требуемыхъ измѣненій, и чешскіе депутаты безспорно принесутъ большую экономическую жертву, если примутъ договорный законопроектъ при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ правительство желаетъ или обязалось его провести. Привнося матеріальныя жертвы, чешскіе депутаты требуютъ отъ графа Туна національныхъ уступокъ. До сихъ поръ слышно только объ ассигновкѣ правительствомъ въ бюджетъ 100,000 гульденовъ на учрежденіе въ моравской столицѣ Брюнѣ чешскаго политехникума. Малѣйшія національныя уступки въ пользу чеховъ усиливаютъ, конечно, ряды нѣмецкой оппозиціи, а прошлое графа Туна, который, въ бытность свою намѣстникомъ Богеміи, ввелъ въ Прагѣ исключительные законы и прозванъ младо-чехами «исключительнымъ» намѣстникомъ, не говоритъ въ пользу удовлетворенія чешскихъ національныхъ требованій какъ разъ подъ режимомъ Туна.

Тѣмъ не менѣе, чехи по оппортунистскимъ соображеніямъ пока поддерживаютъ кабинетъ Туна. Эта поддержка объясняется, главнымъ образомъ, враждебными отношеніями нѣмецкихъ оппозиціонеровъ къ австрійскимъ

славянамъ, Изъ нѣмецкихъ оппозиціонеровъ своею необузданностью отличаются, по обыкновенію, депутаты Шенереръ и Вольфъ. Въ то время, какъ Георгъ Шенереръ произноситъ въ рейхсратѣ рѣчи преимущественно противъ династіи Габсбурговъ, предвѣщая Австріи полное разложеніе и скорое занятіе австрійскихъ земель «богатымъ дядюшкою», германскимъ императоромъ Вильгельмомъ II, депутатъ Вольфъ ограничивается прерываніемъ рѣчей другихъ депутатовъ, ругательными словами по адресу славянъ и вызовами на дуэли.

Образъ дѣйствій нѣмецкихъ оппозиціонеровъ, не желающихъ пока и слышать о примиреніи съ славянами, побуждаетъ славянскихъ депутатовъ, въ томъ числѣ и младо-чешскихъ, стоять на сторонѣ правительства. Законопроектъ объ австро-венгерскомъ экономическомъ договорѣ, быть можетъ, будетъ принятъ большинствомъ австрійскаго рейхсрата, но законопроекту угрожаетъ теперь опасность *со стороны Венгрии*, гдѣ внутренняя политика еще болѣе усложняется, чѣмъ въ Австріи.

Баронъ Банффи располагаетъ въ венгерскомъ сеймѣ огромнымъ и прочнымъ большинствомъ, состоящимъ изъ либеральной партіи, которая на послѣднихъ парламентскихъ выборахъ одержала блестящую побѣду. Венгерская же оппозиція состоитъ изъ трехъ партій: національной партіи, партіи независимыхъ, вождемъ которыхъ состоитъ сынъ покойнаго Кошута, и партіи такъ называемыхъ католическихъ народниковъ или «народной» партіи.

Въ виду того, что господствующую нынѣ въ Венгріи либеральную партію можно обвинять въ чемъ угодно, но не въ серьезномъ пренебреженіи національными интересами Венгріи и что оппозиціонная національная партія слыветъ въ политическомъ отношеніи умѣренно-либеральною, разница между обѣими партіями, въ сущности, невелика. Эти партіи, быть можетъ, давно слились бы въ одну, еслибъ *личныя* отношенія между ихъ вождями не были такъ натянуты. Вожди національной партіи считаютъ главною помѣхою личность нынѣшняго венгерскаго министра-президента и нѣкоторыхъ другихъ членовъ кабинета, противъ которыхъ національные оппозиціонеры и направляютъ всѣ свои парламентскія стрѣлы. Національная партія, между прочимъ, обвиняетъ барона Банффи въ злоупотребленіяхъ, совершенныхъ правительственными органами во время парламентскихъ выборовъ, хотя ни одно венгерское правительство никогда еще не проявляло особенной кротости во время избирательной борьбы, которую и венгерскіе оппозиціонеры ведутъ не совсѣмъ скромно и идеально.

Партія же независимыхъ слыветъ ультра-радикальною, и основные пункты ея программы заключаются въ замѣнѣ нынѣшней дуалистской системы личною уніею, въ полной экономической независимости Венгріи, въ устраненіи делегацій и общихъ министерствъ иностранныхъ дѣлъ, финансовъ и военнаго, равно какъ въ раздѣленіи общей арміи на вен-

герскую и австрійскую. Эта партія, какъ ультра-радикальная, имѣетъ многихъ сторонниковъ среди студенчества, признающаго понынѣ своимъ идеаломъ покойнаго Кошута.

Третья же оппозиціонная и немногочисленная партія католическихъ народниковъ еще очень молода: она возникла подъ вліяніемъ изданныхъ въ Венгріи либеральныхъ церковныхъ законовъ и австрійскихъ клерикаловъ, создавшихъ въ Австріи партіи «христіанскихъ социалистовъ». Венгерскіе католическіе «народники» пока работаютъ безъ примѣси антисемитизма, который какъ-то не прививается въ Венгріи.

Венгерскіе оппозиціонеры состоятъ, такимъ образомъ, изъ политическихъ антиподовъ, изъ которыхъ національная и радикальная партіи имѣютъ съ либералами гораздо больше общихъ интересовъ, чѣмъ съ католическими народниками. Тѣмъ не менѣе, всѣ три оппозиціонныхъ партіи идутъ рука объ руку въ борьбѣ противъ кабинета Банффи, которому онѣ всѣ съ одинаковою силою стараются причинять разнаго рода непріятности и затрудненія.

Лавры австро-нѣмецкихъ обструкціонистовъ уже давно не давали покоя венгерскимъ оппозиціонерамъ, преимущественно радикаламъ, которые съ давнихъ поръ привыкли дѣйствовать «штурмомъ» и члены которыхъ, видимо, опасались, что австрійскій рейхсратъ, чего добраго, можетъ затемнить собою венгерскій сеймъ по части шума и гама. Венгерскіе радикалы еще прошлымъ лѣтомъ неоднократно пытались примѣнять въ сеймѣ обструкціонную систему. Попытки, однако, не увѣнчались успѣхомъ, потому что оппозиція не имѣла серьезнаго *предлога* для правильной организаціи обструкціонной борьбы. Но вотъ въ августѣ заключено было между барономъ Банффи и графомъ Туномъ упомянутое таинственное соглашеніе—и оппозиціонеры, по открытіи венгерскаго сейма, сдѣлали запросъ у министра-президента Банффи по поводу этого тайнаго договора. Такой же запросъ сдѣлали австро-нѣмецкими оппозиціонерами въ вѣнскомъ рейхсратѣ; но графъ Тунъ наотрѣзъ отказался говорить о содержаніи соглашенія, а такъ какъ нѣмецкіе оппозиціонеры рѣшили во что бы то ни стало не сдѣлать удовольствія графу Туну и не дать ему повода закрыть рейхсратъ и хозяйничать помощью § 14-го, то отказъ графа Туна прошелъ почти незамѣтнымъ. Венгерскіе же оппозиціонеры находятся въ данномъ случаѣ въ болѣе завидномъ положеніи. Дѣло въ томъ, что венгерскій конституціонный уставъ, составленный вообще въ несравненно болѣе либеральномъ духѣ, чѣмъ австрійскій, не имѣетъ параграфа, который былъ бы такъ властиченъ, какъ пресловутый § 14-й австрійской конституціи, и въ силу котораго правительство могло бы обходиться въ крайнемъ случаѣ безъ парламента. Когда баронъ Банффи, подобно графу Туну, отказался сообщить сейму текстъ соглашенія и мотивировалъ отказъ тѣмъ, что это соглашеніе, вслѣдствіе отреченія нѣмецкихъ оппозиціонеровъ отъ обструк-

ціонизма, сдѣлалось пока безпредметнымъ, то венгерскіе оппозиціонеры объявили кабинету обструкціонную борьбу. Справедливость требуетъ сказать, что предлогъ и на этотъ разъ не былъ особенно вѣскимъ, потому что никто не можетъ заставить министра-президента преждевременно опубликовать частное соглашеніе, о которомъ сеймъ и безъ того неизбѣжно долженъ узнать въ случаѣ осуществленія соглашенія. Венгерскіе оппозиціонеры, сверхъ того, хорошо знали, что это тайное, соглашеніе, въ случаѣ его осуществленія, окажется столько же благоприятнымъ для экономическихъ интересовъ Венгріи, сколько невыгоднымъ для Австріи.

Но соглашеніе покрыто было мракомъ неизвѣстности, а таинственный характеръ его явился популярнымъ предлогомъ для объявленія оппозиціонерами обструкціонной борьбы, которая продолжалась въ венгерскомъ сеймѣ *въ теченіе цѣлаго мѣсяца*. Оппозиціонеры, въ подражаніе австро-нѣмецкимъ товарищамъ, произносили длинныя рѣчи и вызывали множество скучныхъ и безплодныхъ именныхъ голосованій, а оригинальности ради они ввели обструкціонную «новинку», заключающуюся въ экстренныхъ предложеніяхъ о назначеніи *закрытыхъ засѣданій сейма*. Эта «новинка» свидѣтельствуетъ, какъ нельзя лучше, о томъ, что партійный обструкціонизмъ подрываетъ всѣ основы парламентаризма. Съ парламентской точки зрѣнія и въ интересахъ парламентарскаго *меньшинства*, которое, къ сожалѣнію, совершенно беззащитно въ конституціонныхъ государствахъ, можно еще помириться съ обструкціонными безконечными рѣчами и именными голосованіями, вліяющими на избирателей, а порою, пожалуй, и на членовъ большинства. Совершенно другое представляетъ собою назначеніе, по требованію оппозиціи, тайныхъ парламентскихъ засѣданій, которыя происходятъ при закрытыхъ дверяхъ и о которыхъ печать не можетъ почти ничего сообщать. Закрытыя засѣданія противорѣчатъ принципу парламентаризма, основаннаго на возможно широкой гласности.

Многіе удивлялись тому, что въ венгерскомъ сеймѣ во время обструкціонной борьбы не разыгрывались тѣ возмутительныя сцены, которыя происходили въ австрійскомъ рейхсратѣ, хотя венгерскіе радикалы по части голосовыхъ способностей и кулачной расправы могутъ смѣло состязаться хоть бы съ шенереровцами. Сравнительное спокойствіе объяснялось тѣмъ, что предсѣдатель венгерскаго сейма, г. Шилаги, бывшій министръ юстиціи и одинъ изъ первыхъ венгерскихъ правовѣдовъ, пользующійся большою популярностью и въ оппозиціонныхъ сферахъ, строго держался парламентарскаго устава и предоставлялъ оппозиціи полную свободу. Предсѣдателю Шилаги удалось, наконецъ, уговорить оппозиціонеровъ прекратить обструкціонизмъ и допустить постановку на очередь неотложнаго законопроекта о бюджетѣ.

Оппозиціонеры, дѣйствительно, уступили—и баронъ Банффи вздохнулъ свободно, тѣмъ болѣе, что императоръ Францъ-Іосифъ, пребывающій теперь

зачастую въ Венгріи, проявилъ опять свое особое благоволеніе къ мадьярамъ. На площади Св. Георга въ Офенѣ находится монументъ Генци, который императоръ Францъ-Іосифъ въ 1852 г. поставилъ генералу Генци и другимъ воинамъ, павшимъ въ маѣ 1849 г. при защитѣ крѣпости Офена отъ венгерской революціонной арміи. Мадьярскіе шовинисты еще понынѣ считаютъ генерала Генци измѣнникомъ и нарушителемъ присяги на венгерскую конституцію. Въ виду именно монумента, сооруженнаго на общеизвѣстной площади Георга, дѣло Генци сильно волновало въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій венгерское общество и неоднократно вызывало уличные беспорядки и министерскіе кризисы. Кошутіане признаютъ монументъ «позорнымъ столбомъ», символизирующимъ порабоженіе Венгріи внутренними врагами, а болѣе умѣренные венгерскіе политики находятъ также «вѣчный памятникъ» Генци на публичной площади неумѣстнымъ. Императоръ Францъ-Іосифъ, въ угоду мадьярамъ, распорядился о томъ, чтобы на площади св. Георга воздвигнуть былъ монументъ, сооружаемый венгерцами путемъ добровольныхъ пожертвованій покойной и любимой королевы *Елисаветы*, и чтобъ находящійся на этомъ мѣстѣ памятникъ Генци *перемѣстили* въ садъ пештскаго училища и поставили близъ общей могилы павшихъ въ 1849 г. воиновъ.

Это императорское рѣшеніе вызвало восторгъ среди мадьярскихъ патриотовъ и въ то же время усилило престижъ барона Банффи, къ которому корона питаетъ большое довѣріе. Къ сожалѣнію, не по разуму усердные сторонники барона Банффи выставили императорскій актъ новою важною національною побѣдою барона Банффи и этими преувеличеніями оказали министру президенту медвѣжью услугу, потому что оппозиціонеры были возмущены и искали случая «умалить» заслуги барона Банффи. Такой случай скоро представился. Дѣло въ томъ, что ликованіе мадьяръ по поводу «погребенія» памятника Генци произвело неблагоприятное впечатлѣніе въ *военныхъ* сферахъ, въ которыхъ всегда порицали глумленія надъ генераломъ Генци, павшимъ героемъ въ защиту «императорской» арміи. Имперскій военный министръ Криггаммеръ нашелъ, поэтому, нужнымъ присовокупить въ рескриптѣ на имя корпуснаго командира объ императорскомъ указѣ по поводу перемѣщенія памятника Генци, что памятникъ, помѣщаемый близъ кадетскаго училища, явится олицетвореніемъ военныхъ доблестей и вѣрности и символомъ для учащейся военной молодежи. Оппозиціонерамъ ничего больше не нужно было, какъ такое истолкованіе, сдѣланное, притомъ, императорскимъ военнымъ министромъ, котораго кошутіане и безъ того ненавидятъ. Имперскій военный министръ Криггаммеръ не состоитъ, однако, членомъ венгерскаго сейма, такъ что оттаковать «преступника» было трудно. И вотъ венгерскіе оппозиціонеры набросились на барона Банффи и на министра Фейервари, которыхъ оппозиція обвинила въ измѣнѣ и облила потокомъ брани. Буря уси-

лилась, когда министры дали въ сеймѣ понять, что рескриптъ имперскаго, военнаго министра составленъ безъ ихъ вѣдома. Министръ Фейервари въ разгарѣ страстей, услышавъ, между прочимъ, слова, что онъ, Фейервари, не имѣетъ понятія о чести, а такъ какъ ему казалось, что этотъ крикъ раздался въ рядахъ національной партіи, съ которою онъ давно уже не ладитъ, то онъ въ гнѣвѣ отвѣтилъ, что національная партія лишена понятія о чести. Эти слова министра вызвала въ венгерскомъ сеймѣ скандалы, напоминавшіе буйныя сцены, которыя въ ноябрѣ прошлаго года произошли въ вѣнскомъ рейхсратѣ. Министру не дали продолжать рѣчь; засѣданіе многократно прерывалось, но безцѣльно, потому что оппозиція, при каждомъ открытіи засѣданія, все больше негодовала, топала ногами, свистала, барабанила и, наконецъ, призвала на помощь студентовъ, которые поздно ночью вторглись на галлерей парламента, кричали: «Долой Банффи и Фейервари!» и, наконецъ, хоромъ запѣли извѣстный гимнъ Кошута. Къ несчастью, въ засѣданіи председательствовалъ въ этотъ день вице-предсѣдатель Кардошъ, больной старикъ, который совсѣмъ растерялся и не зналъ, что дѣлать. На другой день произошли серьезные студенческіе беспорядки, преимущественно въ политехникумѣ, находящемся близъ парламентакаго зданія. Въ самомъ же сеймѣ засѣданіе подъ предсѣдательствомъ энергичнаго и популярнаго Шилаги, носило болѣе спокойный характеръ: вожди національной партіи увѣрили, что никто изъ ея сторонниковъ не оскорбилъ министра Фейервари, который послѣ этого заявленія принялъ свои оскорбительныя слова по адресу національной партіи обратно.

Главная опасность заключается въ томъ, что радикалы призвали на помощь студентовъ и выносятъ броженіе изъ сейма на улицу. Радикаламъ въ свое время удалось этимъ путемъ вызвать отставку Коломана Тиссы, который также имѣлъ за собою крупное большинство въ сеймѣ и вынужденъ былъ уступить подъ вліяніемъ уличныхъ беспорядковъ. Положеніе барона Банффи, во всякомъ случаѣ, очень щекотливо: онъ изъ сочувствія австро-нѣмецкимъ обструкціонистамъ вошелъ въ тайное соглашеніе съ графомъ Туномъ и не хотѣлъ знать о временномъ продленіи экономическаго договора, между тѣмъ, какъ теперь въ вѣнскомъ рейхсратѣ происходитъ спокойное обсужденіе договорнаго проекта, а венгерскій сеймъ даже еще не приступилъ къ разсмотрѣнію этого законопроекта. Если баронъ Банффи останется на своемъ посту, то ему придется сдѣлать графу Туну то же предложеніе, которое онъ, Банффи, не далѣе, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, наотрѣзъ отклонилъ, т. е. просить графа Туна о временномъ продленіи договора, такъ какъ пренія о договорномъ законопроектѣ, если даже оппозиціонеры допустятъ постановку его на очередь, не могутъ окончиться въ венгерскомъ сеймѣ въ текущемъ году.

Критика и библиографія.

I.

Н. Бальмонтъ. Тишина. Лирическія поэмы. Спб. 1898 г.

Маленькая книжечка г. Бальмонта,—не помню, которая по счету,—заключаетъ въ себѣ результатъ послѣднихъ лѣтъ его поэтическаго творчества. Стихотвореній, въ сущности, немного, но содержаніе ихъ, какъ это обыкновенно бываетъ у г. Бальмонта, безбрежно. Предыдущая книжечка его такъ и называлась «Въ безбрежности». Настоящая озаглавлена: «Тишина». Тихая муза г. Бальмонта витаетъ въ безбрежности, рѣя бѣлыми крыльями, въ дымкѣ нѣжно-золотой, надъ морями, въ царствѣ льдовъ, надъ какими-то забытыми колокольнями, надъ фантастическими мертвыми кораблями, проносясь унѣреннымъ полѣтомъ черезъ кошмары жизни, воспѣвая мгновенія правды. Не требуется особенно пристальнаго изученія творчества г. Бальмонта, чтобы уловить его содержаніе и постигнуть воздушное настроеніе его фантазій: поэтъ самъ помогаетъ читателю въ этомъ отношеніи, показывая въ оглавленіи, съ его двѣнадцатью общими отдѣлами, свой полный роскошный спектръ, съ видимыми и невиданными оттѣнками. Пятнадцать маленькихъ стихотвореній, каждое со своимъ заглавіемъ, соединены въ отдѣлъ подъ общимъ названіемъ: «Воздушно-бѣлые»—заглавіе непонятное, но таинственно-завлекательное. Семь стихотвореній носятъ общее заглавіе: «Въ дымкѣ нѣжно-золотой»—заглавіе, безспорно, очень поэтическое. Девять стихотвореній отнесены къ отдѣлу «Въ царствѣ льдовъ»—заглавіе, отъ котораго вѣетъ жуткимъ холодомъ полныхъ странъ. Семь стихотвореній со своими различными заголовками названы «Кошмары»—читателю представляется что-то безумно-страшное. Четырнадцать стихотвореній окрещены именемъ «Мгновенія правды»—отъ заглавія вѣетъ откровеніемъ высшей мудрости. Одно стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Мертвые корабли», отнесено къ особому отдѣлу, подъ заглавіемъ «Мертвые корабли», отпечатаннымъ крупнымъ шрифтомъ на отдѣльной страницѣ, съ глубокомысленнымъ индійскимъ изрѣченіемъ въ видѣ эпиграфа. Еще одно стихотвореніе, подъ названіемъ «Забытая колокольня», отнесено къ особому, крупно пропечатанному отдѣлу подъ названіемъ «Забытая колокольня», при чемъ подъ первымъ, крупнымъ заглавіемъ, имѣется

длинный эпиграфъ съ тремя высокодумными и глубоко-моральными изрѣченіями изъ «Лѣтописи Мира». Читатель чувствуетъ себя смущеннымъ въ сознаніи своего невѣжества: онъ никогда даже не слыхалъ о такой необыкновенно важной книгѣ, какъ «Лѣтопись міра», которую открыла въ своихъ скитаніяхъ по безбрежности воздушно-бѣлая муза г. Бальмонта. Одно довольно большое стихотвореніе «Искры» тоже отнесено къ особому отдѣлу: «Искры». И опять, при заглавіи отдѣла, на особой страницѣ—короткій, но сильный эпиграфъ изъ той же таинственной книги «Лѣтописи міра». Читатель еще болѣе заинтересованъ этой удивительной книгой: затерянный среди мертвыхъ кораблей и забытыхъ колоколенъ, содрогаясь отъ стужи сѣверныхъ льдовъ, онъ видитъ цѣлый вихрь нѣжно-золотистыхъ искръ, несущихъ изъ невѣдомаго источника высокую міровую мудрость. Подъ конецъ книги читатель съ нѣкоторымъ душевнымъ облегченіемъ наталкивается на отдѣлъ съ болѣе привычнымъ и понятнымъ заглавіемъ: «Донъ-Жуанъ». Къ сожалѣнію, въ этомъ отдѣлѣ онъ находитъ только одно стихотвореніе подъ особымъ, мельче напечатаннымъ, заглавіемъ: «Донъ-Жуанъ». Поэтъ не позволяетъ своей музѣ останавливаться по долгу на такомъ грѣховномъ предметѣ, какъ любовь, заставляя ее заниматься путешествіями по полярнымъ и другимъ интереснымъ странамъ. Такъ строгая начальница отсылаетъ къ возвышенно-сентиментальнымъ и нравоучительнымъ книгамъ молоденькую институтку, застигнутую на мѣстѣ преступленія съ завлекательнымъ романомъ въ рукахъ.

Прочитавъ всѣ двѣнадцать отдѣловъ книги, съ ихъ пестрыми заглавіями, читатель получаетъ въ видѣ сюрприза маленькое, поэтическое бесплатное приложеніе: стихотвореніе, не отмѣченное въ оглавленіи, не носящее никакого наименованія, но за то напечатанное курсивомъ. Вотъ этотъ маленькій поэтический сюрпризъ:

Кто заглянетъ въ лоно водъ,
Гдѣ въ прозрачности зеркальной,
Въ вѣчно-близкой—вѣчно-дальней
Опрокинуть небосводъ,
Легкій, свѣтлый и печальный,
Тотъ на мигъ душой пойметъ,
Что, какъ эти полутѣни,
Онъ лишь слѣдъ иныхъ видѣній,
Что и онъ уже не тотъ.

Мудрость этого стихотворенія не заимствована изъ «Лѣтописи міра»,—она почерпнута изъ собственной души поэта. Несомнѣнно, что здѣсь муза г. Бальмонта взлетѣла очень высоко, сбросивъ съ себя тяжелыя ненужныя цѣпи логики: если передать поэтическія строки въ кощунственной прозѣ, то окажется, что человѣкъ, увидѣвшій въ близкой водѣ отраженіе далекаго

неба, на мигъ душой пойметъ, «что и онъ уже *не тотъ*». Вѣроятно, поэтъ хотѣлъ сказать, что, подобно отраженію неба въ водѣ, человекъ есть тоже отраженіе иного далекаго міра, и это собственно уже сказано въ предположѣнной строкѣ, но въ своемъ поэтическомъ изступленіи муза г. Бальмонта взвилась за предѣлы всего предѣльнаго, и въ его поэтическомъ спектрѣ появился какъ бы ультра-фіолетовый цвѣтъ, не доступный глазу.

Переходя, послѣ поверхностнаго обзорѣнія книжки, къ содержанію отдѣльных ея частей, удивляешься изобрѣтательности г. Бальмонта: его пышныя заглавія должны считаться именно доказательствомъ его изобрѣтательности, потому что краски ихъ часто совсѣмъ не соотвѣтствуютъ самимъ стихотвореніямъ. Вотъ, напримѣръ, отдѣлъ «Въ дымкѣ нѣжно-золотой». Въ немъ есть только одно стихотвореніе съ одною строкою, повторяющей заглавіе отдѣла. Другія стихотворенія имѣютъ какія угодно краски, кромѣ нѣжно-золотой. Въ одномъ описываются алая и бѣлая розы, имѣющія символическій смыслъ. Другое просто представляетъ любовное лирическое изліяніе, безъ какихъ бы то ни было поэтическихъ красокъ. Къ этому же отдѣлу относится стихотвореніе «Нѣмая тѣнь»:

Нѣмая тѣнь среди чужихъ тѣней,
Я зналъ тебя, но ты не улыбалась,—
И, стройная, едва-едва склонялась
Подъ бременемъ навѣкъ ушедшихъ дней,—

Повидимому, рѣчь идетъ о какой-то старушкѣ, которая прежде была стройна. Что иное могутъ обозначать слова: «склонялась подъ бременемъ навѣкъ ушедшихъ дней»? Поэтъ продолжаетъ описывать свою старушку, прибѣгая къ изящнымъ уподобленіямъ:

Какъ лилія, смущенная волною,
Склоненная надъ зеркаломъ рѣки,
Какъ лебедь, ослѣпленный бѣлизною
И полный удивленья и тоски.

Оставляя вопросъ о томъ, насколько старушка можетъ быть похожа на лилію и на лебедя, и о томъ, дѣйствительно ли г. Бальмонтъ имѣлъ въ виду обрисовать своими уподобленіями нѣкую поэтическую старушку, нельзя не спросить: правильно-ли называть бѣлаго лебедя—лебедемъ, «ослѣпленнымъ бѣлизною»? А затѣмъ слѣдуетъ непременно спросить поэта, почему онъ отнесъ это стихотвореніе, съ его старушкой, лиліей и лебедемъ къ отдѣлу «Въ дымкѣ нѣжно-золотой»?

Продолжая перелистывать книжку, заглянемъ въ отдѣлъ «Воздушно-бѣлые». Вотъ стихотвореніе, помѣщенное въ оглавленіи: «Золотая звѣзда». Золотая звѣзда катилась по лазури, намѣревалась упасть на землю: ее обольстили голубые земные цвѣты, изумрудная трава и листва деревьевъ. Пламеня отъ любви, она загоралась все ярче и, наконецъ, не коснувшись

пись земли, рассыпалась пылью. Какая причудливая фантазія понадобилась для того, чтобы отнести это стихотвореніе, написанное, можно сказать, пламеннымъ перомъ по небесной лазури, къ отдѣлу, подъ туманно-мечтательнымъ заголовкомъ: «Воздушно-бѣлые!» Другое стихотвореніе въ томъ же отдѣлѣ слѣдовало бы, по всей справедливости, отнести къ отдѣлу «Кошмаровъ». Это, дѣйствительно, какой-то кошмаръ и при томъ кошмаръ съ современными претензіями и смутными отголосками чужихъ плохо понятыхъ идей:

Мнѣ странно видѣть лицо людское,
Я вижу взоры существъ иныхъ,
Со мною вѣтеръ и все морское,
Все то, что чуждо для думъ земныхъ.

Помимо странной мысли всего этого куплета, въ немъ удивляютъ отдѣльные выраженія: «лицо людское» вмѣсто «человѣческое лицо» или «лица людей», а затѣмъ строка: «со мною вѣтеръ и все морское». Не любя людей, г. Бальмонтъ предпочитаетъ имъ вѣтеръ и «все морское». Поэтъ употребляетъ неудачныя выраженія и потому рискуетъ, что какой-нибудь злодѣй изъ критиковъ сдѣлаетъ къ этимъ словамъ самый обидный и нелѣпый комментарий, вродѣ того, наиримѣръ, что у г. Бальмонта вѣтеръ въ головѣ и горько-соленая морская вода, съ разными морскими чудовищами, въ душѣ.

Со мною тѣни, за мною тѣни,
Я слышу сказку морскихъ глубинъ,
Я царь надъ царствомъ живыхъ видѣній,
Всегда свободный, всегда одинъ.
Я слышу бурю, удары грома,
Пожары молній горять вдали,
Я вижу островъ, гдѣ все знакомо,
Гдѣ я—владыка моей земли.

Слова «со мною тѣни» такъ-же мало понятны и подозрительны, какъ выраженіе «со мною вѣтеръ», и вообще оба куплета представляютъ наборъ странныхъ, до бессмыслицы странныхъ, безсвязныхъ образовъ. Повидимому, г. Бальмонту вздумалось, подобно нѣкоторымъ другимъ современнымъ стихотворцамъ, не менѣе его талантливымъ, бросить на жизнь нѣкоторую тѣнь демонизма. Отвращаясь отъ людей, онъ отдается зыбкимъ предательскимъ стихіямъ. Но при отсутствіи яркаго искренняго настроенія, хотя бы и демоническаго, поэтъ даетъ намъ въ своихъ стихахъ лишь мутную накипь случайныхъ фразъ и выраженій.

Въ душѣ холодной мечты безмолвны,
Я слышу сердцемъ полетъ временъ,
Со мною волны, за мною волны,
Я вижу вѣчный—все тотъ же сонъ.

Въ послѣднемъ куплетѣ кошмаръ холодной души достигаетъ своего апогея. Г. Бальмонтъ рисуетъ себя одинокимъ, свободнымъ царемъ, владыкою какого-то острова, очевидно, затеряннаго среди безбрежности. Съ нимъ вѣтеръ, съ нимъ тѣни, съ нимъ волны. За нимъ—тоже только волны и тѣни...

Впрочемъ, дѣлая всѣ эти замѣчанія по поводу новаго выпуска стихотвореній г. Бальмонта, я вовсе не хочу сказать, что поэтъ лишенъ таланта. Напротивъ, г. Бальмонтъ владѣетъ пѣвучимъ музыкальнымъ стихомъ, въ которомъ есть своя красота. Стихомъ этимъ онъ умѣетъ передавать иногда очень тонкія впечатлѣнія отъ природы, съ ея далекими воздушными перспективами, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ безспорно выше нѣкоторыхъ своихъ товарищей по литературно-поэтическому направленію. Его стихъ нѣжнѣе и гибче, чѣмъ вышющенный стихъ г. Мережковского, музыкальнѣе, чѣмъ глубокомысленный, но нестройный стихъ г. Минскаго. Если что роковымъ образомъ стоитъ на творческомъ пути г. Бальмонта, такъ это именно его холодная душа, съ ея надуманными претензіями въ области поэтическихъ отвлеченій, съ ея вѣчною рисовкою недоступными ей соприкосновеніями съ безбрежнымъ и безконечнымъ.

II.

М. А. Лохвицкая (Жиберъ). Стихотворенія 1896—98. Москва. 1898.

Г-жа Лохвицкая—поэтесса молодая, съ огнемъ пылкихъ чувствъ въ своихъ, по преимуществу любовныхъ стихахъ. На обыкновенныя темы она почти совѣмъ не пишетъ. Если искать въ современной поэтической литературѣ особеннаго стихотворца, то придется остановиться именно на г-жѣ Лохвицкой. Въ то время, какъ разные новаторствующіе поэты, съ большимъ или меньшимъ талантомъ, съ большей или меньшей оригинальностью, проводятъ въ стихахъ своихъ тѣ или другія возвышенныя идеи, она одна откровенно поетъ любовь. Въ ней какъ бы горитъ кровь Суламиты, въ душѣ ея какъ бы звучатъ отголоски Пѣсни Пѣсней. Не стѣняя себя ничѣмъ на свѣтѣ, она смѣло открываетъ свое сердце—съ такимъ престодушнымъ порывомъ, котораго одновременно и подкупаетъ, и удивляетъ. Въ самомъ дѣлѣ, думается невольно,—въ сердцѣ поэта таятся чувства и страсти, интересныя для цѣлаго міра.

Я не знаю, зачѣмъ упрекаютъ меня,
Что въ созданьяхъ моихъ слишкомъ много огня,
Что стремлюсь я навстрѣчу живому лучу,
И навѣтамъ унынья внимать не хочу.
Что блещу я царицей въ нарядныхъ стихахъ,
Съ діадемой на пышныхъ моихъ волосахъ,

Что изъ приемъ я себѣ ожерелье плету,
 Что пою я любовь, что пою красоту:
 Но безсмертья я смертью своей не куплю,
 И для пѣсенъ я звонкія пѣсни люблю.
 И безумью ничтожныхъ мечтаній моихъ
 Не измѣнить мой жгучій, мой женственный стихъ.

Вотъ какъ говорить поэтесса сама о себѣ. Она чувствуетъ себя царицей съ діадемою на пышныхъ волосахъ, а когда поэтъ видитъ себя на такой высотѣ и самъ, первый, ощущаетъ свое очарованье, онъ не можетъ скрыть отъ міра ни одной черты своей царственной жизни, ни одного вдохновенія своей волшебной фантазіи. Поэтесса совершенно уничтожаетъ то разстояніе, которое у другихъ, менѣе обворожительныхъ поэтовъ, отдѣляетъ чисто-личную жизнь отъ жизни творческаго духа. Ей незачѣмъ перерабатывать свои впечатлѣнія и чувства въ нѣчто обще-человѣческое, обще-художественное, ибо каждое личное настроеніе, какъ и каждый волосъ въ пышной шевелюрѣ поэтической царицы, уже имѣетъ неотъемлемую, такъ сказать, натуральную цѣнность. Вотъ, напр., г-жа Лохвицкая, написавъ, въ видѣ photo, одинъ «воздушно-бѣлый» стихъ г. Бальмонта, откликается на него знойной пѣсней Суламиты. «Въ твой альковъ я цвѣтовъ принесу для тебя», говоритъ г. Бальмонтъ, а г-жа Лохвицкая царственно бросаетъ ему въ отвѣтъ цѣлый снопъ жгучихъ солнечныхъ лучей: каждый ея стихъ есть выраженіе одного изъ пламенныхъ чувствъ пережитаго дня. Горячія волны, приливающія къ сердцу, золотыя мечты, дразнящія, звенящія и поющія въ груди...—весь день поэтесса томилась предчувствіемъ того аромата, который полетѣлъ на нее отъ обѣщанныхъ цвѣтовъ. Первая строфа этого стихотворенія, можно сказать, напоена личнымъ, только что пережитымъ настроеніемъ. Выраженія не точны и не оригинальны, но стихъ льется непринужденнымъ горячимъ напѣвомъ. Пока поэтесса остается вѣрна своей откровенно-женственной и откровенно-царственной лирѣ, ея произведенія сохраняютъ простодушную привлекательность. Но иногда г-жа Лохвицкая, быть можетъ, соблазняясь тѣмъ, что дѣлается, такъ сказать, въ дружескихъ поэтическихъ державахъ, хочетъ по своему и отъ себя воздать новому возвышенному культу. Съ мечтательной улыбкой она заглядываетъ въ заоблачныя сферы г. Бальмонта, возжигаетъ на алтарѣ своей поэзіи полныя «мистической тайны» лиліи и розы Ростана. Въ эту минуту поэтесса какъ бы снимаетъ съ своихъ пышныхъ волосъ царскую діадему и является въ фантастическомъ нарядѣ Принцессы Грезы. Вотъ строфа, въ которой г-жа Лохвицкая кажется достойною соперницей Ростана.

О, приди!—улетимъ отъ страданья и слезъ
 Къ небесамъ голубымъ, въ царство лилій и розъ,
 Тѣхъ цвѣтовъ, что мистической тайны полны,
 Раскрываясь, впиваютъ сіянье лунъ.

При стремительности поэтического полета г-жа Лохвицкая не замѣтила, что царство лилій и розъ, хотя бы и «полныхъ мистической тайны», расположено все-таки не въ голубыхъ небесахъ. Впрочемъ, такія странности встрѣчаются и у Ростана. Однако—дальше, выше отъ земли! Г-жа Лохвицкая, поднимаясь надъ владѣніями Ростана, влетаетъ въ безформенно-воздушное царство г. Бальмонта:

Выше тучъ, выше горъ недоступныхъ высотъ,
Будетъ чувства просторъ, будетъ мысли полетъ,
Тамъ, въ заоблачныхъ сферахъ, въ лазури, вдали,
Отъ ничтожной земли, отъ презрѣнной земли.

Послѣдній стихъ можетъ быть названъ уже не откровенно-женственнымъ и не откровенно-царственнымъ, а откровенно-бальмонтовскимъ стихомъ. Стихотвореніе кончается безсознательнымъ апопеезомъ двухъ несомнѣнно родственныхъ музъ въ ихъ дружественномъ горнемъ полетѣ—туманно-блѣдной музы г. Бальмонта и пламенно-романтической музы самой г-жи Лохвицкой:

О, пойми,—не объятій я жажду твоихъ,—
Жду восторговъ нездѣшнихъ и ласкъ неземныхъ,
Чтобы взоры, какъ звѣзды, остались чисты,
Чтобъ несмѣтными были подъ нами цвѣты.

Здѣсь всѣ имена существительныя—изъ поэтического словаря г-жи Лохвицкой, а прилагательныя какъ бы привнесены сюда г. Бальмонтомъ.

Впрочемъ, нужно сказать, что, какъ это и подобаетъ настоящей царицѣ съ истинно царскимъ чувствомъ своего величія, г-жа Лохвицкая рѣдко выѣзжаетъ за предѣлы собственной державы. Ея царство—это любовь, и при томъ любовь вовсе не заоблачная, ея сокровища—самоцвѣтные камни и настоящіе тропическіе цвѣты. Неподдѣльныя южныя краски чувствуются во многихъ ея стихотвореніяхъ.

Я войду въ чертогъ сіяющій,
Гдѣ, на ложѣ миртъ и розъ,
Ты покоишься, внимающій
Лепетанью райскихъ грезъ.
Выну масти благовонныя,
Умашу твою главу,
Поцѣлю очи сонныя,
Грезы райскія прерву.
Я войду въ твой храмъ таинственный,
Ласки брачныя готовъ.
Мой прекрасный, мой единственный,
Утоли мою любовь!

Здѣсь г-жа Лохвицкая вѣрна своей природѣ, въ которой ощущаются настоящіе горячіе токи, что-то восточное, что-то библейское. И несмотря на то, что любовный мотивъ въ стихотвореніяхъ г-жи Лохвицкой постоянно повторяется, повторяется съ одними и тѣми же образами, даже съ одними и тѣми же словами, несмотря на то, что нѣкоторыя выраженія ея граничатъ съ банальной риторикой,—этого рода произведенія ея всегда отличаются стройной музыкальностью и показываютъ въ ней недюжинный, яркій талантъ, способный къ развитію и художественному обогащенію. За послѣднее время молодая поэтесса стала давать небольшія стихотворенія въ описательномъ жанрѣ, съ тонкимъ, деликатнымъ намекомъ на любовь, съ однимъ только внутреннимъ настроеніемъ любви, и стихотворенія эти, по истинѣ, прекрасны. Въ нихъ нѣтъ ничего специфически-женственнаго и специфически-царственнаго и за то нѣтъ тѣхъ комизмовъ, въ которые она невольно вдавалась въ очень недавнее время, вслѣдствіе своей чрезмѣрной непосредственности. Можно надѣяться, что при полномъ развитіи своего дарованія, г-жа Лохвицкая сама пойметъ, что нѣкоторыя выраженія ея стиховъ отличаются какою-то невмѣняемою наивностью. Вотъ два такихъ стиха изъ ея послѣдняго сборника:

Въ твоихъ зрачкахъ двоятся образъ мой,
Въ нихъ *два* меня смѣются, какъ наяды.

III.

3. Н. Гиппиусъ (Мережковская). Зеркала. Спб. 1898.

Подобно первой книжкѣ, и эта новая книжка г-жи Гиппиусъ состоитъ изъ беллетристическихъ и стихотворныхъ произведеній. Авторъ подвигается и на томъ, и на другомъ поприщѣ, обнаруживая и тутъ, и тамъ одну и ту же литературную манеру, одинъ духъ, одинъ стиль. Беллетристика г-жи Гиппиусъ представляетъ собою нетвердое соединеніе нѣкоторыхъ философскихъ идей, навѣянныхъ вѣтромъ современности, и личнаго психологическаго опыта, не отличающагося ни особенною глубиною, ни разнообразіемъ. Между всѣми новѣйшими писателями г-жа Гиппиусъ наименѣе чувствительна къ жизни людей. Она воспринимаетъ ее сквозь чисто-разсудочныя настроенія, не сживаясь сердцемъ съ тѣми характерами и типами, которые проходятъ безъ конца передъ глазами чуткаго писателя. Вотъ почему главные дѣйствующія лица всѣхъ ея наиболѣе замѣтныхъ рассказовъ поражаютъ отсутствіемъ гибкости, надуманностью, какою-то безплотностью, антихудожественною сухостью и претенціозностью. Они живутъ и дѣйствуютъ въ холодной разрѣженной атмосферѣ тѣхъ навѣянныхъ идей, которыя для настоящаго своего воплощенія требуютъ яркаго темперамента, умѣнья внутренне сливаться съ явленіями современной среды и большого литературнаго таланта, котораго у г-жи Гиппиусъ нѣтъ.

При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что, такъ сказать, лова попутныя умственныя струи, г-жа Гиппиусъ не умѣетъ проникать въ ихъ сложную логику и перерабатывать въ собственные неотъемлемыя убѣжденія, въ собственную плоть и кровь. Ея идейные рассказы, при отсутствіи органическаго художественнаго построения, слитности идей и формъ, представляются сборищемъ случайныхъ для автора понятій, иногда противорѣчащихъ другъ другу, борющихся между собою—но не такъ, какъ это бываетъ въ страстной и сложной душѣ, а какъ это бываетъ у души безъ собственной святости и потому готовой раскрыть себя для всякихъ вліяній. Изъ этихъ вліяній современности большую силу надъ нею должны были, конечно, приобрести тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ нѣкоторую пикантность, которыя приносятся демоническимъ повѣтріемъ. Натура автора не могла не найти для себя подходящихъ мотивовъ въ этихъ именно модныхъ вѣяніяхъ. Но, стоя на такомъ шаткомъ пути, г-жа Гиппиусъ отняла у своего дарованія перспективы истинно плодотворнаго развитія, которое можетъ быть только органическимъ, естественнымъ, которое должно быть свободнымъ раскрытіемъ свободной души. Она не дала настоящаго примѣненія—въ серьезной работѣ надъ явленіями жизни—своимъ стилистическимъ способностямъ, своему внѣшнему изобразительному дару. Рисуя шикарные и всегда нѣсколько экстравагантные туалеты своихъ героинь, она невольно даетъ при этомъ почувствовать чрезмѣрное упоеніе тою кокетливою изобрѣтательностью, которая была бы истинною благодатью для дорогой модистки. У г-жи Гиппиусъ самая эта изобрѣтательность имѣетъ въ себѣ что-то раздражающее для читателя: всегда дорогіе и декадентски-исключительныя ея туалеты кажутся надѣтыми на манекены. Подъ ними не чувствуется живого тѣла съ трепетными нервами, съ страдающимъ человѣческимъ сердцемъ, съ вибрирующей душой. Рассказы и новеллы г-жи Гиппиусъ полны суетнаго шелеста и шороха подбитыхъ шелкомъ платьевъ, но въ нихъ не звучатъ живые разнообразные человѣческіе голоса. Ея діалоги кажутся какимъ-то беззвучнымъ шопотомъ, а монологи и тирады, иногда кричащіе по содержанію, представляются отрывками изъ какихъ-то чужихъ статей. Ея люди—призраки, которыми она населяетъ тонко воспринимаемую и детально описываемую ею природу. Ея стиль, играющій въ изящную простоту, съ отдѣльными острыми штрихами, является естественнымъ выраженіемъ этой своеобразной, но односторонней писательской натуры.

Обращаясь къ стихамъ г-жи Гиппиусъ, нужно сказать, что они отличаются тѣми же психологическими и стилистическими особенностями, которыя бросаются въ глаза и въ ея беллетристическихъ произведеніяхъ. Это—сборъ навѣянныхъ и внушенныхъ идей, не породившихъ цѣльнаго глубоко-личнаго настроенія. На этомъ пестромъ, искусно затуманѣнномъ фонѣ передъ глазами нестройной чередой плывутъ неожиданныя и несвя-

занные между собою поэтическіе образы. Настроенія, полученныя путемъ тонкаго самогипноза въ извѣстномъ духѣ, не имѣютъ той непосредственности, которая позволяетъ имъ сообщаться читателю. Стихъ, не лишенный напѣва даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приданъ свободный размѣръ, созданъ техническими виртуозными ухищреніями, а не музыкой души. Иногда онъ пикантенъ, иногда—слегка сентименталенъ, иногда насыщенъ мистическими туманами безъ искреннихъ мистическихъ ощущеній. Иногда надъ нимъ витаютъ облака «мѣоническаго» или романтическаго пессимизма, иногда онъ освѣщенъ бенгальскимъ огнемъ искусственнаго оптимизма и украшенъ модными декадентскими цвѣтами—лиліями, хризантемами и орхидеями. Возьмемъ для примѣра одно изъ характернѣйшихъ стихотвореній г-жи Гиппіусъ—«Цвѣты ночью»:

О, ночному часу не вѣрьте!
 Онъ исполненъ злой красоты.
 Въ этотъ часъ люди близки къ смерти,
 Только странно живы цвѣты.
 Темны, теплы тихія стѣны,
 И давно каминъ безъ огня,
 И я жду отъ цвѣтовъ измѣны,
 Ненавидать цвѣты меня.
 Среди нихъ мнѣ жарко, тревожно.
 Ароматъ ихъ душенъ и смѣлъ—
 Но уйти отъ нихъ невозможно,
 Но нельзя избѣжать ихъ стрѣлъ.
 Свѣтъ вечерній лучи бросаетъ
 Сквозь кровавый шелкъ на листы...
 Тѣло нѣжное оживаетъ—
 Пробудились злые цвѣты.
 Съ ядовитаго арума мѣрно
 Капли падаютъ на коверъ.
 Все таинственно, все невѣрно—
 И мнѣ тихій чудится споръ.
 Шелестятъ, шевелятся, дышатъ,
 Какъ враги за мною слѣдятъ,
 Все, что думаю, знаютъ, слышатъ,
 И меня отравить хотятъ...
 О, часу ночному не вѣрьте,
 Берегитесь злой красоты!
 Въ этотъ часъ всѣ мы близки къ смерти—
 Только странно живы цвѣты.

Стихотвореніе—странное, и какъ по формѣ, такъ и по содержанію не

закрывающее въ себѣ никакой красоты, ни доброй, ни «злой». Если спросить себя попросту и въ серьезъ, какое настроеніе въ немъ вылилось, то придется сказать, что у автора не было никакого живого настроенія, а было, вѣроятно, нѣкоторое лихорадочное разстройство, переданное по истинѣ уродливыми словами. «Странно» живые цвѣты, «тихія» стѣны, «смѣлый» аромат, «стрѣлы» цвѣтовъ, «злые цвѣты», цвѣты, которые «слѣдятъ» за авторомъ, какъ враги, «знаютъ» и «слышатъ» его мысли—рядъ выраженій, обличающихъ только пустую претенціозность и отсутствіе эстетическаго такта. Какъ и всѣ наиболѣе претенціозныя произведенія г-жи Гиппіусъ, стихотвореніе это является разсыпчатымъ сборомъ вычурныхъ образовъ, лишенныхъ живого логическаго и психологическаго единства. Каждая фраза звучитъ неожиданно, не возбуждая никакого отклика въ душѣ, потому что она не вырастаетъ органически изъ предыдущей фразы, и всѣ старанія автора изобразить воздѣйствіе «злой красоты» цвѣтовъ создаютъ въ результатѣ только легкій угаръ искусственнаго перевознаго возбужденія. Если бы на основаніи такого стихотворенія нужно было произнести приговоръ надъ способностями автора, то пришлось бы сказать, что г-жа Гиппіусъ писательница пустая и бездарная. Вообще стихотворенія ея, такъ сказать, идейнаго характера—и въ стилѣ декадентскомъ,* и въ стилѣ отвлеченнаго идеализма—не производятъ истинно-поэтическаго впечатлѣнія: они кажутся разсудочно надуманными и раздражаютъ нѣкоторыми отдѣльными выраженіями, въ которыхъ чувствуется аффектація и манерность. Таковы стихотворенія «Крикъ», «Родина», «Вечерняя заря», «Пыль», «Молитва» и нѣкоторыя другія. Такихъ же надуманныхъ и претенціозныхъ стихотвореній есть не мало и въ первомъ сборникѣ. А между тѣмъ, у г-жи Гиппіусъ попадаются иногда стихотворенія съ невиннымъ содержаніемъ, написанныя просто, безъ красочныхъ претензій и потому производящія впечатлѣніе. Не обличая въ авторѣ яркаго и самостоятельнаго поэтическаго дара,—ибо и въ нихъ слышатся отголоски чужихъ, болѣе сильныхъ поэтическихъ мотивовъ,—они тѣмъ не менѣе прочитываются съ удовольствіемъ, какъ живыя созданія непосредственныхъ настроеній. Таковы, напримѣръ, «Сентиментальное стихотвореніе», «Вечеръ»,—во второмъ сборникѣ, «Никогда», «Баллада» въ первомъ сборникѣ.

Сравнивая оба сборника въ ихъ стихотворныхъ отдѣлахъ, нельзя не сказать, что поэтическое творчество автора не совершенствуется, не обогащается никакими новыми мотивами. Оно стоитъ на одномъ мѣстѣ, не двигаясь впередъ, хотя и не падая ниже уровня того, что можно печатать и читать. И это совершенно понятно: природная даровитость дѣлаетъ все, что пишетъ г-жа Гиппіусъ, достояніемъ литературы, но бѣдность психологическаго содержанія при истерической крикливости формы обрекаетъ ея творчество на неподвижность и бесплодность. Ея стихи, какъ и ея беллетристическія произведенія, не обнаруживаютъ въ ней того дѣятель-

наго, пытливаго духа, который, постоянно соприкасаясь съ жизнью, улавливаетъ ея внутренній смыслъ и ея содержаніе, чтобы затѣмъ показать ихъ въ чудесномъ преobraженіи на горней высотѣ настоящей поэтической правды. Только такой духъ, воспріимчивый и возсоздающій, способенъ къ неустанному и плодотворному развитію. Только такое дарованіе, чуткое ко всему человѣчному, заключаетъ въ себѣ неумирающую силу и неотживающую красоту.

IV.

„Мірѣ искусства“. Иллюстрированный художественный журналъ подъ редакціей С. П. Дятлева. Изданіе княгини М. К. Тенишевой и С. И. Мамонтова.

Нужно сочувствовать каждому журналу, который поставитъ себѣ задачею разрабатывать вопросы искусства. Это область, въ Россіи совсѣмъ еще не воздѣланная. У насъ много писали по разнымъ вопросамъ искусства, но, за рѣдкими исключеніями, задачи самого искусства затрогивались только вскользь и притомъ подъ публицистическимъ угломъ зрѣнія, а серьезныхъ изслѣдованій по исторіи и философіи искусства почти совсѣмъ не было. Вотъ почему отъ каждой новой попытки создать спеціальныи художественный органъ ждешь чего-то новаго и значительнаго. Съ такими ожиданіями, съ такимъ сочувственнымъ предрасположеніемъ берешь въ руки и первый выпускъ «Міра искусства». Откинувъ толстую обложку, на которой блистаютъ пропечатанное золотомъ названіе журнала, безъ всякихъ прозаическихъ подзаглавій и издательски-типографскихъ анонсовъ, и двѣ загадочныя виньетки въ линючихъ новомодныхъ краскахъ, а затѣмъ шмуцтитулъ съ изображеніемъ орла, приступаешь къ чтенію руководящей статьи г. Дятлева. Редакторъ журнала рекомендуется читателямъ, какъ представитель новой группы эстетиковъ, которая сосредоточиваетъ въ себѣ все самое новое, самое красивое, самое смѣлое изъ того, что есть новаго, красиваго и смѣлаго подъ небомъ современной эпохи. Рѣчь его звучитъ торжественно, дерзостно, аристократически свободно. Но читая ее, вдругъ, какъ-то неожиданно для самого себя, начинаешь неудержимо улыбаться: кажется, что въ многочленный изящный салонъ вошелъ превосходно одѣтый человѣкъ, въ перчаткахъ, съ клакомъ, съ прической á la Капуть и, отвѣсивъ общій поклонъ, торжественно возвѣстилъ о самомъ себѣ: «Господинъ Дятлевъ»!.. Такое именно впечатлѣніе производятъ эти величаво самоувѣренныя, претенціозно-небрежныя приемы вступительной рѣчи. Вникая въ сущность статьи черезъ развязную форму, черезъ запутанныя фразы о красотѣ, о свободѣ искусства, о ничтожествѣ разсужденій Л. Толстого, какъ-то невольно думаешь о томъ, что недостаточно хорошо и дорого одѣться и причесаться á la Капуть, чтобы, войдя въ салонъ, ничѣмъ не выдать своихъ отнюдь не аристократическихъ привычекъ, что недостаточно

войти въ міръ искусства съ фразами о красотѣ и ея свободѣ, чтобы отрѣшиться отъ умственного лакейства. Иногда даже самыя ошибочныя разсужденія, которыя, повидимому, разрушаютъ понятіе красоты, но которыя исходятъ отъ самостоятельной глубокой натуры, гораздо болѣе служатъ дѣлу искусства, чѣмъ плоскія, затрепанные мысли о чистомъ искусствѣ, о верховномъ значеніи красоты въ творческой работѣ. Въ чемъ бы ни открывалась душа, она создаетъ нѣчто пригодное для искусства или для философіи искусства, тогда какъ слова, исходящія отъ банальнаго ума, питающагося только кружковыми фразами, могутъ иногда превратить самое серьезное дѣло во что-то профанное,—мѣстами смѣхотворное, мѣстами просто неприличное.

Интересно прослѣдить на отдѣльныхъ примѣрахъ, каковы эти слова, предназначенныя для служенія красотѣ, въ какихъ выраженіяхъ и фразахъ г. Дягилевъ передаетъ свои мысли. «Вотъ появились мы,—пишетъ онъ,—съ нашими новыми требованіями, лишь подтверждая общую правильность хода историческаго развитія. Правда, мы отличались чѣмъ-то отъ извѣстныхъ, изученныхъ *формъ*». Очевидно, г. Дягилевъ и самъ видитъ въ себѣ и своихъ кружковыхъ сотоварищахъ не живую душу, а только форму чего-то—чего именно, неизвѣстно. «Но какъ же можно было допустить, чтобъ это блѣдное и бездѣтельное поколѣніе, опопшенное названіемъ *конца вѣка*, счумѣло возвыситься до такой точки, съ которой оно холодно могло синтезировать всѣ эти *маленькія происшествія, видѣнія* каждое въ себѣ единственнаго истолкователя истины и судебъ міроваго искусства». Г. Дягилеву кажется, что кто-то называетъ его поколѣніе, всѣхъ его живыхъ представителей, которыхъ онъ самъ называетъ «формами»,—концомъ вѣка. Смѣшивая неодушевленные предметы съ одушевленными, понятія ума съ реальными явленіями, г. Дягилевъ приписываетъ такое же нелѣпное смѣшеніе и другимъ. Выраженіе «конецъ вѣка» попадаетъ теперь въ любой уличной газеткѣ, въ любомъ юмористическомъ листкѣ, но можно сказать съ увѣренностью, что никакой безграмотный и вульгарный «Шутъ» не доходилъ еще до того, чтобы примѣнять это названіе къ тому или другому человѣческому поколѣнію. Г. Дягилевъ рѣшительно не отличаетъ одушевленныхъ предметовъ отъ неодушевленныхъ: происшествія видятъ каждое въ себѣ истолкователя истины! Нельзя понять, происходитъ-ли эта путаница въ стилѣ г. Дягилева оттого, что онъ когда-то кѣмъ-то былъ посвященъ въ панпсихическое ученіе, или отъ того, что онъ просто не былъ своевременно наставленъ въ примитивныхъ логическихъ и грамматическихъ понятіяхъ. Далѣе, приведемъ одно мѣсто, характерное одновременно и какъ образчикъ стиля г. Дягилева, и какъ образчикъ его литературно-критической проницательности. «Эта амальгамная исторія художественной жизни вѣка имѣла главный источникъ въ ужасной шаткости эстетическихъ основаній и требованій эпохи. Они ни на минуту не устанавливались

прочны, не развивались логично и свободно. Художественные вопросы были запутаны въ общую кашу общественныхъ переворотовъ, и вышло то, что такой независимый талантъ, какъ Пушкинъ, въ теченіи какихъ нибудь двадцати лѣтъ долженъ былъ выдержать три совершенно разныя оцѣнки: материалистическія обвиненія Писарева, славянофильскія превозношенія Достоевскаго и субъективно-восторженный судъ Мережковскаго». Исторія имѣла источникъ въ шаткости основаній. Вопросы были запутаны въ кашу переворотовъ. Таковы шаткія основы стиля г. Дягилева, таковъ источникъ жидкой каши тѣхъ вопросовъ, которую онъ размазываетъ въ своей статьѣ, не создавая этимъ рѣшительно ни въ чемъ никакихъ переворотовъ. Но всего великолѣпнѣе здѣсь смѣло выдвинутая триада критиковъ Пушкина: Писаревъ, Достоевскій и Мережковскій. Чѣмъ бы ни былъ по отношенію къ Пушкину Писаревъ,—г. Мережковскій является, по сравненію съ нимъ, не болѣе, какъ посредственнымъ компиляторомъ, который не внесъ въ вопросъ о Пушкинѣ ни одного живого ощущенія, ни одной самостоятельной мысли, прикрывъ свое бездушіе вздутой пѣной кричащихъ, хотя опять-таки чужихъ словъ. Но г. Дягилевъ, съ какою-то невѣжественною наивностью, готовъ видѣть въ писаніяхъ г. Мережковскаго о Пушкинѣ новый маякъ на пути русской критической мысли. Эти его размышленія о русской литературѣ вполне достойны его удивительнаго стиля. «Наконецъ явились мы,—продолжаетъ г. Дягилевъ,—съ своими новыми запросами и, вѣртемъ, если бы мы были хоть каплю похожи на нашихъ предшественниковъ, будь мы даже *упадкомъ*, они бы съ радостью простили намъ и отечески прижали къ своей груди». Тутъ, кромѣ уже отмѣченнаго нами смѣшенія понятій и реальныхъ вещей, читателя поражаетъ безграмотность. Въ послѣдней фразѣ отсутствуютъ необходимыя дополненія: не сказано, что простили бы г. Дягилеву его предшественники, ни кого прижали бы они къ своей груди. Но если безграмотность этой фразы требуетъ еще какихъ нибудь поясненій, то вотъ фраза, безграмотность которой прямо бросается въ глаза: «Первая группа продолжаетъ въ блаженномъ оцѣпенѣніи, подобно китайскимъ кукламъ, кланяться уже излизанному великолѣпю псевдоклассическихъ монументовъ и сквозь лорнетъ *восхищаться лоснящемся*, какъ паркетъ, *ремеслу* Тадемъ и Вакаловичей». Не нужно брать въ руки лорнета, чтобы усмотрѣть все великолѣпіе этого пышнаго и дерзновенно-новаторскаго стиля. И при этомъ г. Дягилевъ съ важностью челоуѣка, способнаго громко «докладывать» о собственномъ приходѣ такъ, какъ докладываютъ о приходѣ «господъ», совсѣмъ не умѣетъ работать. Онъ не только не умѣетъ излагать собственныхъ мыслей, онъ не умѣетъ даже произвести тотъ несложный трудъ, который требуется для перевода. Вотъ какъ передаетъ онъ на русскомъ языкѣ Бодлера: «Литература *упадка!* Пустыя слова, которыя мы часто слышимъ, бросаемыми съ демонстратив-

нымъ зѣваніемъ изъ устъ тѣхъ далекихъ отъ загадочности сфинксовъ, которые блюдутъ священные двери классической эстетики».

Такъ пишутъ и такъ переводятъ во славу искусства въ новомъ художественномъ журналѣ.

Кромѣ руководящей статьи г. Дягилева, въ первомъ выпускѣ журнала помѣщены замѣтки объ иллюстраціяхъ Веренскіольда къ норвежскимъ былинамъ, небольшая статья г. Боборыкина о значеніи Рима для образованія художниковъ, маленькая, довольно безцвѣтная замѣтка-некрологъ о Пювистъ-де-Шаваннѣ и тоже небольшое, но въ высшей степени претенціозное некрологическое размышленіе г. Мережковского о Полонскомъ. Эта послѣдняя статейка написана въ обычномъ для ея автора надутомъ и напряженномъ стилѣ, съ искусственными метафорами и притворной истерикой, при чемъ заключительный аккордъ заимствованъ—на этотъ разъ—изъ маонической философіи Минскаго. Усталый странникъ, т. е. Полонскій, вернулся, по словамъ г. Мережковского, «къ страшной и тихой глубинѣ Лѣсного Родника,—невѣдомаго людямъ, осѣненного дремучими вѣтвями, къ невозможному, несущемуся и болѣе дѣйствительному, чѣмъ все, что есть».

Что касается художественныхъ матеріаловъ перваго выпуска, то они раздѣляются на репродукціи съ произведеній извѣстныхъ живописцевъ—Васнецова, Рѣпина, Левитана и др.,—сдѣланныя вполне удовлетворительно, и на хитроумно исполненные, но совершенно бессмысленные проекты для маюлики и изразца. Одинъ изъ этихъ проектовъ, представляющій собою узкую темную полосу съ маленькими бѣлыми красочными мазками, вызываетъ въ публикѣ странныя недоумѣнія. Нѣкоторые согласны видѣть въ заостренныхъ бѣлыхъ мазкахъ на золотистомъ темномъ фонѣ паруса кораблей, другіе сочувственно повторяютъ злую шутку одного знатока искусства, сказавшаго, что рисунокъ изображаетъ зубы г. Дягилева,—вѣроятно, не реальные, а критическіе его зубы, если можно такъ выразиться.

V.

Независимый. Этика обыденной жизни. Спб. 1899.

Это книжка талантливая и хорошая по своимъ настроеніямъ. Большой жизненный опытъ, не уложившійся цѣликомъ въ художественныя произведенія, оставляетъ въ душѣ писателя много полубообщенныхъ наблюденій, разрозненныхъ мыслей, живыхъ чувствъ, которыя требуютъ себѣ какого-нибудь выраженія. Беллетристу хочется попросту сказать своему читателю то, что онъ думаетъ о жизни и чего бы онъ отъ нея желалъ, внѣ той сложной и слитной философіи, которая проникаетъ образы его творчества. Въ такихъ именно случаяхъ беллетристъ берется за перо публициста. Русская публицистика, исходящая отъ замѣчательныхъ художниковъ слова, всегда отличалась свѣжестью и особеннымъ подъемомъ мыслей отъ публи-

цистики, такъ-сказать, профессиональной, съ ея разсудочной ограниченностью и бездушной хлесткостью. Не говоря уже о титанахъ искусства и публицистики, какъ Гоголь, Герценъ, Достоевскій, Толстой, даже писатели менѣ замѣчательные, выступая, время отъ времени, въ роли судей жизни, критиковъ жизни постоянно обнаруживали тонкую, глубокую проникательность и чуткость въ вопросахъ практическаго существованія. Не называя другихъ именъ, укажу на талантливую писательницу С. И. Смирнову, публицистическіе фельетоны которой, появляющіеся, къ сожалѣнію, довольно рѣдко, поражаютъ своею колоритностью и здравостью сужденій о людяхъ и ихъ дѣлахъ. Можно сказать, привычка видѣть жизнь въ игрѣ опредѣленныхъ формъ и красокъ даетъ художнику находить въ каждомъ общемъ явленіи его двигательный центръ, его отличительную природу и его слабыя стороны. Вотъ и авторъ настоящей книги, г. Независимый,—псевдонимъ ярко талантливаго беллетриста Ясинскаго, рассыпалъ въ своихъ моралистическихъ разсужденіяхъ множество блестящихъ, множество благихъ истинъ, собранныхъ имъ на пути его художественной дѣятельности. Несмотря на поучительный тонъ, его этика озарена мягкимъ свѣтомъ поэзіи, который, проливаясь въ душу, облегчаетъ ей общеніе съ моралистомъ. Отдѣльныя страницы этой книги написаны прекраснымъ стилемъ и трогаютъ простотою содержанія. Не защищая никакихъ аскетическихъ стремленій, г. Независимый, съ какою-то безоблачною отрадою, рисуетъ, шагъ за шагомъ, картину физически и нравственно опрятной и эстетически-радостной жизни и незамѣтно шевелить лучшія струны души. Онъ объясняетъ растлѣвающее дѣйствіе плотоядной пищи,—и при этомъ нѣсколько удивительно тонкихъ художественныхъ штриховъ дѣлаютъ его объясненія неоспоримыми. Онъ рисуетъ, какъ убиваютъ скотъ на бойняхъ, какъ рѣжутъ домашнихъ птицъ, смущая впечатлительныя дѣтскія души. Онъ разсуждаетъ объ одеждѣ, о раздѣленіи труда, о домашней библіотекѣ, о любви, о томъ, что жизнь не есть страданіе,—и повсюду мы наталкиваемся на свѣтлыя догадки, на умныя, мѣткія изрѣченія. Не проявляя ни обличительной, ни проповѣднической страсти, которой естественно было бы ожидать отъ его яркой писательской натуры, онъ однако нигдѣ не впадаетъ въ ту слащавость и елейность, въ то прѣсное, лицемѣрное прекрасодушіе, которыми насыщены многословныя писанія на подобныя темы г. Меньшикова. Умъ, талантъ и богатство разнообразныхъ знаній помогли автору, при разрѣшеніи его трудной задачи, сохранить правдивый, ясный тонъ и изящный тактъ.

А. Волинскій.

Журналистика.

Разговоръ г. Суворина съ «знатными» иностранцами о дѣлѣ Дрейфуса.—
Жалобы г. Медвѣдскаго на г. Грингмута.

Очень любопытное «маленькое письмо» помѣстилъ г. Суворинъ недавно (№ 8 166) въ «Новомъ Времени»,—тѣмъ болѣе любопытное, что оно касается «вѣчнаго» дѣла Дрейфуса и новыхъ разоблаченій по этому дѣлу. По истинѣ Дрейфусовское дѣло не только вѣчно, но и сверхъестественно. Вотъ уже болѣе года какъ о немъ всѣ говорятъ, начиная съ министровъ и свѣтскихъ дамъ и кончая кофейницами съ Петербургской стороны. Была минута, когда о немъ заговорилъ даже «самъ» Л. Н. Толстой и его слова, разумѣется, немедленно были преданы печати. Вся современная французская политика резюмируется однимъ словомъ: Дрейфусъ (теперь, нѣкоторые прибавляютъ: и Пикаръ). О немъ не говорятъ лишь тѣ, кто дѣйствительно долженъ былъ бы говорить, тѣ, кто такъ или иначе сопричастенъ ему, кто его создалъ и кто несомнѣнно знаетъ, какъ разгадать эту странную загадку,—не говорятъ о чемъ Буадефрѣ, Пелье, Гонзъ, Казиміръ Перье, даже Цурлинденъ молчитъ, не говорятъ ни Шварцкопентъ, ни Паницарди. Но за то о немъ говорятъ какіе-то «знатные» иностранцы, и не только говорятъ, но даже разфѣзжаютъ! по Европѣ въ видѣ какихъ-то новоизобрѣтенныхъ *commis voyageurs*’овъ съ новыми разоблаченіями. Эти знатные иностранцы посѣтили недавно Петербургъ, побывали съ визитомъ у г. Суворина и объяснили ему все «дѣло» съ совершенно новой точки зрѣнія, при чемъ оказывается, что всѣ тѣ, кто знаетъ «дѣло» только по газетамъ, не имѣютъ о немъ ни малѣйшаго понятія. Г. Суворинъ, понятно, немедленно воспользовался этими разоблаченіями и изложилъ ихъ въ своей газетѣ,—не говоря, впрочемъ, дали-ли ему на это разрѣшеніе знатные иностранцы или нѣтъ, при чемъ онъ настойчиво предупреждаетъ читателей, что отъ себя онъ не говоритъ ни одного слова, а только лишь повторять слова иностранцевъ, изъ чего можно заключить, что онъ и самъ

не особенно довѣряетъ имъ. Онъ такъ и пишетъ въ самомъ началѣ своего «маленькаго письма»: я постараюсь передать слышанное безъ всякихъ комментариевъ, оставляя сей послѣдній на размышленіе самихъ читателей. Затѣмъ, въ серединѣ письма онъ пишетъ: «я прошу читателя помнить, что я передаю чужія рѣчи или, вѣрнѣе, смыслъ чужихъ рѣчей». Наконецъ, въ самомъ концѣ письма, прощаясь съ читателемъ, онъ еще разъ его предупреждаетъ: «въ этомъ я не прибавилъ отъ себя ни слова». Изъ этихъ настойчивыхъ повтореній и выгораживаній себя ясно, какъ мы думаемъ, слѣдуетъ, что г. Суворинъ, не рѣшаясь взять на себя отвѣтственность за разоблаченія знатныхъ иностранцевъ, приписываетъ имъ, однако, какую-то особенную важность. Можетъ быть, впрочемъ, эти оговорки вызваны положеніемъ иностранцевъ. Правда, г. Суворинъ не говоритъ, что иностранцы, съ которыми онъ бесѣдовалъ о дѣлѣ Дрейфуса,—знатны, но это, по всяческой логикѣ слѣдуетъ заключить, потому что онъ не рѣшился назвать ихъ фамилій, изъ чего слѣдуетъ, что они путешествуютъ инкогнито. Все это, разумѣется, придаетъ особенную пикантность и даже важность ихъ сообщеніямъ. Посмотримъ, въ чемъ они заключаются.

«По справкамъ оказывается» (такъ обыкновенно начинаютъ свои рѣчи семинаристы), что разоблаченія господъ знатныхъ иностранцевъ—нѣчто весьма своеобразное и даже почти не слыханное,—покрайней мѣрѣ, по своей логической оригинальности. Выходитъ такъ, что въ дѣлѣ Дрейфуса обнаружилось борьба между лютеранствомъ, съ одной стороны, и католицизмомъ—съ другой; знатные иностранцы увѣряли г. Суворина, что лютеране всѣхъ національностей стоятъ за Дрейфуса и хотятъ его облить во что бы то ни стало, а противъ Дрейфуса ополчаются католики и страстно желаютъ его вторично погубить. Все это г. Суворинъ излагаетъ очень обстоятельно. Дѣломъ Дрейфуса,—говоритъ онъ, передавая слова иностранцевъ,—занимаются преимущественно и съ особенною горячностью лютеранскія и вообще протестанскія страны. Въ Швеціи и Норвегіи оно необыкновенно популярно. О немъ тамъ говорятъ едва ли не больше, чѣмъ во Франціи. Въ Парижѣ и во Франціи оно особенно близко сердцу тоже лютеранамъ. Всѣ главнѣйшіе защитники Дрейфуса лютеране (а Золя? а Лабори? тоже лютеране?) и, само собой разумѣется, франмасоны (почему—разумѣется?) Много защитниковъ онъ нашелъ среди профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Парижѣ (развѣ всѣ французскіе профессора—лютеране? напр. развѣ лютеранинъ Гастонъ Пари?). Ихъ называютъ «intellectuels» и большинство ихъ или франмасоны или лютеране. Но молодежь, среди которой масса католиковъ, за ними не идетъ. Такое странное явленіе, о которомъ мы до сихъ поръ ничего не знали, понятно, требуетъ объясненія. Почему именно лютеране являются защитниками Дрейфуса (который, какъ извѣстно, принадлежитъ къ католическому вѣроисповѣданію)? Этимъ вопросомъ задается и г. Суворинъ и,

со словъ своихъ собесѣдниковъ, отвѣчаетъ на него слѣдующимъ образомъ: лютеране ждутъ возрожденія Франціи отъ исчезновенія католицизма. Конечно, онъ потерялъ свой кредитъ, но папа все-таки признается, и масса вѣруетъ по-католически. Лютеранство не фанатично, разсудочно, смотритъ на религію скорѣе, какъ на мораль, чѣмъ на религію, и потому болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ современнаго прогресса. Христіанская мораль въ немъ практичнѣе и потому среди французскихъ лютеранъ христіанская религія и семейная добродѣтель сохраняются больше, чѣмъ у католиковъ. Переходъ отъ католичества къ безбожью и отрицанію всякой религіи совершается скорѣе, чѣмъ въ лютеранствѣ, въ основу котораго положенъ раціонализмъ. Черезъ лютеранство часто Франція сочувственно относится къ лютеранской Германіи и *дѣло Дрейфуса соединяетъ ихъ все больше и больше*. Если Франція падаетъ, то падаетъ благодаря католицизму, какъ подають всѣ католическія страны: Испанія, Италія, Австрія, тогда какъ протестанскія страны процвѣтають. Сдѣлавъ сообщеніе и, повидимому, усумнившись въ его справедливости, г. Суворинъ предупреждаетъ читателя, что онъ только передаетъ чужія рѣчи, не прибавляя отъ себя ни слова, и, конечно нельзя не сочувствовать этому скептицизму г. Суворина. Мы не беремся судить о томъ, дѣйствительно-ли всѣ защитники Дрейфуса—лютеране, но во всякомъ случаѣ, совершенно непонятно, какимъ образомъ дѣло Дрейфуса можетъ быть предлогомъ къ агитаціи противъ католицизма. По происхожденію Дрейфусъ—еврей, по вѣроисповѣданію—католикъ, при чемъ-же тутъ лютеране и католики? Лютеранство, говоритъ г. Суворинъ, беретъ Дрейфуса не какъ знамя, а какъ предлогъ къ агитаціи. «Къ судьбѣ Дрейфуса оно равнодушно, но путемъ агитаціи оно надѣется достигнуть цѣлей возрожденія и примиренія съ Германіей. Самые нападки на генераловъ, на армію со стороны приверженцевъ дѣла Дрейфуса служатъ звеньями между Франціей и Германіей. Конечно, еврейство направляетъ это движеніе своими капиталами, но не въ ту сторону, о которой думаютъ лютеране». Какія однако наивныя люди эти лютеране! ими пользуются еврейскіе банкиры для своихъ цѣлей, а они этого не замѣчаютъ! И опять таки, нельзя не спросить: какимъ образомъ эти наивные лютеране путемъ агитаціи въ пользу Дрейфуса надѣются достигнуть возрожденія Франціи и примиренія съ Германіей? И съ другой стороны: почему имъ такъ хочется возрожденія Франціи? По отношенію къ французскимъ лютеранамъ можно конечно отвѣтить: изъ чувствъ патріотизма, но какое дѣло до возрожденія Франціи всякимъ другимъ лютеранамъ и, вообще протестантамъ, напримѣръ, шведамъ и нѣмцамъ? Относительно нѣмцевъ, въ особенности нѣмцевъ—патріотовъ «своего отечества», т. е. протестантовъ, можно сказать что они-то менѣе всего желаютъ возрожденія Франціи и, напротивъ того, страстно желаютъ ея упадка, который обусловливается, по толкованію собесѣдниковъ г. Суворина, католицизмомъ. Выходитъ во

всякомъ случаѣ, нѣчто сумбурное и нелѣпое. И кромѣ того, почему это всѣ католическія страны: Франція, Испанія, Италія, Австрія, находятся въ упадкѣ, а протестанскія государства процвѣтаютъ? Можно-ли, положи руку на сердце, сказать, что Франція или Бельгія, или даже Италія находятся въ упадкѣ? Повидимому, собесѣдники г. Суворина очень плохо знакомы съ культурнымъ положеніемъ современной Европы. По увѣреніямъ г. Суворина, его собесѣдники—французы и нѣмцы. Относительно нѣмцевъ ослѣпленныхъ своимъ фатерландомъ, такое утвержденіе, пожалуй понятно, хотя и свидѣтельствуешь о крайней близорукости этихъ господъ, объ ихъ патріотическомъ пристрастіи; но что вы скажете о французахъ, которые bona fide увѣрены въ полномъ упадкѣ Франціи и французскаго народа и, поэтому, собираются лечить его, навязавъ ему лютеранство, отъ котораго они открепиваются еще со временъ Людовика XIV? Есть, конечно, всякіе французы, на такого француза рѣдко можно встрѣтить, и во всякомъ случаѣ онъ не можетъ надѣяться видѣть сочувствіе со стороны своихъ согражданъ.

Но этимъ не ограничиваются курьезы, которыми кормили г. Суворина путешествующіе инкогнито иностранцы. Странное и непостижимое дѣло! Во Франціи вотъ уже болѣе года, какъ дѣло Дрейфуса приводитъ въ недоумѣніе все населеніе, всѣ партіи, политическихъ дѣятелей, армію и даже дипломатію; никто не можетъ разобраться въ этомъ дѣлѣ и ежедневныя слухи и разоблаченія, появляющіяся сотнями во французскихъ газетахъ за и противъ Дрейфуса только запутываютъ это дѣло, представляющееся сфинксомъ, тайна котораго скрыта гдѣ-то въ подвалахъ генеральнаго штаба. А между тѣмъ, оказывается, что на божьемъ свѣтѣ живутъ какіе-то нѣмцы и французы, которые отлично знаютъ всю подноготную этого дѣла, развѣзжаютъ по Европѣ и специально появляются въ Петербургѣ, чтобы рассказать эту тайну г. Суворину! Они знаютъ рѣшительно все объ этомъ дѣлѣ, знаютъ даже то, чего не знаетъ кассационный судъ или что скрываютъ отъ него. На вопросъ г. Суворина: виновенъ ли Дрейфусъ въ измѣнѣ? Они, не моргнувъ глазомъ, отвѣчаютъ—виновенъ. Но въ чемъ собственно виновенъ? На это у нихъ нѣтъ опредѣленнаго отвѣта, но они прибавляютъ: не на столько однако онъ виновенъ, чтобы попасть на Чортовъ островъ. Вы видите, что имъ извѣстна вся тайна. Они знаютъ даже, какъ попался Дрейфусъ. По разсказу г. Суворина дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ: «Разъ Буадефрѣ говорилъ съ двумя генералами о подозрѣніяхъ противъ Дрейфуса. Вдругъ вошелъ Дрейфусъ съ докладомъ, и Буадефру мгновенно пришло въ голову воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы провѣрить подозрѣнія свои. Не перемѣняя тона, но перемѣнивъ тему разговора, онъ продолжалъ: «Мы пошлемъ Романи въ Италію и письма ему станемъ адресовать въ Миланъ и Флоренцію». Никакого офицера съ именемъ Романи онъ не зналъ, и назвалъ первое выдуманное имъ имя отъ слова Rome — такъ, какъ говорилось объ Италіи.

Вдругъ въ Антибѣ, на итальянской границѣ, нашли офицера Романи, который, гуляя, перешелъ на итальянскую территорію, какъ это бывало и прежде. Спросили его фамилію. Какъ только онъ назвалъ свое имя, его сейчасъ же арестовали и продержали въ итальянской тюрьмѣ пять мѣсяцевъ. Этотъ случай послужилъ однимъ изъ доказательствъ противъ Дрейфуса. Ларчикъ, какъ видитъ читатель, просто открывался. Если бы эти знатные иностранцы открыли эту тайну своевременно кассационному суду, то дѣло Дрейфуса было бы кончено уже давнымъ давно и объ немъ даже забыли бы. Но иностранцы сохранили про себя эту тайну и привезли ее только теперь въ Петербургъ, чтобы подѣлиться ею съ г. Суворинымъ.

На вопросъ г. Суворина: существуетъ ли *le dossier secret*? иностранцы не обинуясь отвѣчаютъ—существуетъ; но какъ они знаютъ о существованіи этого *dossier*, не спрашивайте ихъ—они не отвѣтятъ вамъ; за то прибавляютъ кое-какія подробности: «Несомнѣнно, тайная французская полиція «работала» въ квартирѣ военнаго германскаго агента и похитила многіе документы большой важности. Такъ какъ эти документы похищены такимъ экстраординарнымъ образомъ и вслѣдствіе приказа правительства, то естественно, что объ нихъ невозможно говорить официально и невозможно даже представить членамъ кассационной палаты. На основаніи этихъ документовъ, всѣ военные министры и убѣждены въ виновности Дрейфуса». Все это прекрасно, но если дѣйствительно это—такая тайна, которую нельзя открыть даже кассационной палатѣ, то какимъ образомъ о ней знаютъ какіе-то анонимные иностранцы, и не только знаютъ, но и передаютъ ее г. Суворину, который распространяется о ней въ «Новомъ Времени», въ то время какъ во Франціи всѣ ломаютъ себѣ голову и не знаютъ, что думать объ этомъ загадочномъ дѣлѣ!

Вообще иностранцы г. Суворина знаютъ рѣшительно все, даже то, чего никто не знаетъ. Г. Суворинъ, напримѣръ, полюбопытствовалъ узнать, что такое Пикаръ? Иностранцы немедленно отвѣчаютъ: «Человѣкъ умный и талантливый, но прирожденный сыщикъ. Это умъ подозрительный и наблюдательный. Его знакомые говорятъ о немъ, что разъ онъ поговорилъ съ кѣмъ-нибудь полчаса, у него сейчасъ же возникаетъ *dossier*. Онъ набрасываетъ себѣ характеръ этого лица и намѣчаетъ его отношенія къ лицамъ и партіямъ. Односторонняя фантазія его работаетъ неудержимо и вездѣ онъ видитъ интриги. Онъ въ существѣ дѣла и внесъ въ генеральный штабъ усиленную систему шпионства. Прессансъ, одинъ изъ буржуазныхъ сотрудниковъ «Temps», теперь горячій агитаторъ въ пользу Дрейфуса, издалъ книгу, въ которой привелъ письмо Пикара къ генералу Гонзу. Въ этомъ письмѣ Пикаръ говоритъ, что Эстергази измѣнникъ и что самое лучшее средство изобличить его—это написать ему письмо отъ имени германскаго военнаго агента такого-то содержанія, т. е. поддѣлать это письмо. Пресловутое «*petit bleu*» сходно съ содержаніемъ того письма,

которое совѣтоваль написать Пикарь. Такимъ образомъ, эта тайна Пикара, которую не можеть раскрыть ни военный судъ, ни кассационная палата, оказывается, извѣстна анонимнымъ иностранцамъ и цѣликомъ напечатана въ «Новомъ Времени». Будемъ надѣяться, что когда во Франціи познакомятся съ содержаніемъ «маленькаго письма» г. Суворина, то дѣло Дрейфуса и Пикара разрѣшится само собой безъ малѣйшихъ затрудненій.

Отъ маленькаго письма г. Суворина перейдемъ къ большому письму г. Медвѣдскаго. Вы, конечно, не знаете, кто такой г. Медвѣдскій, и какое отношеніе имѣеть этотъ господинъ къ русской литературѣ и русской журналистикѣ? Къ счастью, мы можемъ удовлетворить отчасти ваше любопытство. Г. Медвѣдскій, подъ псевдонимомъ Говорова, въ прежнее время писалъ критическія замѣтки въ какой-то петербургской газеткѣ о «лилипутахъ поэзіи». Въ то время, онъ былъ чистокровнымъ эстетомъ, и полагалъ, что удивляетъ міръ своими эстетическими открытіями. Затѣмъ, онъ въ одно прекрасное утро превратился въ крайняго и краснаго либерала и въ этомъ направленіи писалъ статьи въ «Наблюдателѣ» и еще, кажется, кое-гдѣ. Наконецъ, года два или три тому назадъ, съ нимъ совершилась новая метаморфоза: онъ сдѣлался непримиримымъ консерваторомъ, перешелъ въ «Русскій Вѣстникъ» и на страницахъ этого журнала, если не ошибаюсь, покался чистосердечно въ своихъ прежнихъ прегрѣшеніяхъ. Помнится, тогда именно, сказалъ о немъ нѣсколько правдивыхъ словъ г. Михайловскій въ «Русскомъ Богатствѣ», а г. Буренинъ дополнилъ его характеристику въ «Новомъ Времени». Послѣ этихъ характеристикъ, которые попали не въ бровь, а прямо въ глазъ, г. Медвѣдскому оставалось только переключать въ Москву и устроиться въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» г. Грингмута. Онъ такъ и сдѣлалъ. Г. Грингмутъ принялъ его повидимому, съ раскрытыми объятіями, сдѣлалъ его членомъ редакціи, поручилъ ему писать передовыя статьи, различные «маленькіе фельетоны» на всякіе темы, замѣтки по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, а кромѣ того отдалъ въ его веденіе критическій отдѣлъ газеты. Однимъ словомъ, г. Медвѣдскій оказался малымъ на всѣ руки. Но эта трогательная entente cordiale между редакторомъ и сотрудникомъ существовала не долго. Возникли какіе-то недоразумѣнія и (сообщаетъ г. Медвѣдскій) «по мѣрѣ того, какъ во мнѣ созрѣвало сознаніе невозможности работать далѣе въ тѣхъ нравственныхъ условіяхъ, которыя создалъ для своихъ сотрудниковъ г. Грингмутъ, я постепенно сокращалъ долю моего участія въ газетѣ и вскорѣ окончательнo распрощался съ нею». Въ настоящую минуту, г. Медвѣдскій напечаталъ письмо въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ которомъ излагаетъ причины своего разногласія съ г. Грингмутомъ. Но вы, можеть быть, спросите: какое дѣло русскому читателю до разногласій

какого-то г. Медвѣдскаго съ какимъ-то г. Грингмутомъ? На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ скромно, но опредѣленно: «Въ настоящемъ письмѣ мнѣ бы хотѣлось точно выяснитъ причины моего ухода изъ «Московскихъ Вѣдомостей». Если бы эти причины были интимнаго свойства, если бы я имѣлъ въ виду жаловаться на несправедливое отношеніе г. Грингмута лично ко мнѣ, разбираться въ сплетняхъ и интригахъ,—я никогда не позволилъ бы себѣ обратиться къ печати. Ни личность, г. Грингмута, ни моя личность здѣсь не при чемъ. Я буду говорить только о предметахъ общественнаго значенія, основываясь на матеріалѣ, доступномъ провѣркѣ cadaго интересующагося,—на статьяхъ «Московскихъ Вѣдомостей» подъ редакціей В. А. Грингмута». Такимъ образомъ, г. Медвѣдскій вознамѣрился написать характеристику г. Грингмута, какъ редактора, писателя и общественнаго дѣятеля. Эта характеристика очень любопытна, если, конечно, мы будемъ вѣрить на слово г. Медвѣдскому. Но понятно, бесѣдуя съ читателями о г. Грингмутѣ, г. Медвѣдскій раскрываетъ и себя и, такимъ образомъ, не замѣчая этого, даетъ характеристику и самого себя. Вслѣдствіе этого получились двѣ характеристики, одна любопытнѣе другой, весьма поучительныя для нашего времени.

Начнемъ съ характеристики г. Медвѣдскаго, какъ она выступаетъ въ его письмѣ. Говорятъ, что «le style c'est l'homme». Поговорка эта оправдывается «стилемъ» г. Медвѣдскаго. Его стиль своеобразный и, отчасти, обнаруживаетъ его умственный строй и его нравственное существо. Онъ напримѣръ очень много говоритъ объ искренности убѣжденій, повидимому, совершенно забывъ, что онъ мнѣялъ эти убѣжденія какъ перчатки, и что вслѣдствіе этого его «искренности» повѣрить довольно трудно. Затѣмъ онъ говоритъ о «злободневныхъ» вопросахъ, о «консервативномъ міросозерцаніи», о томъ, что *русская* точка зрѣнія—одна лишь совпадаетъ съ интересами русскаго населенія; онъ негодуетъ на г. Грингмута за то, что однажды онъ «предложилъ на разрѣшеніе правительства вопросъ: за кого оно:—за дворянъ или за крестьянъ?» и тутъ-же прибавляетъ: «само собою, что ни одинъ *искренній* консерваторъ *органически* неспособенъ предложить подобный нелѣпый вопросъ». Предупреждаю: я не рекомендую эту мысль вниманію читателя, а лишь обращаю вниманіе на стиль г. Медвѣдскаго. Признаюсь, мнѣ что-то не вдомекъ, какъ *органически* можно быть неспособнымъ предложить какой-нибудь, хотя-бы и нелѣпый вопросъ? и почему именно искренній консерваторъ не способенъ этого сдѣлать? Въ нѣкоторое недоумѣніе приводитъ меня также выраженіе: «консервативное міросозерцаніе», непонятно, какъ можно «консервативно» или «либерально» созерцать міръ, который, какъ извѣстно, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія ни къ консерватизму, ни къ либерализму. Затѣмъ, я не понимаю, какъ могъ г. Грингмутъ надѣяться «объединить» русскихъ людей въ своей газетѣ? Въ концѣ концовъ, рассказавъ всѣ газетныя преступленія г. Гринг-

мута, возмущившись противъ нихъ во имя какихъ-то, никому невѣдомыхъ «русскихъ началъ», г. Медвѣдскій прибавляетъ: «Можетъ быть, все это такъ г. Грингмуту и приличествуетъ. *Но я изнемогъ.* Не осталось у меня больше силъ дышать отравленнымъ воздухомъ, и я ушелъ». Выходъ, по истинѣ, драматическій, свидѣтельствующій о необычайной чуткости и, такъ сказать, деликатности искренняго, консервативнаго міросозерцанія г. Медвѣдскаго. Съ такимъ-же драматическимъ пафосомъ, обыкновенно, покидають сценическіе подмостки актеръ, изображавшій втеченіе цѣлаго вечера несчастнаго, гонимаго, но великодушнаго героя, хоть за день передъ тѣмъ, этотъ-же актеръ изображалъ трагическаго злодѣя, который уходитъ со сцены съ раскаяніемъ въ сердцѣ.

Теперь посмотримъ, какъ этотъ актеръ характеризуетъ своего товарища по сценѣ,—г. Грингмута. Г. Медвѣдскій написалъ противъ него настоящій обвинительный актъ, сгруппировавъ факты весьма тщательно, дополнилъ ихъ собственными соображеніями и далъ, такимъ образомъ, полную и всестороннюю характеристику редактора «Московскихъ Вѣдомостей». Она, какъ я уже сказалъ, очень любопытна, но довѣрять ей можно лишь на столько, на сколько можно довѣрять самому г. Медвѣдскому. т. е. съ большими оговорками.

По словамъ г. Медвѣдскаго, когда г. Грингмутъ получилъ «Московскія Вѣдомости» передъ нимъ открылось широкое поле дѣятельности и не менѣе широкая возможность показать на множествѣ частныхъ «злободневныхъ» вопросовъ выдержанность своихъ убѣжденій, разносторонность своего «консервативнаго міросозерцанія» и политическую проницательность. Но всѣ эти надежды не осуществились. Г. Грингмутъ не обнаружилъ ни тонкой политической проницательности, ни твердости своихъ убѣжденій. При этомъ г. Медвѣдскій прибавляетъ: «отношеніе, которое установилъ къ нимъ (т. е. окраиннымъ вопросамъ) покойный М. Н. Катковъ и которому строго слѣдовалъ С. А. Петровскій, находитъ себѣ полное оправданіе уже въ томъ, что большинство русской печати придерживается противоположныхъ взглядовъ. Слѣдовательно, противовѣсъ необходимъ. Но и кромѣ противовѣса точка зрѣнія Каткова на окраинные вопросы имѣетъ глубокий смыслъ. Это *русская* точка зрѣнія—если хотите эгонистическая,—однако, точно совпадающая съ интересами русскаго населенія. Все сводится лишь къ тому, на сколько обстоятельства даннаго времени вѣрно понимаются и правильно истолковываются людьми, придерживающимися *русской* точки зрѣнія. Положимъ, сорокъ лѣтъ назадъ въ интересахъ Россіи—было то-то и то-то. Ну, а теперь, сорокъ лѣтъ спустя? На такой вопросъ можно удовлетворительно отвѣтить только тогда, когда, оставаясь вѣрнымъ русской точкѣ зрѣнія, мы, въ то же время, добросовѣстно относимся къ дѣйствительности и обоснуемъ свое мнѣніе на фактахъ,—нужныхъ, серьезныхъ, тщательно проверенныхъ. Въ противномъ случаѣ намъ гро-

зять страшное заблужденіе: мы станемъ, во имя русскихъ интересовъ, домогаться того, что имъ безусловно не отвѣчаетъ, и отвергать то, что для насъ полезно и спасительно. Кричать о русскихъ интересахъ еще не значить служить имъ!» Но г. Грингмутъ не искренно убѣжденный публицистъ, какъ г. Медвѣдскій, а потому онъ и не послѣдовалъ этому мудрому оппортунизму, а просто слѣпо подражалъ Каткову, забывъ о томъ, что то— что писалъ Катковъ въ свое время, совершенно ненужно теперь. Отсюда разумѣется, возникъ цѣлый рядъ нелѣпостей, которыя, возмущаютъ г. Медвѣдскаго.

Заканчивая это письмо, г. Медвѣдскій прибавляетъ: «Это—не единичные факты, не случайные курьезы, не мимолетные эпизоды. Это—руководящія основы газеты, яркое отраженіе того, что называется ея міросозерцаніемъ. Какимъ-же, спрашивается, міросозерцаніемъ нужно обладать, что-бы сѣять сословную и племенную рознь, игнорировать кровныя нужды русскаго народа, сочинять форменныя «доношенія», служить посмѣшищемъ въ глазахъ противниковъ?» Очевидно, нужно обладать довольно растяжимымъ «міросозерцаніемъ». Вслѣдствіе этого г. Медвѣдскій и пришелъ къ убѣжденію, что «людямъ, мало-мальски убѣжденнымъ, мало-мальски дорожающимъ успѣхомъ русскаго дѣла и жаждущимъ изучать, освѣтить его возможно разностороннѣе, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» больше не мѣсто». А такъ какъ г. Медвѣдскій принадлежитъ именно къ такимъ людямъ, то онъ и предпочелъ, не говоря дурного слова, убраться изъ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» по добру, по здорову.

Въ заключеніе, повторимъ слова «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» въ примѣчаніи къ этому письму. Слова эти относятся, какъ кажется, одинаково какъ къ г. Грингмуту, такъ и къ г. Медвѣдскому: «Боже избави насъ отъ друзей, а съ врагами мы и сами справимся», при чемъ, понятно, консервативный органъ князя Э. Э. Ухтомскаго подъ этими друзьями понимаетъ такихъ консерваторовъ, какъ гг. Медвѣдскій и Грингмутъ.

Изъ литературы и жизни.

ЗАБЫТЫЙ ПОЭТЪ.

«Кто будетъ читать меня?» съ горькимъ чувствомъ спрашивалъ себя двадцать вѣковъ тому назадъ въ своемъ уединеніи молодой поэтъ, изливая въ скромныхъ стихахъ негодованіе противъ современнаго ему развращеннаго общества и рисуя свои завѣтные идеалы. «*Quis leget haec?*» Кто станетъ читать это?—ставить эпиграфомъ къ своему, созданному многолѣтнимъ трудомъ изданію ватиръ Персія одинъ изъ его наиболѣе почтенныхъ изслѣдователей.

А между тѣмъ въ личности Персія и въ его немногочисленныхъ произведеніяхъ есть, по общему признанію, много хорошаго, и очень жаль, что этотъ симпатичный поэтъ не находитъ себѣ читателей въ школахъ и обществахъ.

По словамъ современнаго ему біографа, Авлъ Персій Флаккъ родился 4 декабря 34 года по Р. Х.—въ этрусскомъ городѣ Волатеррахъ отъ богатыхъ и благородныхъ родителей. Отецъ Персія умеръ, когда мальчику было только шесть лѣтъ. До двѣнадцати лѣтъ Персій прожилъ на родинѣ исключительно въ женскомъ обществѣ и подъ женскимъ вліяніемъ, воспитываясь съ сестрой подъ руководствомъ нѣжно-любившихъ его матери и тетки. Затѣмъ мальчика привезли учиться въ Римъ у лучшихъ грамматиковъ и риторовъ. Въ 16 лѣтъ Персій по старинному обычаю снялъ съ себя отъ роцескую тогу.

Получивъ, такимъ образомъ, «аттестатъ зрѣлости», юноша не почилъ на лаврахъ формальнаго образованія, не соблазнился обычной веселой жизнью своихъ сверстниковъ: онъ искалъ образованія въ высшемъ смыслѣ этого слова,—отъ грамматики и риторики онъ обратился къ философіи и съ жаромъ принялся читать и слушать стоиковъ. Стоицизмъ тогда, выйдя изъ узкой школьно-теоретической сферы, явился необходимымъ противовѣсомъ и рѣзкимъ протестомъ противъ утопавшаго въ безумномъ разгулѣ Неронова общества. Въ небольшомъ кружкѣ наиболѣе благородныхъ сторонниковъ

этой философіи, въ который вступилъ Персій, стоическія убѣжденія не были пустымъ словомъ, не были только изощреніемъ и упражненіемъ ума,—искренность ихъ была запечатлѣна высокими примѣрами твердо перенесенныхъ страданій и геройской смерти за правоту мысли и чувства. Члены кружка были связаны узами родства и тѣсной дружбы. Самую нѣжную и благоговѣйную привязанность питалъ Персій къ своему другу и наставнику стоику Луцію Аннію Корнуту, а тотъ любилъ поэта, какъ родного сына. Персій приходился родственникомъ знаменитой Арріи, которая, показывая своему мужу, какъ надо умирать, пронзила себѣ грудь кинжаломъ и подала его мужу, Цецину Пету, со словамъ: «*Paete, non dolet*»—Не больно, Петъ!..

Если въ Сенека въ своей чуткой душѣ подмѣчалъ неискренность стоическихъ убѣжденій, то родственникъ Персія, знаменитый Тразея Петъ, котораго Тацитъ считаетъ идеаломъ человѣка, глубоко укоренилъ ихъ въ своемъ молодомъ слушателѣ. Своею жизнью и особенно полной достоинства и мужества смертью за правоту убѣжденій и нежеланіе лстать тирану, Тразея, много напоминающій Сократа, оставилъ въ душѣ нашего поэта неизгладимое впечатлѣніе. На всю жизнь остались въ его памяти тѣ слова этой жертвы клеветовъ Нерона и его деспотизма, съ которыми онъ, открывъ себѣ вены и покротивъ кровью полъ въ честь Юпитера-Избавителя, спокойно обратился къ квестору: «Смотри на меня, молодой человѣкъ,—ты родился въ такое время, когда надо укрѣплять духъ примѣрами твердости!».

Такое общество, въ которомъ вращался Персій и которое состояло изъ лучшихъ людей его времени, воспитало въ душѣ поэта стоическій идеалъ, заставившій его отнестись отрицательно къ окружавшей его дѣйствительности. Этимъ только и объясняется то обстоятельство, что Персій, несмотря на мягкость своего характера и малое знакомство съ жизнью, сталъ писать сатиры. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы, подобно Ювеналу, громить въ сатирахъ современное общество за его пороки, яркими красками изображать картины этихъ пороковъ, надо было близко знать общество и его жизнь, надо было даже самому окунуться въ мутный омутъ тогдашней жизни. Но для этого молодой поэтъ былъ слишкомъ чистъ и невиненъ—*fruit morum lenissimorum, vercundiae virginalis*. Вотъ почему онъ меньше рисуетъ дѣйствительность, чѣмъ облакаетъ въ стихотворную форму свои стоическіе идеалы на поученіе современникамъ. Но талантъ и искреннее чувство поэта преодолѣли всѣ затрудненія, и по его шести сатирамъ мы можемъ нарисовать небольшую, но цѣльную картину общества, которое бичуетъ Персій, и составить себѣ понятіе объ идеалахъ поэта.

То обстоятельство, что поэтъ не соприкасался непосредственно со всѣми мелочными проявленіями пороковъ современной ему эпохи, а чаще только слышалъ рассказы о нихъ и общее ихъ осужденіе, имѣло ту выгодную сторону, что Персій, рисуя общія, какъ бы отвлеченныя картины поро-

ковъ, и противопоставляя имъ свои свѣтлыя побужденія, придавъ своимъ произведеніямъ болѣе общечеловѣческій, чѣмъ частный римскій характеръ. Поэтому, если сатиры Ювенала дороже историку своей правдивостью въ изображеніи современной жизни и обиліемъ фактовъ, то сатиры Персія доставляютъ несравненно больше удовольствія моралисту, какъ пригодныя для всякаго времени.

Пользуясь лекціями профессоровъ И. В. Помяловскаго и В. И. Модестова, а также изслѣдованіемъ Н. М. Благовѣщенскаго и латинскимъ текстомъ С. Ф. Негмапп'а, мы попытаемся, при краткомъ очеркѣ произведеній Персія представить себѣ свѣтлую личность поэта и характеръ жизненной обстановки, въ которой онъ выросъ и жилъ.

Вотъ въ колыбели избалованный, капризный римскій барчонокъ, который унаслѣдовалъ отъ своихъ родителей все, что порокъ можетъ придать тѣлу, и котораго окружающіе стараются еще болѣе испортить съ первыхъ дней, кто чѣмъ можетъ. Вотъ бабушка или богобоязненная, но суевѣрная тетюшка вынимаетъ младенца изъ колыбели и сначала, для отвода дурнаго глаза, водитъ среднимъ пальцемъ надъ его лобикомъ, мажетъ его заговоренной слюной, а потомъ пѣсуетъ его на рукахъ и ворожитъ ему, съ наивной молитвой Юпитеру:

Женишься на царевнѣ и гдѣ только ступишь своей ножкой, тамъ тотчасъ вырастутъ розы ¹⁾.

— А я не позволю своей нянькѣ такихъ молитвъ, замѣчаетъ авторъ: откажи ей, Юпитеръ, какъ бы горячо она тебѣ ни молилась.

Свѣтлый умъ, добрую славу, горячую вѣру и честь, (*mens bona, fama-fides*)—вотъ чего проситъ онъ у неба.

Но вотъ мальчикъ выросъ, къ нему приставлены гувернеры, онъ учится. Въ III сатирѣ поэтъ рисуетъ намъ такую сцену:

Близкое къ полудню солнце проникаетъ своими лучами сквозь щели ставней въ комнату богатаго недоросля, а онъ еще храпитъ и никакъ не можетъ очнуться съ похмѣлья, послѣ вчерашней попойки. «Скотъ уже гонять домой на полдень» робко заявляетъ ему гувернеръ.—«Быть не можетъ, не правда! кричитъ тотъ, подымаясь съ постели. Эй! Кто тамъ—мыться!». Да что же это никого нѣтъ?». И вотъ закипаетъ мутная желчь, вставши, какъ говорится, лѣвой ногой, онъ начинаетъ рвать и метать, что ни попало, злится на слугъ, на родныхъ, на своихъ загнанныхъ гувернеровъ. «Подумаешь, замѣчаетъ авторъ, что реветъ цѣлое стадо аркадскихъ ословъ».

Но вотъ «мальчику» даютъ въ руки книгу, пергаментъ и перо. Тутъ начинаются капризные жалобы, что густыя чернила даютъ кляксы, а когда

¹⁾ Сатира II. 37—8.

подольють воды, то они, будто бы, становятся слишкомъ жидкими, что съ пера каплетъ на бумагу и что такимъ перомъ совсѣмъ нельзя писать.

«О, несчастный! восклицаетъ авторъ: ужъ не хочишь ли ты, чтобы тебѣ, какъ нѣжному голубку, разжевывали кашку, чтобы приставили къ тебѣ няньку убаюкивать тебя и совать въ ротъ соску, когда ты закапризничаешь?.. Ты теперь влажная, мягкая глина, теперь то и торопись сдѣлать изъ себя что-нибудь дѣльное на быстромъ гончарномъ колесѣ жизни.

«Но тебѣ незачѣмъ учиться, говоришь ты; вѣдь ты въ своей этрусской радословной представляешь тысячную вѣтвь, вѣдь цензоръ тебѣ близкій родственникъ, вѣдь у тебя есть порядочная вотчина и ты можешь приносить хорошія жертвы Юпитеру. Но развѣ этого достаточно? Все это блестящи для пустой толпы, а я прекрасно вижу тебя насквозь, и внутри и снаружи».

Вотъ ученика заставляютъ декламировать слова умирающаго Катона; отецъ съ гостями пришелъ послушать, порадоваться на сынка и похвастаться имъ. Но тотъ обманываетъ своего ненавистнаго наставника, натираетъ глаза оливковымъ масломъ и говоритъ, что глаза болятъ, что онъ не можетъ видѣть,—а у самого одна мысль, какъ бы улизнуть скорѣе на улицу, сразиться въ кости и сорвать побольше кушъ на счастливую шестерку; или издала попадать камнемъ въ узкое горлышко кувшина или погонять волчокъ плетью... А то пойти пошляться на «Сабурѣ», мимо кабаковъ и грязныхъ притоновъ.

«Есть ли у тебя какая-нибудь цѣль въ жизни? спрашиваетъ авторъ. Куда направляешь ты свой жизненный лукъ? — *Est aliquid, quo tendis, et in quod dirigis arcem?* Или ты беззаботно живешь изо дня въ день, не безпокоясь о томъ, куда несутъ тебя ноги, словно гоняешься туда и сюда за бородами съ черепками и грязью?»

Совсѣмъ не такъ воспитывался самъ поэтъ,—и вотъ какое воспитаніе проповѣдуетъ онъ. Въ противоположность напыщеннымъ риторамъ, пишетъ онъ своему уважаемому наставнику Корнуту, ты не молодежь мнѣ хриплымъ и глухимъ голосомъ всякаго риторическаго хламу и какихъ-то невѣдомыхъ мнѣ высокопарныхъ нелѣпостей. Ты въ простой мирной бесѣдѣ отучалъ меня отъ всего дурного. И теперь въ письмѣ моемъ къ тебѣ не о томъ забочусь я, чтобы мои страницы надувались отъ напыщеннаго вздора, не стараюсь я придать вѣса дыму... Мы съ тобой говоримъ наединѣ, я открываю тебѣ мое сердце: мнѣ пріятно высказать тебѣ, дорогой другъ, какъ глубоко заполнить ты мою душу. Испытуй ее ты, столь опытный въ офѣнкѣ того, какой сосудъ издаетъ прочный звукъ и какой дребезжитъ отъ трещины. Помню, какъ еще робкимъ отрокомъ отдавался я твоему доброму руководству, когда впервые была снята съ меня охранительная претекста—моя ученическая форма, когда мои наставники сдѣлались ко мнѣ снисходительнѣе и бѣлая тога взрослого позволяла уже мнѣ безнака-

занно бросать взоры туда, куда бросаютъ ихъ только взрослые. Въ ту пору, когда жизненный путь человѣка еще не опредѣлился, и сомнѣнія, волюдствіе незнанія жизни, приводятъ нетвердый умъ къ широкому разпутью, ты, Корнута, принялъ мои нѣжные годы на твое Сократово лоно, а наука неощутимо, но твердо исправила то, что во мнѣ было извращено. И вотъ духъ мой смиряется предъ твоею мудростью, не возражаетъ тебѣ, не противится, но старается быть побѣжденнымъ тобою и въ твоихъ искусныхъ рукахъ принять художественный образъ. Помню я, какъ коротали мы съ тобою длинные дни и вечера, до утомленія просиживая надъ хартіями, какъ оба мы одинаково распредѣляли время занятій и отдыха, какъ серьезный трудъ прерывали скромной трапезой. Ты, Корнута, охотно, до блѣдности трудишься по ночамъ надъ хартіями и, какъ насадитель науки среди юношества, засѣдаешь его подготовленный къ ученію слухъ плодами стоика Клеанта. Отсюда, юноши и старцы, берите твердую цѣль для стремленій вашей души и путевой запасъ для вашихъ жалкихъ сѣдинъ.

Но вотъ всякое ученіе кончено, — и молодой римлянинъ вступаетъ въ исполнѣ самостоятельную жизнь и свободно отдается своимъ стремленіямъ. Здѣсь у Персія начинается цѣлый рядъ параллелей, рядъ «свѣтотѣней». Немногими, но яркими штрихами очерчиваетъ онъ тонко подмѣченные изъ окружающей обстановки типы и по адресу каждого успѣваетъ сдѣлать удачное замѣчаніе, больно уколотъ тонкой ироніей, высказать красивый и остроумный афоризмъ. Какъ въ калейдоскопѣ проходятъ мимо читателя представители всѣхъ сословій и профессій, и на всѣхъ лежитъ печать разразы, всѣ они служатъ одному господину — мамонѣ.

Тысячи людей, говоритъ авторъ, и всякій живетъ по своему: у каждаго своя воля и свои желанія. *Velle sum cuique est.* Одинъ, угрожая своему избалованному и извращенному чреву, рыщетъ по свѣту, другой предпочитаетъ сидѣть дома, бездѣльничать, ѣсть, пить и спать послѣ обильныхъ обѣдовъ съ возліаніемъ до того, что «нервы у него заростають толстымъ слоемъ жира». Этотъ отдался наживѣ, продалъ душу корысти, божится, обманываетъ, продаетъ людей въ рабство; тотъ проматываетъ свое состояніе въ азартной игрѣ. Одною прельщаетъ разгульная военная карьера, другой весь сгнилъ отъ сластолюбія и золотымъ поясомъ тѣтено прикрываетъ подъ ребрами тайную рану. А когда преждевременное истощеніе начнетъ хитрой ломать ихъ суставы, словно вѣтви стараго сухого бука, тогда поздно вздыхають они о томъ, что дни ихъ прошли въ какой-то затхлой духотѣ, что жили они точно въ смрадномъ болотѣ и что ничего уже у нихъ нѣтъ впереди свѣтлаго...

Вотъ скряга — римскій Плюшкинъ, — который ради денегъ переноситъ всякія лишения, который жадно скребетъ и тащитъ домой смолу съ виннаго боченка и пьетъ вино только тогда, когда оно обратится въ дрожжи, —

и вотъ, съ другой стороны, мотъ, «юнецъ съ широкой натурой», который проѣдаетъ цѣлое состояніе, или честолюбивый угодникъ балованной черни, который изводитъ всѣ деньги на игры и зрѣлища, лишь бы о немъ звонили повсюду, и отказываетъ въ грошѣ истинному бѣднику.

Вотъ взяточникъ-адвокатъ. Вотъ ученый, для котораго весь интерес *знанія* состоитъ только въ томъ, чтобы другіе *знали*, что онъ что-то *знаетъ*.

Вотъ литераторъ, которыхъ такъ много развелось въ ту пору въ Римѣ, которые лѣпятъ одну чудовищно-напыщенную поэмку за другой, забывая всѣ требованія искусства и литературныя приличія въ угоду похотливой модѣ. И когда ты видишь, замѣчаетъ авторъ, что сами близорукіе отцы потокають въ этомъ своимъ дѣтямъ, то невольно спрашиваешь, откуда зашло въ нашу рѣчь это пустозвонство, это безобразіе, это злоупотребленіе словомъ и искусство приводить слушателей во время застольныхъ литературныхъ чтеній въ игривый, но недостаточно высокій восторгъ.

Свой маленькій сатирическій *смѣхъ*,—«*huc ridere meum*»,—которому Персій слишкомъ мало предвидитъ читателей и слушателей, онъ ни за что не примѣняетъ на какую-нибудь трескучую пародію Иліады, или на слащавую поэмку, встрѣчаемую лестнымъ вниманіемъ общества.

Не скреби ѣдкой правдой нѣжныхъ ушей, предостерегаютъ поэта: смотри, какъ-бы не закрылись передъ тобой двери знати. Хорошо, отвѣчаетъ поэтъ, я уйду, я не буду надоедать вамъ, я, какъ рабъ царя Мидаса, подмѣтившій у своего повелителя ослиныя уши и самъ не знавшій, куда дѣться съ такимъ опаснымъ открытіемъ, я прошепчу тихонько свою тайну въ ямку и покрою ее землей. Я повѣдаю свои думы тебѣ, моя завѣтная книжечка, я спрячу въ тебя все, что подмѣтилъ я тайнаго и порочнаго вокругъ себя.

Поэтъ вѣрилъ, что рано или поздно правда его увидитъ свѣтъ Божій, какъ въ приведенномъ мнѣ изъ ямки раба выросъ тростникъ и, колеблемый вѣтромъ, шелеститъ вѣчно «*Auriculas asini Mida rex habet—у царя Мидаса ослиныя уши!*»..

Жрецы, вольноотпущенники, ханжи, купцы, чиновники—всѣ даютъ автору поводъ высказать свой взглядъ на тѣ или другія добродѣтели и пороки.

О суета людская, восклицаетъ онъ, о страшная пустота жизни! Какъ мало каждый старается познать самого себя. какъ много вслѣдствіе этого у насъ самонадѣянности, гордости, самомнѣнія, какъ мало истинной скромности. Какъ будто умъ и опытность являются раньше бороды!

Никто не хочетъ заглянуть въ себя поглубже, всякій старается запустить глазъ въ сумку того, кто идетъ впереди. Не ищи ты себя внѣ себя. Скинь съ себя все, что не твое, отбрось все, что ты изъ лести при-

писываешь себѣ, погляди на себя,—и ты увидишь, какъ бѣдно, ничтожно все твое духовное достояніе:

День ото дня быстрѣе и глубже погружаемся мы въ тину бездны житейской, и все откладываемъ наше исправленіе на завтра. А завтра опять тоже. Съ каждымъ днемъ отъ насъ безвозвратно убѣгаетъ «вчерапнее завтра»—и ты не поймашь его, какъ заднее колесо повозки не можетъ догнать передняго, какъ оно ни близко, и съ каждымъ своимъ оборотомъ ровно на оборотъ удаляетъ его отъ себя!

Гдѣ же наша сила воли, гдѣ свобода? и не уподобляемся ли мы тому не стоящему трехъ грошей конюху, который кралъ хозяйскій овесъ, который неизлѣчимо зараженъ всей низостью холопства, но вдругъ, перевернутый хозяиномъ, отпущенный имъ на волю, онъ въ одно мгновеніе дѣлается, будто-бы, *честнымъ*, *полноправнымъ гражданиномъ*. Но почему же ты отказываешься вѣрить мнѣ свои деньги за поручительствомъ этого «гражданина»?

Ты считаешь свободнымъ того, кто можетъ жить, какъ хочетъ, какъ ему угодно. Но развѣ мы живемъ такъ? Пусть нѣтъ хозяина надъ нами, но вѣдь у насъ въ душѣ еще болѣе жестокіе влители—страсти. Лѣнь тянетъ тебя къ бездѣйствію, а привычка къ роскоши заставляетъ раздобывать деньги, и эти двое щипцовъ рвутъ тебя въ разныя стороны. И если ты вырвешься изъ однихъ, то попадешь въ другія. Тебѣ хочется отдать деньги въ ростъ за хорошій процентъ, и въ то же время страсти говорятъ: чего ради? Дай лучше себѣ волю! лови моментъ наслажденій, пользуйся жизнью;—умрешь,—все останется; часы бѣгутъ, время не ждетъ!

Только стойкъ, побѣдившій въ себѣ страсти, только онъ, овладѣвшій истиной и избавившійся отъ цѣпей невѣжества и лжи,—можетъ считаться мудрымъ и свободнымъ. Толпа же похожа на дворовую собаку, у которой одна петля на шеѣ, другая въ кольцѣ,—она отгрызла узелъ, бѣжитъ и думаетъ, что свободна, но горло у ней сдавлено ошейникомъ и по землѣ волочится веревка.

Обманъ, ложь, фальшь царятъ въ отношеніяхъ людей къ самимъ себѣ и къ окружающимъ. Чего же ждать отъ нихъ для Бога? Въ продажной молитвѣ просятъ они того, что можно сказать богамъ только на ухо, отведя ихъ въ сторону. «Умъ ясный, добрую славу, честь»—вотъ о чемъ просятъ они громко и такъ, чтобы слышалъ сосѣдъ,—и въ то же время про себя думаютъ: «ахъ, если-бы умеръ богатый дядя, — ужъ такъ и быть, закатилъ бы ему похороны на славу. Или: какъ бы мнѣ найти кладъ или, обобравши, сбыть съ рукъ мальчишку, что у меня подъ опекой! Счастливецъ Нервій—уже третью жену хоронить!»

Къ людямъ мы даже порядочнѣе относимся, чѣмъ къ богамъ, продолжаетъ авторъ, какъ ты думаешь?—вѣдь Юпитеръ не хуже твоего прия-

теля Стаія? А ну-ка, попробуй, обратиться къ Стаію съ своей молитвой. Да онъ въ ужасѣ закричитъ: «о Юпитеръ! о всеблагой Юпитеръ!» Ну, а Юпитеру-то къ кому же взывать, когда ты его оскорбляешь своею молитвою? Неужели ты думаешь, что если до сихъ поръ онъ не убилъ тебя своей молніей, то значитъ онъ прощаетъ тебѣ? Значитъ, ты можешь безнаказанно щипать ему бороду ¹⁾).

Чѣмъ же ты это заслужилъ? Жирными жертвами и золотыми, или серебряными чашами? О души, погрязшія въ земномъ и неспособныя взглянуть на небо! Зачѣмъ вносите вы въ храмы свои нравы, и о томъ что надо воздавать богамъ, судите по своей преступной плоти! Скажите вы, жрецы, какое значеніе имѣетъ золото во всякой святынѣ, въ храмѣ? Не такое-ли, какъ и куклы, жертвуемая дѣвушками, вышедшими изъ дѣтства, Венерѣ? Зачѣмъ же не несемъ мы богамъ въ даръ искренняго чувства долга и правды, чистоты въ самыхъ тайныхъ нашихъ помыслахъ и сердца, проникнутаго благородствомъ, любовью и честью! Дай мнѣ внести все это въ храмъ—и я горстью муки умилю боговъ.

Многія мѣста въ сатирахъ Персія проникнуты глубокимъ нравственнымъ чувствомъ и своимъ складомъ приближаются къ христіанской морали. Вотъ почему, говоритъ проф. Н. М. Благовѣщенскій, отцы церкви такъ любили этого поэта и считали его однимъ изъ лучшихъ писателей древности. Лактанцій, Августинъ и Гіеронимъ, какъ видно, прилежно читывались въ произведенія Персія и очень охотно приводятъ изъ него отдѣльныя мѣста и изреченія. Христіанскимъ пастыремъ не могли не нравиться мѣста въ родѣ слѣдующаго: «Поучайтесь, жалкіе люди, и познайте причины сущаго; познайте, что мы такое и для чего родимся на свѣтъ, какой путь указанъ намъ въ жизни и какъ его лучше всего совершить. Познай, человѣкъ, чѣмъ повелѣлъ тебѣ быть Богъ между людьми! ²⁾

Въ 62 году по Р. Х. 24 ноября, на двадцать восьмомъ году жизни, этотъ идеалистъ-мечтатель, съ дѣтства отличавшійся болѣзненностью и слабымъ тѣлосложеніемъ, умеръ въ своемъ помѣстьѣ, оставивъ большую бібліотеку и все состояніе Корнута, который, впрочемъ, отказался отъ всего, кромѣ книгъ, въ пользу родныхъ Персія.

Между драгоценностями виллы Альбани хранится небольшой барельефъ, представляющій на фонѣ изъ лаписъ-лазури красивую голову молодого человѣка, увѣнчанную плющемъ. Нѣкоторые полагаютъ, что это Персій, о которомъ извѣстно, что и наружность его была въ высшей степени привлекательна.

В. Бѣлевичъ.

¹⁾ (I, 28).

²⁾ III, 66 и дал.

Книги, поступившія для отзѣва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» втеченіе Августа и Сентября мѣсяцевъ.

Архипова П. Н. Быть русскаго народа въ повѣстяхъ для дѣтей. Симбирскъ 1898.

Авенариусъ В. П. Школа жизни великаго юмориста. Спб., 1899.

A. Proust и G. Ballet. Гигиеническое лѣченіе неврастеніи, переводъ съ франц. Изд. магаз. „Книжное дѣло“. Москва, 1899. Ц. 1 р.

Бичеръ Стоу. Хижина дяди Тома. Переводъ съ англійскаго. З. Н. Журавской. Спб., 1898. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 1 р. 20 к.

Бульверъ Литтонъ. Ренци, перев. съ англ. С. Гулишамбаровою. Спб., 1898. Ц. 1 р.

Баранцевичъ К. С. Золотые дни. Москва, 1898. Ц. 75 к.

Бунинъ И. А. Подъ открытымъ небомъ. Москва 1898. Ц. 30 к.

Балобанова Е. Рейнскія Легенды. Спб., 1898. Ц. 1 р.

Виноградовъ П. Г. О прогрессѣ. Москва, 1898. Ц. 30 к.

Гальперинъ С. И. Правда и обязанности присяжнаго попечителя по дѣлу торговой несостоятельности. Екатеринославъ, 1898. Ц. 1. 50 к.

Герцль Теодоръ. Новое Гетто. Харьковъ, 1898. Ц. 75 к.

Германъ Ф. Къ исторіи моего диспута (отвѣтъ моимъ аппонентамъ). Харьковъ. 1898.

Генри де-Варинъ. Воздухъ и жизнь. Харьковъ, 1898. Ц. 75 к.

Гасселькусъ П. А. Очерки промысловъ Россіи. Спб., 1899. Ц. 80 к.

Д-ръ Д. Р-съ. Талмудъ и его критики. Астрахань, 1898. Ц. 1 р.

Дюкюдрэ. Г. Исторія цивилизаціи. Москва, 1898. Ц. 1 р.

Энгельмейеръ П. К. Техническій итогъ XIX вѣка. Москва, 1898. Ц. 80 к.

Жиркевичъ А. В. „Друзьямъ“. Спб., 1899. Ц. 1 р.

Зинченко Н. Женщина - адвокатъ. Спб., 1898. Ц. 80 к.

Зинченко Николай. Россія и Кятай. Спб., 1899. Ц. 10 к.

Ирасекъ А. Старинныя сказанія Чешскаго народа, изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1898.

Конъ Людвигъ. Произвольное вліяніе на полъ потомства, перев. съ нѣмц. Н. Лейненберга. Одесса, 1899. Ц. 25 к.

Каронинъ. Сочиненія, т. I—III, изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1899. Ц. за два т. 3 р.

Коаловъ А. А. Свое Слово. № 5. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Комовъ А. А. Общая ариметика. Асхабадъ, 1898. Ц. 60 к.

Клодъ Э. Исторія первобытныхъ людей, перев. съ англ. М. А. Энгельгардта. Спб., 1898. Ц. 40 к.

Карлейль Томасъ. Герои и героическое въ исторіи, перев. съ англійск. В. И. Яковенко. Спб., 1898. Ц. 1 р.

Ложелъ. Что такое жизнь. Кіевъ-Харьковъ, 1898. К. 30 к.

Лялинъ М. А. Путешествія Г. Н. Потанина по Китаю, Тибету и Монголіи, изд. Л. Ф. Девріена. Спб., 1898.

Муретовъ В. А. Истерія. Москва, 1898.

Немировичъ - Данченко Вл. Сынъ. Москва. 1899. Ц. 1 р.

Немировичъ-Данченко В. И. Старыя письма. Спб., 1899. Ц. 1 р. 25 к.

Николаевъ П. Альфонсъ Додэ. Спб., 1898. Ц. 50 к.

Нордау Максъ. Психо - физиологія гения и таланта. Кіевъ-Харьковъ, 1898. Ц. 60 к.

Переферковичъ Н. Талмудъ. Мишна и Тосефта. Критическій переводъ. Т. I. Спб., 1898.

Проф. К. Э. Бокъ. Книга о здоровьѣ и больномъ человѣкѣ, пер. съ нѣм. подъ редакцію Д-ра С. Орѣкина. — Т. I. Полов. 1-я, изд. Ф. Щепанскаго. Спб., 1899. Ц. за все сочиненіе 4 р.

Пѣтуховъ С. Стеклодѣліе. Спб. 1898. Изд. К. Л. Риккеръ. Ц. 3 р. 20 к.

Потапенко И. Н. Два таланта. Москва, 1898. Ц. 50 к.

Покровская М. И. Улучшение жилищъ рабочихъ въ Англіи. Спб., 1899. Ц. 60 к.

Полевой П. Н. Подъ звонъ мечей. Народныя сказанія. Спб., изд. А. Ф. Девриена.

Полиновскій М. Б. Искры. Одесса, 1898. Ц. 30 к.

Ранке. Объ эпохахъ новой исторіи, перев. И. И. Шитца. Москва, 1898. Ц. 35 к.

Родъ Э. Нравственныя идеи нашего времени. Кіевъ-Харьковъ, 1898. Ц. 30 к.

Случевскій К. К. Сочиненія, въ шести томахъ, изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1898. Ц. 7 р. 50 к.

Славинъ К. С. Первоучка, изд. 2-е. Екатеринбургъ, 1898. Ц. 20 к.

Смѣловъ Александръ. Аскетъ. Спб., 1998. Ц. 60 к.

Сибирь и ея дореформенные суды Спб., 1898.

Спенсеръ Гербертъ. Цѣломудріе, бракъ, родительство. Кіевъ-Харьковъ, 1898. Ц. 15 к.

— Этика половыхъ отношеній. Спб., 1898. Ц. 35 к.

Тиченеръ Э. Б. Очерки психологіи, перев. съ англ. М. Чепинской. Спб., 1898. Ц. 1 р.

Труды Комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ, выпускъ I. Спб. 1898.

Трембовельскій Д. И. Простѣйшій способъ водоснабженія въ деревнѣ. Спб., 1899. X. 20 к.

Умановъ-Каплуновскій В. В. Незамѣтныя драмы. Спб., 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Фингеръ Э. О наслѣдственномъ сифилисѣ. Харьковъ, 1899. Ц. 80 к.

Фуллеръ Альфредъ. Исторія философіи, перев. П. Николаева. Изд. 2-е Д. Ефимова. Ц. 2 р. 50 к.

Чепинскій В. Г. Вашингтонъ. Спб., 1898. Ц. 25 к.

Шопенгауэръ Артуръ. Миръ какъ воля и представленіе, перев. А. Фета, изд. 4-е А. Ф. Марка. Спб., 1898. Ц. 2 р.

Юноша Клеменсъ. Еврейскій Донъ-Кихотъ.—Съ разрѣшенія автора перевелъ съ польскаго Н. Бороздичъ. Казань. 1898. Ц. 80 к.

Ясинскій І. Тараканій бунтъ. Спб., 1899. Ц. 1 р.

30-й ГОДЪ ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1899
ИЗДАНІЯ. НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ Г.

„НИВА“

выходящій еженедѣльно, со многими бесплатными приложеніями.
Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1899 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала **«НИВА»**, заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **И. А. ГОНЧАРОВА,**

которое явится **первымъ** по полнотѣ содержанія, такъ какъ въ него войдутъ рассказы Гончарова, не помѣщенные въ прежнихъ изданіяхъ, стоящихъ въ отдѣльной продажѣ 18 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова будетъ приложено къ «Нивѣ» въ теченіе одного 1899 года, въ 12 томахъ, отпечатанныхъ на хорошо глазированной бумагѣ, и будетъ выходить, подъ заглавіемъ «Сборника Нивы», по одному тому въ началѣ каждаго мѣсяца. Содержаніе отдѣльныхъ томовъ слѣдующее:

ТОМЪ I. Портретъ и факсимиле И. А. Гончарова.—Биографическій очеркъ С. А. Венгерова.—Лучше поздно, чѣмъ никогда. Критическія замѣтки.—Обыкновенная исторія. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть I. **ТОМЪ II.** Обыкновенная исторія. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть II. **ТОМЪ III.** Обломовъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Части I и II. **ТОМЪ IV.** Обломовъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Части III и IV. **ТОМЪ V.** Фрегатъ Паллада. Очерки путешествія, въ двухъ частяхъ. Часть I. Главы I—V. **ТОМЪ VI.** Фрегатъ Паллада. Очерки путешествія, въ 2-хъ частяхъ. Часть I. Главы VI—VIII. Часть II. Главы I—IV. **ТОМЪ VII.** Фрегатъ Паллада. Очерки путешествія, въ 2-хъ частяхъ. Часть II. Главы V—IX. **ТОМЪ VIII.** Обрывъ. Романъ въ 5-ти частяхъ. Части I и II. **ТОМЪ IX.** Обрывъ. Романъ въ 5-ти частяхъ. Часть III. **ТОМЪ X.** Обрывъ. Романъ къ 5-ти част. Часть IV и V. **ТОМЪ XI.** Три очерка: I. Литературный вечеръ. II. Мильонъ терзаній. III. Замѣтки о личности Бѣлинскаго. — Иванъ Савичъ Поджабринъ. Очеркъ. **ТОМЪ XII.** Воспоминанія: I. Въ университетѣ. II. На родинѣ.—Слуги стараго вѣка: I. Валентинъ. II. Антонъ. III. Степанъ съ семьей. IV. Матвѣй. Очерки: Превратность судьбы. Май мѣсяцъ въ Петербургѣ.

Соч. Гончарова могутъ быть приобрѣтены въ видѣ бесплатнаго приложенія подпиской на «Ниву» только въ теченіе 1899 г. и отдѣльно отъ «Нивы» не продаются.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, которыя будутъ выходить при «Нивѣ» въ серединѣ каждаго мѣсяца, и содержатъ въ себѣ романы, повѣсти, рассказы и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ

на 1899 годъ, печатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годовое изданіе со всѣми вышеозначенными приложеніями:

Безъ доставки: 1) въ С.-Петербургъ—5 р. 50 к.; 2) въ Москвѣ (въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровская линія)—6 р. 25 к., и 3) въ Одессѣ (въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12)—6 р. 50 к. **Съ доставкой** въ С.-Петербургъ—6 р. 50 к. **Съ пересылкою** во все города и мѣстности Россіи—7 р. **За границу**—10 р.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ на «НИВУ» 1899 г. высылается, по первому требованію, бесплатно.

Требованія просить адресовать въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала «НИВА» (А. Ф. МАРКСУ), Малая Морская, д. № 22.

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ

для ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ КАРТИНЪ на бумагѣ. Изобрѣтенія полков. МАЛИНОВСКАГО. Специальная мастерская С. К. АКИМОВОЙ Москва, Плющиха соб. д. Освѣщеніе керосиновое, а также переносными лампами **наисильнѣйшаго свѣта АЦЕТИЛЕНОВАГО ГАЗА** родными для всѣхъ системъ фонарей. Цѣны дешевыя. Полный каталогъ 3 изд. фонарей, лампъ, книгъ, картинъ, съ отзывами заказчиковъ и печати за 20 к. мар.

ДИПЛОМЪ за всероссійскую выставку 1896 г.

КОМПЕТЕНТНЫЕ отзывы о фонаряхъ, получаемые нами отъ гг. заказчиковъ, а также различныхъ органовъ печати: **благодарность**, которую мастерская удостоилась получить отъ Е. И. В. Великаго Князя Сергѣя Александровича за доставл. фонарей, а также присужденный намъ **дипломъ** экспертами Всеросс. Выставки 1896 г.—способствуютъ

наибольшей популярности изобрѣтеннаго прибора,

принадлеж. намъ, какъ изобрѣтеніе, по нотаріальн. акту, на правахъ собствен.

Въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности.

(Фонтанка, 34) поступили въ продажу новыя изданія Общества:

1) **Лицевой Сіискій Иконописный Подлинникъ.** Спб. 1894—1898 (серія „Изданій“, №№ CVII, CIX, CXI и CXII). Альбомъ рисунковъ. Цѣна: вып. I, II и III по десяти рублей каждый; вып. IV—двадцать рублей.

2) **Сіискій Иконописный Подлинникъ**, проф. Н. В. Покровскаго. Спб. 1894—1898 (серія „Памятниковъ“, №№ CVI, CXIII, CXII, CXXVI). Текстъ къ альбому рисунковъ. Цѣна: вып. I—60 коп.; вып. II, III и IV по 90 коп. каждый.

„СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

ежемесячный литературно-научный и политическій журналъ.

Въ конторѣ имѣются экземпляры журнала за 1898 г. Цѣна за всѣ №№, съ имѣющею выйти въ январѣ книжкою, 8 руб., съ пересылкою—9 р. Отдѣльный №—1 руб. съ пересылкою.

Цѣна годового экземпляра за прошлые годы за 1886, 87, 88, 89 по 10 руб.; за 1890, 91, 92, 93 гг. по 7 рублей; за 1894 г. 9 руб. Пересылка по разстоянію. Цѣна отдѣльной книжки за какой-либо изъ прошлыхъ годовъ: въ Гл. Конторѣ—1 руб., съ перес.—1 р. 30 к.

Главная Контора открыта ежедневно отъ 11-ти до 4-хъ час., исключая праздниковъ. Личныя объясненія по субботамъ отъ 1—3 час.

Редакція и Главная Контора: Спб., Б. Московская, 11.

